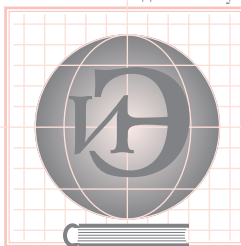

Российская академия наук

Институт экономики

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК ПОЛЬСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЯ И ПОЛЬША
ПЕРЕД ЛИЦОМ ОБЩИХ ВЫЗОВОВ

Материалы международной научной конференции
(Москва, 4–5 декабря 2017 г.)

Москва
2018

Р 76 **Россия и Польша перед лицом общих вызовов:** Материалы междунаро. науч. конф. 4–5 декабря 2017 г. / Отв. ред. к.э.н., в.н.с. И.С. Сеницина. – М.: ИЭ РАН, 2018. – 370 с.

ISBN 978-5-9940-0633-7

В сборнике представлены материалы международной российско-польской конференции «Россия и Польша перед лицом общих вызовов», проведенной в Институте экономики РАН 4–5 декабря 2017 г. при поддержке Научного центра Польской академии наук в Москве. В конференции приняли участие известные польские экономисты, представляющие ведущие исследовательские учреждения Польши, в т. ч. Институт экономических наук Польской академии наук, Высшую школу экономики в Варшаве, Польское экономическое общество, Университет естественных наук в Варшаве, Экономический университет в Познани. С российской стороны в обсуждении участвовали сотрудники Института экономики РАН и МГИМО МИД России. На конференции обсуждались общие проблемы и вызовы, с которыми сегодня сталкиваются многие страны переходной экономики. Особое внимание было уделено обсуждению вопросов моделей экономического роста в условиях глобализации, а также проблемам, которые решают наши страны в процессе перехода к инновационному развитию. Широко обсуждались также проблемы региональной экономической интеграции стран ЕАЭС и Евросоюза, взаимодействия интеграционных объединений между собой и с третьими партнерами. Сборник адресован научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами системной трансформации.

ББК 65.9(2)-98

© Институт экономики РАН, 2018
© Коллектив авторов, 2018
© В.Е. Валериус, дизайн, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

I НОВЫЕ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Р.С. Гринберг Демократия и рынок: в поисках равновесия	28
Э. Мончиньска-Земацка Государство в условиях цифровой революции	53
Е. Клеер Развитие и культурная система	85
Ю.Г. Павленко Инновационная экономика и эффективная модель государства	123

II ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА К ИННОВАЦИОННОМУ РАЗВИТИЮ

Е.Б. Ленчук Современные технологические вызовы и новая модель развития	142
Н.В. Куликова Тернистый путь новых стран – членов ЕС к устойчивому экономическому росту	158
И. Котович-Явор Польская промышленность перед лицом вызовов революции 4.0	181
Т. Бачко Возможности идентификации типов инновационных предприятий в экономике Польши	194

М. Боровы

Детерминанты деятельности спин-офф в Польше
как стимулятора инновационности экономики..... 227

Л. Петрович

Вызовы, стоящие перед Варшавской фондовой биржей
перед лицом четвертой промышленной революции 244

III

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ

А. Чижевский, С. Стемпень

Структурные изменения в польском сельском хозяйстве в свете
условий единой аграрной политики Европейского союза 270

Л.Б. Вардомский

Идентичность и экономическое сотрудничество: состояние
и перспективы взаимных экономических отношений
Беларуси, России и Украины..... 293

А.Г. Пылин

Торгово-экономическая связанность стран ЕАЭС
в условиях глобальной нестабильности 312

С.П. Глинкина

ЕС и Россия в регионе Балтийского моря..... 328

Ю.К. Князев

Общие интересы стран, отстающих в развитии..... 342

А.А. Габарга

Социально-экономическая модель стран Вишеградской
группы..... 350

А.В. Голубкин, А.А. Яковлев

Экономическое сотрудничество стран Центрально-Восточной
Европы с Китайской Народной Республикой..... 363

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем сборнике представлены материалы Международной российско-польской конференции «Россия и Польша перед лицом общих вызовов», проведенной в Институте экономики РАН 4–5 декабря 2017 г. Это уже третья встреча российских и польских экономистов, проводимая при участии Института экономических наук Польской академии наук и при поддержке Научного центра Польской академии наук в Москве. Тема конференции связана с обсуждением общих проблем и вызовов, с которыми сегодня сталкиваются многие страны переходной экономики. Эти проблемы предопределили логику программы конференции. Первая секция посвящена обсуждению вопросов моделей экономического роста в условиях глобализации, вторая – проблемам, которые решают наши страны в процессе перехода к инновационному развитию, а третья связана с выявлением потенциальных ресурсов и проблем, с которыми мы сталкиваемся в процессе экономического взаимодействия и развития интеграционных процессов.

Открывая конференцию, директор ИЭ РАН *Елена Ленчук* подчеркнула, что стало доброй традицией использование площадки ИЭ РАН для обмена мнениями и обсуждения общих

проблем развития наших стран. В связи с необходимостью выхода на устойчивые темпы экономического роста актуальность темы конференции трудно переоценить. Программа конференции позволяет обсудить многие актуальные вызовы, стоящие перед Россией и Польшей, в т. ч. в технологической сфере, в промышленной революции 4.0, в области структурных изменений, финансовых и валютных проблем и др., а также проблемы сотрудничества и развития интеграционных процессов на Европейском континенте.

С приветственным словом к участникам и гостям конференции обратились Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Польши в России Владзимеж Марчиняк, директор Научного центра ПАН в Москве проф. Марек Понкцынский.

В своем обращении *Владзимеж Марчиняк* подчеркнул, что изучая краткосрочные процессы, происходящие на Европейском континенте, важно иметь в поле зрения долгосрочные тренды развития. На этом фоне следует рассматривать многие проблемы, с которыми приходится сталкиваться современным политикам, в т. ч. и консервативный поворот в политике и экономике европейских стран, который имеет очень серьезные причины. Посол подчеркнул, что в настоящее время в России не только недостаточно изучается польский опыт по реформированию экономики, но иногда он представляется в ряде СМИ в откровенно карикатурной форме. С этой точки зрения особенно важным представляется обсуждение вопросов, включенных в повестку дня конференции. В. Марчиняк выразил надежду, что конференция внесет свой вклад в преодоление недопонимания между нашими странами.

Эту тему продолжил профессор, директор Научного центра ПАН в Москве *Марек Понкцынский*, который, в частности, отметил, что в третьей по счету встрече польских и российских экономистов расширяется круг учреждений, принимающих участие в дискуссии. Так, с польской стороны сегодня присутствуют участие не только крупные поль-

ские специалисты Института экономических наук ПАН, но также Польского экономического общества, Высшей школы экономики и Университета естественных наук в Варшаве, Экономического университета в Познани. Директор подчеркнул, что противоречия на современной международной арене имеют не только экономический, но и социокультурный характер, а общие вызовы, стоящие перед нашими странами, возникают не только по экономическим причинам, но имеют в своей основе сложные социальные и культурные процессы. Он выразил уверенность, что конференция будет способствовать объяснению сложных взаимосвязей между экономическими, с одной стороны, и культурными и цивилизационными факторами развития общества, с другой.

От имени польской делегации благодарность организаторам конференции выразила проф. *И. Котович-Явор*. Она выразила надежду, что традиция таких встреч продолжится, а также удастся поддержать сложившийся высокий научный уровень дискуссий и сохранить дружескую атмосферу встреч.

Обсуждение на первой секции *«Новые модели экономического роста и развития в условиях глобализации»* открыл профессор, член-корреспондент РАН, научный руководитель Института экономики РАН *Руслан Гринберг*, который поделился своими мыслями о соотношении демократии и рынка, демократии и получаемых страной экономических результатов. Он подчеркнул, что Польша имеет устойчивые демократические традиции и успехи системной трансформации в стране связаны с практикой сменяемости власти. Приход новых людей во власть вносит принципиальные моменты в смену приоритетов и обеспечивает условия для исправления ошибок предыдущей администрации. Он высказал предположение, что сложившийся в современной России режим является результатом «безбрежного» либерализма 1990-х гг., когда общество наивно ожидало быстрого роста материального благосостояния. Однако этого не произошло, а ожидания позитивных изменений сменились практикой «шоковой терапии». Разочарование от полученных результатов,

травма 1990-х гг. вызвали в обществе уныние и депрессию. «По существу, экономическая стагнация, которую Россия пережила, стала следствием психологической травмы, полученной в 1990-х годах», — отметил ученый. «Все это усугублялось колоссальным ростом социального неравенства, аналог которому было сложно найти у большинства наших соседей в Центральной и Восточной Европе».

Разочарование в результатах реформ заставило россиян обратить внимание на опыт строительства государственного капитализма в ряде стран Азии, и прежде всего в Китае. Однако, по мнению Р. Гринберга, подобная практика в виде «просвещенной диктатуры» может быть востребована в российских условиях лишь в определенных пределах. Дело в том, что задача подобного лидера заключается в том, чтобы способствовать росту образовательного уровня народа, что в конечном итоге подрывает саму основу авторитаризма.

В то же время различия между российской и польской моделями реформ были продиктованы и иными причинами. Во-первых, к рубежу 1980–1990-х годов Польша подошла как мононациональное государство. В России проживает более 100 народов и этнических групп, а сама страна поделена на десять часовых поясов. По сути, это субконтинент, управлять которым неизмеримо тяжелее. Во-вторых, несмотря на довольно сильно левое движение в Польше начала XX века, сама идея коммунизма была во многом привнесена туда извне, в отличие от России, где она нашла отклик в народе.

Либеральные реформаторы рубежа 1980–1990-х годов были готовы к тому, что их действия не получат широкой поддержки в обществе. Но если российские политики новой генерации (Е. Гайдар и его единомышленники) сделали все для того, чтобы сохранить свою власть, то в Польше после предпринятых министром финансов Л. Бальцеровичем радикальных монетаристских реформ его оппонентам удалось существенно скорректировать социальную политику. Этого по ряду причин не удалось сделать в России, где у власти находятся люди, в основе своей мыслящие одинаково и не

желающие признавать своих просчетов. Но самое главное — это резкое обрушение в начале 1990-х годов главных основ цивилизованного будущего страны — науки, образования, здравоохранения и культуры. Это блокирует перспективы развития страны, закрепляет склонность жить сегодняшним днем. В этом выражается связь между демократическим устройством и экономическими результатами.

Доклад профессора, научного сотрудника Института экономических наук ПАН *Ежи Клеера* «Развитие и культурная система» был посвящен влиянию культурных систем на специфику развития стран и обществ.

Оценивая различные политические модели государства, Е. Клеер приходит к выводу, что наилучшей из них является либерально-демократическая, а наихудшей — диктаторско-протекционистская. По его словам, современное человечество сталкивается с принципиально новыми угрозами, не похожими на предшествующие. В XX веке мир пережил деструкцию аграрной цивилизации, а в конце столетия рыночное хозяйство стало основной формой хозяйствования во всех странах мира. Этому способствовало не только крушение социалистической системы, но и торжество транснациональных корпораций, мировой торговли и внутриотраслевого разделения труда. Формирование мирового рынка способствует возникновению дополнительных коммуникативных возможностей, но одновременно создает условия для углубления противоречий. Рост качества жизни в развитых странах Европы и Америки происходит одновременно с демографическим бумом в развивающихся странах глобального Юга, с возрастанием террористической и военной активности.

Говоря о культурной системе как условии и предпосылке социально-экономического развития, Е. Клеер предлагает рассматривать ее в широком смысле слова и включать в нее следующие компоненты: язык, традиции, история, религия и отношение к государству. Каждая из них представляет собой сложную систему взаимосвязей и взаимозависимостей, оказывающих разнонаправленное воздействие на процесс

развития. Е. Клеер убежден, что глобализация не покончила и не сможет покончить с государственным суверенитетом. Этому мешают многочисленные факторы, которые необходимо учитывать при анализе экономических изменений. Прежде всего речь идет о национальной идентичности и культурной системе, под которой подразумевается система ценностей, определяющая специфику объединения различных социальных групп в рамках государства. В свою очередь, религиозный и этнический состав населения влияют на формирование исторической традиции. Поэтому национальное государство сохранится в обозримом будущем, и с этим придется считаться.

Председатель Польского экономического общества, профессор Высшей школы экономики в Варшаве *Эльжбета Мончиньска-Земацка* в своем выступлении «Инклюзивное государство в условиях цифровой революции» остановилась на проблематике новой роли государства в процессе «революции 4.0», на этапе цивилизационного перелома в развитии. Профессор показала изменения в трактовке концепции государства в исторической перспективе, остановилась на трактовке государства в теории Адама Смита и деформациях этой теории, на связи концепции государства с моделями социально-экономических режимов.

В выступлении Э. Мончиньской-Земацкой подчеркивалось, что Адам Смит не был противником активной роли государства и, говоря о «невидимой руке», имел в виду, что регулятором выступает отнюдь не только рынок. Она остановилась на различиях между классическим либерализмом, неолиберализмом и ордолиберализмом, подчеркнув, что смена в мировой экономике принципов классического либерализма, восходящих к трудам Адама Смита, на неолиберальные, а в крайней форме — на либертарианские привела к колоссальным деформациям социума. Это отмечал еще Эрих Фромм, посвятивший целый ряд работ исследованию феномена одиночества человека XX века, ставшего свидетелем цивилизационного перелома. Вопреки ожиданиям, отме-

тила профессор, свободные рынки не всегда ведут к лучшим товарам и услугам, они полны уловок и хитростей. Переход к четвертой промышленной революции, которым отмечена наша эпоха, должен сопровождаться инклюзивностью на всех уровнях, а также применением гибкого стратегического регулирования, которое позволит определить оптимальные границы роли государства и обеспечивать выполнение им необходимых социальных функций.

Доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИЭ РАН *Юрий Павленко* в своем выступлении «Иновационная экономика и общество знания: в поисках интегрирующей модели государства» обратил внимание на социальный контекст экономики знаний, на то, что знания воспроизводятся обществом, социумом, в который, в свою очередь, включаются и наука, и культура, и образование.

Он отметил, что формирование интегративной модели экономики, рассчитанной на нужды инновационной экономики и общества знания, сталкивается с определенными трудностями. Первое место в мире по наукоемкости валового внутреннего продукта (ВВП) заняли Израиль (4,25%) и Южная Корея (4,23%). В США этот показатель составляет уже в течение многих лет 3% ВВП, тогда как в России – 1,2%, а в Польше – 0,94%. В то же время основная часть затрат на научные исследования и в России, и в Польше приходится на государственные структуры, тогда как предпринимательский сектор, в отличие от развитых экономик мира, играет маргинальную роль. Обе страны, несмотря на некоторые намечившиеся позитивные изменения, по-прежнему отстают от лидеров мировой экономики по экспорту и импорту технологий.

По мнению Ю. Павленко, в условиях происходящих экономических изменений оптимальной моделью управления может стать коммунитарное государство, поскольку оно, в отличие от социал-демократической модели – патерналистского государства, обеспечивает солидарное государство, т.е. способствует формированию человеческого потенциала,

одновременно обеспечивая формирование новых рабочих мест, и чуждо любому иждивенчеству.

В рамках второй секции «*Проблемы перехода к инновационному развитию*» обсуждались проблемы, с которыми сталкиваются и Россия, и Польша в эпоху цифровой революции и индустрии 4.0. В обсуждении этих проблем приняла участие доктор экономических наук, директор ИЭ РАН Елена Ленчук, представившая сообщение «Современные технологические вызовы и новая модель развития». Она подчеркнула возрастающее значение технологического фактора в обеспечении устойчивого экономического роста и повышении конкурентоспособности, а также проанализировала ключевые технологии новой волны технологического развития и их влияние на трансформацию экономических систем. Особый акцент был сделан на рассмотрении проблем новой индустриализации и использования передовых производственных технологий в промышленном секторе, а также новых подходов развитых стран к решению этих проблем.

Обосновывая актуальность активизации новой индустриализации для России и формулируя основные меры для ее включения в новый индустриальный ландшафт, Елена Ленчук отметила, что осуществление четвертой промышленной революции немислимо без внедрения информационных технологий, аддитивного производства, интернета вещей, биотехнологий. Те, кто не уделяет внимания их внедрению, не только становится неконкурентоспособным на мировой арене, но и сужает возможности для получения дополнительных доходов и прибыли. Поэтому развитые страны (США, Япония, ЕС) в настоящее время занимаются формированием институтов поддержки подобного развития, предполагающих взаимодействие бизнеса и государственных структур. Достаточно напомнить о стратегии «*Made in China 2025*» и «*Интернет плюс*» и их всесторонней поддержке в Китае.

Е. Ленчук отметила, что до настоящего времени, отвечая на глобальный вызов цифровой экономики и выстраивая экономическую политику, нацеленную на активизацию техноло-

гического фактора, российские эксперты не всегда до конца понимают суть стоящей перед ними проблемы, концентрируя внимание на формировании электронного правительства, внедряя IT-технологии в финансовой сфере, но уделяя мало внимания промышленному развитию. Вместе с тем, формирование нового технологического уклада немислимо без использования системного стратегического планирования, выявляющего связь цифровизации с реальным сектором экономики, без формирования эффективно действующей инновационной системы, формирующей спрос на инновации, без решения проблемы инвестиций, т.е. подключения к ее решению финансовых институтов развития и частного бизнеса, а также без формирования соответствующего кадрового потенциала, который был бы способен разрабатывать и внедрять новые технологии. В этой связи остро стоит проблема изменения подходов в сфере образования, его перестройки на подготовку творческих креативных специалистов, мотивированных на развитие инновационной деятельности.

Вопросы новых источников экономического развития в изменившихся условиях для всего региона стран ЦВЕ подняла в своем выступлении «Поиски новых источников экономического роста» руководитель Центра восточноевропейских исследований ИЭ РАН, к. г. н. *Н.В. Куликова*. Она подчеркнула, что страны Центрально-Восточной Европы – новые члены ЕС долгое время служили примером успешного проведения общественно-экономических реформ и динамичного экономического роста, позволявшего сокращать отставание от развитых стран по уровню дохода. Опыт развития этих стран имеет большое значение для других постсоциалистических государств. В последние годы внешние условия развития стран ЦВЕ изобиловали политическими рисками и геополитическими конфликтами, но ухудшение геополитической ситуации, внешняя политика новой администрации США, миграционный кризис в Европе, начавшееся оформление выхода Великобритании из ЕС и «санкционная война» между Западом и Россией не оказали резкого негативного влияния

на их экономику, а внешняя экономическая среда была для этих стран относительно благоприятной. Поэтому, как и в предыдущем десятилетии, в регионе можно ожидать продолжения экономического роста. Тем не менее, необходимость решения внутренних экономических проблем и адаптации к изменившимся внешним условиям развития ставит перед странами ЦВЕ новые задачи, в частности, приоритетное значение для обеспечения долгосрочных перспектив развития приобретает политика, направленная на подъем потенциального экономического роста. В основе решения этой проблемы Н. Куликова видит необходимость корректировки моделей экономического роста и международной специализации, что позволит перестроить структуру экономики, активизировать драйверы роста и вернуться к быстрой экономической конвергенции с развитыми странами в изменившихся внешних условиях.

Профессор, научный сотрудник Института экономических наук ПАН *Иоанна Котович-Явор* в своем докладе «Польская промышленность перед лицом проблем революции 4.0» остановилась на характеристике состояния польской промышленности. По ее словам, назревающие изменения повлекут за собой значительную трансформацию привычных моделей бизнеса, сместив акценты на горизонтальные связи и тесную интеграцию производителя и потребителя. Разумеется, технологические изменения будут иметь и негативные последствия в виде роста безработицы из-за исчезновения целого ряда профессий и появления новых, связанных с развитием сферы услуг. В то же время развитие новых технологий в Польше идет не слишком интенсивно. Например, технологии *big data* используют всего 5,9% фирм (из них 4,7% ориентированы на промышленную переработку). Отстает польская промышленность и по темпам роботизации: на 10 тысяч человек здесь приходится 22 робота (для сравнения, в Южной Корее на 10 тыс. человек приходится 531 робот). По мнению И. Котович-Явор, основная причина подобного отставания связана с ментальными и институциональными

барьерами. Первые обусловлены слабой связью задач, стоящих перед современной экономикой, и существующей системой образования, а вторые — с недостатками системы регулирования инновационного развития.

Профессор, научный сотрудник Института экономических наук ПАН *Тадеуш Бачко* в докладе «Возможности идентификации типов инновационных предприятий в польской экономике» отметил, что Польша относится к группе стран — членов ЕС со средним уровнем инновационности, занимая по пяти из 27 показателей место выше среднего по ЕС. Вместе с тем, к наиболее проблемным сферам неизменно относятся продуктовая инновационность, затраты на НИОКР, а также патентная деятельность. Ощутимые шансы на повышение уровня инновационности, по мнению автора, дает присутствие в Польше ряда мировых концернов, чьи затраты на НИОКР превышают 12 млрд долл. в год. Вместе с тем, считает Т. Бачко, существует риск, что значительная часть польских фирм может оказаться не в состоянии включиться в эти процессы, что способно препятствовать их переходу от инвестиционной фазы к инновационной. Автор рассказал об исследованиях, проведенных Институтом экономических наук ПАН по оценке уровня инновационности польских предприятий, результатом которых стал «список 500» наиболее инновационных фирм в Польше, который был составлен в соответствии со специально разработанной методологией интегрированной оценки инновационных предприятий.

М. Боровы, доктор, сотрудник Варшавского Университета естественных наук, в докладе «Условия активности спин-офф в Польше как элемент, стимулирующий инновационность экономики» остановился на характеристике академических фирм типа спин-офф, основной целью которых является передача новых технологий из ВУЗов в деловую практику. Он подчеркнул, что важной детерминантой развития инновационных предприятий типа спин-офф и фирм на начальных этапах развития (*seed*, *стартап*) является запуск их финансирования с помощью венчурных фондов и прямых

частных инвестиций. Проведенные в Польше исследования, подчеркнул М. Боровы, показывают, что одним из ключевых барьеров на пути абсорбции новых знаний хозяйственной практикой по-прежнему является несовершенство институциональной среды хозяйствующих субъектов, в т. ч. недостатки функционирования институтов деловой среды, нестабильность законов и чрезмерная бюрократизация инновационной деятельности. В результате деятельность польских центров инновации, несмотря на выделение значительных общественных финансовых средств в 2007–2013 гг., не стала стимулом роста инновационности польских предприятий. Основными препятствиями на пути улучшения трансфера нового знания в экономическую практику являются дефектные регулирующие решения и недостаточные источники финансирования инвестиций. Надежды на зарождение технологических стартапов, а также МСП в Польше связывают с венчурными фондами и прямыми частными инвестициями. Однако финансирование все еще распространяется на ограниченную область, в связи с чем академическое предпринимательство по-прежнему носит фрагментарный характер. Сектор науки пока не готов к абсорбции знаний; он требует инвестиций в виде человеческого капитала, а также регулирования его применения, в том числе мотивации создателей инноваций к деятельности типа спин-офф.

Доктор *Л. Петревич* из Института экономических наук ПАН в своем сообщении «Проблемы для Варшавской фондовой биржи перед лицом четвертой промышленной революции» остановился на вызовах, предъявляемых «революцией 4.0» к финансовым рынкам. Л. Петревич отметил, что поскольку в сложившихся условиях центральную роль играют новые формы организации инновационных процессов, неизбежным представляется развитие новых, гибридных форм финансирования. Он подчеркнул, что сама природа технологических новшеств располагает к их финансированию фондовые рынки. Ведь чем более инновационным является проект, тем труднее оценить шансы на его успех, а фондовые рынки,

благодаря наличию гораздо большего числа инвесторов, способных с различных точек оценивать новые инвестиционные проекты, обеспечивают таким фирмам более высокие шансы на получение финансирования. Автор подчеркнул, что финансирование вложений в изменения на предприятиях (перенос технологий, наделение их «интеллектом») требует применения новых форм финансирования, таких как краудфандинг или токены. Перед биржевыми операторами стоят задачи развития всей «экосистемы» финансового рынка, в т. ч. поддержки инкубаторов для технологических стартапов, обучения эмитентов и потенциальных эмитентов, а также иных участников «экосистемы». Отдельными сегментами рынка ценных бумаг становятся краудфандинговые платформы и платформы торговли криптовалютами, а их динамичное развитие предъявляет особые требования к биржевым операторам, в т. ч. в части оценки потенциальных угроз для реализуемой биржами бизнес-модели. Вместе с тем, из-за исключительно высокой информационной асимметрии между молодыми технологичными компаниями и внешними инвесторами огромную проблему представляет собой определение критериев допуска к листингу и условий регистрации фирм на биржевых площадках.

На третьей секции *«Экономические взаимоотношения и интеграция»* обсуждался широкий круг проблем, которые решают европейские и азиатские страны переходной экономики в ходе развития взаимного сотрудничества, встраивания в интеграционные объединения, а также формируя новые интеграционные блоки.

О плюсах и минусах участия в евроинтеграции рассказали проф. А. Чижевски и д-р С. Стемпень, сотрудники Экономического университета в Познани, которые представили доклад «Структурные изменения в польском сельском хозяйстве в свете условий Общей сельскохозяйственной политики Европейского союза». Авторы попытались оценить воздействие Программы развития сельских районов (ПРСР) на развитие аграрно-продовольственного сектора в Польше, на

повышение его конкурентоспособности и улучшение условий жизни сельского населения. Авторы обращают внимание на произошедшие в условиях европейской интеграции структурные изменения в польском сельском хозяйстве: снижение числа малых и средних хозяйств и увеличение средней площади хозяйств (с 5,8 до 10,3 га); изменение структуры производства – рост поголовья и средних посевных площадей под основными сельскохозяйственными культурами в хозяйстве; рост средней доходности хозяйств. За годы интеграции возрос объем дотаций ЕС, повысился уровень капиталовложений, снизились затраты живого труда. Оценивая итоги реализации ПРСР в 2004–2006 и 2007–2013 гг., авторы подчеркивают, что они способствовали повышению эффективности использования факторов производства (главным образом труда и земли), заметно ускорили процессы внедрения инноваций, модернизации и структурных преобразований на селе, способствовали изменению аграрной структуры, а также сокращению избыточной занятости в сельскохозяйственном секторе за счет развития микропредприятий и дифференциации занятости.

Об особенностях социально-экономического и политического развития стран регионального союза Центральной Европы – Венгрии, Польши, Словакии и Чехии – рассказал А.А. Габарта, к.э.н., доцент кафедры мировой экономики МГИМО МИД России в докладе «Социально-экономическая модель стран Вишеградской Европы». Автор задается вопросом, присуща ли странам Вишеградской группы (В4) какая-то особая модель социально-экономического развития или эти страны, как считает большинство отечественных исследователей, полностью заимствовали уже сложившиеся в Евросоюзе институты. А. Габарта показывает, что для неолиберальной модели развития стран В4 (*embedded neoliberalism*) характерен поиск компромисса между рыночным механизмом, элементами патерналистского государства и протекционизмом. На формирование такой модели, имеющей общие черты как с моделями развитых стран, так и с моделями

развивающихся, оказали, по мнению автора, два ключевых фактора: стремление интегрироваться в Евросоюз и приток иностранного капитала. Вместе с тем А. Габарта подчеркивает, что процесс формирования модели развития стран В4 на базе либеральной парадигмы еще далек от завершения, о чем свидетельствует победа консервативно-популистских сил на выборах в странах Вишеградской Европы.

Проблемы развития сотрудничества стран, включенных в различные интеграционные группировки, подняла в своем докладе «ЕС и Россия в регионе Балтийского моря» д.э.н., проф., руководитель научного направления ИЭ РАН С.П. Глинкина. Она подчеркнула, что в этом регионе сталкиваются экономические и политические интересы Европейского союза и России, причем баланс между политическими мотивами и экономическими интересами явно склоняется не в пользу последних. По поводу обоюдных «фобий», «страхов» и «угроз» написано немало, при этом гораздо реже говорят и пишут об экономических предпосылках формирования мегарегиона Балтии, необходимости и путях восстановления нормальных двусторонних связей между его участниками, прежде всего постсоциалистическими странами Балтии, Польшей и Россией.

В ходе исследований автор пришла к выводу, что в регионе Балтийского моря сегодня реализуется, как минимум, три стратегии взаимодействия: 1) североевропейская, направленная на освоение экономических пространств прибалтийских стран в результате крупномасштабного инвестирования в регион; 2) польская, нацеленная на формирование особого геополитического и экономического блока из ряда постсоциалистических государств, призванного создать новый региональный центр силы, противостоящий России; 3) во многом вынужденная стратегия активного изоляционизма, проводимая Россией.

В условиях обострения политических отношений между странами Балтии и Россией, отмечает С.П. Глинкина, перспективы возврата к былому состоянию отношений России со странами Балтии оказываются проблематичными. Нынешняя

реальность взаимоотношений, отягощенных большим клубком вызовов и взаимных обвинений, не имеет аналогов за последнюю четверть века. Поэтому одна из ключевых задач для политиков и экспертов заключается в том, чтобы ясно осознать ее и найти нетривиальные подходы для выправления ситуации. По существу, подчеркивает автор, солидаризируясь с мнением экспертов Российского совета по международным делам, в ближайшей перспективе Евросоюзу и России придется ориентироваться на «селективное сотрудничество» по заметно сократившемуся списку торгово-экономических вопросов.

Главный научный сотрудник ИЭ РАН, д.э.н., проф. Ю.К. Князев в своем докладе «Общие интересы стран, отстающих в развитии» остановился на проблемах сотрудничества России и стран Центрально-Восточной Европы. Он отметил, что на эти отношения оказывает воздействие неоднородность этих стран, отличающихся друг от друга по уровню развития, по применяющимся моделям экономического роста, историческим, культурным и национальным особенностям. Кроме того, эти страны являются членами Евросоюза или кандидатами на вступление и потому испытывают сильное влияние Брюсселя на свою внешнюю, в том числе торгово-экономическую, политику. В то же время не все они готовы безоговорочно подчиняться проводимому в настоящее время общему антироссийскому курсу, забывая о собственных национальных интересах. Это требует дифференцированного подхода России к налаживанию с ними любых связей, в том числе и торгово-экономических. Докладчик подчеркнул, что, к сожалению, в настоящее время экономические связи России со странами ЦВЕ сведены к товарообменным операциям и вопреки общемировой тенденции не обогащаются инвестиционными и производственно-кооперационными формами. Выход он видит в переходе от обычной торговли излишками промышленной и сельскохозяйственной продукции к производственной кооперации на основе более глубокого разделения труда и более полного использования

научно-технического потенциала сотрудничающих стран. Ориентация только на западные рынки и связи с партнерами из других регионов мира не смогут полностью компенсировать государствам ЦВЕ утрату обширного российского рынка, как и нашей стране — гипотетическую недоступность региона с более чем 100-миллионным населением. Поэтому крайне необходимо отказаться от конфронтации и начать работу по улучшению межгосударственных и человеческих отношений.

Проблеме интеграции постсоветских стран было посвящено выступление д.э.н., проф., зав. центром постсоветских исследований ИЭ РАН Л.Б. Вардомского «Идентичность и экономическое сотрудничество: состояние и перспективы взаимных экономических отношений Беларуси, России и Украины». Докладчик сконцентрировался на анализе динамики взаимных экономических связей Беларуси, России и Украины в 2010–2017 гг. в контексте формирования государственной идентичности. Расхождение в самоидентификации стран сказалось на их интеграционных приоритетах и на характере взаимных связей. Особенно сильно это проявилось в российско-украинских отношениях, поскольку проевропейская идентичность Украины формировалась на национальной основе и противопоставлении себя России. Политический разрыв России и Украины приобрел долгосрочный характер. В этих условиях центральное место в отношениях в восточнославянском треугольнике заняла Беларусь, которая в соответствии со своей идентичностью готова стать зоной сборки запада и востока Европы. Докладчик выразил надежду, что этот своеобразный треугольник в будущем сохранится. Но экономическое взаимодействие в нем будут ослабевать по российско-украинскому и белорусско-украинскому направлениям. Под влиянием ассоциации с ЕС продолжится трансформация экономики Украины в интересах европейских и американских компаний. Развитие экономики Беларуси и России будет происходить в рамках ЕАЭС, но с учетом национальных интересов. Важную роль в поддержании треугольника могут сыграть ТНК, но для этого нужно найти поли-

тическое решение проблемы Донбасса, а также наладить диалог между ЕС и ЕАЭС. В случае его успеха треугольник может обрести новую миссию связующего звена между европейской и евразийской интеграцией.

Обсуждение проблем интеграции стран постсоветского пространства продолжил к.э.н., зав. сектором двусторонних отношений России и стран-соседей ИЭ РАН А.Г. *Пылин* в своем докладе «Торгово-экономическая связанность стран ЕАЭС в условиях глобальной нестабильности». Докладчик привел данные анализа торговой открытости экономик стран ЕАЭС в контексте их устойчивости к внешним неблагоприятным условиям. Говоря о торгово-экономической связанности стран как самого союза, так и их отношений с основными внешними партнерами, он подчеркнул, что связанность внутри ЕАЭС по-прежнему заметно выше, причем в условиях замедления роста глобальной экономики и падения цен на мировых товарно-сырьевых рынках в 2014–2016 гг. она снизилась намного меньше, чем с ЕС и КНР, что свидетельствует о сохранении более высокой комплементарности экономик стран – участниц евразийской пятерки. Тем не менее для получения устойчивых интеграционных эффектов в средне- и долгосрочной перспективе требуется более тесная координация и согласование национальных интересов в целях повышения конкурентоспособности и модернизации стран – участниц ЕАЭС. Исчерпание прежних моделей экономического развития, которое наблюдается в настоящее время в странах региона, должно стать мощным стимулом к совместному поиску новых драйверов роста экономики.

Об опыте экономического сотрудничества стран Центрально-Восточной Европы с КНР рассказали сотрудники ИЭ РАН А.А. *Яковлев* (Центр российской стратегии в Азии) и А.В. *Голубкин* (Центр восточно-европейских исследований). В их совместном докладе «К вопросу об экономическом сотрудничестве Китая со странами Центрально-Восточной Европы» анализируется опыт включения стран ЦВЕ в китайскую инициативу «Один пояс – один путь» и разработку

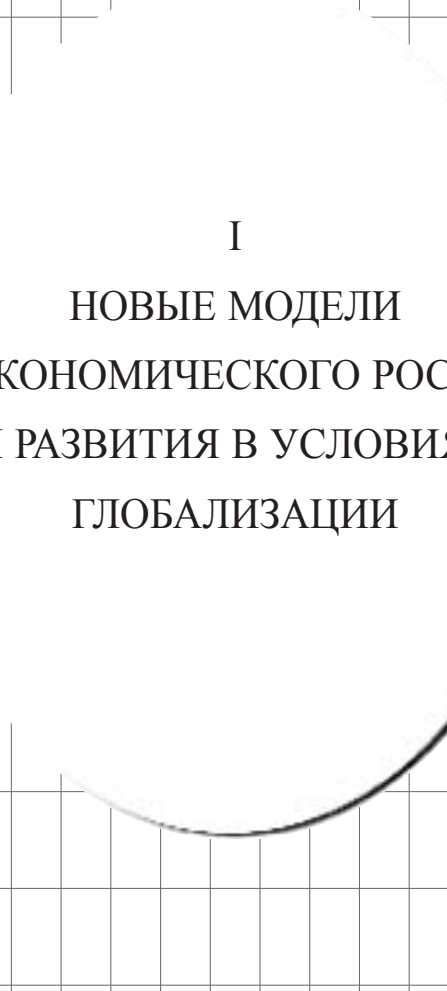
стратегии взаимодействия «16+1», в результате чего эти страны, особенно страны Вышеградской группы, становятся в настоящее время для Китая значимым направлением развития внешнеэкономических связей.

Подводя итоги конференции, проф. Е. Клеер подчеркнул, что ее участники представили широкий обзор разнообразных вызовов, которые стоят перед современным обществом, а также широкий спектр взглядов на отдельные проблемы и подходы к их решению. Это свидетельствует об успехе конференции, поскольку дает ключ к пониманию различных подходов к многообразным практическим проблемам. Профессор выразил надежду на то, что традиция проведения таких конференций продолжится и что темы будущих конференций будут связаны с актуальными проблемами развития России, Польши, стран Центрально-Восточной Европы, которые будут рассматриваться на фоне общецивилизационных вызовов, стоящих перед человечеством.

Таким образом, конференция, состоявшаяся в Институте экономики РАН, показала, что, несмотря на охлаждение отношений между нашими странами, научные круги обеих стран заинтересованы в тесном сотрудничестве и обмене опытом по решению важнейших задач современного развития. Подобные контакты будут продолжены в ближайшем будущем.

*К.э.н., ведущий научный сотрудник ИЭ РАН
И.С. Синицина*

I
НОВЫЕ МОДЕЛИ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА
И РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Р.С. Гринберг
ДЕМОКРАТИЯ И РЫНОК: В ПОИСКАХ
РАВНОВЕСИЯ¹

**Об экономических моделях
социально-экономического развития**

Проблемы соотношения между интересами индивида и общества, соотношения сил рынка и государства, авторитаризма и либерализма неизбежно оказываются краеугольным камнем любых теоретических конструкций. В обобщенном виде ответы на эти вопросы лежат в рамках двух принципиальных мировоззренческих подходов — коллективизма и индивидуализма.

Россия за последнее столетие испробовала и то, и другое. В 1917 г. она стала внедрять теоретическую модель прежде неизвестного миру общества — общества справедливости. И надо сказать, что при советской власти равенство как синоним справедливости было достигнуто. Но свободой пожертвовали, и поэтому эксперимент провалился. В 1991 г., вновь по новой модной теоретической модели, перешли к абсолютному неравенству. Начали внедрять свободу, полностью проигнорировав справедливость, и вновь, судя по всему, неудача, раз возникла потребность в автократии.

Гринберг Руслан Семенович — проф., член-корр. РАН, научный руководитель Института экономики РАН. Grinberg@inecon.ru.

1. Настоящая статья подготовлена на основе вышедшей в издательстве «Магистр» книги автора [Гринберг, 2018].

Опасаясь возможной победы в обществе социалистических настроений, Запад ответил на режимы Гитлера и Сталина концепцией социальной рыночной экономики, основной императив которой — не отвергая рынок, совместить его с социальным выравниванием и государственным регулированием в интересах «благополучия для всех». Отдавая себе отчет во всех последствиях ничем не ограниченного либерализма и уже имея представление об изъянах директивно управляемой экономики, создатели доктрины социального рыночного хозяйства попытались соединить свободу и равенство, эффективность и справедливость. В результате открылась дорога новой модели общества, сложились условия для роста среднего класса и формирования «общества всеобщего благополучия».

Социальное рыночное хозяйство хорошо прижилось во всей континентальной Европе. Да и в самой либеральной стране мира — в США — в 1950–1960-е годы, несмотря на антиэтатистскую риторику, рыночная экономика фактически была не менее социальной, чем в Западной Европе. И там победила установка на примерно одинаковый старт для выходцев из различных слоев населения.

Сбои в системе социальной рыночной экономики начались в середине 1970-х годов. Это было связано, на мой взгляд, с двумя причинами. Первая — это пересоциализация капитализма. Его гуманизация зашла настолько далеко, что инвесторы-работодатели уже перестали быть главными акторами в экономическом процессе. Мощная налоговая прогрессия, механизмы социального выравнивания привели к тому, что предпринимательская активность стала чахнуть. Как только государство получает слишком много прав, развивается бюрократизм, наступает стагнация, и в результате стремительно растет число недовольных идей социального государства. Вторая причина — четырехкратное повышение цены на нефть в 1973 г. По идее, когда один из самых главных элементов производственных издержек резко дорожает, нужно затянуть пояса. Но инерция растущих социальных стандар-

тов оказалась непреодолимой. Все привыкли, что каждый год должны расти доходы, профсоюзы продолжали выдвигать свои требования повышения доходов, игнорируя опасность запуска спирали цены—доходы—цены. У инвесторов заметно снизилось желание инвестировать. Возникла стагфляция — стагнация плюс инфляция, что стало последним толчком для перехода к неолиберализму.

На Западе начался период расцвета неолиберальной риторики. По несчастливому стечению обстоятельств в России как раз в это время началась перестройка, а затем и системная трансформация, реализация которой проходила по новомодным антиэтатистским рецептам без учета «места и времени».

Современная глобальная экономика, экономики ведущих стран мира, постсоциалистические экономики стран Центральной и Восточной Европы, бывшего СССР сформировались на основе неолиберальной экономической модели, возникшей на рубеже 1970—1980-х годов, которая стала ответом на провалы кейнсианской парадигмы. Надо признать, что в рамках реализации этой модели была преодолена блокирующая экономический рост стагфляция, произошли революции в информационных технологиях и механизмах управления производством, в результате чего был дан мощный толчок инновационному развитию. Для стран с переходной экономикой были сформированы экономические модели на основе так называемого Вашингтонского консенсуса, предусматривавшие программы реформ на принципах либерализации экономики, приватизации собственности, сокращения до минимума экономической роли государства, доминирования в государственной экономической политике монетаристских методов макроэкономического регулирования.

Стоит заметить, что рост популярности неолиберальных идей на Западе в 1970-е годы привел лишь к определенной коррекции «государства всеобщего благосостояния», но отнюдь не к его демонтажу. Доля государства в экономике уменьшилась там всего лишь на несколько процентных пунктов, а у нас — со 100% (в СССР) сразу до 30%.

Сегодня мы вновь сталкиваемся с мифом, на этот раз неолиберальным. Суть его в том, что в современном мире благоденствуют нации, которым удалось до минимума свести государственное участие в экономике. Но на самом деле даже там, где господствует либеральная экономическая мысль как теория, на практике все иначе. Так, через совокупный государственный бюджет стран ОЭСР, т.е. самых богатых государств мира, перераспределяется половина ВВП, в то время как 100 лет назад этот показатель нигде не превышал 10%.

Ситуацию, которая складывается как в экономической теории, так и в экономической политике, лучше всего определяет понятие «хаос». Старые схемы, которые более или менее надежно работали в 1950-е, 60-е, 70-е, 80-е, и даже в 1990-е, уже не работают или работают не так, как ожидалось. И похоже, мир стоит на пороге какой-то новой экономики.

Глобальные мегатренды убеждают, что государственный капитализм рано списывать со счетов. Для мира, уже который год переживающего кризис, наступил момент истины: упоение «свободной» экономикой прошло, уступив место разочарованию и усталости от радикального, безудержного либерализма. На смену идет система, еще не получившая своего названия. Очевидно, однако, что без мощной и систематической государственной активности экономике уже не обойтись.

Очевидны экономические успехи азиатских стран, где государство активно участвует в экономике. Модели развития на основе государственного капитализма связаны со вторыми и последующими волнами модернизации в так называемых новых индустриальных странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, в последнее двадцатилетие в Китае и Вьетнаме, в ареалах так называемой исламской модернизации (Турция, Иран, Малайзия, Индонезия), с созвучным им опытом некоторых постсоветских стран (Азербайджан, Казахстан, Узбекистан), и, конечно, со странами БРИКС.

Политическая стабильность обеспечивается благодаря просвещенной авторитарной власти, постепенной демократизации, преемственности общего курса. Экономическая

динамика поддерживается сочетанием рынка с государственным регулированием и стимулированием ведущих промышленных концернов, а в структуре инвестиционного процесса преобладают бюджетные средства. На практике выясняется, что государственный капитализм может быть исключительно продуктивным, если капитал встроен в планы развития и государственно-частное партнерство нацелено не на огосударствление частного бизнеса, а на его максимальную поддержку вообще и стимулирование участия в общенациональных приоритетных проектах в частности. На этот счет существует множество работ как зарубежных, так и российских исследователей [Кондратьев 2013; Eppler 2012; Stiglitz 2012, pp. 172–176; Dullien, Herr & Kellerman 2011, pp. 114–139; Гринберг 2012, с. 78, 342, 350–366].

Мы не знаем, какая концепция определит содержание нового основного русла в экономической теории, но мы точно знаем, что антиэтатизм выходит из моды и государство возвращается. При этом государственная активность уже не связана исключительно с антикризисными мероприятиями (накачиванием ликвидностью финансовых систем, заботой о снижении безработицы, национализацией тонущих предприятий), а прочно встраивается в экономику в качестве незаменимого субъекта ее модернизации. Это условие стабильного развития, суть которого в переходе к реальному признанию человеческого фактора главным ресурсом экономики. Теперь же эта реальность должна стать стержнем новой модели и придать ей явно выраженный социальный характер.

Проблема нахождения золотой середины между регулированием и дерегулированием, может быть, самая сложная и важная в экономической науке, и я не знаю о том, чтобы она была кем-то удовлетворительно решена. По сути, обществу приходится каждый раз искать очень тонкий баланс между развертыванием частной инициативы и реализацией общественного интереса, что есть важнейшая функция государства.

Новейшие исследования макроэкономического характера и на Западе, и на Востоке прямо признают наличие некоего особого общественного интереса, который далеко не всегда сводится к интересам частных хозяйствующих субъектов. В этой связи участие государства в современной экономике получает новую интерпретацию, поскольку оно уже действует в экономической жизни социума в качестве равноправного рыночного игрока, стремясь реализовать этот особый общественный интерес. Отсюда вытекает новый, более широкий взгляд на формирование рыночного равновесия, где государство – самостоятельный субъект рынка. Концепция экономической социодинамики (КЭС), разрабатываемая профессором А.Я. Рубинштейном и автором этих строк, надеюсь, в ближайшем будущем войдет в мейнстрим экономической мысли и внесет свой вклад в построение модели экономики, отвечающей суровым вызовам нашего времени [Гринберг, Рубинштейн 2015; Гринберг 2012; Гринберг, Рубинштейн 2008; Grinberg, Rubinshtein 2005].

Эта теоретическая конструкция дает практическую основу для деятельности государства, в частности, в области финансирования социальной сферы и способна дать ответ на многие актуальные вопросы, в частности, современной российской экономики. Сердцевина ее – взаимоотношения государства и рынка, которые в действительности гораздо более сложны, чем это представлено в неолиберальных теориях и моделях.

Дело в том, что рынок, превосходно выявляя и удовлетворяя частные предпочтения индивидов, как правило, «не видит» большого блока общественных интересов. Есть множество критически важных для любого общества областей, которые не интересны рынку, так как не сулят немедленной прибыли. Но без них не будет ни здорового общества, ни конкурентоспособной экономики, ни тем более инновационного развития. А между тем весь прошлый век значение этих сфер бурно нарастало, и сегодня тенденция сохраняется. Чтобы

убедиться, достаточно посмотреть бюджеты любой страны. Социальные расходы в них неуклонно растут, но рассматриваются как вынужденные, поскольку отвлекают часть ресурсов и, как считается, тормозят развитие экономики. Современная рыночная, но асоциальная экономика России ориентирована на сиюминутную прибыль. При этом практически полностью игнорируется общественный интерес.

Ключевой категорией нашей концепции является «социальная полезность» благ, что обосновывает объективную необходимость систематического общественного финансирования здравоохранения, образования, науки, культуры.

Наука, образование, культура и здравоохранение — четыре основных сферы, которые должно опекать и финансировать государство. Наша концепция коренным образом меняет понятие государственной активности: вместо государственного «вмешательства» должно прийти равноправное участие государства в хозяйственной жизни страны, а место «бюджетного бремени» должны занять социально обоснованные и целесообразные государственные расходы на реализацию общественных интересов, т.е., по сути, инвестиции в развитие человеческого капитала.

Демократия и рынок

Политические институты и экономическое развитие

Роль политической системы в экономическом развитии государства является предметом острых дискуссий: может ли она, и при каких условиях, в каких пределах и в каких сочетаниях с другими факторами, способствовать успешному социально-экономическому развитию. Жизнь показывает, что та или иная политическая система действительно способна помочь раскрепостить экономические силы, экономический потенциал страны, но и наоборот — она может эти силы связать, тормозя динамику экономического развития.

Смысл демократии не только в том, что это ценность сама по себе; одновременно это рабочий инструмент для кор-

ректировки политики. Однако волеизъявление народа в условиях отсутствия среднего класса и институтов гражданского общества часто выводило на авансцену истории политиков, не имеющих никаких политических и экономических программ, кроме инстинкта власти. К сожалению, вера в идеального вождя-реформатора неистребима и живет во многих обществах, не только в российском.

Когда в Советском Союзе и в странах Центральной и Восточной Европы начинались коренные преобразования, инициаторы реформ фактически ставили перед собой три цели — как считалось, уже достигнутые в странах «золотого миллиарда». Речь шла о плюралистической демократии, гражданском обществе и социальном рыночном хозяйстве.

Считается, что жизнь стран «золотого миллиарда» дает пример самой прямой взаимосвязи между личной свободой и благосостоянием: чем человек свободнее, тем выше уровень его благосостояния и тем это лучше для общего положения в экономике. Но пример постсоциалистических реформ показал, что это не совсем так, а в случае реформ в России и в других постсоветских республиках — совсем не так. Оказалось, что для того, чтобы свобода приносила благосостояние, нужно очень много других условий, в том числе создание определенных институтов в обществе и государстве, достижение определенного уровня культуры.

Начиная реформы в России, все мы, за небольшими исключениями, рассчитывали, что в рыночной экономике человеческий эгоизм и конкуренция ведут к обеспечению благосостояния. Во времена перестройки почти все были уверены, что, во-первых, нужно сделать политическую систему абсолютно западного образца, а во-вторых, экономику нужно преобразовать в еще более «рыночную». Но расчет был весьма наивным, отчасти по незнанию реальной рыночной практики. Результаты нашей трансформации известны: ни одна из поставленных целей достигнута не была.

А в каких моделях развития достигнуты все три цели? Есть англосаксонская модель и рейнская модель, разделе-

ние которых в большой мере условное, но различия все же имеются. Принято считать, что в англосаксонском мире действует рыночная экономика, в то время как рейнская модель представляет социальную рыночную экономику, в которой упор делается на перераспределение валового внутреннего продукта через государственный бюджет, и государство обеспечивает высокую социальную составляющую госрасходов.

Третью модель можно условно назвать китайско-вьетнамской. В этих странах отсутствует сколько-нибудь отчетливая политическая свобода. Компартии Китая и Вьетнама не допускают появления оформленных оппозиционных сил — это вечно правящие партии. И в то же время, после того как эти страны взяли курс на создание рыночной экономики, дела у них пошли очень хорошо. В этих странах — не «социальное рыночное хозяйство», а «социалистическое рыночное хозяйство» — такое название они сами дали своей теперешней экономике.

Успехи китайско-вьетнамской модели — одно из самых неожиданных событий в новейшей экономической истории последних 25 лет. Оно сильно поколебало привычные оценки роли политической системы в хозяйственных реформах рыночного типа. Успехи этих стран действительно были и неожиданными, и некомфортными для нашего привычного образа мыслей. Ведь считалось, что кончится господство коммунистической партии, ее всеобъемлющий диктат, — и начнется, наконец, нормальная жизнь, и свободная, и зажиточная.

Ситуация в странах, где по-прежнему правят коммунисты, опровергает тезис о том, что благосостояние и свобода связаны и идут рука об руку. На самом деле, как оказалось, благосостояние можно резко поднять в результате применения жестко авторитарных, если не сказать диктаторских, мер. Это, конечно, предмет для серьезной дискуссии. Напомню самое главное: у компартии в Китае — абсолютная власть. И, что очень важно, мир спокойно воспринимает такое сочетание авторитаризма и удивительных социально-эконо-

мических достижений. Конечно, нужно помнить, что если вы начинаете с очень низкого уровня, то рост экономики в 10–15% в год — это не самый высокий результат. При движении с нулевой отметки темпы роста всегда очень велики. Нельзя забывать и о том, что еще в 1960-х огромные территории в Китае были охвачены голодом, и при миллиардном населении эта проблема очень серьезна. Но в Китае ее не только преодолели, но уже и добиваются определенной зажиточности. И вновь подчеркнем: Китай — авторитарная страна, где у власти стоят коммунисты, однако за последние 25 лет ВВП там увеличился в четыре раза; мало кто может сегодня похвастаться подобным результатом.

В последнее время много говорят и пишут об индийской модели. Индию часто называют «самой крупной демократией в мире». Здесь живет миллиард человек — почти столько же, сколько в Китае; но, в отличие от Китая, в этой стране существует реальный состязательный процесс в политике. Конечно, тоже не без изъянов, но в Индии проводятся настоящие выборы, в отличие от китайских «выборов без выбора», хотя в Китае и имеются различные формальные атрибуты демократии.

Политическая состязательность: возможности и ограничения

Состязательный политический процесс всегда поддерживает реальную политическую жизнь в стране. Он означает, что оппозиция всегда в состоянии перехватить власть и исправить недостатки правления предшествующей партии. Это принципиально важно. На пространстве СНГ, к сожалению, лишь Украина может похвастать наличием состязательного политического процесса. Как бы ни относиться к руководству этой страны, ко всему, что накопилось в российско-украинских отношениях, — нужно видеть, что в отличие от других бывших советских республик, где уровень политической состязательности склоняется к нулю, в этой стране реально действует состязательный политический процесс. А без состязательности

зательности вероятность ошибки в экономической политике исключительно велика.

В России во времена Ельцина сам факт наличия правого правительства и левого парламента означал, что в стране тогда действительно были условия для состязательного политического процесса. По важным вопросам могли выступать со своей точкой зрения представители различных политических партий. Каждая по-своему, далеко не всегда удачно и эффективно, но они могли хоть как-то корректировать курс, оппонировать власти. И таких оппонентов было довольно много.

А сейчас «тем, кто прав» никто не мешает, парламент полностью президентский, но в результате там спокойно проходит любой правительственный законопроект: хороший или плохой, продуманный или недоработанный. От ошибок никто не гарантирован. Но демократию в данном случае можно образно сравнить с улиткой — она ползет медленно, зато ход ее очень надежен. Решение становится более надежным, потому что его принимали 450 человек.

В Китае и Вьетнаме такой состязательности нет. В этих странах реализуется авторитарная политическая модель, но в то же время мы видим, что пока это не вредит экономическому росту. Более того, мир стал относиться к китайскому авторитаризму как к устоявшейся данности — по той причине, что миру нужна стабильность в Китае, поскольку весь мир считает, что Китай через некоторое время станет мощным игроком на политической арене.

В настоящее время США не заинтересованы в демократизации Китая. Когда речь заходит о ядерной державе с почти полутора миллиардным населением, сразу вспоминается опыт распада СССР. Китай — страна столь же многонациональная, как и бывший Советский Союз, но пока все там остается под контролем центральной власти, глубокие взаимные претензии и обиды между регионами не выходят наружу. Не без оснований предполагается, что если Китай пойдет по пути демократизации, там начнутся серьезные этнические

конфликты. А последствия дестабилизации в Китае оценить нетрудно, если помнить, что каждый пятый человек в мире — китаец. Поэтому никто даже и не заговаривает об «экспорте демократии» в Китай.

Что касается «индийского варианта», то там налицо и демократия, и поразительные экономические успехи последних 20 лет. И формально, и фактически Индия — демократия, при всех известных несовершенствах и противоречиях демократического режима в этой стране. Там существуют касты. Там полстраны живет в настоящей нищете, но другая половина — а это полмиллиарда человек — совершают стремительный и очень важный скачок. Общеизвестно, например, мировой приоритет индийских программистов, программное обеспечение стало индийским брендом. Но у Индии очень много и других возможностей для нового рывка.

За будущее Индии можно быть относительно спокойными, там демократия уже сложилась, и эта демократия универсальна. Напротив, в Китае, при всех очевидных успехах экономики, однажды встанет вопрос об оппозиции. Люди захотят в политике чего-то иного, нового, и экономические успехи, видимо, лишь приближают этот момент. Потребуется свобода, демократия; перемены могут начаться снизу, встанет вопрос о личных свободах, о демократических выборах, об альтернативах и проч. Это обязательно когда-нибудь случится, потому что, хотя китайская компартия владеет сейчас практически всем в стране, она активно и целенаправленно способствует обогащению населения. В каком-то смысле это рискованная игра. Если у компартии однажды не хватит сил удерживать положение, все может разрушиться: демократический процесс тоже может быть деструктивным.

Еще одна модель — чилийская. На ней нужно остановиться хотя бы потому, что многие в России часто ссылаются на нее как на пример успешных реформ. Я не сторонник чилийской модели, но хочу с максимальной беспристрастностью разобраться в мотивациях ее сторонников.

Принято, и не без оснований, считать, что экономические реформы всегда болезненны. При реформах возникают резкие противоречия между совершаемыми преобразованиями и демократией. Это и делает уязвимыми все страны с переходной экономикой: они стремятся ко всему сразу — и к политическим свободам, и к экономическим реформам. Но политическая свобода, политическая демократия означает, что каждые четыре года народ приходит к избирательным урнам, чтобы принять решение, кого из политиков поддержать. Это означает, что политикам, хотя бы они этого или нет, приходится быть популистами, по крайней мере, перед выборами. Но в то же время приходится проводить болезненные реформы, в частности, уходить от политики патернализма. Иначе говоря, предлагать людям брать на себя расходы за то, что прежде было (или казалось) бесплатным: за медицину, отдых, жилье и т.д.

В Чили А. Пиночет проводил либеральные реформы в условиях жестокого военного диктата, фактически были отменены все демократические свободы. Все сильно походило на СССР сталинских времен: мы жили в великой державе, но едва не четверть страны отсидела в лагерях. Впрочем, для поклонников подобных моделей это ничего не значит, хотя мне такая цена даже за самый высокий уровень благосостояния кажется неприемлемой. Некоторые российские политики либерального толка тоже мечтают о том, чтобы в России установилось нечто похожее на чилийский вариант. Логика их рассуждений проста: мы знаем, что делать, но только, к сожалению, мешают демократические процедуры.

У России нет иной альтернативы, кроме как строить рыночную экономику, укреплять государство, не жертвуя при этом демократическими ценностями. Это огромная задача исторического масштаба. Главная трудность — в том, чтобы совместить рынок, государство, демократию без ущерба для каждой из этих составляющих.

Политика — искусство компромисса

В моем представлении, все-таки существует идеал сочетания личных свобод и справедливости, целесообразного баланса в этой вечной дихотомии. В экономических терминах можно говорить об эффективности экономики и равномерности распределения. Если в стране эффективная экономика, ее плоды должны распределяться более или менее равномерно, о чем заботится систематическая и комплексная государственная социальная политика. Достичь этого на практике очень непросто, удачный результат получается редко, движение к нему — путь постоянного поиска компромиссов. А это самое важное и трудное в политике.

Можем ли мы говорить о наличии вполне определенной зависимости: чем большей свободой располагает человек, тем выше его благосостояние? Нет, к сожалению, не можем. Соотношение, взаимодействие, причинно-следственные связи между политической системой в стране и ее экономическими успехами очень разнообразны.

В каждом конкретном случае, в каждый конкретный момент, когда возникает вопрос о такой зависимости, и в практических действиях, и в оценке их результатов приходится находить некоторый компромисс между степенью свободы и уровнем благосостояния.

В заключение упомяну об одном парадоксе, который важен для России и судьбы ее реформ. Парадокс нашей истории в том, что страна считается великой и могучей, когда конкретный человек в ней угнетен и забыт. Но следует предпринимать какие-то шаги, чтобы эту дилемму разрешить. Общественное мнение на этот счет расколото. Нет консенсуса и среди экспертов. Как соединить либерализм и величие страны? Ясно, что демократизация в России легко ведет к анархии. Но очевидно и другое: на определенной стадии экономических и политических реформ авторитарный режим не мешает экономическому росту, но затем — при некотором насыщении потребностей людей в самом

необходимом — начинает противодействовать дальнейшей творческой модернизации страны. И такая закономерность носит универсальный характер.

Особенности общественно-политической среды России

Плюралистическая демократия и гражданское общество в России

Концепция т. н. ордолиберализма, т.е. сочетания порядка и свободы, разработанная немецкими учеными Вальтером Ойкенем и Вильгельмом Репке, оказалась практически идеальной: рыночная экономика, систематическая государственная активность там, где рынок не справляется. Важнейший третий компонент этой системы — плюралистическая демократия, которая при всех возможных изъянах ее практического воплощения является единственным известным надежным способом выражения общественного интереса. Именно поэтому политическая демократия безальтернативна.

Формирование в обществе демократических механизмов — длительный и сложный процесс. Вспомним события в СССР 30-летней давности. Тогда 280 млн советских людей неожиданно получили свободу, по сути, из рук одного человека — М. Горбачева. И вскоре выяснилось, что дарованная сверху свобода скорее опьяняет, чем вдохновляет, если быстро не приносит наивно ожидавшихся от нее плодов. Сегодня же мы видим пока очень робкое, зигзагообразное движение в сторону формирования гражданского общества.

В этих условиях крайне необходимо формирование современной демократической элиты — как на стороне власти, так и на стороне оппозиции. Той и другой необходимо учиться договороспособности во имя общего Отечества, стоящего перед лицом нарастающих проблем и вызовов. Лучшим способом является общественный диалог на круглых столах и в публичных дискуссиях. При этом обеим сторонам нужно

проявлять терпение и не поддаваться искушению решать проблемы с помощью насилия. Наш исторический опыт, к сожалению, изобилует подобными примерами. Но ведь не запрограммированы же мы фатально на вечную конфронтацию. Всем нам остро не хватает понимания компромисса как соглашения о реальных взаимных уступках, а не как отступления в силу временной слабости.

Культура «все или ничего» бесперспективна и пагубна для всех. На смену ей должна прийти европейская культура взаимно уважительного диалога, и это будет важнейшим шагом к реальной демократии.

Российская автократия, подавившая ельцинскую полуанархию, а заодно и благотворную политическую и экономическую конкуренцию, становится контрпродуктивной. Дело здесь не только и не столько в конкретных личностях. Выдвижение модернизации в качестве стратегического приоритета страны объективно несовместимо с автократической моделью развития и имитационной демократией и требует концентрации политической воли современного демократического государства, развертывания личной инициативы людей, создания институтов гражданского общества и саморегулируемых организаций.

Формирование среднего класса в России

Носителем демократии, системообразующим элементом гражданского общества является средний класс, формирование которого стало основным достижением человечества второй половины XX в. В 1950–1960-е годы он сложился даже в СССР, пусть не такой богатый в сравнении с западноевропейскими стандартами. И конечно, в 1990-е годы большая часть этого среднего класса «ушла в бедность». Это в первую очередь профессионалы с высшим образованием, руководители среднего звена, служащие, высококвалифицированные рабочие. Эти люди в СССР были не просто средним классом по потреблению. Они были образованными, самостоятельно

мыслящими, имели высокую самооценку, чувство собственного достоинства — ведь страна занимала первые позиции в мировой иерархии интеллектуальных стран. Именно они могли составить базу плюралистической демократии.

В России, в отличие от других европейских государств, либеральные идеи традиционно не имели широкой социальной базы. Обращение к либеральным ценностям характерно лишь для отдельных периодов российской истории XIX—XX вв. Именно таким периодом оказалось десятилетие, охватившее вторую половину 80-х и первую 90-х годов XX столетия. Вряд ли можно отрицать, что тогда в российском обществе стремительно возрастала популярность идей свободы личности и частной инициативы. К началу 1990-х годов они захватили значительную часть населения, причем самую продуктивную его часть, возникла широкая социальная основа для практической реализации либеральных и демократических идей. А государственной власти был предоставлен серьезный шанс для развития демократических процессов, формирования гражданского общества, создания цивилизованной, свободной рыночной экономической системы.

Но российские реформаторы не только не воспользовались этой уникальной возможностью, но фактически сделали все, чтобы опорочить ценности свободы в глазах населения. Происходившее в России в 1990-е годы вызывало в общественном мнении нарастающее негативное, даже враждебное отношение и к ценностям свободы, и к самому понятию «демократия». Оно стало синонимом воровства и коррупции, а либеральная идея оказалась настолько скомпрометированной, что уже к концу 1990-х годов масштаб агрессивного неприятия либеральных и демократических ценностей создал реальные предпосылки для возврата к авторитарному режиму. Дискредитация демократии и создание предпосылок авторитаризма — главный общественно политический итог деятельности российских реформаторов в 1990-е годы.

С грустью приходится констатировать, что нынешняя политическая надстройка логически безупречно венчает создан-

ный за годы реформ экономический базис. Возвращаясь к представителям советского среднего класса, напомним, что именно они больше всего пострадали, подверглись экономической и социальной депривации в ходе реформ. Российские реформаторы, по сути, постарались как можно быстрее избавиться от этой социальной группы. Большинство ее представителей были выброшены на обочину социальной жизни. Творческий ресурс населения, вместо того чтобы быть использованным, оказался в значительной степени разрушенным. Резкое ослабление научно технического и человеческого потенциала — это невосполнимая и с экономической, и с социальной точки зрения потеря, которую понесла Россия за эти 25 лет. А ведь именно этот ресурс считается двигателем развития экономики.

По различным оценкам наиболее авторитетных экспертных структур, в стране в конце 1990-х годов к среднему классу относились около 10% людей, а к концу 2000-х годов эта цифра возросла до 20–22%. Как видим, прогресс налицо, но для полноценного социального государства этого явно недостаточно. Общество становится социально комфортным, если два человека из трех реально относятся к среднему классу, а не просто идентифицируют себя с ним. В европейских пост-социалистических странах в ходе реформ треть граждан стали жить лучше, треть так же и треть хуже, а у нас, если обобщить опросы, 20% — лучше, 30% — так же, а 50% — точно хуже. При этом тенденция остается негативной. Сегодня в результате рукотворного кризиса 2014–2015 гг. происходит заметное сужение российского среднего класса, который, похоже, стал главной жертвой рецессии и девальвации.

Государство и бизнес

Приходится согласиться с тезисом, что наше государство пока не помогает бизнесу (особенно малому и среднему), а скорее вредит ему. Речь идет о жестком чиновничьем прессе государства, который давит на бизнес, увеличивая его издержки, вгоняя предпринимателей в глубочайшую депрес-

сию. Нормальный человек не хочет ни давать взятки, ни получать. Он хочет четких правил. Пусть они будут жесткими, но пусть бизнес зависит от закона, а не от людей, которые пришли на должность, чтобы кормиться за счет вверенной им территории или сферы жизни. Государству как раз не хватает активности, решительности, чтобы такие правила создать, чтобы опереться на гражданское общество. Сегодня у нас бюрократия правит бал, потому что за ней нет никакого общественного контроля. И это, на мой взгляд, более опасно, чем финансовые пузыри или дефицит бюджета. В России всевластие бюрократии — главная системная проблема, нерешенность которой может иметь для страны катастрофические последствия.

Исторический опыт нашей страны свидетельствует о достаточно парадоксальной, но постоянно воспроизводящейся ситуации, когда либерализация государственного управления оборачивается усилением бюрократической власти. В условиях неразвитости или отсутствия соответствующих институтов гражданского общества всякое сужение области легитимной активности государства приводит к расширению «серой зоны» активности чиновников. Поэтому доминантой любой реформы государственного управления в России должно быть не доктринерское сокращение государственного присутствия, а урезание самопровозглашенных полномочий бюрократии. К сожалению, мы наблюдаем обратное: объем незаконных полномочий бюрократии постоянно возрастает, что, собственно, и отражает низкое качество государственного управления. Словом, мы сталкиваемся с классическим феноменом смещения общественного выбора и связанных с ним политических решений в сторону интересов правящих элит. В постсоциалистической России это смещение проявляется особенно зримо.

Государство и социальное развитие

Дефекты нашей политической системы не позволяют разрешить многие противоречия экономического развития.

Радикальные псевдолиберальные силы, которые в начале 1990-х гг. победили в стране, создали фактически монархическую конституцию с неограниченными полномочиями для президента и абсолютной монополией исполнительной власти. Здесь смыкаются экономика и политика, здесь источник крайне неэффективного, но доминирующего ныне ручного управления экономикой. Ручное управление было бы неэффективным даже в Люксембурге, и уж тем более оно неэффективно в огромной стране. В стране сохраняется монополия одной школы мышления, и это не зависит от того, кто ее практикует — либералы, дирижисты или кто-то еще. Просто «власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно». Именно поэтому я за демократию и за соревновательность, в том числе и в сфере экономических идей.

У нас и сегодня считается, что любая государственная активность порочна, за исключением обеспечения «единства правил игры для всех». Ошибки рынка предпочтительнее ошибок государства, даже если цена первых гораздо выше цены вторых. Отчетливо просматривается стратегическая установка на сокращение числа организаций, деятельность которых требует постоянного, подчеркиваю, бесперебойного государственного финансирования.

Замечу, что представления о необходимости государственного участия в решении проблем социального расслоения, о «государственной благотворительности» сформировались значительно раньше, чем возник капитализм. Они появились уже в Византии под влиянием христианских ценностей и, несомненно, подготовили идейную основу социального государства. Вот что писал известный ученый-юрист, член-корреспондент РАН Г. В. Мальцев: «Идейные созвучия здесь просто удивительны. В VI в. монах Агапит убеждал Юстиниана в том, что только через волю императора и лишь государственными усилиями можно преодолеть разрыв между чрезмерным богатством и крайней бедностью; для этого надо выравнивать состояния, брать излишки у богатых и поддерживать неимущих так, чтобы, не причиняя обид пер-

вым (они ведь уступают лишнее), вызвать прилив жизненной энергии у вторых. Таким образом, в человеческом обществе можно водворить благочестивые порядки, мир, согласие, венчаемые основной добродетелью — всеобщей христианской любовью. Во многих других византийских источниках формулируется задача государства содействовать равномерному распределению материальных благ между различными слоями населения» [Мальцев 2013].

Мнение, что расходы на социальные цели — всегда вычет из национального богатства и препятствие для экономического роста, абсолютно ошибочно. Опыт Запада и успешных постсоциалистических стран однозначно показывает: правильно выстроенные приоритеты и институты социальной политики не только не препятствуют экономической активности, а, наоборот, стимулируют ее, обеспечивают к тому же необходимую политическую поддержку реформам. Именно развитие социальной сферы в ее широком значении определяет перспективы устойчивого экономического роста, а не наоборот, как это сегодня принято считать в среде наших федеральной и региональных элит.

Россия между отчаянием и надеждой

В самом начале радикальной фазы системной трансформации в России произошел большой перекося в сторону сил саморегулирования и преднамеренный отказ от «видимой руки» государства. В результате сегодня мы вновь находимся перед выбором: либо продолжение деиндустриализации и сползание в зону «технологического захолустья», либо резкий рывок в области реиндустриализации.

В стране, с одной стороны, растет понимание необходимости широкомасштабной модернизации экономики как главного условия ее выхода на устойчивый рост, а с другой — все нагляднее проявляется неспособность реально запустить процесс такой модернизации. Отечественная экономика оказалась в структурно-институциональной ловушке, поскольку

не смогла эффективно реагировать на расширение внутреннего спроса за счет увеличения инвестиционной активности. Исходной причиной, породившей эту ситуацию, стало отсутствие видения целостной картины перспективной структуры экономики и, как следствие, локомотивных проектов модернизации ее основных секторов. Но если под предлогом низкого качества государственных институтов предоставить дело модернизации силам саморегулирования, то страна гарантированно отстанет навсегда.

Промышленная политика по определению должна быть государственной. Именно государство должно предлагать проекты и побуждать частный бизнес к участию в них. Мы же забыли, что есть целые сферы жизни, которые в странах с цивилизованной рыночной экономикой давно планируются и регулируются. Рыночные силы саморегулирования заработают только при умной промышленной политике.

Угроза нарастания отставания России от стран – лидеров современного мира заставляет ставить вопрос о трех неотложных императивах социально-экономического развития: структурном, социальном и институциональном. Новый тип экономической политики призван включать в себя реиндустриализацию экономики посредством активной структурно-промышленной политики и стратегического макропланирования (индикативного), введение прогрессивной шкалы налогообложения личных доходов, отказ от коррупционных законов и институтов, значительные преференции для среднего класса, увеличение бюджетных расходов на образование, науку, здравоохранение и культуру, рост гражданского самосознания и возрождение местного самоуправления².

Поэтому новая парадигма экономического развития в интересах большинства населения должна овладеть сознанием российских элит как можно быстрее. Предлагаемый курс, альтернативный нынешнему праволиберальному, – нормаль-

---

2. Коллективная концептуально-программная разработка (под руководством Р. С. Гринберга) в наиболее полном виде представлена в подготовленной к 80-летию ИЭ РАН монографии «Стратегические ориентиры экономического развития России» (СПб: Алетейя, 2010).

ный исторический разворот не от либерализма как такового, а от тех, кто дискредитировал понятия рынка и демократии.

Нынешний кризис, скорее всего, будет весьма продолжительным по ряду причин. В отличие от кризиса 1998 г. сейчас нам не может помочь резко девальвированный рубль. Тогда просто заработали советские предприятия, которые были еще живы, но простаивали. Потом к этому прибавилось резкое увеличение цен на нефть, и мы вошли в полосу бурного роста. Сейчас действуют санкции, да и исходный потенциал у обрабатывающей промышленности таков, что слабый рубль почти не улучшает ее экспортных позиций. Девальвация при прочих равных создает преимущества для предприятий, но тут действует простое правило: чем меньше вы производите, тем меньше стоят эти преимущества. Вместе с тем резко подешевевший рубль блокирует столь желанную модернизацию производства, потому что импортное оборудование становится недоступным по цене.

Но в целом пока мы имеем довольно грустную картину. За четверть века реформ по важнейшим социально-экономическим показателям не достигнут даже уровень 1990 г. Еще печальнее падение уровня высокотехнологичного сектора: машиностроения, авиационной, электронной, ракетно-космической, оборонной отраслей, причем этот уровень неуклонно падал как в лихие 1990-е, так и в «тучные» 2000-е годы. В итоге структура промышленного производства приобрела очевидную сырьевую направленность. Почти в 3 раза вырос удельный вес топливно-энергетического комплекса, а доля инвестиционного сектора, напротив, сократилась вдвое, и его удельный вес теперь в 3–4 раза ниже, чем в развитых странах. Нагляднее всего это проявилось в том, чем Россия сегодня интересна другим странам: в структуре нашего экспорта 85% приходится на минеральные ресурсы, металл и древесину, а доля продукции производств, определяющих научно-технический прогресс, сократилась с 20 до 5%. На сегодняшний день вместо внешнего спроса мы имеем торгово-экономические санкции. Значит, новый спрос должно предъявить

государство. Замыкаться на проблемах исключительно внутреннего рынка — значит, увеличивать свою отсталость. Надо находить варианты, когда одновременно прогрессирует внутренний рынок и появляются новые возможности для экспорта. Расширение экспорта — это показатель эффективности выбранного маршрута. Может показаться, что задача не имеет решения, но это, конечно, не так. Оживить экономику, прекратить инвестиционную паузу могут только большие инфраструктурные проекты. Я ратую за государственно-частное партнерство, форму ведения бизнеса, которая пока, к сожалению, с трудом приживается в России.

* * *

Понимание ценности прав и свобод человека стало основой общества модерна и постмодерна, способствует продуктивному синтезу конкурентной рыночной экономики, развитию гражданского общества, правового государства с широким набором социальных функций и гарантий. Одновременно это является универсальной тенденцией, закономерностью, по которой можно судить о реальном прогрессе модернизирующихся обществ — как стран третьего мира, так и постсоциалистических. Это важное методологическое положение, потому что любые варианты мобилизационного развития с принесением в жертву демократических ценностей, прав и свобод человека, уступками авторитаризму могут дать лишь частичный и ограниченный во времени экономический результат, абсолютно не гарантирующий достижение стратегических целей модернизации, выход на рубежи информационного общества и экономики, основанной на знаниях. Однако и сегодня, несмотря на исторические уроки и позитивный пример наиболее успешных стран, соблазн и искус авторитаризма, развитие ценой ущемления прав и свобод личности остаются реальной угрозой и непреодолимым препятствием на пути социально-экономического прогресса, формирования свободного, открытого и демократического общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Гринберг Р.С.* В поисках равновесия. М.: Магистр, 2018.
- Гринберг Р.С.* Свобода и справедливость: российские соблазны ложного выбора. М.: Магистр, 2012.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Индивидуум и государство. Экономическая дилемма. М., 2015.
- Гринберг Р., Рубинштейн А.* Основания смешанной экономики. М., 2008.
- Кондратьев В.* Второе дыхание государственного капитализма // МЭиМО. 2013. №6. С. 3–18.
- Мальцев Г.В.* Культурные традиции права. М.: Норма, 2013. С. 356.
- Стратегические ориентиры экономического развития России. СПб.: Алетейя, 2010.
- Eppler E.* Return of the State? London: Forumpress, 2012.
- Dullien S., Herr H., Kellerman C.* Decent Capitalism. London: PlutoPress. 2011.
- Grinberg R., Rubinshtein A.* Economic socio-dynamics. Berlin, 2005.
- Stiglitz J.E.* The Price of Inequality. London, N. Y.: W. W. Norton & Company, 2012.

Э. Мончиньска-Земацка
ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ
РЕВОЛЮЦИИ¹

Одним из наиболее дискутируемых вопросов в современной экономике является роль государства, в том числе отношения между государством и рынком. Начиная с 70-х годов прошлого века большинство экономик Запада были сторонниками неолиберальной доктрины, согласно которой роль государства в экономике должна быть сведена к минимуму. В период рейганомики и тэтчеризма эти позиции были преобладающими². Однако начавшийся в 2007–2008 годах в США финансовый кризис, последствия которого до сих пор ощущает мировая экономика, подорвал уверенность в справедливости этой доктрины. В связи с этим возникает вопрос, на какой почве она выросла. В настоящей статье мы исходим из предположения, что хотя обычно в таких случаях основную роль играет взаимодействие различных интересов, и особенно крупных корпораций, в то же время существенную роль

Эльжбета Мончиньска-Земацка – д-р, профессор Высшей школы экономики в Варшаве, председатель Польского экономического общества. zk@pte.pl.

1. В настоящей работе использованы фрагменты текстов [Mączyńska, 2015], а также [Mączyńska, Państwo ..., 2016].
2. Рональд Рейган, речь на инаугурации: «Правительство – это не лекарство, по той простой причине, что именно оно представляет собой проблему». wpolityce.pl/polityka/125769-ronald-reagan-przemowienie-inauguracyjne-rzad-nie-jest-lekarstwem-z-tej-prostej-przyczyny-ze-to-on-stanowi-problem.

сыграло упрощенное понимание идей классического либерализма А. Смита, принятое на вооружение неоклассической экономикой, в том числе и относительно роли государства и рынка.

Это привело к многочисленным нарушениям в мировой экономике, в том числе к крайне асимметричному распределению богатства и нарастанию социального неравенства. В результате происходящее в современном мире и ускоряющееся развитие материального производства, проявляющееся во все большем предложении товаров и услуг, не приводит к пропорциональному повышению качества жизни людей. В некоторых сферах это качество ухудшается. Даже в материально обеспеченных странах и обществах интенсифицируются отрицательные общественные процессы, в частности, ухудшаются общественные отношения, распространяются различные вредные для здоровья и функционирования общества зависимости и связанные с этим заболевания, нарастает синдром одиночества людей и ощущение отсутствия безопасности, активизируется терроризм, растет число самоубийств, происходит эрозия демократии и т.д. На это накладываются различные экологические угрозы, связанные с недостаточной заботой об охране природной среды. Парадоксально, что несмотря на развитие науки и современных технологий, не удается в удовлетворительной степени ограничивать эти неблагоприятные явления. Напротив, многое указывает на то, что эти проблемы нарастают. На это обстоятельство обращал внимание американский психолог и философ Эрих Фромм, который уже в 60-х годах прошлого века склонялся к мысли, что «человек XX века — это пример выкидыша» [Fromm, 2013]. Он задался вопросом, как случилось, что все самым очевидным образом начало портиться. И заметил, что «человек стал собирателем и пользователем. Все в большей степени в центре жизненных ценностей размещалось *я имею и пользуюсь*, и все реже — *я есть*. Средства — то есть материальные блага — /.../ стали таким образом целью. До сих пор человек искал средства для того, чтобы обеспечить лучшую, достойную человека жизнь»

[Fromm, 2013, s. 20]. Итак, «человек умер, да здравствуют вещи» [Fromm, 2013, s. 26]. Неблагоприятные процессы метко определил также Альберт Эйнштейн, который уже в 1946 г. констатировал: «Я убежден, что ужасающий упадок морали, свидетелями которого мы являемся в наше время, это результат механизации и дегуманизации нашей жизни — пагубных побочных продуктов научно-технического менталитета. *Nostra Culpa (наша вина)*!» [Einstein, 2014, s. 373].

Современный мир с его многообразными дисфункциями и глобально нарушенным равновесием подтверждает правильность таких мнений. Возникает в связи с этим вопрос, на кого и в какой степени эта *Nostra Culpa (наша вина)* может быть возложена, а также вопрос, возможно ли и в какой степени в просматривающейся ныне перспективе противодействовать существующим аномалиям и барьерам общественно-экономического развития, и наконец, какую роль призвано здесь сыграть государство.

1. Государство — от древности до нашего времени

Хотя о концепции государства уже в древности задумывались такие мыслители, как Платон или Аристотель, а впоследствии на протяжении веков она развивалась (и развивается по сей день), эволюционируя соответственно цивилизационным сдвигам и изменениям общественно-экономических условий, эти вопросы до настоящего времени продолжают вызывать много разногласий и подчас ожесточенных споров. Даже главный тезис Аристотеля о том, что «человек по своей природе создан для общественной жизни», подвергается сомнению³ [Aristoteles, 2006].

С развитием теории государства возникло много теоретических концепций, которые именуется по-разному и являются предметом разнообразных классификаций. Старейшая

---

3. Некоторые современные авторы, критикующие неолиберальную доктрину, указывают, что для неолибералов государство является «по меньшей мере сомнительной» сущностью [Osiniński, 2015, s. 48].

из них – теистическая (теологическая) концепция, приписываемая блаженному Августину, согласно которой «власть происходит от Бога»⁴. За ней последовали такие концепции, как патриархальная, патримониальная, «общественного договора», завоевания и насилия, солидаристская, психологическая, марксистская, католическая и используемая главным образом в социологии функциональная концепция. Уже одни только названия указывают на главные признаки этих концепций⁵. В большинстве из них подчеркивается общинный характер государства, что соответствует определению Аристотеля: «Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет своего рода сообщество, всякое же сообщество организуется ради какого-то блага (ведь всякая деятельность ориентируется на достижение того, что считает благом), то, очевидно, все они (сообщества) стремятся к тому или иному благу, причем больше других и к высшему из всех благ стремится то сообщество, которое является наиболее важным из всех и включает в себя все остальные сообщества. Это сообщество и называется государством, или сообществом политическим» [Aristoteles, 2006].

В аристотелевой концепции государства подчеркивается его основная функция – забота о качественной жизни людей. Ведь по Аристотелю государство существует ради лучшей жизни людей [Aristoteles, 2006]. Этот тезис находит отражение также и в позднейших концепциях государства (в частности, в концепции общественного договора), хотя и не во всех.

Концепция государства тесно связана с решениями в области государственного устройства. По Аристотелю, «строй определяет порядок государственной власти и спо-

-
4. Хотя блаженный Августин Аврелий (354–430) в своей теистической концепции государства утверждал, что любая власть происходит от Бога, то несколько столетий спустя св. Фома Аквинский (ок. 1225–1274) ограничивал божественное происхождение власти только одним принципом и идеей власти, тогда как строй рассматривал как результаты действий и выборов, производимых людьми [Gilson, 1960].
  5. Их подробное изложение можно найти во многих публикациях, касающихся теории государства и права, а также в энциклопедических публикациях. См. например [Zieliński, 2006], а также статью в «Википедии». pl.wikipedia.org/wiki/Pa%C5%84stwo.

соб ее разделения, устанавливает, что является в государстве решающим фактором и какова цель каждого сообщества; законы же, независимо от этих положений, предопределяющих характер государственного устройства, устанавливают нормы, на основании которых правители должны править, а также держать в узде нарушителей»⁶. Отсюда следует, что Аристотель большое значение придавал качеству политики, подчеркивая, что «политик должен иметь некоторые знания о делах души (как вознамерившись лечить, нужно знать все тело), причем в первом случае это настолько же важнее, насколько политика (или наука о государстве), ценнее и выше врачевания. А выдающиеся врачи много занимаются познанием тела» [Aristoteles, Этика...].

Согласно теории общественного договора законная государственная власть должна происходить от согласия общества. Она является результатом общественного договора, регулирующего фундаментальные принципы организации общества. Однако общества могут создаваться по-разному и с использованием различных образцов и решений. Их результат, по мнению Иммануила Валлерстайна, как и других исследователей, «в значительной мере зависит от политических представлений и воли, доминирующих во время наибольших кризисов, создающих начальные моменты в истории» [Wallerstein et al., 2016, s. 14]. По Валлерстайну, в современную эпоху «программа общественных движений в общем виде предполагала получение от государства трех основных гарантий для населения – образования, медицинских услуг и получения дохода на протяжении всей жизни. (...) Государство, обеспечивающее такие гарантии, мы называем государством всеобщего благосостояния (*welfare state*), форма которого является теперь частью нормальной политической жизни практически каждого правительства, даже если уровень обеспечиваемых благ различен, что в значительной мере

---

6. Согласно Аристотелю, «государственное устройство означает то же, что и порядок государственного управления. Верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства» [Aristoteles, 2006, s. 111].

зависит от того, насколько богато государство» [Wallerstein et al., 2016, s. 33]. Выполнение этих гарантий требует решений и инструментов, позволяющих устранять или по крайней мере смягчать угрозы и препятствия, возникающие в общественно-экономическом развитии. Эти инструменты должны быть приведены в соответствие с вызовами, вытекающими из изменяющихся цивилизационно-технологических условий, из глобальных изменений.

В связи с этим неизменно актуальным остается вопрос о роли государства в экономике и формировании социального порядка. Этот вопрос заставляет также обратиться к теории экономики, в том числе к теории выдающегося мыслителя XVIII века – Адама Смита, считающегося интеллектуальным отцом научной экономики и идеи классического либерализма.

2. Государство в теории Адама Смита – проблемы толкования

Поиски ответа на вопрос о роли государства в экономике заставляют обратиться к произведениям Адама Смита и характерному для нашего времени ошибочному, одностороннему их толкованию.

В 1759 г. Адам Смит опубликовал труд под заглавием: «Теория нравственных чувств, или Опыт исследования о законах, управляющих суждениями, естественно составляемых нами сначала о поступках прочих людей, а затем и о своих собственных». 17 лет спустя, то есть в 1776 г. он опубликовал работу «Исследование о природе и причинах богатства народов», более известную под сокращенным заглавием «Богатство народов». Это эпохальное произведение Смита считается пионерской теорией свободного рынка и классической экономики, формирующей основу экономического либерализма и по сей день влияющей на форму современных экономических теорий. Поэтому дата публикации этого труда условно считается датой рождения современной экономики. Это произведение сформировало экономическую

теорию и политику конца XVIII и первой половины XIX столетия как в Англии, так и во всем мире, и по сей день считается «библией либерализма»⁷. Тем временем в тени остается труд «Теория нравственных чувств,...» свидетельствующий о живом интересе автора к вопросам социальной справедливости, этики и всеобщего блага [Smith, 1989]. В обоих этих произведениях Адам Смит обуславливал корректное действие механизма невидимой руки исполнением требования социальной справедливости [Kwarciniński, 2005, s. 96–101].

Начиная со второй половины XX века теория Адама Смита стала почвой для развития неоклассической экономики. А на ее основе сформировалась неолиберальная доктрина, которая торжествовала, начиная с 70-х годов XX века и до самого кризиса 2007/2008 гг. Однако как неоклассическую экономику, так и неолиберализм характеризуют искажения в толковании теории Адама Смита, хотя по определению и названию они являются ее продолжением. Эти искажения касаются как роли государства, так и роли рынка.

Вопреки взглядам Адама Смита в неоклассической экономике ему было приписано положение о государстве в роли ночного сторожа, то есть о государстве, роль которого пассивна, сведена к необходимому минимуму. Однако ни в одном из произведений Адама Смита нет положения о государстве в роли «ночного сторожа». Напротив, многие утверждения этого мыслителя свидетельствуют о высокой оценке им роли и значения государства, в частности в реализации публичных услуг, смягчающих неравенство и бедность.

Что же касается неверно приписываемой Адаму Смиту формулировки «государство в роли ночного сторожа» (*Nachtwächterstaat*), то ее автором является немецкий социалист Фердинанд Лассаль, который применил этот термин в 1862 г. на митинге социалистов в Берлине. Он предупреждал тогда, что когда государство сводится лишь к роли ночного

---

7. Первое польское издание труда шотландского мыслителя и экономиста (1723–1790) было опубликовано Государственным научным издательством (PWN) в 1954 г. Второе издание появилось на книжном рынке лишь в 2007 г. [Smith, 2007].

сторожа, то все его функции ограничиваются предотвращением разбоев и взломов. Таким образом, если бы не было грабителей и воров, государство было бы чем-то совершенно излишним [Lassalle, 1862].

Такому пониманию роли государства противоречит много тезисов Адама Смита. Об этом говорит хотя бы тот факт, что этот мыслитель указывал на перераспределительную роль государства, выступая за налоговую прогрессию: «Отнюдь не несправедливо, чтобы богатые участвовали в государственных расходах не только пропорционально своему доходу, но и несколько большей его долей» [Smith, 2007, t. II, s. 522]. Это свидетельствует о восприимчивости теории Адама Смита к общественным потребностям, а тем самым о придании государству активной роли в формировании социально-экономического порядка. Это подтверждает, в частности, констатация, что «сообщество сможет выжить, когда не будет благотворительности, хотя это и не будет для него самое благополучное состояние; однако перевес несправедливости должен его полностью уничтожить. (...) Справедливость (...) это главный столп, который поддерживает все здание. Если его удалить, то огромная, мощная структура человеческого сообщества, та структура, возведение и поддержание которой представляется на этом свете, если можно так выразиться, особенной и любимой заботой Природы, должна вскоре рассыпаться на мелкие кусочки» [Smith, 2007, s. 127]. Адам Смит отмечал при этом, что «работодатели всегда и всюду находятся в своеобразном молчаливом, но постоянном и неизменном стоворе относительно того, чтобы не повышать оплаты труда выше существующего уровня заработной платы. Нарушение этого соглашения повсюду признается в высшей степени неблагоприятным делом, и виновный в нем предприниматель навлекает на себя упреки со стороны своих соседей и товарищей. Мы, правда, редко слышим о таких соглашениях, но только потому, что они представляют собой обычное и, можно сказать, естественное состояние вещей, о котором никогда не говорят» [Smith, 2007, t. I, s. 80].

Исходя из этого, можно было бы даже счесть Адама Смита предвестником концепции минимальной заработной платы, что подтверждает также следующая цитата: «Человек всегда должен существовать своим трудом, и его заработная плата должна по меньшей мере быть достаточной для его существования. Она даже в большинстве случаев должна несколько превышать этот уровень, в противном случае ему было бы невозможно создать семью, и эти работники вымерли бы в первом поколении» [Smith, 2007, t. I, s. 81].

Высказывания Смита, касающиеся класса купцов и фабрикантов, также не оставляют сомнения, что он и в этой области замечал необходимость активной роли государства. Он писал: «Наши купцы и фабриканты очень сетуют на плохие последствия высоких заработков, в результате чего повышаются цены и снижаются продажи их товаров в стране и за границей. Они, однако, совсем не вспоминают о негативных последствиях высоких прибылей. Молчат о пагубных последствиях своих выгод, а сетуют только на выгоды, достающиеся другим» [Smith, 2007, t. I, s. 115]. При этом он обращал внимание на необходимость урегулирования прав рабочих: «Работодатели, будучи менее многочисленны, гораздо легче могут сговориться между собою, и притом закон разрешает или, по крайней мере, не запрещает им входить в соглашение, между тем как он запрещает это делать рабочим [Smith, 2007, t. I, s. 79].

Вопреки тому, что писал Адам Смит, в неоклассической теории оспаривается и приуменьшается роль государства в экономике; это вытекает из принятой в данной теории предпосылки, что рыночный механизм и невидимая рука рынка приводят к тому, что все хозяйствующие субъекты, все люди ведут себя рационально, как *homo economicus*.

Приписывание рынку роли исключительной движущей силы, гарантирующей рациональность человеческих действий, связано с другим искажением концепции Адама Смита. Этот мыслитель писал о «невидимой руке», а не о «невидимой руке рынка», как это ныне часто истолковы-

вается. Подтверждением этому является следующая цитата: «[Человек], когда руководит производством так, чтобы его продукт имел самую высокую возможную стоимость, думает только о своем собственном заработке, а все-таки в этом, как и во многих других случаях, какая-то невидимая рука направляет его так, чтобы он шел к цели, которой он отнюдь не намеревался достичь. Общество же, которое вовсе не принимает в этом участия, не всегда от этого страдает. Имея в виду свой собственный интерес, человек часто поддерживает интересы общества эффективнее, чем тогда, когда он намерен служить им действительно. Никогда не случалось мне видеть, чтобы много добра сотворили люди, которые прикидывались, что торгуют для общественного блага» [Smith, 2007, t. I, s. 40].

Таким образом, механизм невидимой руки Смита — это нечто значительно большее, чем невидимая рука рынка, это вся совокупность обусловленностей, не только экономических, но и этических, моральных, культурных и других. Это подтверждает утверждение Адама Смита, что в системе оценок и мотивов человеческого поведения, помимо принципа эмоциональных «нравственных чувств», существенную роль играет принцип справедливости, общественной пользы и «вести и божественного провидения».

Все это принципиально отличает теорию Адама Смита от ее неоклассического и неолиберального толкования. Поэтому в 30-х годах XX века о неоклассической экономике критично высказывался, в частности, Джон М. Кейнс, который подчеркивал, что, в отличие от положений неоклассической теории, экономика является наукой общественной, наукой моральной, учитывающей систему ценностей, мотивы, ожидания и психологическую неуверенность людей. Все это в неоклассической экономике игнорируется. В этом контексте Кейнс обращал внимание на «пропасть между выводами экономической теории и выводами, вытекающими из здравого смысла» [Keynes, 2003, s. 316]. Отсюда саркастическое утверждение Кейнса, что «поразительным достижением классической школы стало то, что она пре-

одолела взгляды «естественного человека» и одновременно оказалась ошибочной» [Ibid.].

На погрешности в интерпретации произведений Адама Смита обращается внимание в литературе лишь с недавних пор, главным образом под влиянием кризисных явлений в экономике и все более заметных проявлений социально-экономических дисфункций [см., например, Sadowski, 2007; Polowczyk, 2010; Zabieglik, 2003]. Погрешности интерпретации произведений Адама Смита сказались и на формировании взглядов на роль государства в экономике. Это все еще тема, вызывающая много споров, которые не привели к однозначным выводам ни в теории экономики, ни в экономической практике [см., например, Jaromłowicz, 2012; Osiński, 2014]. Об этом свидетельствует многочисленность концепций государства и системных моделей, таких как агоризм и минархизм, либеральное и неолиберальное государство, патерналистское государство и др.

3. Концепции государства и модели социально-экономического режима

Фундаментальной сферой деятельности государства является установление социально-экономического порядка. Такой порядок формируется прежде всего путем исполнения государством его главных функций – регуляционной, аллокационной, перераспределительной и стабилизационной. Эти функции взаимосвязаны. Упрощая, можно констатировать, что без должного регуляционного порядка, предопределяющего качество и эффективность права, невозможно эффективно реализовать аллокационную функцию, которая регулирует, в частности, такие вопросы, как объем публичной и частной сферы, принципы формирования предложения денег, государственной безопасности и обороноспособности. Невозможной была бы в таких условиях эффективная реализация перераспределительной функции, в том числе взыскание установленных налогов как основы поступлений

в государственный бюджет. Этим, в свою очередь, обеспечивается должное исполнение стабилизационной функции, то есть деятельности государства по ограничению неблагоприятных явлений, в том числе особенно рецессии в экономике. Сфера и способ реализации указанных функций характеризуют модель устройства государства, определяющую его роль. Эта роль реализуется путем разделения сфер экономики, формируемых рынком, с одной стороны, и государством, с другой. И здесь спектр возможных решений и пропорций в системе «государство – рынок» широк, начиная с этатизма с правилом государства-максимум, неолиберального умаления роли государства с принципом государства-минимум и заканчивая анархическим агоризмом или минархизмом [Osiński, 2014]. Между этими крайними решениями имеется немало промежуточных моделей с различными пропорциями рынка и государства и различным подходом к вопросу соотношения между публичной и частной собственностью. Итак, имеется целая гамма моделей социально-экономического режима, начиная с нерыночных тоталитарных и социалистических моделей с небольшой, хотя и дифференцированной в отдельных странах, ролью свободного рынка, и заканчивая капиталистическими моделями рыночной демократии. Эта дифференциация заметна как в рамках капиталистических моделей рыночной демократии, так и в рамках нерыночных, этатистских моделей. Эта дифференциация столь значительна, что возникают даже методологические проблемы отнесения моделей экономики к той или иной группе. Это касается, например, моделей некоторых азиатских стран, в том числе Китая. Здесь имеются существенные сомнения, можно ли и в какой степени все еще рассматривать Китай с его рыночными преобразованиями в экономике как страну с некапиталистической экономикой. Поэтому интенсифицируются исследования и дебаты о моделях социально-экономического устройства, особенно в контексте их эффективности и роли государства.

Итак, как уже было сказано во введении, гамма различных взглядов и их разновидностей на роль государства весьма

широка — начиная с либертарианских, анархистских концепций, в которых почти полностью отрицается роль государства, а также потребность в его существовании, вплоть до концепций тоталитарных, согласно которым государство во всей полноте владеет организацией общественной и экономической жизни, с промежуточными вариантами в виде широко представленных в литературе либеральных концепций (в том числе классической А. Смита, неоклассической и ордолиберальной), а также концепций патерналистского государства, сильно вмешивающегося в общественную и экономическую жизнь.

К числу анархистских концепций, отрицающих потребность в существовании государства, относятся политические доктрины агоризма. Их сущность выражает, в частности, опубликованный впервые в 1980 г. в Лос-Анджелесе «Новый либертарианский манифест» авторства американского философа Сэмюэля Эдварда Конкина. Согласно концепции агоризма (название происходит от греческой агоры, то есть открытого рынка), рынок не требует никакого официального регулирования. Минархизм же означает ультраминимальное государство, роль которого ограничивается защитой свободы и собственности граждан. Однако такая защита финансировалась бы за счет добровольных пожертвований и взносов и гарантировалась бы только тем, кто их вносит. Такая концепция описана, в частности, американским политическим философом Робертом Нозиком в опубликованной в 1974 г. в США книге *«Анархия, государство и утопия»* [Nozick, 1974].

Либертарианские концепции (увы, подчас смешиваемые с либеральными), в том числе агоризм и минархизм, представляют собой теоретические построения, не находящие подтверждения на практике ни в одном из современных государств. Этот факт можно в определенном смысле рассматривать как показатель их полезности или обоснованности. Что же касается трех либеральных концепций государства, а именно классической (смитовской), неоклассической (неолиберальной) и ордолиберальной, то они нашли применение на практике, хотя и в отдельных странах, в разном

объеме и разных формах. Это касается также концепции патерналистского государства. Этим концепциям посвящена обширная литература, хотя в дискуссии на эту тему нередко наблюдается путаница в определениях. Дело в том, что понятия либерализма, неолиберализма и ордолиберализма необоснованно рассматриваются как синонимы и **сваливаются в одну кучу** под названием «либерализма», вдобавок без должного выяснения его содержания и различных разновидностей⁸. Это тем более необоснованно, что неолиберальная доктрина, базирующаяся на фундаменте главного течения неоклассической теории экономики, считается одной из главных причин все еще – по моему мнению – до конца не преодоленного финансового кризиса первого десятилетия XXI века. Вследствие этого кризиса вся либеральная экономическая мысль была подвергнута (в средствах массовой информации и частично также в специальной литературе) массовой и подчас сокрушительной критике. Эта критика, хотя она касается неолиберализма, безосновательно и вследствие путаницы в понятиях нередко распространяется на либерализм в целом. Классический либерализм и неолиберализм объединены идеей свободного рынка как главной движущей силы в экономике. Тем временем эти два направления различаются подходом к социальным и морально-этическим проблемам. Согласно неолиберальной доктрине, эти вопросы эффективно регулирует механизм свободного рынка, и участие государства в этой области излишне. Такой подход, однако, противоречит смитовской концепции классического либерализма, который базируется на этике и морали, а также концепции невидимой руки, значительно выходящей за рамки рыночного механизма. Он противоречит также смитовской заботе о публичной сфере и справедливости.

8. Одним из абсурдных примеров, иллюстрирующих путаницу в понятиях, является утверждение известного публициста, что такого понятия, как «неолиберал», не существует, так как он не знает никаких неолибералов [см. Gadomski, 2011]. Эти вопросы подробно изложены в следующих публикациях: [Maćzyńska, Pysz, 2013; Pysz, Grabska, Moszyński, 2014; Mirowski, Plehwe, 2009].

Поэтому в литературе нет недостатка в критических оценках неолиберализма. Излишне было бы их повторять. Однако обращает на себя внимание особенно критичная оценка неолиберализма, данная Анджеем Валицким, автором книги «От коммунистического проекта до неолиберальной утопии» [Walicki, Od projektu ..., 2013]. Уже одно заглавие книги говорит об остроте оценки, которую автор повторяет в других своих текстах, в том числе в публикации «Неолиберальная контрреволюция» [Walicki, Neoliberalna..., 2013]. Валицкий замечает, что слово «либерализм» присвоено «последователями односторонне экономического либерализма, для которого действительным субъектом свободы является не человек, а рынок, а демократия представляется «популизмом», пытающимся заставить законодателей ограничить свободу рынка во имя соблюдения «притязаний» и «привилегий» тех или иных общественных групп, хотя бы эти требования были с общественной и моральной точек зрения вполне обоснованны» [Walicki, Neoliberalna ..., 2013].

Столь же критически о неолиберализме высказывается и Анджей Шахай [Szałaj, 2013]. А Зигмунт Бауман анализирует эти вопросы под девизом «общество на осадном положении» [Bauman, 2006]. Как показывает история, такое общество (т.е. общество на осадном положении), терзаемое безработицей, доходной деградацией при одновременной деградации общественных благ, обычно находится под угрозой риска нарастания аномии (то есть хаоса в системе ценностей), анархии или движений в направлении тоталитарного государства. В таких условиях особое значение приобретает роль государства в противодействии вырождению современной экономики.

4. Роль государства в условиях цифровой революции. Эффект блокировки

Современной мировой экономике присущ нарастающий динамизм и переломный характер изменений, вызываемых прежде всего цифровой революцией, а также другими

явлениями, которые Ежи Клеер определяет как цивилизационные кризисы [Kleer, 2016]. Изменения, приносимые совершающейся в мировом масштабе цифровой революцией и происходящим в ее результате цивилизационным сдвигом, выражающимся в переходе от модели промышленной цивилизации к цивилизации постиндустриальной, приводят к тому, что институциональные решения, в том числе регулирующие, в области социально-экономической политики все чаще не соответствуют требованиям новой экономики. Доходит до своеобразного культурного регресса, явления культурной остановки, закрытия. Подобный описанный в литературе *lock-in effect*, «эффект блокировки» в существующих системных рамках и в избираемых при принятии решений приоритетах, решениях и инструментах, представляет собой барьер для развития [Hryniewicz, 2012]. Практика подтверждает, что инструменты, эффективные в условиях социально-экономического развития индустриальной цивилизации, сохраняются и используются далее, несмотря на их ограниченную и снижающуюся эффективность, что является следствием столкновения цивилизаций, цивилизационного кризиса и перехода в новую эру. Это подтверждает также анализ, касающийся т.н. «уберизации» [Uberworld..., 2016]. Практика все чаще подтверждает, что в условиях новой экономики традиционные решения оказываются не только неэффективными, но даже увеличивают риск ошибочных социально-экономических решений, принимаемых на разных институциональных уровнях, что в результате приводит к дисгармонии между экономическим ростом и социальным прогрессом.

Эффект блокировки способен в определенной степени выявить проблемы в социально-экономической политике на государственном и глобальном уровнях, а также слабости функционирования государственных институтов. На это обращает внимание Майкл Сэндел, констатируя, что «политика лихорадочна, ибо она пуста, лишена морального и духовного содержания. Она беспомощна в решении серьезных вопросов, которые важны для людей» /.../ «Моральная пустота современ-

ной политики имеет несколько причин. Одной из них является попытка изгнать представление о критериях благополучной жизни из публичного дискурса» [Sandel, 2012, s. 26].

История мира, однако, показывает, что почти каждый глубокий перелом, глубокая экономическая, технологическая, экономическая или системная трансформация увеличивает риск деструкции в системе общественных ценностей, увеличивает риск аномии. На это накладывается ранее упомянутый разрушительный для системы ценностей рыночный триумфализм и превращение в товар всего. Уже чисто этимологический анализ понятия «аномия» указывает на разрушительные свойства этого явления. Ведь это слово греческого происхождения (*a* = «без», *nomos* = «закон») означает в буквальном смысле отсутствие закона. Однако оно не однозначно с беззаконием. Ведь уже древние предостерегали, что *при наибольшем безначалии государства наиболее многочисленными были законы*.

Аномия касается почти всех форм общественной жизни, в том числе и экономической; она связана, в частности, с такими категориями, как те, которые нашли свое отражение в красноречивом названии книги польского психолога Марека Косевского «*Ценности, достоинство и власть. Почему порядочные люди иногда воруют, а воры требуют уважения*» [Kosewski, 2012]. Во всех исследованиях, касающихся аномии, начиная с Дюркгейма, независимо от научного профиля их авторов, неизбежно появляются и экономические аспекты, касающиеся денег, а также профессиональной и материальной оценки жизни⁹. Это касается, в частности, аномии работников или институционально-системной аномии, связанной с функционированием общества и устанавливаемыми им целями и приоритетами. На это

---

9. «Аномия» – это понятие, которое использовалось еще античными греческими философами, причем в весьма различных значениях. Однако несмотря на постоянно ведущиеся исследования аномии, ее последствия все еще остаются «открытым вопросом, который разные авторы наполняли и продолжают наполнять различным содержанием» [Kosewski, 2012, s. 37]. Существенные результаты принесли исследования аномии, предпринятые французским философом и социологом Эмилем Дюркгеймом (1858–1917). Они вскоре были распространены на другие области [Durkheim, 1999; Durkheim, 2006].

обращал внимание другой выдающийся американский исследователь аномии – Роберт Кархарт Мертон – кстати, отец экономиста, лауреата Нобелевской премии Роберта Кинга Мертона [Merton, 2012]. Дело в том, что растущая сложность экономики, а также общественных структур и разделения труда при увеличивающемся дерегулировании и ограничении традиционных функций государства способствуют неполной определенности общественных норм и принципов, то есть аномии. Например в случае аномии работника она принимает разные формы, в частности такие, как симулирование работы или симулирование платы за нее, то есть имеют место неэквивалентность заработной платы затратам труда, коррупция и хищения (например, типа «фирма в фирме», «два ремонта за один бюджет», синдром «я ничего не вижу и не хочу видеть» и т. п.) [Anomia..., 2012].

Аномия проявляется в использовании двойных или непрозрачных стандартов в разных сферах жизни. Примером двойных стандартов можно, в частности, считать некоторые проявления налоговой политики. Гарвардский экономист Кеннет Рогофф в публикации с характерным названием «Мир – это рискованное место» анализирует с этой точки зрения опыт США, указывая на спорный «план масштабного всеобщего снижения налогов, которые непропорционально выгодны для богатых. Ибо правдой является то, что набивание карманов богачам трудно счесть действием столь же эффективным, как раздачу наличности беднякам, которые с трудом сводят концы с концами» [Rogoff, 2017].

Проблематику двойных стандартов иллюстрирует также приведенное американским экономистом корейского происхождения Ха-Джун Чангом циничное заявление одного из банкиров: «Мы, банкиры из-за рубежа, выступаем за свободный рынок, когда можем нахапать денег, и верим в государство, когда можем их потерять» [Chang, 2015, s. 185)]. Чанг отмечает наличие двойных стандартов также в сфере международной экономической политики, особенно торговой, указывая одновременно на видимость и амбивалент-

ность помощи, которую высокоразвитые страны предлагают странам, слабее развитым. Поэтому, говоря о первых, он использует понятие «плохие самаритяне». Чанг констатирует, что «когда богатые страны попадают в рецессию, они обычно смягчают монетарную политику; когда же самое случается в развивающихся странах, плохие самаритяне через посредство МВФ заставляют их повысить процентные ставки до абсурдных уровней и балансировать бюджеты, даже если эти действия во много раз увеличивают безработицу» [Chang, 2015, s. 271–272]. Напоминая высказывание Гора Видала в 1982 г., Чанг указывает на появившийся уже тогда в США синдром небрежности в секторе общественного обслуживания, который возник вследствие того, что «мы предпочитаем, чтобы вместо людей общественные деньги попадали к большому бизнесу. Следствием этого является уникальная модель общества, в котором имеется свободное предпринимательство для бедных и социализм для богатых» [Chang, 2015, s. 271].

Подобные проявления аномии и двойных стандартов являются источником общественных напряжений, которые в крайнем случае могут привести к бунту и даже к революции, т. е. к протесту против существующей системы [подробнее см. Maćzyńska, 2014].

Сегодня усиление аномии носит глобальный характер, хотя факторы, ее стимулирующие, весьма дифференцированы по характеру, масштабам и силе воздействия в отдельных странах. Явления аномии – суть следствие признаков, характеризующих свободный рынок. Ярko представляют эту проблему два лауреата Нобелевской премии – Джордж А. Акерлоф и Роберт Дж. Шиллер в книге под говорящим заглавием «Охота на простака. Экономика манипуляции и обмана» (*Phishing for Phools: The Economics of Manipulation and Deception*) [Akerlof, Shiller, 2017]. Уже одно заглавие книги указывает на ее морально-этическую основу. Авторы отмежевываются от неоклассической теории экономики и характерной для нее догмы свободного рынка, указывая на присущие ей дисфункции. В качестве примеров таких

дисфункций приводятся повседневные проявления различных красочно описанных в книге рыночных обманов, уловок и манипуляций, которые авторы определяют понятием «фишинг-мошенничество» (*phishing*). Цифровая революция создает здесь дополнительные возможности, но в то же время облегчает выявление, визуализацию манипуляций и информирование о них, что может улучшать условия для противодействия им.

С синдромом аномии связаны также слабости измерения социально-экономических достижений, в том числе недостатки и ограничения, характерные для главного критерия этих достижений, каковым является величина ВВП и его динамика. Этот показатель учитывает исключительно рыночные достижения (то есть продукты и услуги, являющиеся предметом сделок купли-продажи), и исключает те, которые представляют собой результат нерыночных отношений, например, волонтерства). При этом, согласно действующим стандартам измерения ВВП, в него на равных основаниях включаются как рыночные доходы, получаемые вследствие деятельности, типичной для здоровой социально-экономической системы, так и доходы, получаемые вследствие дисфункций, имеющих место в социально-экономической жизни, в том числе, например, доходы от проституции или преступной деятельности. Кроме того, при подсчете ВВП не проводится различий между деятельностью, желательной с точки зрения общества, и нежелательной в общественном отношении активностью. В результате рыночная активность, связанная с социальными патологиями (например, с функционированием тюремной системы, проституцией и торговлей наркотиками), также увеличивает ВВП. Метко в этом отношении высказался еще в 1968 г. Роберт Кеннеди, указав, что этот показатель «не отражает состояния здоровья наших детей, качества их образования и радости, какую дает им игра. Не описывает красоты нашей поэзии, прочности наших семей, интеллектуального уровня публичных дебатов или чувства единства наших государственных служащих. Не измеряет

нашей смелости и ума, образования, эмпатии, преданности родине. Короче говоря, измеряет все, за исключением того, что свидетельствует о том, что стоит жить»¹⁰.

При анализе этой сферы важен терминологический порядок. Игнацы Сакс в середине 90-х годов минувшего столетия предложил понятие «развитие» применять исключительно к таким ситуациям, где имеет место прогресс во всех отношениях, то есть и в экономическом, и социальном, и экологическом измерениях (см. табл.).

Таблица. Развитие и экономический рост — основные категории

№ п/п	Категории роста и развития	Экономическая сфера	Социальная сфера	Экологическая сфера
1.	Дикий экономический рост	+	-	-
2.	Рост, положительно влияющий на социальное развитие	+	+	-
3.	Рост, благоприятный для окружающей среды	+	-	+
4.	Развитие	+	+	+

Источник: [Sachs., 1996, s. 44].

Предложенная Игнацы Саксом классификация категорий роста и развития соотносится с понятием трижды уравновешенного развития как главной категории экономики нового прагматизма [Bałtowski, 2016].

Трижды уравновешенное развитие — это задача, которую трудно реализовать, особенно если учесть описанный масштаб социально-экономических нарушений и несбалансированности, а также связанной с этими явлениями аномии. Глобально нарушенное равновесие и социальное неравенство, цифровая революция, рыночный фундаментализм, а также ошибки измерения — это сегодня четыре главных фактора, стимулирующих аномию; к другим факторам относятся, в частности, дисфункции в политике или в системе право-

10. Bobby Kennedy on GDP: 'measures everything except that which is worthwhile'. www.theguardian.com/news/datablog/2012/may/24/robert-kennedy-gdp.

творчества и правоприменения. Эти четыре фактора представляют собой как бы первичную базу аномии, генерируя ее другие источники. При этом между указанными факторами имеют место обратные связи, которые синергически и по принципу эффекта домино, почти со скоростью эпидемии усиливают проявления аномии.

Представленные выше несоответствия указывают на потребность искать решения для противодействия им. Это одновременно свидетельствует о насущной необходимости анализа, углубленного изучения и обсуждения вопросов о роли государства и о необходимых изменениях в его функционировании [Wallerstein et al., 2016, s. 8]. Оценивая ситуацию, Валлерстайн отмечает вину общественных наук. По его мнению, «в последние десятилетия в политике и важнейших общественных науках преобладает мнение, что не стоит даже и думать о каком-либо значительном структурном изменении. Неоклассическая экономика строит свою модель на предпосылке о принципиально неизменной социальной вселенной. (...) Это, однако, лишь эмпирическая предпосылка. Пятисотлетнее существование капитализма как системы еще не доказывает, что он будет существовать вечно» [Wallerstein et al., 2016, s. 8].

Подобные критические оценки неоклассической экономики формулирует Гжегож В. Колодко, одновременно представляя авторскую концепцию экономики нового прагматизма. Эта концепция в некоторой степени родственна идее ордолиберализма [Kołodko, 2013]. Дело в том, что ордолиберализм, как и экономика нового прагматизма, является концепцией, направленной на создание равновесия, на согласование экономических, общественных и экологических интересов. Это концепция, признающая необходимость активной роли государства в формировании и гармонизации социально-экономического развития с учетом культурного, исторического, а также пространственного контекстов. Колодко утверждает, что «ограничение роли государства и ослабление его позиции в экономической игре (...) явно не благоприятствует экономи-

ческому росту. (...) Надо сразу подчеркнуть, что несправедливо и обратное заключение, что будто бы увеличение роли государства и укрепление его позиции в экономической игре благоприятствует экономическому росту» [Kołodko, 2008]. Колодко указывает, что «государство не должно быть ни малым», ни «большим», а лишь «эффективным». Подобно этому, было бы наивностью постулировать «дешевое» государство. Дешевым может быть борщ, но не государство. Оно должно быть «эффективным», то есть должно доставлять своему обществу необходимую ему для функционирования и развития массу общественных благ определенного качества. А это дорого стоит» [Kołodko, 2008]. Однако в отличие от появившейся перед Второй мировой войной ордолиберальной концепции, ориентированной на модель национального государства, экономиста нового прагматизма учитывает глобальный контекст. Как замечает Колодко, «дело тут в неортодоксальной теории экономики и даже шире — в теории общественных наук, ориентированной на практику, то есть в макроэкономическом и общественном, а по сути уже в мировом масштабе — на политику, на глобальную стратегию развития *sensu largo*» [Kołodko, 2010, s. 93; Bałtowski, 2016]. Потребности в новом прагматизме порождаются и обосновываются растущими рисками и проявлениями структурного кризиса в глобальном хозяйстве. Иммануил Валлерстайн указывает, что «на горизонте появляется структурный кризис, и он значительно серьезнее, чем последний экономический кризис, который в ретроспективе представляется лишь вступлением в период более глубоких трудностей и изменений» [Wallerstein et al., 2016, s. 8].

Это благоприятствует интенсификации дискуссии о роли государства, а даже ее стимулирует. Однако предсказанный Валлерстайном, Рифкином и другими исследователями конец капитализма не снижает значения такой дискуссии, тем более, что государства существовали уже задолго до капитализма [Wallerstein et al., 2016].

В то же время происходящие перемены указывают на абсурдность, необоснованность противопоставления государ-

ства и рынка, поскольку свободный рынок зависит от государства. Получивший в 2017 г. нобелевскую премию представитель поведенческой экономики Ричард Талер, а также Касс Санстейн подчеркивают, что «свободный рынок зависит от правительства, которое должно защищать частную собственность и гарантировать соблюдение договоров. (...) В мире существует, однако, заметное различие между бессмысленным сопротивлением любому «вмешательству правительства» как таковому и разумным утверждением, что когда правительства вмешиваются, они должны это делать так, чтобы этим поддерживать свободу выбора. (...) Уже сама по себе сложность современной жизни и ошеломляющий темп технологических и глобальных изменений подрывает аргументацию в пользу строгих директив или догматического лэссэферизма» [Thaler, Sunstein, 2012, s. 286, 287].

Вместе с изменениями, происходящими в современной экономике, появляются и новые концепции государства, в том числе концепции цифрового государства (*e*-государства) и другие. В числе наиболее интенсивно обсуждаемых — концепция государства-предпринимателя. Автор этой концепции — Мариана Маццукато — приходит к выводу, что, учитывая новые вызовы, стоящие перед государствами, они должны в большей степени включаться в процессы стимулирования инновационности в экономике. Однако эта поддержка не должна оказываться на безвозмездных началах (а такая практика до сих пор преобладала), она должна основываться на правилах ведения бизнеса, обеспечивающих государству долю в прибылях от мероприятий, в которых оно участвовало и которые дали результат. Благодаря этому средства, выделяемые государством на финансирование и инноваций, и сферы общественного обслуживания, будут увеличиваться. Кроме того, это поможет ликвидировать синдром приватизации прибылей и обобществления убытков [Mazzucato, 2016].

Концепция предприимчивого государства не встретила, однако, одобрения у сторонников модели государства-минимум, но ввиду выявленных недостатков вызвала к себе инте-

рес. Эта концепция тем более существенна, что глобализация сужает роль национальных государств, перенося часть зоны их ответственности на наднациональные уровни. Можно, однако, предполагать, что в обозримой перспективе наднациональные структуры не вытеснят национальных государств, поскольку не смогут обеспечить реализацию их специфических культурных, исторических, экономических и других условий.

Концепция Маццукато связана со всеми ранее названными функциями государства. Она подтверждает обоснованность противопоставления государства рынку. На это обращает внимание, в частности, Игнацы Сакс: «В современных дискуссиях о роли государства в силу разных причин задаются некорректные вопросы. Исходной точкой дискуссии является противопоставление государства и рынка, тогда как каждый рынок должен регулироваться государством, особенно когда хочется, чтобы рыночная экономика исполняла также общественные функции. Критика этатизма, справедливо формулируя упреки в злоупотреблениях и бюрократизации, упрощает проблему, выдвигая лозунг «меньше государства», тогда как дело тут в том, чтобы государство было более эффективным, и в результате стоило бы дешевле» [Sachs, 1996, s. 47, 48]. Подобное мнение формулирует лауреат Нобелевской премии Эдмунд Фелпс: по его определению, «ни один рынок не может долго существовать без поддержки являющихся его базой публичных учреждений. На местах публичные и частные учреждения не существуют изолированно, они часто перемешаны и взаимозависимы» [Phelps, 2013, s. 20]. Это указывает на необходимость формирования инклюзивной общественно-экономической системы, ориентированной на оптимизацию использования потенциала развития страны [Reforma..., 2015, s. 117–135]. Инклюзия — это ценность сама по себе; это движущая сила инновационности, конкурентоспособности и эффективности, то есть, в результате, улучшения качества жизни людей. Инклюзивная система высвобождает и приводит в движение креативность

и предприимчивость, так как она укрепляет положительные связи, основанные на чувстве безопасности, доверия и общности интересов. Инклюзивная экономика — это система, ждущая на максимальном количестве по возможности суверенных и равноправных ее участников, объединенных в большей степени узами партнерства и сознательной взаимозависимости, нежели иерархии и соподчинения в отношениях государство — гражданин — бизнес — общественные группы. Инклюзивное государство должно давать гарантию справедливости и уважения закона, гарантию поддержки креативности, инновационности, развития проинклюзивных учреждений и недопущения неравенства в правоприменении¹¹.

Несомненно, роль государства будет подвергаться эволюционным изменениям вместе с эволюцией капитализма и его разновидностей, что не исключает предсказывавшейся Валлерстайном «смерти капитализма». Ведь, как это вытекает из истории, «капитализм (...) является только особым видом исторической конфигурации рынков и государственных структур, в которых частная экономическая прибыль, достигаемая почти любыми средствами, является высшей целью и мерилем успеха. Иная и приносящая больше удовлетворения организация рынков и человеческого общества, быть может, станет возможной» [Maćzyńska, Inkluzywność... 2016, s. 15].

Заключение

Исторический опыт показывает, что государство — это почти вечный институт, хотя и подвергающийся различным изменениям. Однако, пожалуй, никогда ранее дискуссия о роли государства и общественно-экономического строя не принимала такого всеобъемлющего значения, как теперь. Ранг дискуссии определяется не только опытом глобального кризиса, но прежде всего проявлениями кризиса структур-

---

11. Более широкую характеристику концепции инклюзивной общественно-экономической системы см. в: [Maćzyńska, Inkluzywność..., 2016].

ного. Широта и глубина кризисных явлений отражает сложность их причин, и вместе с тем их деструктивность — они разрушают прежние эталоны. Это означает, что оспариваются принципы, лежащие в основе существующих экономических и общественных моделей, а также сопутствующих им систем убеждений и лежащих в их основе способов восприятия мира [Rifkin, 2016, s. 35]. Изменения навязываются цифровой революцией с ее технологическим потенциалом. Они позволяют развиваться глобальным горизонтальным связям, благоприятствующим расширению свободы и децентрализации деятельности, а также ее делокализации, что создает как шансы, так и проблемы для местных властей в плане поиска предпринимателей для развития региона. Вместе с тем информационные технологии ограничивают недостатки вертикальных связей, опирающихся на разнообразные зависимости в деловой среде (в связи с этим появляется даже понятие вертикального и горизонтального капитализма). Дело в том, что в экономике, основанной на интернете, стираются границы между секторами и учреждениями, что заставляет отойти от иерархической модели вертикальных связей и вызывает фундаментальные изменения в системе ценностей и в политической культуре, одновременно способствуя транспарентности, демократизации, эффективности и повышению скорости принятия решений.

Потенциал цифровых технологий увеличивает возможности приведения роли государств в соответствие с глобальными вызовами и особенностями стран. По мнению Валлерстайна, «возможно, что эти изменения порождают несколько систем-миров» [Wallerstein et al., 2016, s. 13]. Поэтому «технология предлагает — человечество располагает» [Wallerstein et al., 2016, s. 83]. Следовательно, трудно не согласиться с тезисом Валлерстайна, что «мир стоит перед выбором структурно расходящихся шансов. Переломы становятся возможными, когда достаточная общественная поддержка и внимание общества обращены на мышление и дискуссию об альтернативных целях» [Wallerstein et al., 2016, s. 15].

Такой перелом возможен, особенно если учесть масштабы охвата и последствия распространения информационной революции на все континенты. Однако с уверенностью определить направления этих перемен было бы невозможно, тем более что, как напоминает Валлерстайн, «мыслители двадцатого века и тогдашние политические лидеры всех мастей ошибались в своей идеологической убежденности, что в будущее ведет только один путь. В этом убеждали, навязывая свои взгляды другим, ярые защитники капитализма, коммунизма и фашизма» [Wallerstein et al., 2016, s. 13–14]. В то же время он, однако, предостерегает: «Повторное установление общественного порядка в самом центре экстремального конфликта может произойти по образцу, подобному фашистскому, или по намного шире задуманному демократическому образцу» [Wallerstein et al., 2016, s. 11].

Следовательно, трудно не согласиться с заглавием публикации Збигнева Мадея «*Мегасистемы смертны*» и с содержащимся в ней тезисом: «Историю пишут будущие поколения, и они установят границу между капитализмом и какой-то посткапиталистической формацией. Мы, современники, можем утверждать, что внедряем в жизнь очередную модель капитализма, но будущие исследователи могут ведь задуматься, имела ли она уже какие-то посткапиталистические признаки, либо будут решительно утверждать, что она была именно такой» [Madej, 2013, s. 183]. Итак, следует считать естественным, что вопросы о направлениях эволюции роли государства, в том числе о системных решениях, хотя и продолжают интенсивно обсуждаться, все еще остаются открытыми и не до конца определенными. Основным среди них является вопрос, поставленный, в частности, А. Шахаем, но присутствующий почти во всех цитируемых здесь публикациях, особенно у лауреатов Нобелевской премии: «Как сохранить равновесие между государством как общим благом, с одной стороны, и свободным рынком, с другой, как допустить во имя этого блага некоторую дозу государственного патернализма, не позволяя ему всецело руководить нашей

жизнью (ибо хуже минимального государства может быть только государство вездесущее)?» [Szaĥaj, 2017]. Этот вопрос, направленный на поиски золотой середины, а вместе с тем указывающий на необходимость постоянных исследований и анализа этой проблематики, все еще остается открытым.

ЛИТЕРАТУРА

- Akerlof G, A. Shiller R. J. (2017), *Złowić frajera. Ekonomia manipulacji i oszustwa*. PTE, Warszawa.
- Anomia Pracownicza 2012. Raport*, www.pracodawcyrp.pl/aktualnosci/art,980,anomia--pracownicza--to--problem--spoleczny.html.
- Arystoteles, *Etyka nikomachejska*, <http://sady.up.krakow.pl/antfil.arystoteles.etyskanikom.htm> (dostęp: 30 stycznia 2017 r.).
- Arystoteles (2006), *Polityka*, tłum. L. Piotrowicz, PWN, Warszawa.
- Arystoteles, *Polityka*, Księga pierwsza, <http://sady.up.krakow.pl/antfil.arystoteles.polityka.htm> oraz <https://filspol.files.wordpress.com/2011/10/arystoteles-polityka-fragmenty.pdf> (dostęp: 30 stycznia 2017 r.).
- Bałtowski M. (2016), *Ekonomia przyszłości. Wokół nowego pragmatyzmu Grzegorza W. Kołodko*, PWN, Warszawa.
- Bauman Z. (2006), *Spółczesność w stanie obłąkania, Sic!*, Warszawa.
- Chang Ha-Joon (2015), *Żli Samarytanie. Mit wolnego handlu i tajna historia kapitalizmu*, Wydawnictwo Krytyki Politycznej, Warszawa.
- Durkheim Émile (1999), *O podziale pracy społecznej*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa, Seria Biblioteka Socjologiczna (De la division du travail social, 1893).
- Durkheim Émile (2006), *Samobójstwo: Studium z socjologii*, Oficyna Naukowa, Warszawa (Le Suicide, 1897).
- Einstein. A. (2014), List Alberta Einsteina do Ottona Juliusburgera, z 11.04.1946, cyt za: A. Calaprice, *Einstein w cytatach*, pełne wydanie, Poltext, Warszawa.
- Fromm E. (2013), *O byciu człowiekiem*, Vis-a-Vis Etiuda, Kraków.
- Gadomski W. (2011), Odpowiedź „neoliberalą”, *Gazeta Wyborcza*, 7 sierpnia 2011 r., http://wyborcza.pl/1,76842,10070363,Odpowiedz__neoliberala_.html (dostęp: 18.10.2013).
- Gilson E. (1960), *Tomizm. Wprowadzenie do filozofii św. Tomasza z Akwinu*, tłum. J. Rybałt, PAX, Warszawa.
- Hryniewicz J.T. (2012), *Stosunki pracy w polskich organizacjach*, Wydawnictwo Naukowe Scholar, Warszawa.

- Jarmołowicz W. (2012) (red.), *Liberalizm ekonomiczny w dobie transformacji, integracji i globalizacji*, Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego w Poznaniu, z. 230.
- Keynes J.M. (2003), *Ogólna teoria zatrudnienia, procentu i pieniądza*, tłum. M. Kalecki, S. Rączkowski, PWN, Warszawa.
- Kleer J. (2016), Cywilizacje i ich przesilenia, „*Studia Ekonomiczne INE PAN*”, nr 1.
- Kołodko G.W. (2013), *Dokąd zmierza świat. Ekonomia polityczna przyszłości*, Prószyński i S-ka, Warszawa.
- Kołodko G.W. (2010), *Świat na wyciągnięcie ręki*, Prószyński i S-ka, Warszawa.
- Kołodko G.W. (2008), *Wędrujący świat*, Prószyński i S-ka, Warszawa.
- Kosewski M. (2012), *Wartości, godność i władza. Dlaczego porządni ludzie czasem kradną, a złodzieje ujmują się honorem*, Vizja Press & IT, Wyższa Szkoła Finansów i Zarządzania, Warszawa.
- Kwarciński T. (2005), *Niewidzialna doktryna Adama Smitha*, Zeszyty Naukowe KUL, z. 1 (189).
- Lassalle F., *Das Arbeiter-Programm. Über den besonderen Zusammenhang der gegenwärtigen Geschichtsperiode mit der Idee des Arbeiterstandes*, 12. April 1862, [https://www.marxists.org/deutsch/refereb_\[nz/lassalle/1862/04/programm.htm](https://www.marxists.org/deutsch/refereb_[nz/lassalle/1862/04/programm.htm)
- Madej Z. (2013), Megasystemy są śmiertelne (w:) E. Mączyńska, J.J. Michałek, J. Niżnik (red.), *Kryzysy systemowe*, Komitet Prognoz „Polska 2000 Plus” PAN, Warszawa.
- Mazzucato M. (2016), *Przedsiębiorcze państwo*, Heterodox, Warszawa.
- Mączyńska E. (2014), Anomijne podłoże erozji ładu społeczno-gospodarczego, [w:] *Spontaniczne i stanowione elementy ładu gospodarczego w procesie transformacji – dryf ładu czy jego doskonalenie?*, red. P. Pysz i in., Wydawnictwo PTE, Warszawa, s. 31–68.
- Mączyńska E. (2015), Funkcje państwa w kształtowaniu ładu społeczno-gospodarczego (w:) W. Jarmołowicz, D. Piątek (red.), *Państwo wobec wolności gospodarczej. Teoria i praktyka transformacji*, Wydawnictwo Uniwersytetu Ekonomicznego w Poznaniu, Poznań.
- Mączyńska E. (2016), Inkluzyność jako cecha przyszłego ładu społeczno-gospodarczego (w:) M. Bałtowski (red.), *Ekonomia przyszłości. Wokół nowego pragmatyzmu Grzegorza W. Kołodko*, PWN, Warszawa.
- Mączyńska E. (2016), Państwo w warunkach rewolucji informacyjnej, *Biuletyn PTE*, nr 3.
- Mączyńska E., Pysz P. (2013), Ordoliberalizm i społeczna gospodarka rynkowa wobec wyzwań współczesności (w:) E. Mączyńska, *Ekonomia dla przyszłości. Fundamentalne problemy teorii ekonomii i praktyki gospodarczej*, PTE, Warszawa.

- Merton Robert K. (2012), *Teoria socjologiczna i struktura społeczna*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.
- Mirowski P., Plehwe D. (2009), *The Road From Mont Pelerin: The Making of Neoliberalism*, Harvard University Press.
- Nozick R. (1974), *Anarchy, State and Utopia*, Basic Book, New York.
- Osiński J. (2014), *Współczesne państwo jako podmiot publiczny*, Oficyna Wydawnicza Szkoły Głównej Handlowej, Warszawa.
- Osiński J. (2015), *Współczesnymatrix?: fikcja w życiu gospodarczym, politycznym i społecznym*, Oficyna Wydawnicza Szkoły Głównej Handlowej, Warszawa.
- Phelps E. (2013), *Praca za płacę. Jak sprawić, by ludzie znów zaczęli uczestniczyć w systemie wolnej przedsiębiorczości i zarabiać*, Kurhaus Publishing, Warszawa.
- Polowczyk J. (2010), Elementy ekonomii behawioralnej w dziełach Adama Smitha, *Ekonomista*, nr 4.
- Pysz P., Grabska A., Moszyński M. (2014), *Spontaniczne i stanowione elementy ładu gospodarczego w procesie transformacji*, PTE, Warszawa.
- Reforma kulturowa 2020–2030–2040. Raport* (2015), red. J. Żakowski, Warszawa.
- Reagan R., przemówienie inauguracyjne, *Rząd nie jest lekarstwem z tej prostej przyczyny, że to on stanowi problem*, <http://wpolityce.pl/polityka/125769-ronald-reagan-przemowienie-inauguracyjne-rzad-nie-jest-lekarstwem-z-tej-prostej-przyczyny-ze-to-on-stanowi-problem>.
- Rifkin J. (2016), *Spółczeństwo zerowych kosztów krańcowych. Internet przedmiotów. Ekonomia współdzielenia. Zmierzch kapitalizmu*, Studio Emka, Warszawa.
- Rogoff K., *Świat to ryzykowne miejsce*, <https://www.obserwatorfinansowy.pl/forma/rotator/swiat-to-ry> O F 25.08.2017.
- Sachs I. (1996), *W poszukiwaniu nowych strategii rozwoju*, *Gospodarka i Przyszłość*, nr 1–4.
- Sadowski Z. (2007), Przedmowa (w:) A. Smith, *Badania nad naturą i przyczynami bogactwa narodów*, t. 1–2, tłum. S. Wolff, O. Einfeld, Z. Sadowski, A. Prejbisz, B. Jasińska, red. J. Drewnowski, E. Lipiński, PWN, wyd. II, Warszawa.
- Sandel Michael J. (2012), *Czego nie można kupić za pieniądze. Moralne granice rynku*, Kurhaus Publishing, Warszawa.
- Smith A. (2007), *Badania nad naturą i przyczynami bogactwa narodów*, t. 1–2, tłum. S. Wolff, O. Einfeld, Z. Sadowski, A. Prejbisz, B. Jasińska, red. J. Drewnowski, E. Lipiński, PWN, wyd. II, Warszawa.
- Smith A. (1989), *Teoria uczuć moralnych*, tłum. D. Petsch, PWN, Warszawa.

- Szahaj A. (2013), *Liberalizm, wspólnotowość, równość. Eseje z filozofii polityki*, Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, Toruń.
- Szahaj, A (2017). Filozofia skrajnego egoizmu, *Rzeczpospolita PLUS MINUS*, 18-19.11.
- Thaler R. H. , Sunstein C. R. (2012), *Impuls. Jak podejmować właściwe decyzje*, Wyd. ZYSK i S-KA , Poznań.
- Uberworld, The world's most valuable startup is leading the race to transform the future of transport (2016), "The Economist", Sep 3rd.
- Walicki A. (2013), Neoliberalna kontrrewolucja, *Gazeta Wyborcza*, 29 listopada.
- Walicki A. (2013), *Od projektu komunistycznego do neoliberalnej utopii*, Universitas, Kraków.
- Wallerstein I., Collins R., Mann M., Derluigian G., Calhoun C. (2016), *Czy kapitalizm ma przyszłość?*, Dialog, Warszawa.
- Zabieglik S. (2003), *Adam Smith*, Wiedza Powszechna.
- Zieliński E. (2006), *Nauka o państwie i polityce*, Elipsa, Warszawa.

Е. Клеер
РАЗВИТИЕ И КУЛЬТУРНАЯ СИСТЕМА

Связи между развитием и культурной системой необыкновенно важны, хотя это пока что не находит достаточного отражения в отдельных научных дисциплинах. Это особенно заметно в случае экономических наук, в которых анализ подобного типа никогда не играл существенной роли. А с момента, когда математика прочно укоренилась в качестве познавательного инструмента и важной составной части исследований, проблематика, связанная с культурной системой, практически исчезла. Однако отсутствие исследований связей между развитием и культурной системой обязано не только этому явлению. Не пытаясь в предварительных замечаниях дать исчерпывающий ответ на вопрос, почему этот тип исследований практически отмер, можно указать на два обстоятельства, предопределяющие причины отсутствия подобного типа работ. Первая, и как кажется, самая существенная, это то, что развитие является изменчивым процессом, а культурная система подвержена лишь незначительным изменениям, причем в значительных интервалах времени. Другая еще более сложна с точки зрения методологии.

Развитие, даже если мы рассматриваем его не только с экономической точки зрения, обладает некоторыми универсальными свойствами, по крайней мере с начала промышленной цивилизации, тогда как культурная система (хотя некоторые ее составные элементы и носят во многих государствах сходный характер) не подлежит универсализации, даже в случае, когда данная группа государств принадлежит к одной и той же цивилизации, рассматриваемой с социально-экономической точки зрения.

Подобного типа причины, как представляется, и предопределяют отсутствие заметной заинтересованности экономистов влиянием культурной системы на процессы развития. Впрочем, следует подчеркнуть, что некоторые признаки такой заинтересованности уже начали появляться, хотя это скорее единичные случаи, а не какое-то зарождающееся направление исследований.

Попытка дефиниции

Исходной точкой нашего анализа будет попытка дать дефиницию, а точнее, представить главные составные элементы, определяющие категории как развития, так и культурной системы, формирующие их характер, а также вытекающие из этого последствия.

Как отмечалось выше, настоящий анализ будет посвящен взаимозависимостям вышеуказанных категорий в условиях индустриальной цивилизации и в начальный период цивилизации знаний. Тем самым они будут касаться той части социально-экономического развития, в которой преобладающей формой хозяйствования было и остается рыночное хозяйство.

1. Социально-экономическое развитие

Как следует из вышесказанного, развитие в последующих рассуждениях будет пониматься значительно шире, чем экономическое развитие, которое, как правило, оценивается на

основании роста ВВП. Развитие — это категория значительно более емкая, она охватывает гораздо более широкий круг проблем, таких как экономические, политические, связанные с охраной природной среды, популяционные, научно-просветительские, равно как и систему связей между ними — как внутри отдельных государств, так и в международном масштабе.

В этом контексте я попытаюсь сформулировать общую гипотезу, которую можно рассматривать как общую закономерность, касающуюся всех обществ и государств. Общества и государства обречены на неравномерное развитие, результатом которого становится дифференциация отдельных групп не только в пределах государства, но и между ними, охватывая разнообразие отношений между государствами. Внутренняя дифференциация является следствием, с одной стороны, социально-экономического развития, а с другой — политики государства, которое в разные периоды ставит в привилегированное положение одни общественные группы за счет других. Подобного типа решения государств, а точнее, их властей, не должны носить и, как правило, не носят устойчивого характера. В наше время влияние на такие изменения оказывают главным образом политические факторы.

В некоторых ситуациях внутреннюю дифференциацию можно смягчить, однако ее полное устранение невозможно. Мир может развиваться только дифференцированно. Это касается не только государств или их крупных группировок, более или менее интегрированных, но и обществ, которые постоянно подвергаются дифференциации. Это, однако, не значит, что структура отдельных групп не подлежит изменению. Ведь здесь действует процесс своеобразного перетока больших или меньших групп, который изменяет иерархию их доходной и социальной принадлежности. Некоторые группы переходят в более привилегированные слои, тогда как другие опускаются, переходя в подчиненные слои или классы. Это касается не только перемещений внутри отдельных обществ, но происходит и с крупными регионами, в том числе и госу-

дарствами. Процесс дифференциации – устойчивое явление, и до настоящего времени не изобретено никакого механизма, который мог бы его устранить. Тем не менее следует добавить, что дифференциация обладает и некоторыми положительными свойствами, так как она делает возможным проявление разного рода креативности.

Развитие в самом общем плане является результатом накопленных производственных ресурсов, природно-географических условий, аккумулированных знаний, расширения прав широких общественных слоев, готовности к внешним решениям, креативности отдельных лиц или их групп, способности к взаимодействию в составе групп, а также толерантности и солидарности.

Это, по-видимому, далеко не полный комплекс факторов, предопределяющих развитие, но основной комплекс условий, которые делают его возможным.

Рассмотрим несколько составных элементов, играющих основную роль в этом процессе. Эти элементы носят отчасти природно-географический, а отчасти социальный характер [Sowel, 2016]. Обе группы совместно определяют условия развития, хотя, по-видимому, и в неодинаковой степени.

Нижеследующий анализ не носит оценочного характера, поскольку на разных фазах развития отдельные его компоненты в различной степени подвергаются более или менее значительным модификациям или даже изменениям.

В качестве первого компонента этой группы необходимо выделить территорию государства, причем в нескольких ее качествах. К ним относятся размер территории, его изменчивость во времени, увеличение или уменьшение, которое могло быть следствием войн или иных событий, происходивших со многими государствами. Наконец, что представляется особенно важным, это местоположение государства, удобность или эффективность которого можно рассматривать с нескольких точек зрения. Дело в том, что оно предопределяет систему транспортных и политических

связей, степень природной защищенности и прежде всего возможности для экономической экспансии, имевшей место еще в доиндустриальные периоды. Трудно детально оценить значение местоположения, но можно выделить его положительные стороны, по крайней мере оценивая удобство сухопутных путей сообщения, а также наличие судоходных рек и удобного доступа к морю.

С вышесказанным связан фактор широко понимаемой географической среды, обуславливающий как минимум те преимущества, которые вытекают из ее естественного характера. К последним относятся водные пути, характер рельефа, горы, почвы и возможности выращивания различных культур, животные, разнородность сырьевых ресурсов, а также тип или распространенность некоторых заболеваний [Landes, 2005]. Не подлежит сомнению, что благоприятные природные условия оказывали и оказывают существенное влияние на экономическое развитие, обеспечивая увеличенное предложение продуктов питания, других сырьевых ресурсов, которые давали и дают возможности для обмена продуктами, а следовательно, и для улучшения условий жизни населения, а также обуславливают возможности дальнейшей экспансии.

В какой-то мере это касается также темпов изменений, происходящих в результате развития городов, которые определяют их роль в общем развитии. Этот процесс в значительной степени являлся и является производной от общего развития человечества, но вместе с развитием индустриальной цивилизации он ускоряется, хотя исторически он и унаследован от предыдущих эпох [Szymańska, 2013]. Предыдущие эпохи оставили важное наследие, оказавшее существенное влияние на будущее развитие. С этой точки зрения в разных обществах и государствах существовала различная почва для внедрения рыночного хозяйства, промышленности, а также и для распространения образования.

Остальные компоненты оказывают уже непосредственное и сильное влияние на развитие, причем как в доинду-

стриальный период, так и особенно в период промышленной цивилизации, а также в период постепенного вхождения данного общества в цивилизацию знаний.

К ним в первую очередь относится народонаселение, и прежде всего его состав и характер. Влияние как состава, так и величины населения играет существенную роль в формировании цивилизационного уровня. Исходной точкой всегда является размер населения. Он в значительной степени предопределяет возможную экспансию, как с экономической, так и с военной точки зрения. Нельзя забывать, что военный фактор играл существенную роль, не только влияя на величину имеющейся территории, но и определяя возможности для ее освоения, что оказывало прямое влияние как на высвобождение общественной креативности, так и на улучшение условий жизни. Территориальная экспансия всегда была связана с завоеваниями или войнами, что не значит, что в некоторых ситуациях она не носила мирного характера. Но она всегда была связана с некоторым экономическим прогрессом, хотя бы в части прогресса в вооружениях, а также в образовании. Не случайно подчеркивается, что Европа развивалась путем войны [Roman, 2009], причем этот феномен не был исключительно европейским.

Рассматривая влияние населения на развитие, необходимо прежде всего выяснить то воздействие, какое на него оказало образование. Образовательный процесс происходил в обществе постепенно, и, что важнее, дифференцированно. Переход от элитарного образования к более или менее всеобщему в большой мере зависел от характера государства и его политической модели. Образование в отдельных обществах или государствах оказало существенное влияние на формирование прежде всего креативных групп, образующих зачатки элит — не только связанных с научно-техническим прогрессом, но и элит имущественных, как унаследовавших свое богатство от предыдущих эпох, так и тех, которые овладели имуществом, наживаясь на новом типе производства и развитии рыночного хозяйства. Можно, разумеется, спо-

речь о том, насколько отдельные общества являются более или менее креативными. Более убедителен, однако, тезис, что уровень креативности зависит от условий, в которых функционирует данное общество, чем утверждение, что одни общества имеют более, а другие менее развитый ген креативности. Не подлежит, однако, сомнению, что одним из важных факторов креативности в конкретных обществах является широкий и качественный прогресс в образовании. Но следует помнить и о том, что такой прогресс распространялся на отдельные общественные группы постепенно, а во многих государствах при значительном сопротивлении по политическим и общественным причинам.

Если с этой точки зрения посмотреть на карту мира, то окажется, что всеобщее образование стало своего рода привилегией территории, определяемой как евроатлантическая цивилизация. В Африке, Азии, Южной и Центральной Америке процесс всеобщего образования еще далек от своего завершения.

С точки зрения развития в равной степени важным фактором является вопрос накопления знаний и передачи их из одного поколения в другое. Этот вопрос важен по двум причинам. Первая — это то, что единожды полученный образовательно-новаторский эффект должен устойчиво функционировать в обществе. Но есть и другая, иногда даже более важная, хотя и не столь распространенная, причина, состоящая в том, что нечто, открытое в прошлом, но не использованное тогда по экономическим или социальным причинам, впоследствии стало изобретением, ценившимся на вес золота.

Для развития вообще, и экономического в частности, огромное значение имеет накопление экономических ресурсов. В этом процессе существует некая закономерность, состоящая в том, что чем более быстрым и эффективным должно быть развитие, тем больше должны быть эти ресурсы, как человеческие и материально-технические, так и концептуальные. Отсюда следует, что в процессе развития всегда появляется дилемма деления конкретного ресурса — его

предназначение на потребление или на инвестиции. Это противоречие всегда существовало и будет существовать, так как общественный консенсус при определении того, что важнее, текущее или будущее потребление, отсутствует.

Рассматривая компоненты развития, мы подошли к тому из них, который представляется самым важным, а именно к государству. Государство в условиях индустриальной цивилизации получило особый статус по сравнению с институтом государства в предыдущие эпохи — оно стало суверенным субъектом. Новый государственный порядок также распространялся постепенно, но, тем не менее, признаки этой суверенности приобретали вместе с развитием все более отчетливую форму. Первый и, пожалуй, самый важный был связан со своего рода форматированием суверенитета, что проявилось в выраженном стремлении к охране или защите своей территории. Формирование границ государства стало одним из основных критериев или проявлений его суверенности. Государство получило таким образом определенный объем властных функций. Кроме того, таким образом было определено отношение к другим государствам в плане возможности их вмешательства во внутренние дела. Вопросом времени стала свобода, но также и ограничение потоков благ и людей. Это снова-таки привело к формированию целой системы регулирования, а также институтов, определяющих внутренний порядок во многих областях общественной и хозяйственной жизни. Что касается экономической сферы, то основная проблема касалась соотношения между тем, что остается в ведении государства, и тем, что входит в сферу свободы частных субъектов в области хозяйствования и собственности. Это имело принципиальное значение в условиях постоянно расширяющихся сфер рыночного хозяйства. А в этой области основной проблемой стал — и поныне является — объем свободы хозяйственной деятельности [Kondratowicz, 2013].

Свобода хозяйственной деятельности частных хозяйствующих субъектов — это один из основных атрибутов экспан-

сии, которая предопределяет развитие. В равной степени важной, а с точки зрения долгосрочного развития, быть может, и более важной, стала сфера общественного регулирования. Здесь происходили два значимых регулирующих процесса, которые породили соответствующие институты. С одной стороны, сформировалась правовая система, определяющая права и обязанности граждан. С другой стороны, начинает развиваться и расширяться сфера публичных общественных благ, являющихся частью публичного сектора и имеющих решающее значение для условий развития общества. Сюда входят такие области, как образование, здравоохранение, социальная помощь, проблемы безработицы, охрана природной среды, перераспределение доходов, а также блага, связанные с открытостью экономик [Kleer, 2015]. Развитие сферы предложения публичных благ происходило постепенно, нередко становясь результатом борьбы общества как за определенные публичные блага, так и за расширение их сферы. Масштаб этих процессов был и остается весьма дифференцированным в различных государствах, в том числе и в наиболее развитых.

В контексте роли государства в развитии следует также уделить внимание различным моделям, которые, по крайней мере начиная с времен промышленной цивилизации, функционировали в разные периоды, а также в отдельных государствах. Прежде чем они будут рассмотрены, следовало бы сделать некоторые общие замечания. Развитие и эволюция этих моделей не носили линейного характера, Правда, в теории общая тенденция характеризовалась переходом от более репрессивных к менее репрессивным моделям, но в действительности очередность была различной и в сущности касалась скорее отдельных государств, чем их совокупностей. Более того, эта очередность не была непосредственно связана с уровнем их развития. Модели можно разделить на две несколько отличающиеся друг от друга группы. В первой из них модели различаются по отношению с внешним миром. Здесь можно выделить модель либеральную, более или

менее открытую к внешнему миру, и модель протекционистскую, в значительной мере ограничивающую связи с остальным миром. Подобные ограничения касались и до сих пор касаются как экономических контактов, так и свободы перемещения людей, а также контактов научных, технических и культурных. В другую группу, частично пересекающуюся с первой, входят, с одной стороны, разного рода демократические модели, а с другой — авторитарные или диктаторские. В последних ограничения касаются главным образом гражданских свобод, а также хозяйственной деятельности и собственности.

Если результаты развития мы будем оценивать только по темпам роста ВВП, то наши оценки моделей могут оказаться ошибочными. В истории нередко случалось, что диктаторские модели характеризовались более высокими темпами роста, нежели модели либерально-демократические. Это могло быть следствием сплетения разных факторов, подробный анализ которых мог бы дать более точный ответ на вопрос, какое влияние оказывали, а также отчасти оказывают сегодня, конкретные политические модели на экономическое и общественное развитие. Это потребовало бы, однако, детального анализа условий развития отдельных государств на протяжении длительного периода. Более того, такой анализ должен был бы охватывать развитие всей социальной сферы, особенно в области степени дифференциации [Atkinson, 2017], причем не только доходной, но и с учетом личностных свобод, законности и всей сферы решений, предлагаемых демократическими и авторитарно-диктаторскими моделями в общественно-политической сфере.

Производной от политических моделей (иногда в значительной степени) являются экономические модели, которые в самом общем плане регулируют хозяйственную жизнь. Не вдаваясь в подробный анализ отдельных моделей, можно в общем плане выделить следующие: либеральную (с важным подвидом — неолиберальной моделью), ордолиберальную модель, модель социального государства, а также различные

гибридные решения. В целом между отдельными моделями можно обозначить три основных различия. Первое касается темпов роста, измеряемого в первую очередь показателем ВВП — как в целом, так и в пересчете на душу населения. Второе связано с выгодами, которые в результате экономического развития получают отдельные общественные группы, особенно подразделенные на собственников капитала и тех, кто этого капитала лишен. Третье различие касается сферы влияния государства на экономику — как в качестве субъекта — производителя товаров и услуг, так и в качестве субъекта, действующего в регулятивной и распределительной сферах [Stiglitz, 2015].

В целом можно констатировать, что наиболее благоприятной для развития политической моделью являлась и является модель либерально-демократическая, а наихудшей — диктаторско-протекционистская. При этом следует подчеркнуть, что как и в случае с общественно-политическими моделями, применительно к экономическим моделям нельзя говорить об устойчивой и преемственной эволюции от менее благоприятных к более благоприятным моделям. Опыт экономического развития не дает никаких рациональных оснований для того, чтобы считать, что это развитие носит устойчивый характер, а также для выводов об отсутствии движения вспять, спадов и других неблагоприятных явлений в форме не только финансово-экономических кризисов, но и в особенности кризисов политических, включая разного рода перевороты и войны [Wallerstein, 2007; Simms, 2015].

Вышесказанное позволяет прийти к некоторому более общему выводу. Понятие развития, особенно социально-экономического, является категорией неслыханно сложной, особенно если мы подойдем к ней не статически, а динамически. Развивающийся мир вносит в категорию развития все новые элементы, являющиеся результатом не только экономического развития, но и научно-технического, а также культурного прогресса.

Представленные выше рассуждения можно обобщенно подытожить, констатируя, что различные политические

модели, будучи связаны с моделями экономическими, оказывали и продолжают оказывать существенное влияние на динамику развития и происходящую внутреннюю и мировую дифференциацию. Это относится как к экономической, так и социально-политической дифференциации, углубляющейся под влиянием разного рода идеологий — как старых, но подогреваемых в новых условиях, так и новых [Wagner, 1998; Nisbett, 2009].

В заключение следует сделать, возможно, самый важный вывод о том, что значение подобных различий никогда не удастся свести на нет. А в наше время на это состояние вещей сильнейшее влияние оказывают цивилизационные кризисы, к анализу которых нам придется еще вернуться в дальнейшем.

2. Культурная система и ее влияние на развитие

Связи между культурной системой и развитием многочисленны и, что важнее, особенно сложны. Однако прежде, чем я их представлю, следует сформулировать основное различие между ними. **Развитие характеризуется значительной изменчивостью, тогда как культурная система — большой устойчивостью.**

Эти различия вытекают из функций, исполняемых как развитием, так и культурными системами. В самом общем плане различие состоит в том, что главной функцией, или точнее, задачей развития является улучшение качества общественной жизни, тогда как основная функция культурной системы — это формирование своего рода связующего элемента нематериального характера, оказывающего ключевое влияние на формирование системы ценностей, а также на характер институтов, объединяющих разные общественные группы в пределах определенного государства, часто неоднородные этнически.

Если в случае развития можно согласиться с подобным определением, то значительно труднее обстоит дело в случае культурной системы, особенно когда мы пытаемся отнести

её к категориям развития. Конечно, есть немало примеров в работах экономистов, в которых культура рассматривается как фактор, заметно влияющий на экономические процессы [Harrison, Huntington 2003; Hausner et al., 2013; Wilkin, 2016 и многие другие].

Поэтому я приведу свою собственную дефиницию, которая относится к числу самых широких и рассматривает культурную систему как своего рода пятиугольник. Её элементы — это язык, традиция, история, религия и отношение к государству [Kleer, 2012]. Правда, экономические науки в последнем десятилетии все чаще должным образом оценивают влияние по крайней мере некоторых компонентов культуры на развитие, но они делают это довольно избирательно. Они концентрируются главным образом на категории «культура», понимаемой довольно дифференцированно. Я не буду здесь говорить о довольно широкой дискуссии на эту тему и попытаюсь представить здесь мой подход и влияние его отдельных составляющих на развитие.

2.1. Язык

По отношению к социально-экономическому развитию язык играет особенную роль, главным образом потому, что он облегчает, в частности, обмен благами и услугами, а также обеспечивает коммуникации между людьми. Особое значение он стал приобретать с развитием рыночного хозяйства и постепенным формированием мирового рынка. Отсюда в контексте развития можно сформулировать несколько основных функций, которые он должен исполнять в этой области.

Во-первых, язык представляет собой главный и в сущности единственный механизм общения — как внутри собственного народа, общества и государства, как и с другими обществами. В наше время язык стал особенно важен, расширяя возможности для взаимодействия в различных областях, в том числе в экономике и политике, которые обуславливают развитие [Castels, 2011].

Во-вторых, в большинстве случаев языки носят характер локально-национальный, но некоторые из них имеют значительно более широкий радиус действия [Nisbett, 2009]; есть и такие языки, которые обладают доминирующим статусом или даже становятся мировыми языками. В настоящее время мировым языком является английский, но в прошлом, по крайней мере в Европе, эту функцию выполняла латынь, а затем французский, а отчасти также немецкий. Трудно переоценить значение языкового доминирования, поскольку речь здесь идет не только о взаимопонимании, но и о распространении науки, культурного наследия, не говоря уже об экономическом обмене. Поэтому статус доминирующего языка обеспечивает последнему значительно более широкий охват, нежели только экономико-технические связи, особенно если учесть значение, которое сегодня приобрели международные институты, транснациональные корпорации и финансовые рынки. В наше время речь идет прежде всего об изменениях, которые происходят под влиянием информационной революции.

В-третьих, язык делает возможным преследование различного рода целей, пропаганду разнородных идеологий, в том числе и таких, которые отнюдь не благоприятствуют развитию или даже враждебны к нему. К таким идеологиям относятся, например, протекционизм, популизм, различные формы фундаментализма [Guce, 2006], ксенофобия, национализм и т. п. Обобщая, можно сказать, что эмоции, распространяемые при помощи языка, имеют многочисленные функции, как положительные, так и отрицательные по своему характеру. Это особенно заметно в настоящее время, если учесть, какое влияние получила доктрина неоллиберализма и какую роль играет ныне популизм.

2.2. Традиции

Анализ традиций как составной части культурной системы, особенно с точки зрения их влияния на развитие, требует расширенного комментария, а также некоторой их

дифференциации. Дело в том, что проявляются два типа влияния традиций: положительный и отрицательный.

Традиция представляет собой накопление опыта прошлого — как действительного, так и мифологизированного. Сюда входят и те традиции, которые представляют собой продукт деятельности данного этнически однородного общества, так и опыт общества этнически чуждого, но проживающего на территории данной страны или даже являющегося на ней коренным. Сюда же относится опыт отношений с другими обществами, ближними и дальними соседями. При этом, как правило, традицией первого плана считается та, которую считает своей преобладающая этническая группа, проживающая на данной территории и являющаяся здесь коренной.

Анализ как положительных, так и отрицательных компонентов традиций необыкновенно затруднителен из-за проблемы времени, которое необходимо учитывать в подобного рода рассуждениях. Ведь любой опыт — как положительный, так и отрицательный — никогда не носит линейного характера. Различным является не только его распределение во времени, по отдельным общественным группам, по разным регионам государства, но и отражение его в исторической памяти. Различным является и опыт в отношениях с сопредельными обществами и государствами [Weber, 1984]. Поэтому весь комплекс действительного или мифологизированного опыта можно рассмотреть и попытаться идентифицировать только теоретически и весьма обобщенно. Конкретизация возможна лишь тогда, когда мы подвергаем анализу конкретные государства или даже отдельные части данного государства или общества, особенно с подразделением на подгруппы, главным образом с этнической точки зрения.

2.2.1. Позитивные традиции

Рассуждения, посвященные позитивным традициям, следует подразделить на две группы — относящиеся к традициям внутренним и традициям внешним. Первые зависели

и продолжают зависеть от степени единства общества, и не только в кратком интервале времени, но и в отдаленной исторической перспективе. Эти зависимости формировались как производные от степени этнической и религиозной однородности, от форм зависимостей между отдельными общественными группами, от их иерархичности, доходной и интеллектуальной дифференциации, а также от возможностей обмена между этими группами. Важную роль, несомненно, сыграли также уровень экономического и общественного развития государства и преобладавшая в нем политическая модель.

Более сложными были и остаются традиции, связанные с внешними отношениями. Среди них можно в общем плане выделить по меньшей мере пять основных групп.

Первая касается политических взаимоотношений с окружающим миром — как ближним, так и отдаленным, того, насколько они были и являются мирными, а насколько конфликтными. Как свидетельствуют традиции практически всех государств, они никогда не были ни исключительно мирными, ни только конфликтными. Вопрос принципиального значения — это то, в какой степени эти отношения зафиксировались в традициях как мирные контакты и в какой — как конфликтные. Традиция, однако, это отнюдь не своего рода весы, на которых можно было бы точно взвесить это освященное веками общественное сознание.

Вторая группа традиций связана с экономическими контактами. Развитие всегда в большей или меньшей степени было связано с экспансией хозяйствующих субъектов за пределы их собственной территории. Чем шире была такая экспансия, обеспечивая соответственно большие выгоды, тем чаще она положительно отражалась в общественном сознании. В какой-то степени она оказывала влияние и на дальнейшее развитие, а также на его положительную оценку. Это особенно относилось к мнению о том, какие внешние соседи достойны доверия и расширения с ними экономических контактов, а с какими контакты следует ограничивать; что из

позитивного опыта можно перенимать, а что не допускать на свою территорию. Подобные формы влияния никогда не имели и не имеют одностороннего характера.

Третья группа связана с более или менее устойчивыми военными связями. Развитие в широком смысле этого слова, как учит исторический опыт Европы и остальных частей света, всегда было связано с войнами, иногда малыми войнами или вооруженными конфликтами. Поэтому проблема союзников всегда была важной, а вопрос их надежности и эффективности не только имел практическое значение, но и в определенной степени отражался в традиции, а следовательно, и в общественном сознании. Это имело особенное значение тогда, когда модель государственного суверенитета еще не упрочилась в достаточной мере, а традиция намного сильнее связана с прошлым, чем современность. Вместе с тем, и в наше время проблема военных союзов в какой-то степени продолжает, насколько это возможно, давние традиции.

Четвертая группа традиций связана с обширнейшей областью, касающейся образования, технического прогресса, научных концепций развития общества, государства, внешних связей. Развитие каждого общества характеризовалось более или менее широким заимствованием знаний, общественных решений, а также особенностей государственной модели или военного опыта извне [Kleer, 2015]. Это касается не только тех обществ, которые были менее развиты, но и тех, которые лидировали в развитии. В этом контексте необходимо сделать несколько замечаний, связанных с мультикультурностью, так как вклад носителей других культур в развитие трудно переоценить. То, что практически любое общество, организованное в государство, неоднородно в этническом плане, в отношении религии или мировоззрения, представляется довольно очевидным. Это, однако, отнюдь не означает, что отдельные общества всегда с готовностью воспринимают подобное иностранное влияние. В позитивном плане такое влияние лучше всего заметно на примере таких государств, как США, Австралия, а также Швейцария.

К **пятой** группе относятся традиции, связанные с языком, хотя и в несколько ином контексте, чем было показано выше. Мы уже упоминали о том, что некоторые из языков имели или имеют доминирующий характер. Однако в некоторых ситуациях это доминирование несет в себе конфликтный потенциал, особенно в условиях формирующегося мирового хозяйства и глобализации. Этот потенциал во все большей степени будет проявляться по отношению к таким государствам, как Китай или Индия, которые доминируют с точки зрения их доли в мировом населении и ВВП. Сегодня трудно предсказать, какими могут быть последствия такого доминирования, но в прошлом эти преобладающие языки имели конфликтный характер, будучи языками колониальных держав. Их перенимала часть населения колоний, что, однако, не снимало с них «клейма» языка государств-захватчиков. Рассматривая данный вопрос с этой точки зрения, можно бы было эту группу отнести, по крайней мере частично, к категории негативных традиций.

2.2.2. Негативные традиции

Негативные традиции представляют собой в какой-то мере оборотную сторону традиций позитивных. Так же, как и в случае негативных традиций, можно указать на несколько их основных проявлений.

Первое из них связано с последствиями войн, которые, как правило, велись в прошлом с более сильными соседями. Если такие войны повторялись неоднократно, они находили свое отражение в традиции, а также в сознании многих общественных групп. И, как правило, это касалось двух-трех государств, что отнюдь не значит, что войны не велись с другими государствами.

Второе проявление, в какой-то степени являющееся производным от первого, принимало форму захвата части территории победившими государствами. Такой захват носил в некоторых случаях временный характер, но бывало и так, что он оказывался продолжителен. Это подчас происходит и в наши времена.

Третье проявление, представляющее уже внутренний эффект формирования традиции, состоит в навязывании идеологий, касающихся либо представлений о собственном обществе, либо представлений всемирного характера, а также касающихся отношений с гражданами иного этнического или религиозного происхождения. Сюда следует отнести также распространение определенными общественными или религиозными группами негативных оценок, касающихся системных решений.

В зависимости от характера власти распространяются те элементы позитивной либо негативной традиции, которые с точки зрения власти лучше всего служат ее концепции развития. Может, впрочем, иметь место и комбинация в распространении этих традиций, с упором на некоторые их позитивные, а иногда и негативные компоненты. В некоторых обществах могут иметь место две разные наррации о традициях. Одна распространяется центрами власти, а другая — оппозиционными группами и той частью общества, которая оппозицию поддерживает.

В настоящее время во всех государствах традиция используется по-разному, что временами приносит положительные результаты, но нередко, как показывает опыт, влияет на развитие отрицательно. Основная проблема сводится, как правило, к тому, что в случае наррации традиции она очень часто используется селективно.

3. История

Влияние истории на развитие дифференцировано, причем в двойном значении этого слова. История, особенно история определенного общества, не говоря уже о государстве, связана главным образом с местом его географической локализации. Локализация может быть более или менее выгодна с точки зрения как развития, так и истории. Имеющиеся ресурсы, характер возделываемой земли, доступ к водным путям и т. п. — все эти факторы оказывают существенное влия-

яние на историю как с точки зрения собственного общества, так и с точки зрения возможных экспансионистских устремлений сопредельных обществ. Благоприятные географические условия в значительной мере определяют не только первичные креативные способности общества, но и возможность заимствования начинаний более развитых обществ, что делает возможным получение добавочного стимула в виде приобретенной креативности. Кроме того, история связана с формой и характером организации общества, что оказывало довольно существенное влияние на эффективность сформированного государства, на его внутреннюю сплоченность, концепцию развития и характер власти.

С этой точки зрения можно выделить несколько основных элементов или факторов, оказывающих влияние на развитие.

Первый касается исторической преемственности отдельных государств, которая в мировой системе складывалась весьма по-разному. В зависимости от того, с какого момента мы начнем анализ истории государства, мы получим весьма различные картины с географической точки зрения; кроме того, исторические модели государств были весьма различными. Многие государства, существовавшие в далеком прошлом на Ближнем Востоке или в Африке, исчезли с карты мира, а другие появились в Европе только в последнем тысячелетии. Лишь немногие сохранили преемственность с прошлым, часто меняя характер культурной системы, не говоря уже о территории, организационной форме или характере власти.

Напоминая об этих процессах, имевших место в прошлом, я хотел прежде всего показать, что государство как суверенный субъект не дано раз навсегда. Этот вывод важен не только для весьма отдаленного прошлого; он имел и, по-видимому, будет иметь место в современной эпохе.

Второй фактор связан с возникновением современных государств, являющихся результатом промышленной революции, и с переходом к цивилизации знаний. История с этой точки зрения весьма избирательна, зачатки современных

государств мы можем без труда увидеть на западе Европы. А зарождение современного государства было процессом не только сложным, но и продолжительным. На хронологической шкале его можно поместить в период от окончания религиозных войн до Вестфальского мира. Мощным импульсом для формирования современных государств стала не только мысль Просвещения, но и наполеоновские войны, которые существенно изменили Европу: в ней постепенно распространялись идеи энциклопедистов и новые представления о развитии как явлении не только политическом, но и экономико-социальном.

С этой точки зрения Европа раскололась на две части. Запад Европы стал развиваться согласно новым институциональным принципам и в соответствии с требованиями рыночной экономики, тогда как Восток еще долго оставался в оковах аграрной цивилизации и принципов функционирования феодальных государств. Это, однако, не значит, что Восток Европы вообще не изменялся. Постепенно, но все шире распространялась рыночная экономика, развивались новые классы, новые идеи пробивали себе дорогу — правда, в немногочисленные группы, а процесс модернизации медленно распространялся имитационным путем. Постепенность и низкие темпы этого процесса была отчасти обоснованы, так как довольно много государств этого региона, бывших в прошлом суверенными, утратили свою независимость.

Третьим важным элементом стало появление, главным образом на западе Европы, колониальных держав, которые колонизировали Африку, отчасти Азию и Центральную и Южную Америку; с другой стороны, отстояли свой суверенитет Соединенные Штаты, возникли зачатки промышленной революции в Японии (реставрация Мейдзи, 1868—1889 гг.). Все эти процессы имели сильнейшее влияние на экономическое, а отчасти и на общественное развитие. Конечно, во многих случаях, по крайней мере в начальный период, это было имитационное развитие. Трудно переоценить значение следования опыту моделей развития тех государств, которые ранее вступили на путь, формируемый промышленной цивилизацией.

Четвертым фактором стали последствия Первой мировой войны. Ее результатом стало падение нескольких великих держав, в том числе и колониальных, была начата деколонизация. Вследствие распада нескольких европейских держав, таких как Австро-Венгерская монархия, Германская и Российская империи, а также Османская империя, вновь появилось более десятка государств, ранее уже существовавших, в частности Польша. Одновременно зародились новые системные решения.

Это произошло вследствие большевистской революции в России и начала социалистического эксперимента. Другим важным процессом было постепенное разрастание нового организационного типа государства — фашизма, который приобрел наиболее развитую и жестокую форму в Германии. Социалистическая и фашистская идеологии начинают распространяться не только в Европе, но и в Азии.

Межвоенное двадцатилетие (между Первой и Второй мировыми войнами) вряд ли можно отнести к периодам, характеризующимся особым общественно-экономическим развитием. Но оно сыграло существенную роль в интеграционных процессах, происходивших во вновь возникших государствах, особенно в плане общественно-интеллектуального прогресса.

Важнейшим событием этого периода стала Великая депрессия 30-х годов, которая оказала сильнейшее влияние на прогресс в секторе военной промышленности, а также на организационную форму государства. Особенно характерным для этого периода было сильнейшее влияние некоторых компонентов культурной системы на политику, прежде всего во вновь возникших государствах — как тех, которые существовали в прошлом, так и тех, которые возникли как бы из небытия.

Пятым, особо выделяющимся фактором, явилась Вторая мировая война вместе с ее последствиями. Они имели огромное значение для развития в самом широком смысле этого слова. Прежде всего следует отметить огромный технический

прогресс, имевший место в первую очередь в военной промышленности, достижения которой относительно быстро получили распространение в гражданском секторе, оказывая существенное влияние на рост потребления, особенно в странах Западной Европы и в США. Одним из важных факторов, ускоривших этот технический прогресс, стало нарастающее соперничество между двумя системами — капиталистической и социалистической, которая после Второй мировой войны значительно расширила свою территорию как в Европе, так и в Азии, охватив также отдельные страны Африки и Южной Америки. В этом соперничестве побеждает капитализм, происходит крушение социалистического эксперимента в Европе, Азии и Африке.

Эти изменения имели различные последствия, начиная с формирования модели социального государства в развитых государствах Западной Европы и США, которая придала развитию новые импульсы, особенно в социальной сфере, развивая публичный сектор с расширенным предложением публичных благ, который оказал самое положительное влияние на качество жизни широких слоев общества. Другим эффектом соперничества капитализма с социализмом была, с одной стороны, почти полная деколонизация, а с другой — экономическая трансформация государств, принадлежавших до этого к социалистической системе, их переход к рыночной экономике.

Не подлежит сомнению, что в обоих этих процессах — деколонизации и переходе к рыночной экономике — огромную роль сыграла культурная система, в которой в этот период происходили постепенные изменения в области сознания. Они приобрели тогда огромное значение в разных сферах общественной, политической, а отчасти и экономической жизни. Однако это влияние не всегда имело положительный характер, к чему нам еще придется вернуться в дальнейшем.

Здесь необходимо обратить внимание на еще один процесс, который в корне изменил картину мира. О нем говорит сравнение числа суверенных государств. В 1901 году их было 55, а в 2010 году более 200. Но один огромный прирост числа

суверенных государств не был равнозначен их упрочению и развитию. Правда, после Второй мировой войны вопросы развития как развитых, так и отсталых государств стали одной из центральных проблем современности, а также предметом серьезной научной дискуссии. Эта проблема, однако, все еще далека от решения и относится к числу самых серьезных проблем глобального развития. Если в начале XX века 20% населения мира жило в условиях промышленной цивилизации, в странах относительно развитых, то 80% все еще функционировало в цивилизации аграрной, при лишь поверхностном влиянии индустриальной цивилизации. Ныне эта картина подверглась довольно существенным изменениям, особенно в Азии, где появились уже весьма развитые территории – достаточно назвать такие государства или анклавы, как Южная Корея, Сингапур, Гонконг. Быстрыми темпами развиваются восходящие экономики, такие как Китай или Индия. Однако проблемы недоразвитости по-прежнему преобладают в Африке, Южной и Центральной Америке, в которых прогресс в области развития все еще невелик.

Эта обобщенная картина исторических перемен показана здесь главным образом потому, что характер и темпы таких изменений отражаются в сознании общества и уже стали прочным элементом культурных систем. Осознание исторических перемен является существенным фактором, стимулирующим развитие, причем используется как позитивный, так и негативный опыт. А такого негативного опыта, особенно во многих вновь возникших государствах, немало, недовольство упрочивается и избавиться от него очень трудно, так как оно передается из поколения в поколение.

4. Религия

Религия играет в культурной системе чрезвычайно важную роль, особенно в некоторые периоды, прежде всего переломного характера, как с точки зрения масштабов охвата (целые государства или общества), так и с точки зрения

огромных объемов изменений, происходящих в отдельных государствах, в особенности в периоды цивилизационных переломов. Основной функцией, выполняемой религией, является обеспечение духовных уз, связующих определенную этническую группу; она исполняет, разумеется, и другие задачи, обстоятельный анализ которых выходит за пределы настоящей статьи. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что формируемые религией духовные узы в значительной степени находят выражение в многочисленных функциях, связанных с практикой повседневной жизни, — как в периоды мира, так и особенно во времена более драматические. На практике это означает, что формируются многочисленные отношения между людьми, особенно в пределах определенной этнической группы, исповедующей ту же религию. Однако ее влияние значительно шире, так как она определяет взаимоотношения и с другими этническими группами — как с теми, которые исповедуют ту же самую религию, так и верующими иначе.

Не вдаваясь в подробный анализ роли религии в истории отдельных обществ, а особенно во взаимоотношения с другими религиями, необходимо здесь определить некую отправную точку, а именно то, что система верований сопутствовала роду человеческому с самого начала его существования. Она обеспечивала ему поддержку как в периоды его успехов, так и в случае поражений.

Существенное изменение наступает только с момента возникновения или появления монотеистических религий, которые вырастают, правда, из того же самого основания, но с самого начала носят конфликтный характер — как по отношению к остальным религиям, так и внутри того же самого течения.

Можно сформулировать некоторую общую гипотезу о том, что эта конфликтность особенно остро проявляется в периоды цивилизационных кризисов, принимая даже формы религиозных войн. Так было и на заре цивилизации, и в начале промышленной

революции, когда велась тридцатилетняя война между сторонниками папизма и реформацией. Подобный характер носит и современная война радикального ислама с христианством, а также конфликт между двумя основными течениями ислама. Это — одно из основных и важнейших проявлений перехода от промышленной цивилизации к цивилизации знаний.

Из этих весьма общих констатаций можно сделать вывод, что религия активно участвует в процессе перемен, который следует отнести к категории процессов развития. Но влияние религии на общественную жизнь, как и на экономические процессы, много шире. Дело в том, что религия играет важную роль в определении принципов функционирования отдельных обществ и государств. В этом процессе можно выделить несколько важных функций, на которые более или менее значительное влияние оказывает религия.

Первая, характерная для всех монотеистических религий, состоит в том, что в каждой из них можно выделить несколько течений, которые, не подрывая главных принципов религии, отличаются степенью радикализма, а также толкованием отдельных догм. Это, в свою очередь, оказывает существенное влияние на характер институционализации государства, которая заметно влияет на порядок, действующий в конкретном государстве и обществе. А характер такого порядка, как правило, оказывает влияние на социально-экономическое развитие — как правило, позитивное, но в некоторых ситуациях оно может быть и отрицательным.

Другая функция состоит в том, что доминирующая религия в каждом государстве оказывает существенное влияние на преобладающую систему ценностей, а во многих случаях даже является основой ее конструкции. Затем действующая система ценностей либо одобряется существующей властью, либо создается с ее участием, но, как правило, конкретной властью не отвергается. Исключением является социалистический эксперимент, а также ситуация, когда новая власть оказывается связана с другой религией. Система

ценностей, в свою очередь, непосредственно отражается на системе труда, на действующих принципах общежития, а также на соблюдении прав и обязанностей, как в государстве, так и в процессе труда. Эти факторы имеют огромное влияние на реализацию концепции и направлений развития. Можно сравнить между собой отдельные религии либо разные течения внутри них с точки зрения их влияния на экономическое развитие — например, сопоставляя европейские государства с точки зрения опыта тех стран, где доминируют протестантизм, католицизм или православие. Вообще говоря, более развиты — и не только в Европе — те государства, в которых преобладает протестантизм, следующее место по успехам в экономике занимает католицизм, а последними оказываются государства с православным вероисповеданием. Несомненно, причины различий в уровне развития связаны далеко не только с преобладающей религией, но то, что она имеет значимое влияние, было уже многократно документировано, и не только в теоретическом плане, но и эмпирическими исследованиями. Подобным образом дело обстоит и в случае других верований и религий. Так, положительное влияние на развитие оказывают, например, конфуцианство и буддизм.

Третья функция связана с отношением к женщинам. На протяжении веков их права ущемлялись как в общественной жизни, так и в трудовой деятельности, что имело свое обоснование практически во всех религиях, по крайней мере в подавляющем их большинстве. Правда, в наше время, по крайней мере в развитых государствах, положение женщин постепенно улучшается, но до подлинного равенства полов, особенно в отношении прав и доступа к власти, все еще далеко.

Четвертая функция связана с конфликтогенностью каждой религии по отношению к остальным. То, насколько это проявляется на практике, в значительной мере зависит от политической модели власти. Эта конфликтогенность имеет обычно два измерения — внутреннее и внешнее. Внутреннее

связано с этническим и религиозным характером конкретного общества, с тем, насколько оно мультикультурно либо однородно в культурном отношении. В случае общества, в котором доминирует одна культурная система, подобная конфликтность может принимать более или менее радикальную форму. Это в большой мере зависит от истории и традиций формирования государства, от взаимоотношений между отдельными общественными группами. В многокультурных обществах, как правило, отношения между разными культурными и этническими группами более напряжены, а часто носят угрожающий характер. Нередко так происходит под влиянием единичных случаев. Одним из немногих примеров, где эти отношения сформировались корректно, является Швейцария. Но это был, во-первых, процесс постепенный, а во-вторых, идущий снизу. Устойчивое квазикультурное разделение все еще сохраняется в США, где это деление вытекает не столько из самой культурной системы, сколько из деления на белую и черную расы. Однако часто забывается о том, что влияние мультикультурности на развитие не раз бывало огромным — достаточно упомянуть о таких случаях, как развитие США или Австралии.

Иной характер имеет конфликтогенность внешнего характера. В этом случае различия, касающиеся религии, дополнительно наслаиваются на различия, вытекающие из истории и традиций. Характерный пример — распад Югославии, где культурно-религиозные различия были огромны и в результате вылились в многолетний вооруженный конфликт, а антагонизмы между вновь образовавшимися государствами все еще велики.

Влияние религий значительно шире, чем следовало бы из вышеприведенных примеров, так как оно касается системы образования, обычаев и многих других факторов, воздействующих на развитие,

Из соображений, изложенных выше, не следует делать слишком радикальных выводов. Очевидно, тем не менее, что религии оказывают сильнейшее влияние на формирование

систем сознания в разных этнических и общественных группах, что в значительной мере находит отражение в дифференциации и оценке значения конкретных направлений развития. При этом одни религии или отдельные религиозные течения более, а другие менее готовы к сотрудничеству с обществами и группами, чуждыми им в религиозном и этническом отношениях. Если в прошлом, несмотря ни на что, это имело относительно меньшее значение, то в наше время, в условиях глобализации и расширяющегося международного сотрудничества, это может вести к серьезным пертурбациям.

5. Отношение к государству

В общем виде данная проблема сводится главным образом к определению взаимоотношений между обществом и государством, и в особенности к степени доверия общества к государству, а также властных элит к обществу или его отдельным группам — этническим либо религиозным.

Этот сегмент культурной системы особенно важен, но вместе с тем он весьма сложен. Причины этой сложности различны: одни из них носят исторический характер, другие более близки к современности, а третьи имеют свои корни в сегодняшнем дне.

В сравнении с остальными сегментами этот сегмент исторически самый молодой. В сущности, можно считать, что он возник где-то на рубеже XVIII и XIX веков, когда современное государство уже приобрело некоторые основные формы и возникли соответствующие институты. Его возникновение связано также с тем обстоятельством, что хотя государство существовало уже много раньше, это был институт, принадлежавший главным образом королю, князю либо группе элит, занимавшей высокое положение в феодальной иерархии, а отчасти и богатому мещанству. Однако общества в современном понимании этого слова практически не существовало, не говоря уже о всех институтах, гарантирующих функционирование государства и социально-экономическое

развитие. Отсюда появляются многосторонние зависимости между государством и обществом, а также между обществом и государственной властью. Это происходит потому, что система таких зависимостей в значительной степени определяет состояние государства и общества, что в то же время обуславливает их более или менее динамичное развитие.

Первая и основная зависимость касается генезиса государства, прежде всего условий его возникновения, а также его преемственности. История государств чрезвычайно сложна – как с точки зрения их возникновения, преемственности, территории, человеческих и природных ресурсов, так и места среди остальных государств. С точки зрения настоящей работы существенна не столько их история, сколько их место и роль в наше время, которые, как я уже подчеркивал, связаны с зарождением современного государства, концом религиозных войн и развитием идей Просвещения, то есть с началом промышленной революции в Западной Европе.

Этот период был неслыханно сложным и неоднородным с нескольких точек зрения. Заслуживает внимания прежде всего исчезновение некоторых государств и появление не столько новых, сколько значительно изменивших свою форму других. Не менее важно формирование зачатков нового типа экономик, нового типа институционализаций, связанных с постепенным расширением промышленной цивилизации. Это происходило параллельно с постепенным отмиранием старых моделей феодального общества и многочисленными войнами, особенно войнами, связанными с наполеоновской кампанией. В этом контексте следует отметить также значение Парижской коммуны, которая продемонстрировала появление новой идеологии, отличающейся от тех, которые были связаны с развивающимся капитализмом, а также появление нового класса, каким стал рабочий класс. Появляется также новый тип экономической экспансии – колониальные завоевания, предпринимаемые с целью увеличения не только богатства старых господствующих классов, но и развивающегося капиталистического колониализма. Неслучайно колони-

альные державы становятся движущей силой первого этапа глобализации.

Другая зависимость связана с характером преемственности государства. Вопрос доверия к государству в значительной мере определяется его преемственностью, характером институтов, а также его отношением к отдельным общественным группам, тем, насколько его действия носят репрессивный характер или насколько оно становится более или менее социальным. Доверие в значительной степени зависит и от того, в какой мере результаты развития превращаются в общее благо, или по крайней мере от того, какие и насколько широкие общественные группы становятся бенефициарами результатов развития.

Если с этой точки зрения посмотреть на карту Европы и мира, то окажется, что со временем картина не сгладилась, а осталась весьма дифференцированной. Можно в связи с этим указать на несколько важных аспектов, существенно влияющих на формирование отношения населения (а также его доверия) к государству.

Это, во-первых, преемственность государства и его институтов, История многих государств дает немало доказательств того, что они сохранили преемственность независимо от их состояния, потенциала развития, а также отношений между отдельными классами или группами. Однако многие государства теряли преемственность, а в некоторых случаях даже неоднократно, тогда как другие возникали из небытия после краткого или долгого отсутствия на карте. В самом деле, трудно гарантировать полное доверие к государству, когда из поколения в поколение передается недоброжелательность или даже враждебность по отношению к государству, часто чуждому, которое на короткий или длительный период захватило данную территорию, подчинив общество инородным институтам и чуждому праву.

Во-вторых, многие государства за последние полвека получили формальные условия для суверенного развития, однако многие из них — это бывшие колонии или зависимые

государства, которые экспериментировали с социалистической моделью. Трудно предположить, что их общества питают полное доверие к государству, особенно к властным элитам, которые либо не имеют достаточного опыта руководства государством, либо постоянно изменяют вновь образуемые институты, либо предпринимают попытки присвоить себе государство для собственной выгоды.

Не менее важен фактор изменчивости политической модели, которая, как правило, происходит после прихода к власти новых групп или возвращения прежних. Это не является фактором, благоприятствующим росту доверия, особенно если это не связано с материальными выгодами для общества, а часто сопровождается даже ограничением полученных гражданских прав.

В-третьих, современное развитие связано с решениями, основанными на процессах глобализации, в ходе которых, с одной стороны, происходит разрушение традиционной модели государства, рожденного в условиях промышленной цивилизации [Karfer, 2006; Kleer, 2016], а с другой стороны, все большее влияние на национальную экономику оказывают наднациональные корпорации, а отчасти и международные институты. Эти процессы в силу обстоятельств влияют на ограничение доверия к государству, по крайней мере со стороны части общества.

В-четвертых, изменение положения в отдельных государствах происходит под влиянием глобализации и цивилизационных изменений, в ходе которых властные элиты или политические партии, претендующие на захват власти, провозглашают различные идеологии, противоречащие позитивной философии развития [Sonnet, 2004].

Если учесть эти обстоятельства, то становится очевидным, что падение доверия к государству становится все более распространенным явлением, причем не только в обществах, живущих в так называемых «новых» государствах. Эта утрата доверия к государству и его институтам может принимать различные формы, но в любом случае не может благоприятствовать долгосрочному развитию.

6. Цивилизационные кризисы

Исходя из общих рассуждений, касающихся взаимоотношений между развитием и культурной системой, можно было перейти к подведению итогов. Однако действительность в течение минувшего полувека стала бурно изменяться, и не только по тем причинам, о которых шла речь выше. Примерно с середины XX века начались процессы изменений, важные с точки зрения не только отдельных государств, но и всего мира.

Ими являются цивилизационные кризисы, причем множественное число использовано здесь не случайно. Не подлежит сомнению, что важнейшим явлением стало начавшееся зарождение цивилизации знаний или, как иногда ее называют в литературе, информационной цивилизации. Процесс перехода от промышленной цивилизации к цивилизации знаний является в то же время началом деструкции первой из них. Но этот процесс сопровождается не менее важным процессом деструкции цивилизации аграрной, которая была связана, в частности, с процессами деколонизации, а также с началом развития во многих слаборазвитых государствах, в числе которых была группа, которую сегодня называют «восходящими экономиками» [Siebert, 2007; Weede, 2005].

Эти процессы заставляют искать ответ на много вопросов, из которых по крайней мере два имеют принципиальное значение. Они касаются проблематики цивилизации [Toynbee, 2000; Fukuyama, 2000], подробный анализ которой выходит за рамки настоящего исследования.

Первый вопрос — что изменяют цивилизационные кризисы в области широко понимаемого развития, причем как в государствах развитых, так и в отсталых. Второй вопрос — насколько цивилизационные кризисы находят отражение в культурных системах и в какой степени последние становятся механизмами, ускоряющими процессы развития, а в какой — приводят к торможению этого процесса.

Эти вопросы важны, но мы до сих пор не имеем на них удовлетворительных ответов. Более того, эти вопросы не

стали до сих пор предметом достаточно серьезной научной дискуссии, особенно в экономических науках или шире — в науках общественных. Причины отсутствия такой дискуссии довольно очевидны: они вытекают из существенной фрагментации не только экономических, но практически всех общественных наук, а также из различий в области дефиниций и из дискуссий на тему о числе цивилизаций, в которых культурный и религиозный элементы играют решающую роль (Kleer, 2016).

Для наших рассуждений можно, однако, принять следующее определение цивилизации: это «уровень общественного развития в данный исторический период, который характеризуется определенным уровнем материальной культуры и накоплением общественных институтов». [Nowa Encyklopedia... 2004, s. 342]. Такой подход мне близок: я различаю, как уже упоминал ранее, цивилизацию аграрную, промышленную и формирующуюся цивилизацию знаний, которые соответствуют этой концепции, хотя, возможно, и не полностью с ней тождественны.

Главные различия между цивилизациями, по крайней мере с точки зрения развития, позволяют выделить основной ресурс, оказывающий решающее влияние на развитие. Им являются: в случае аграрной цивилизации — земля, в случае цивилизации промышленной — капитал, а для цивилизации знаний — широко понимаемые знания, формируемые не только наукой, и в особенности новый характер технического прогресса.

Это деление можно дополнить концепцией Броделя (Braudel 2006, s. 43–57), согласно которой цивилизации являются пространствами, обществами, экономиками и коллективными менталитетами.

При таком подходе к пониманию цивилизации мы имеем, правда, дело с некоторым дифференцированным множеством: в самом деле, не все общества и государства в одно и то же время, а также разными темпами вступают в новую цивилизацию. XIX и XX века дали много примеров неравно-

мерности этого процесса в случае как отдельных государств, так и обществ. Три фактора сыграли здесь главную роль. Это темпы нарастания новых технических, научных и экономических решений, насилие в различных формах (как в отдельных государствах и обществах, так и во внешних отношениях), а также дифференцированные культурные системы.

В этом контексте необходимо сделать несколько замечаний по поводу того, какие из сегментов культурных систем сыграли наиболее важную роль в отдельных государствах с точки зрения влияния на характер и темпы развития.

Не вдаваясь в подробный анализ положения в отдельных государствах, в общетеоретическом порядке следует обратить особое внимание по крайней мере на три сегмента, играющих решающую роль в этом плане.

Первый — это традиция. Здесь важно, насколько традиция была открыта к изменениям в экономической сфере, к интеллектуальной терпимости, а также к соглашению с другими этническими группами, насколько она была толерантна к мультикультурности, облегчая тем самым изменения в существующем правовом и институциональном порядке.

Второй сегмент — это религия. Здесь принципиально, какое влияние она имела и имеет на систему ценностей, на отношение к труду, образованию, к степени секуляризации государства, и прежде всего на степень открытости по отношению к внешнему миру. Развитие с начала промышленной революции, не говоря уже о нашем времени, сформировало новую систему связей, причем не только в пределах данного государства, но прежде всего с внешним миром.

Третий и важнейший сегмент, по крайней мере в наше время, представляет собой государство. Хотя под влиянием информационной революции государство подвергается довольно значительной деструкции, оно все еще представляет собой основной компонент, оказывающий влияние на развитие. Это происходит потому, что оно способно, через посредство своих регулятивных и распределительных систем,

а также провозглашаемых идеологий и взглядов, оказывать сильнейшее влияние на характер развития и систему внешних связей.

7. Несколько заключительных комментариев

Представленный выше анализ связей между развитием и культурной системой не является ни полным, ни тем более подробным. Проблема здесь заключается прежде всего в том, что отдельные культурные системы, если даже они очень близки, в отдельных государствах могут более или менее различаться.

Развитие, несмотря на некоторые унифицирующие решения в региональном или даже глобальном масштабе, особенно в технико-экономической, а отчасти также в образовательной и культурной сферах, не устраняет различий, вытекающих из традиций, истории и религии. Государство может, однако, отчасти устранять или смягчать имеющиеся различия благодаря своей внутренней и внешней политике. Но это, как представляется, касается лишь определенной группы государств, которые уже вступили или вступают в эпоху цивилизации знаний и одобряют по крайней мере частичную деструкцию уже сформированной промышленной цивилизации. Этот процесс значительно более сложен в тех государствах, где доминирующим процессом является деструкция аграрной цивилизации. Так происходит потому, что существуют три рода угроз, носящих всемирный характер. Это, во-первых, демографический бум [World Population, 2015], интенсивность которого различается по отдельным континентам, во-вторых, нарастающая экономико-доходная дифференциация, и в-третьих, — угроза сегодня, быть может, наиболее серьезная — терроризм и локальные конфликты или малые войны.

Как бы мы на это ни смотрели, культурные системы представляют собой один из важнейших факторов, которые являются источником этих угроз.

ЛИТЕРАТУРА

- Atkinson A.B. (2017), Nierówności. Co da się zrobić? Wydawnictwo Krytyki Politycznej; Warszawa.
- Braudel F. (2006), Gramatyka Cywilizacji, Oficyna Naukowa, Warszawa.
- Bruce S. (2006), Fundamentalizm. Wydawnictwo Sic., Warszawa.
- Castels S. (2011), Migracje we współczesnym świecie; Wydawnictwo Naukowe PWN. Warszawa.
- Fukuyama F. (2000). Wielki wstrząs, Bertelsman Media, Warszawa.
- Golko M (2012), Globalizacja współczesna i globalne problemy, Oficyna Naukowa, Warszawa.
- Harrison L.E., Huntington (red.) (2003), Kultura ma znaczenie; Zysk i S-ka, Poznań.
- Hausner J., Karwinska A., Purchla J. (red.) (2013), Kultura a rozwój. Narodowe Centrum Kultury, Warszawa.
- Huntington S.P. Zderzenie cywilizacji i nowy kształt ładu światowego (1998), Warszawskie Wydawnictwo Literackie MUZA SA, Warszawa.
- Kapfer S. (2006), Multinational Corporation and the Erosion of State Sovereignty, Illinois State University.
- Kleer J. (2012), Kulturowe uwarunkowania modernizacji, w: Gospodarka Polski 1990–2011; Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.
- Kleer J. (2015), Dobra Publiczne: wczoraj – dziś – jutro; Polskie Towarzystwo Ekonomiczne, Warszawa.
- Kleer J. (2015), Rozwój imitacyjny. Zalety i wady; w: Nauki ekonomiczne, stylizowane fakty a wyzwania współczesności; Red. B. Fiedor, PTE, Warszawa.
- Kleer J. (2016), Państwo współczesne i mechanizmy jego destrukcji; w: Dokąd zmierza Europa. Państwo, Społeczeństwo, Gospodarka, Finanse. Komitet Prognoz „Polska 2000 Plus”, Warszawa.
- Kleer J. (2016), Cywilizacje i ich przesilenia, Studia Ekonomiczne, nr 1, Instytut Nauk Ekonomicznych PAN, Warszawa.
- Kondratowicz A. (2013), Wolność gospodarcza. Pomiar, percepcja, zmiany instytucjonalne; Towarzystwo Ekonomistów Polskich, Warszawa.
- Landes, D.S. (2005), Bogactwo i nędza narodów. Dlaczego jedni są tak bogaci, a inni tak bardzo biedni. Wydawnictwo Literackie MUZA SA, Warszawa.
- Nisbett R.E. (2009), Geografia myślenia. Dlaczego ludzie Wschodu i Zachodu myślą inaczej. Smak[^] Słowa, Sopot.
- Nowa Encyklopedia powszechna PWN (2004), Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.
- Pomian K. (2009), Europa i jej narody; Słowo/Obraz/Terytorium; Gdańsk.

- Siebert H. (2007), *The Global Economy, Analysis*; Routledge, London – New York.
- Sennett R. (2004), *The Culture of the New Capitalism*, Yale University, New Haven & London.
- Simms B. (2015), *Taniec mocarstw. Walka o dominację w Europie od XV do XXI wieku*. Wydawnictwo Poznańskie, Poznań.
- Stiglitz J.E (2015). *Cena nierówności. W jaki sposób dzisiejsze podmioty zagrażają naszej przyszłości*. Wydawnictwo Krytyki Politycznej, Warszawa.
- Sowel F. (2016), *Bieda, Bogactwo i Polityka w ujęciu globalnym*; Fijor Publishing, Warszawa.
- Szymańska D. (2013), *Geografia osadnictwa*. Wydawnictwo PWN. Warszawa.
- Toynbee A.J. (2000), *Studium historii*, Państwowy Instytut Wydawniczy, Warszawa.
- Wallerstein I. (2007), *Analiza systemów świata*, Wydawnictwo Naukowe Scholar, Warszawa.
- Wagner, G. (1998), *Differentiation as Absolute Concept? Toward the Revision a Sociological Category? – International Journal of Politics, Culture and Sociology*, Vol.11, no 3.
- Weber M. (1984), *Osobliwości kultury zachodniej*, Książka i Wiedza, Warszawa.
- Weede E. (2005), *Balance of Power. Globalization and the Peace*. Liberal Verlag Mean Foundation, Berlin.
- Wilkin J. (2016), *Instytucjonalna i kulturowa perspektywa gospodarowania. Humanistyczna perspektywa ekonomii*. Wydawnictwo Naukowe Scholar, Warszawa.
- World Population Prospects. The Revision (2015), UN, New York.

Ю.Г. Павленко
ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА
И ЭФФЕКТИВНАЯ МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВА

Эффективность модели современного государства с экономической точки зрения можно оценить, ответив на вопрос, насколько она обеспечивает стране экономический успех. Под экономическим успехом мы понимаем такое состояние экономики, которое характеризуется устойчивым экономическим ростом при повышении благосостояния всего населения. Оценка экономической успешности модели государства может быть произведена по следующим трем критериям: насколько обеспечивается стабильный экономический рост, насколько справедливо распределяется произведенный совокупный доход и, наконец, какова конкурентоспособность страны в глобальной экономике.

К сожалению, по всем приведенным критериям эффективность российского государства нельзя назвать удовлетворительной. В рамках рассмотрения социально-экономических отношений, как нам представляется, можно выделить три направления, концептуальных подхода к повышению эффективности государства. Во-первых, это *имитационный*

Павленко Юрий Григорьевич – д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН. urpavl83@mail.ru.

подход, суть которого в том, чтобы в максимальной степени задействовать институциональные и организационно-управленческие механизмы, используемые в развитых рыночных экономиках. Второй подход, который можно определить как *консервативно-реставрационный*, сводится к попыткам использовать старые «проверенные» в отечественной практике методы, относящиеся как к до-, так и к постперестроечному периоду. В этой связи симптоматично появление в качестве эффективной формы управления государством и таких экзотических вбросов, как возможность введения монархии в России. Имитационный подход довольно широко использовался в период так называемых радикальных реформ, начиная с 90-х годов прошлого века. Опыт показал, что он не привел к удовлетворяющим общество результатам, прежде всего в силу масштабов страны и специфики социально-экономических отношений, не укладывающихся в предлагавшиеся внешние шаблоны. Попытка же вернуться назад, абсолютизируя исторические особенности России, ее своеобразие, также не представляется лучшим решением, поскольку историческое развитие в мире и в стране с неизбежностью рождает новые отношения, новые вызовы и, соответственно, требует новых институциональных решений.

Наиболее перспективным представляется третий подход, который может быть определен как креативно-инновационный. Этот подход опирается на поиск новых форм социально-экономических, производственных отношений, учитывающих объективные условия кардинальных изменений в материально-технической базе современной экономики. Суть таких изменений все чаще определяются понятием «экономика знаний». Термин «экономика знаний» ввел в оборот Фриц Махлуп (Fritz Machlup) в 1962 г. Первоначально это понятие относилось к соответствующему сектору экономики. Сегодня под ним подразумевается «экономика, базирующаяся на знаниях», или инновационная экономика в целом [Макаров, 2003].

Выбор креативно-инновационного направления при возможном использовании элементов, но только элементов, двух

других отмеченных подходов, определяется прежде всего теми вызовами, которые вытекают из места России на геополитической карте мира. Это положение страны диктует необходимый уровень ее политической и экономической независимости и самостоятельности. В то же время существенное отставание России в экономическом плане требует поиска и нахождения глубоких, прорывных решений, опирающихся на понимание глубинных закономерностей развития, перспективных трендов. Россия в силу обретения значительного исторического опыта социальных инноваций, как положительного, так и отрицательного, а также накопленного научно-технического потенциала, вполне способна, как нам представляется, ответить на отмеченные вызовы.

Первый критерий оценки успешности модели государства, о котором говорилось выше, а именно способность обеспечивать экономический рост, в рамках креативно-инновационного подхода, реализуемого в современной экономике знаний, определяется прежде всего состоянием научного потенциала и наличием механизмов его эффективного использования. Для оценки состояния научного потенциала в той или иной стране в рамках международных сопоставлений, с точки зрения его финансовой и кадровой составляющих, используются так называемые показатели наукоемкости, представленные в таблицах 1 и 2.

Данные таблицы 1 позволяют сделать вывод о наличии определенной корреляции между уровнем наукоемкости и уровнем экономического развития страны. В верхней части таблицы располагаются высокоразвитые страны (Корея и Израиль) демонстрирующие, кроме того, в последние годы ускоренные темпы развития и делающие ставку на интенсивное использование научных достижений в условиях отсутствия природных ресурсов. Следует также отметить, что в наиболее крупных высокоразвитых странах показатели наукоемкости, как правило, не достигают самых высоких величин в силу масштабов экономики и наличия уже накопленного научного потенциала. На фоне других стран тревожно выглядит скром-

Таблица 1. Затраты на исследования и разработки (НИОКР) в 2015 г. (в % к ВВП)

Республика Корея	4,29
Израиль	4,11
Япония	3,59
США	2,74
Китай	2,05
Россия	1,13
Турция	1,10
Польша	0,94
Украина	0,66

Источник: Индикаторы науки, 2017, с. 255.

Таблица 2. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками в 2015 г. (в расчете на 10 тыс. занятых в экономике)

Израиль	174
Республика Корея	135
США	89
Россия	66
Китай	20
Польша	50

Источник: Индикаторы науки, 2017, с. 272.

ный показатель наукоемкости в России, учитывая то обстоятельство, что в Советском Союзе наукоемкость ВВП была одной из самых высоких в мире. В период радикальных реформ величина этого показателя в России снизилась почти в 3 раза.

О наличии определенной инерционности, относящейся к развитию кадровой составляющей научного потенциала России, свидетельствуют данные таблицы 2, где отставание по «кадровому» показателю наукоемкости, измеряемому соотношением занятых в сфере НИОКР к общей численности занятых в экономике, заметно ниже. Эти диспропорции указывают также на относительно более низкий уровень финансирования оплаты труда в российской науке.

Показатели, приведенные в таблице 3, свидетельствуют, во-первых, о значительном отставании России в плане инте-

грации с зарубежными странами в научно-технологической сфере. Во-вторых, они говорят о низкой эффективности использования российского научного потенциала, как вследствие его внутренних, организационных проблем, так и из-за низкой востребованности его результатов со стороны российских предприятий. Проблемы с внедрением научных разработок в российской экономике перекочевали из директивного советского прошлого и, к сожалению, сохранились и в рыночных условиях. Все это указывает на наличие дисфункций системного характера в процессе формирования в России современной экономики знаний.

Таблица 3. Поступления от экспорта технологий и выплаты по импорту технологий в 2015 г. (млрд долл. США)

Страна	Экспорт	Импорт
Россия	1,65	2,21
Япония	34,55	48,43
США	136,27	89,42
Польша	6,0	5,7

Источник: Индикаторы науки, 2017, с. 298.

Системный характер проблем формирования инновационной экономики в России требует их политико-экономического осмысления, исследования глубинных закономерностей развития, роли и места государства в экономике. При этом мы исходим из того обстоятельства, что социальные отношения в широком смысле все чаще рассматриваются в воспроизводственном контексте как факторы, влияющие на экономическое развитие. Представляется плодотворным обратиться к работам наиболее выдающихся экономистов институционального направления, или близких к нему, которые в своих исследованиях определили перспективные пути и формы эволюции системы экономических отношений, включая государство как субъект этих отношений. К таким экономистам мы относим прежде всего Т. Веблена. Дж. М. Кейнса и Дж.К. Гэлбрейта.

Т. Веблен в своей знаменитой работе «Теория праздного класса» большое внимание уделил разработке проблемы консерватизма и негативной роли «праздного класса» в воспроизводстве социального неравенства в обществе. Этот аспект работы Веблена уже рассматривался нами ранее [Павленко, 2016]. В настоящей работе хотелось бы обратить внимание на другие аспекты проблемы «праздного класса». Речь идет как о судьбе данного класса, так и о перспективах изменения всей социальной структуры, структуры собственности, вытекающих из потребностей успешного экономического развития. Т. Веблен отмечает, что участие самого денежного класса становится излишним, поскольку без «капитана» можно обойтись. По его словам, сложившиеся в современных институтах усовершенствования, выгодные для денежного интереса, имеют тенденцию к замене «капитана» на «бездушную» акционерную корпорацию и таким образом способствуют тому, чтобы без важнейшей функции праздного класса, функции обладания собственностью, можно было обойтись. Т. Веблен делает вывод, что косвенным образом, такое развитие экономических институтов под влиянием праздного класса имеет очень большое производственное значение, однако, возможно, пока лишь в неопределенном будущем [Веблен, 1984, с. 218].

Представляется, что «неопределенное будущее», о котором писал Т. Веблен, сегодня, возможно, становится более определенным. В своей наиболее известной книге «Новое индустриальное общество», вышедшей в 1967 г., т.е. через 68 лет после работы Т. Веблена, Дж. К. Гэлбрейт, принадлежащий, как и Веблен, к американским институционалистам, вводит понятие «техноструктура». «На промышленном предприятии», как он пишет, «власть принадлежит тем, кто принимает решения. В развитом предприятии власть эта перешла окончательно и бесповоротно от индивидуума к группе. Произошло это потому, что только группа обладает необходимой для принятия решений информацией. И хотя, согласно уставу корпорации, власть в ней принадлежит владельцам, требования, диктуемые развитием техники и планированием,

обусловили переход власти в руки техноструктуры» [Гэлбрейт, 2004, с. 154]. Анализируя взаимоотношение частного и государственного секторов, бизнеса и государства, Дж. К. Гэлбрейт отмечает их интеграцию, взаимное проникновение. По его словам: «На деле же в индустриальной системе граница между частной и государственной сферами компетенции неразличима и в значительной степени условна, ненавистный союз между государственными и частными организациями нормален» [Гэлбрейт, 2004, с. 422]. В последней опубликованной работе Дж. К. Гэлбрейт уточняет свою позицию. Он определяет современную экономическую систему как «корпоративную систему», подчеркивая ее господствующую роль, и называет корпорации господствующей силой [Гэлбрейт, 2009, с. 26].

Как же ведет себя «господствующая сила» в современной экономике? По словам Гэлбрейта, «размер и состав ВВП в значительной мере навязываются производителями. Желаемый размер ВВП измеряется суммой показателей производства материальных объектов и услуг — не размерами образования, литературы или искусства, а производством автомобилей, включая и роскошные внедорожники. Именно таков современный критерий измерения экономических и связанных с ними общественных достижений» [Гэлбрейт, 2009, с. 31]. Далее Гэлбрейт уточняет: «Я не веду речь об абсолютных ценностях. Мы поощряем и прославляем искусство и науку за их содействие развитию общества, приумножению богатства и радостей жизни. И измерение прогресса общества показателями объема производства навязанной производителем продукции, ростом ВВП вовсе не безобидное заблуждение» [Гэлбрейт, 2009, с. 32]. Иными словами, корпоративная система формирует общество потребления. Любопытно, что Дж. М. Кейнс в своей работе, вышедшей в 1931 г., высказывает сходную мысль, утверждая, что «главное: не надо переоценивать важность экономической проблемы и приносить в жертву предполагаемой экономической необходимости другие, более значимые вещи. Это должно быть уделом специ-

алистов, как стоматология» [Кейнс, 2009, с. 67]. Иными словами, Кейнс рассматривал экономику как часть более общей и более сложной социальной системы, включающей ценности более высокого порядка и подчиняющей себе экономику. Хотелось бы верить, что в будущем общество сможет достичь такого состояния, о котором писал Дж. М. Кейнс.

Дж. К. Гэлбрейт разбирает в своих работах также и внутрикорпоративные отношения, отмечая, что «как и любая бюрократия, корпоративная бюрократия обладает ярко выраженным стремлением к увеличению своих размеров. Зарплата бюрократа в значительной степени зависит от количества подчиненных, а его жизнь становится более приятной и успешной, если функции обдумывания и принятия решений возложены на нижнее звено» [Гэлбрейт, 2009, с. 40]. Что касается отношений с обществом, то, по мнению Гэлбрейта, современная корпорация, стремясь создать благоприятный образ в глазах общества, не признает термин «бюрократия», считая, что бюрократия — это удел государства. Она предпочитает использовать устоявшийся термин «корпоративный менеджмент», который рассматривается как более прогрессивный [Гэлбрейт, 2009, с. 40]. По его словам, необходимо «признание обществом и государственной властью того факта, что власть менеджмента создает основания для социально нежелательного поведения. Именно поэтому деятельность предприятий должна строго контролироваться, а размер вознаграждения, которое определяют для себя менеджеры, должен стать тем вопросом, которому общество будет уделять особое внимание» [Гэлбрейт, 2009, с. 74]. Наконец, Дж. К. Гэлбрейт делает жесткое, но, как нам представляется, не лишнее оснований, заставляющее задуматься, заключение: «Общество, в котором правит бал экономика корпоративных злоключений и преступлений, не способно приносить пользу, и в конечном итоге оно прекратит свое существование» [Гэлбрейт, 2009, с. 74].

Развивая анализ внутрикорпоративных отношений, предложенный Дж. К. Гэлбрейтом, российский экономист К. А. Хубиев рассматривает эти отношения с точки зрения

вызовов инновационной экономики. Последняя предъявляет повышенные требования к работникам, занятым инновационной деятельностью, в отношении их квалификации и образовательного уровня. Поскольку такая деятельность создает новые источники доходов для работодателей, возникает вопрос о справедливом распределении доходов, являющихся результатом инновационной деятельности агентов, находящихся в положении наемных работников. Но инновационная деятельность, результатом которой является приобретение конкурентных преимуществ и получение дополнительных источников дохода, не может вписаться в социальные рамки наемного труда. Ее природа требует принципиально иных отношений, предусматривающих соучастие в процессе и распределении результатов со стороны участников экономических отношений [Хубиев, 2017, с. 128–130]. Данные отношения вытекают из тезиса Дж. К. Гэлбрейта о том, что «власть переходит к тому фактору производства, который наименее доступен и который труднее всего заменить» [Гэлбрейт, 2009, с. 95]. По мнению К. А. Хубиева, на смену отношениям экономической власти и зависимости могут придти отношения партнерства, когда добавочно получаемый доход от инновационной деятельности агента делится в определенных пропорциях теперь уже не между принципалом и агентом, а между партнерами. Модернизация экономики на основе инноваций способна привести к утверждению новых отношений соучастия в общественном производстве [Хубиев, 2017, с. 133–134].

Сходную аргументацию использует в своем анализе современной экономики знаний известный экономист и теоретик менеджмента П. Друкер (P. Drucker). «Знания, — пишет он, — в отличие от денег, тесно связаны с конкретной личностью. Именно человек всегда остается носителем знания, он создает, наращивает и совершенствует знания, а также применяет, преподает и передает их. Следовательно, с переходом к обществу знаний человек становится ключевой фигурой в этом новом мире» [Друкер, 2004, с. 347]. Далее

П. Друкер утверждает, возможно, слишком оптимистично, «что все чаще отношения между работником умственного труда и организацией носят характер взаимной зависимости» [Друкер, 2004, с. 372]. Новая роль и положение труда как субъекта инновационной деятельности позволяет определять такую модель экономики как креативно-инновационную. Таким образом, эволюция современных корпораций, как показывает вышеприведенный анализ, должна идти по пути большего контроля со стороны государства в отношении их социальной ответственности, а также в результате установления новых партнерских отношений внутри корпораций. Именно такие отношения между государством, корпорациями и инновационной сферой внутри корпораций позволят обеспечить устойчивое развитие экономики.

Следующий критерий эффективности экономической модели касается справедливого распределения произведенного совокупного дохода. Этот критерий реализуется в деятельности социального государства. Говоря о современном состоянии социального государства и тех вызовах, перед которыми оно предстает, следует вспомнить о его несомненных достижениях и положительном вкладе в общественное развитие. В экономической области речь может идти о внедрении и отстаивании ценностей и стандартов, связанных с воспроизводством рабочей силы. Это позволило обеспечить резкое повышение качества трудового потенциала и в целом роли труда как важнейшего условия устойчивого социально-экономического развития. В социальной сфере социальное государство способствовало ограничению чрезмерного неравенства в распределении доходов, доступности здравоохранения и образования, что в конечном счете послужило основой для повышения человеческого потенциала экономического развития. Социальное государство сыграло важнейшую роль в преобразовании ограниченной элитарной, цензовой демократии и превращения ее в современную массовую демократию, основанную на всеобщем, равном и тайном избирательном праве [Галкин, 2010, с. 26–28].

Примечательно, что само существование социального государства привело к ситуации, когда к отказу от фундаментальных основ социально ответственного государства не готовы сегодня не только простые граждане, но и, по крайней мере на словах, значительная часть бизнеса и соответствующие органы власти, хотя определенные изменения в функционировании социального государства в сторону его ослабления происходят. Такое относительное единодушие неудивительно, ибо выполняемые социально ответственным государством многообразные функции обеспечивают долгосрочные интересы устойчивого существования и развития всего общества. Основанное на взаимообусловленности социального и экономического развития, а также на политической стабильности, социальное государство на сегодня оказывается достаточно устойчивым феноменом. Одним из ярких примеров такого социального государства служит Германия, где, по некоторым оценкам, 41% граждан, имеющих на выборах право голоса, получают преобладающую часть своего дохода в форме трансфертов от государства [Sinn, 2005, s. 192]. При этом, согласно опросам, большая часть (причем далеко не только среди упомянутых выше 41%) населения ФРГ довольна существующей системой социального рыночного хозяйства и не склонна к радикальным переменам в сторону ее выхолащивания, даже если такие перемены смогут поднять страну на несколько ступенек в мировом рейтинге конкурентоспособности [Германия..., 2009, с. 528–529].

Несмотря на популярность и относительную устойчивость социального государства, оно оказалось перед рядом вызовов. Одним из таких вызовов выступают процессы глобализации экономической жизни, диктующие развитым странам принятие более или менее унифицированной модели социально-экономической политики. Ее характер во многом определяется привилегированным положением США, обладающих соответствующими рычагами влияния (доминирующее положение американских транснациональных корпораций и банков на мировых рынках, ключевые позиции в МВФ и Всемирном банке, способность навязывать свою позицию

странам ОЭСР и т.д.). В условиях, когда в Соединенных Штатах у власти стояли неоконсерваторы, приверженцы ортодоксии свободного рынка и сокращения роли государства в экономике (в первую очередь за счет свертывания социальных программ), остальные страны Запада, хотя и с определенными модификациями, начали двигаться сходным курсом [Загладин, 2010, с. 21]. Сюда же следует отнести фактор усиления конкуренции на мировых рынках, связанный с появлением на них новых игроков в лице прежде всего Китая и других стран Восточной Азии.

Новые острые проблемы поставил перед социальным государством мировой экономической кризис 2008–2010 гг. По сути, с ним связывают сразу несколько наложившихся друг на друга кризисов. Во-первых, это, очередной циклический кризис, который назревал уже длительное время и несколько задержался ввиду ряда обстоятельств. Во-вторых, кризис, отражающий экономические перемены более фундаментального характера, обусловленные назревшей сменой технологической базы производства, порожденной научно-технологическим прогрессом. Такие перемены обычно связывают с кондратьевскими циклами. В-третьих, кризис, обусловленный специфическим развитием мировой экономики в русле ее финансиализации и всемерного использования информационных технологий. Последние обстоятельства способствовали тому, что финансовый сегмент мировой экономической системы, призванный в первую очередь обслуживать реальное производство, оторвался от ее материальной основы. Иными словами, наряду с реальной возникла иная, виртуальная экономика, которая не только лишь частично работает на реальную экономику, но и вступает с ней в отношения конкуренции и доминирования. Описанная ситуация не могла не вызвать череду кризисов, что и произошло, в частности, в рассматриваемом периоде.

Некоторые специалисты указывают также на наличие назревавшего на протяжении ряда послевоенных десятилетий ценностного кризиса и связывают его со сменой глу-

бинной парадигмы развития общества, при которой материальные факторы, при всей их значимости, отступают на второй план по сравнению с нематериальными [Галкин, 2010, с. 35]. Представляется, что ценностный кризис выступает как составная часть системного кризиса современного капитализма и находит свое проявление в сферах за пределами собственно экономики. Это, во-первых, сфера идеологии, где господствуют потребительство и гедонизм, архаичные формы потребления, не соответствующие современным условиям и вызовам развития; во-вторых, сфера политики, где в рамках так называемого «общества спектакля» на первое место выступают пиар и видимость, а вместо реагирования на долгосрочные вызовы все внимание акцентируется на решении текущих, зачастую конъюнктурных задач; наконец, сфера культуры и науки, которые воспринимаются «обществом спектакля» как «неэффективные», финансируемые по остаточному принципу, а занятые в них работники не пользуются должным престижем в глазах общества.

Перед лицом отмеченных вызовов и угроз современное социальное государство переживает кризис политической идентичности. Суть его в том, что в политическом спектре развитых стран Европы все труднее отличить политические установки и практику социал-демократических партий от центристских партий либерального и консервативного толка [Gluckstein, 2016]. Причина такого положения видится нам в следующих обстоятельствах. Во-первых, социальное государство и социально рыночная экономика в целом приняты западным обществом как необходимая данность и сохраняются независимо от пребывания у власти той или иной партии. Одним из условий такого положения явилась своеобразная конвергенция, состоящая в постепенном сближении позиций социал-демократического и традиционного правоцентристского реформаторских течений, которая и послужила одной из основ теории и практики социального государства. Такой конвергентный процесс, по мнению многих специалистов, создал сложное образование, не являющееся ни классическим

капитализмом, ни ортодоксальным социализмом, но впитавшее в себя все лучшее из идейного багажа обеих социальных систем [Храмцов, 2010, с. 68]. Здесь, возможно, следует согласиться с мнением, высказанным французскими экономистами, сторонниками институциональной политэкономии, о том, что хорошей реформой следует считать ту реформу, которую никто (включая даже политических противников, выигравших последующие выборы) не хочет ликвидировать после ее воплощения [Буайе, Бруссо, 2008, с. 17]. Вторым обстоятельством является то, что наличие социального государства в западных странах вот уже на протяжении нескольких десятилетий не смогло предотвратить отмеченные выше кризисные явления и выйти из состояния, которое все чаще определяется как глубокий системный кризис.

По мнению известного немецкого социолога Р. Курца, вызовы, перед которыми стоит современное социальное государство сегодня, связаны с особенностями периода позднего капитализма, или с эпохой постмодерна. Современная ситуация, по его мнению, заключается в том, что при позднем капитализме оказалась утраченной способность к производству новой прибавочной стоимости или, иными словами, способность к модернизации в классическом смысле — с помощью индустриализации и капиталовложений, как это было в период модерна. Капитализм сталкивается, с одной стороны, с головокружительными денежными спекуляциями, а с другой, — с новыми формами «обнищания» в виде структурной безработицы и обречения огромных областей «третьего мира» на вечную непроизводительность. Если дело обстоит именно так, то необходима другая стратегия, отличная от той, которая опиралась на оптимистическую оценку состояния и возможностей капитализма периода модерна [Джеймисон, 2005, с. 214].

Говоря о третьем из выделенных нами критериев успешности экономической модели, — ее конкурентоспособности в условиях глобализации, следует отметить, что в глобальном индексе конкурентоспособности, содержащемся в Отчете

о глобальной конкурентоспособности за 2016–2017 годы Всемирного экономического форума, Россия среди 138 стран занимает 43 место [World Economic Forum, 2017]. Учитывая геополитическое положение страны, вызовы, которые из него вытекают, такое место для России не может рассматриваться как удовлетворительное. Всемирный экономический форум определяет национальную конкурентоспособность как способность страны и ее институтов обеспечивать стабильные темпы экономического роста. Подчеркивается, что страны с высокими показателями национальной конкурентоспособности, как правило, обеспечивают более высокий уровень благосостояния своим гражданам. Предполагается, что индекс должен использоваться государствами, которые стремятся к ликвидации препятствий на пути экономического развития, в качестве инструмента для анализа проблемных моментов в их экономической политике и разработки стратегий по достижению устойчивого экономического роста. Индекс глобальной конкурентоспособности составлен из переменных, объединенных в 12 показателей, определяющих национальную конкурентоспособность. К этим показателям относятся: качество институтов; инфраструктура; макроэкономическая стабильность; здоровье и начальное образование; высшее образование и профессиональная подготовка; эффективность рынка товаров и услуг; эффективность рынка труда; развитость финансового рынка; уровень технологического развития; размер внутреннего рынка; конкурентоспособность компаний; инновационный потенциал.

Анализ отдельных переменных свидетельствует, что наибольшее отставание России от лидирующих стран отмечается по показателям, характеризующим: качество институтов (включая защиту прав собственности); развитость финансовых рынков (в том числе доступность кредитов); эффективность рынка товаров и услуг (включая распространенность иностранной собственности в экономике); наконец, конкурентоспособность компаний (в частности, характеризующаяся уровнем организации производства). Что касается

показателей, по которым в России наблюдается относительно меньшее отставание от лидирующих стран, то здесь следует отметить показатели, характеризующие масштабы внутреннего рынка. И это не удивительно, поскольку по абсолютной величине ВВП, рассчитанной с учетом ППС, Россия занимает 6 место в мире (2016 г.). Относительно меньшее отставание от наиболее развитых стран отмечается также в доле населения с высшим образованием и в таких показателях, характеризующих развитость транспортной инфраструктуры и связи, как протяженность железнодорожной сети и авиасообщений, а также распространенность мобильной связи.

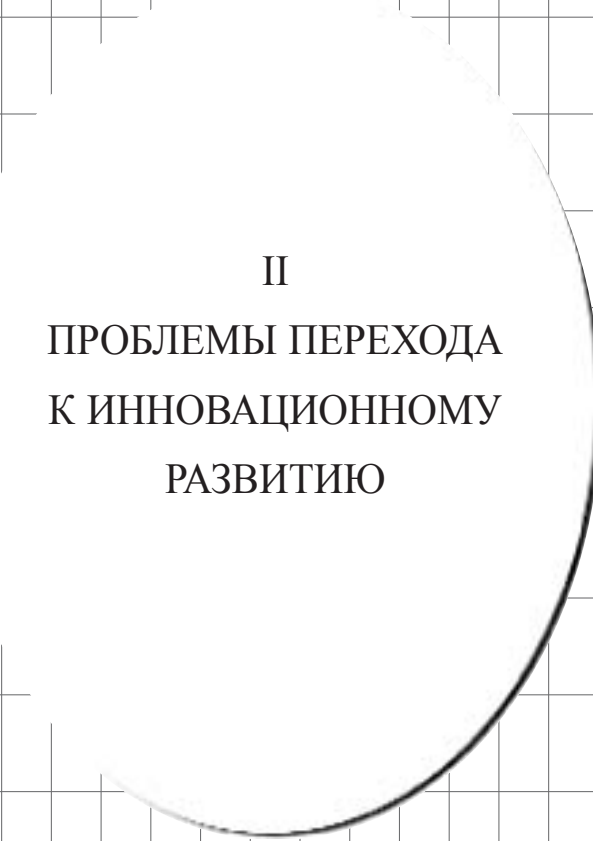
Специалисты Всемирного экономического форума классифицируют страны по стадиям развития и делят их на три типа: страны с факторной экономикой, страны с эффективной экономикой и страны с инновационной экономикой [World Economic Forum, 2017]. К последним относятся наиболее развитые и конкурентоспособные страны. Россия в рамках данной классификации отнесена к странам с экономикой, переходной от факторной к эффективной. Важнейшим условием перехода к инновационной экономике является резкое увеличение доли затрат на НИОКР по отношению к ВВП. Сегодня, как показано выше, по данному показателю (научеёмкость ВВП) Россия существенно отстает от стран с инновационной экономикой.

Отмеченное отставание по показателям конкурентоспособности российской экономики указывает, во-первых, на слабость и неэффективность российского государства в создании механизмов устойчивого развития. Во-вторых, мы видим наличие реальных ресурсов развития, связанных с человеческим и научным потенциалом, масштабами российского рынка и экономики в целом. Задача резкого повышения конкурентоспособности российского государства в процессе формирования эффективной, согласно заявленным критериям, модели управления социальным и экономическим развитием должна соотноситься, как нам представляется, с требованиями, сформулированными в рамках проведенного анализа.

ЛИТЕРАТУРА

- Буаие Р., Бруссо Э., Кайе А., Фавро О. К созданию институциональной политической экономики // Экономическая социология. Т. 9. №3. Май 2008. www.ecsoc.msses.ru.
- Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
- Галкин А. А. Социал-демократия у развилки // Социал-демократия в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути преодоления». М.: Ключ-С, 2010.
- Германия. Вызовы XXI века / Под ред. В.Б. Белова. М.: Весь Мир, 2009.
- Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004.
- Гэлбрейт Дж. К. Экономика невинного обмана. М.: Изд-во «Европа». 2009.
- Джеймисон Ф. Реально существующий марксизм // Логос. 2005. №3.
- Друкер П. Ф. Энциклопедия менеджмента: Пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2004.
- Загладин Н.В. Кризис социал-демократии или политических идеологий современности? // Социал-демократия в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути преодоления». М.: Ключ-С, 2010.
- Индикаторы науки: 2017. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ. 2017.
- Кейнс Дж. М. Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики, 2009. № 6.
- Макаров В.Л. Экономика знаний: уроки для России // Наука и жизнь. 2003. № 5.
- Павленко Ю.Г. Новая модель экономического развития: институты и механизмы // Вестник Института экономики РАН. 2016. № 5.
- Храмцов А.Ф. Социальное государство и кризис социал-демократии // Социал-демократия в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути преодоления». М.: Ключ-С, 2010.
- Хубиев К.А. Тенденции и перспективы современного экономического развития: интегративный тренд? // Гэлбрейт: возвращение / Монография / Под ред. Бодрунова. М.: Культурная революция, 2017.
- Gluckstein D. The rebirth of social democracy // International Socialism, issue 151, 2016. isj.org.uk/the-rebirth-of-social-democracy.
- Sinn H.-W. Ist Deutschland noch zu retten? Berlin, 2005.
- World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2016–2017. www3.weforum.org/docs/GCR2016-2017/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2016-2017_FINAL.pdf.

II
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА
К ИННОВАЦИОННОМУ
РАЗВИТИЮ

Е.Б. Ленчук

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И НОВАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ

В современном мире в условиях динамично развивающегося научно-технологического прогресса технологический фактор развития играет определяющую роль в обеспечении конкурентоспособности страны, создавая надежную основу для долгосрочного устойчивого роста. Именно технологии сегодня формируют потенциал для преодоления глобальных вызовов, с которыми сталкивается сегодня мир. Речь прежде всего идет о решении таких проблем, как процессы старения населения, преодоление ограниченности природных ресурсов, экологические проблемы, возрастание международной конфликтности и т.п.

Следует отметить, что сегодня речь идет не просто о технологиях в отдельных сферах, а об их конвергенции: это прежде всего информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), био-, когнитивные науки и технологии, которые получили название «NBIC-технологии». Они имеют высокий экономический потенциал практического применения, создавая принципиально новый индустриальный ландшафт экономики, формируя интеллектуальное ядро высокотехнологического сектора

Ленчук Елена Борисовна — д.э.н., директор Института экономики РАН. Lenalenchuk@yandex.ru.

экономики в развитых странах мира. К. Шваб, являющийся постоянным президентом Всемирного Давосского форума, связывает появление таких технологий с четвертой промышленной революцией, отмечая, что «сочетание разнообразных технологий обуславливает возникновение беспрецедентных парадигм в экономике, бизнесе, социуме, в каждой отдельной личности. Она изменяет не только то, «что» и «как» мы делаем, но и кем мы являемся» [Шваб, 2017].

Базируясь на оценках перспектив научно-технологического развития отдельных стран, а также на прогнозных оценках Европейской комиссии, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) выделила около 40 перспективных современных технологий, полагая, что развитие именно этих технологий позволит адекватно реагировать на глобальные вызовы и обеспечивать технологическое лидерство (табл. 1). Из них 30 можно отнести к активно разрабатываемым и реализуемым в рамках текущей волны технологического развития. Остальные 10 ключевых технологий – это новые технологические области, в которых и благодаря которым будут происходить взрывные технологические изменения в течение последующих 10–15 лет [OECD, 2016, p. 79]. На Западе процессы их использования протекают в виде внедрения передовых производственных технологий в промышленном секторе экономики – технологий «Индустрии 4.0», к которым в первую очередь относятся аддитивные технологии, робототехника, интернет вещей, новые материалы, искусственный интеллект, аналитика больших данных и др.

Эти технологии базируются на цифровизации экономической системы, которая ведет к трансформации экономических отношений, структуры экономики, занятости и т.д. в результате чего происходит:

- резкое повышение производительности труда в обрабатывающих отраслях;
- создание новых рынков и исчезновение некоторых традиционных видов деятельности;

- формирование глобальных очагов быстрого промышленного роста;
- радикальная перестройка существующей системы мирового разделения труда за счет сокращения отживающих элементов технологической цепочки предыдущих укладов, преимущественно в развивающихся странах;
- сокращение потребности в неквалифицированных видах труда и обострение глобальной проблемы безработицы;
- углубление технологического превосходства промышленно-развитых стран над остальным миром.

Таблица 1. Ключевые конвергентные технологии

БИОТЕХНОЛОГИИ	ЭНЕРГИЯ + ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА	ПЕРЕДОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ	ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
Биоинформатика Персональная медицина Технология мониторинга здоровья Медицинская и биохимическая деятельность Нейротехнология Биочипы и биосенсоры Стволовые клетки Регенеративная медицина и тканевая инженерия Биокатализ Синтетическая биология	Интеллектуальная сеть Автономные транспортные средства Микро- и наноспутники Точное земледелие Виды биотоплива Микрогенерация мощности Передовые технологии хранения энергии Тепловыделяющие элементы Фотоэлектричество Водородная энергетика Морские и приливные энергетические технологии Технологии ветродвигателей Улавливание и хранение углерода Электрические средства передвижения Дроны	Наноматериалы Функциональные материалы Наноустройства Аддитивное производство Углеродные нанотрубки и графен*	Облачные вычисления Блокчейн Фотоника и световые технологии Имитационное моделирование и игровые технологии Формирование локальных компьютерных сетей (грид-компьютинг) Робототехника Анализ больших данных Интернет вещей (IoT) Квантовое вычисление Искусственный интеллект (ИИ)

* Графен – самый тонкий и прочный материал на планете, который пропускает электричество намного лучше кремния компьютерных чипов. Графен представляет собой двумерный кристалл. Его структура является гексагональной решеткой, состоящей из атомов углерода, она аналогична металлам. По мнению ученых, сенсоры, созданные на основе графена, смогут, например, анализировать прочность и состояние самолета, а также предсказывать землетрясения.
Источник: составлено по [OECD, 2016, p. 79].

По сути, такие технологии ломают представление о традиционном производстве, которое принципиально изменяется под воздействием новых технологий (табл. 2).

Таблица 2. Основные различия традиционного производства и производства в XXI веке

Основные стадии производственного процесса	Традиционное производство	Производство XXI века
Создание продукта	Традиционная разработка продукта	Цифровое проектирование
Сырье и материалы	Природные ресурсы – химическая обработка – синтетические материалы	Конструкционные материалы (материалы с заданными свойствами)
Процесс производства	Производство деталей – сборка (массовое производство)	Единый непрерывный процесс производства и сборки (кастомизированное производство)
Выход на рынок и сбыт продукции	Склад-магазин	Электронная торговля, прямые поставки
Снятие с производства	Утилизация продукта	Переработка, повторное использование продукта

Во-первых, происходят изменения на стадии разработки продукта. За счет перехода к цифровому проектированию повышается эффективность НИОКР, возникает возможность анализа большого массива данных, быстрого прототипирования продукта.

Во-вторых, изменяется ресурсная база производственного процесса. При традиционном производстве использовались преимущественно природные ресурсы, тогда как основу цифрового процесса производства составляют конструкционные материалы с новыми внутренними и поверхностными свойствами, которые нельзя получить естественным способом. Это может влиять на производственный процесс, отменяя целый ряд операций, таких как, например, специальные покрытия, дополнительная обработка.

В-третьих, если традиционное производство было ориентировано на множество отдельных этапов (выпуск деталей и сборка), разделенных во времени и пространстве, то современное цифровое производство по сути размывает границы

между изготовлением деталей и сборкой, производство становится непрерывным с использованием ультраэффективных процессов автоматизации. В то же время это требует более сложного оборудования и глубоких знаний.

В-четвертых, новый продукт превращается в интегральный, объединяя физический продукт и соответствующее программное обеспечение к нему.

Таким образом, современное производство XXI века — это интегрированное решение по созданию новых продуктов, когда из специально разработанных материалов на базе ультраэффективного современного оборудования создается физический продукт в сочетании с программным обеспечением и разными дополнительными сервисами.

Происходит изменение и самих рынков, на которых реализуется такая новая продукция. Они приобретают сервисный характер, добавленная стоимость смещается в сторону услуг, связанных с обслуживанием и эксплуатацией продукта. За счет использования программных продуктов, развития технологий облачных вычислений, аналитики больших данных, усиления потребительских свойств продукта информационными потоками происходит переход к бизнес модели «продукт как сервис», основанной на концепции управления жизненным циклом изделий [Новая технологическая революция..., 2017].

Использование принципиально новых, так называемых передовых производственных технологий на разных этапах производственного процесса в конечном счете повышает производительность и конкурентоспособность отдельных промышленных секторов и национальных экономик в целом, а также способно создавать новые рынки и отрасли, выступать драйвером экономического роста. Так, согласно прогнозам Wohlers Associates, к 2021 г. мировой рынок 3D-печати может достичь объема в 10,8 млрд долл., что соответствует среднегодовому темпу роста в 2013–2021 гг. в 19,3% [Wohlers Associates, 2013]. По оценкам VCG, мировой рынок промышленных роботов к 2025 г. увеличится до 24,4 млрд долл., т.е. будет расти в среднем на 8,3% в год. Также ожидалось,

что мировой рынок композитных материалов уже к 2017 г. вырастет до 29,9 млрд долл., показав среднегодовые темпы роста в 7% [Kazmierski, 2012]. По прогнозам CIMdata, мировой рынок программных продуктов для разработки предметов производства в 2017 г. должен был превысить 50 млрд долл., а среднегодовые темпы его роста – составить 8,7% [Публичный аналитический доклад..., 2014].

Освоение новых производственных технологий сулит немалый экономический эффект. По прогнозным оценкам экспертов, в 2025 г. экономический эффект от применения новых технологий в отдельных областях ежегодно может составлять несколько трлн долл. (табл. 3).

Таблица 3. Прогноз возможного экономического эффекта применения новых технологий в 2025 г.

Технологии	Экономический эффект (в трлн долл)
Мобильный интернет	3,7–10,8
Автоматизация умственного труда	5,2–6,7
Интернет вещей	2,7–6,2
Облачные услуги	1,7–6,2
Робототехника	1,7–4,2
Автономные и почти автономные движущие средства	0,2–1,9
Геномика следующего поколения	0,7–1,6
Хранилища энергии	0,1–0,6
Трехмерная печать	0,2–0,6
Материаловедение	0,2–0,5
Новые методы разведки и добычи нефти и газа	0,1–0,5
Возобновляемые источники энергии	0,2–0,3

Источник: [UNIDO, 2016, p. 55].

Внедрение таких технологий по сути составляет содержание процессов новой индустриализации, которые мы наблюдаем в развитых странах и которые сегодня выступают в качестве мейнстрима экономической политики. Основным ее содержанием становится процесс распространения инновационных прорывных технологий при формировании новых промышленных секторов и модернизации

традиционных отраслей. Новая индустриализация характеризуется также углубленным развитием сетевой формы организации производства в реальном секторе экономики, где системообразующим ресурсом становится интеллектуальный капитал [Романова, 2017].

Анализ научно-технологических приоритетов ведущих стран мира свидетельствует о том, что все они включают разработку и создание передовых производственных технологий, на которых концентрируется особое внимание (табл. 4).

Таблица 4. Примерные приоритеты в области перспективных производственных технологий

Европейский союз	США	Китай	Япония
Новые производственные процессы. Адаптивные и «умные» производственные системы. Цифровое, виртуальное и ресурсоэффективное производство. Мобильные и кооперирующиеся предприятия (сетевое производство и динамичные производственные цепочки). «Человекоцентричное» производство. Производство, ориентированное на потребителя.	Сенсоры, измерение и контроль процессов. Современный дизайн материалов, технологии синтеза и обработки. Технологии визуализации, информатики и цифрового производства. Устойчивое (рациональное) производство. Промышленные нанотехнологии. Производство гибкой электроники. Производственные биотехнологии и биоинформатика. 3D-печать. Современное производство и оборудование для тестирования (контроля качества). Промышленная робототехника. Современные технологии формообразования и соединения.	ИКТ – индустрия нового поколения. Биоинженерия. Высокопроизводительные технологии и оборудование. Современные материалы. Сенсоры. «Умные технологии».	Технологии производства и использования энергии из возобновляемых источников. Искусственный интеллект. Новейшие ИКТ. Робототехника. Разработка новых лекарственных препаратов. Машинное распознавание образов.

Составлено по: [EFFRA, 2013; The White House, 2012; Княгинин, 2013].

Для осмысленного движения в направлении новой индустриализации страны Запада активизируют свою промышленную политику. В таких странах, как США, Германия, Великобритания, Япония, Китай, на государственном уровне формируются стратегии технологического лидерства на миро-

вых рынках, в основе которых лежат процессы возрождения промышленности на базе новых производственных технологий и ее перевод на цифровую платформу.

Так, например, в США в период пребывания у власти администрации Б. Обамы были приняты такие законодательные акты, как «Об организации и приоритетах национальной научной и технологической политики»; «О конкурентоспособности Америки», «Америка конкурирует» и т.д. В 2015 г. была принята Стратегия инновационного развития, и хотя это рамочный документ, позже администрацией Белого дома в сотрудничестве с бизнесом, университетами и профсоюзами был разработан целый арсенал кратко- и среднесрочных программ: «План завоевания будущего путем инвестирования в передовые производственные технологии обрабатывающей промышленности», «Рамочный план возрождения американской обрабатывающей промышленности», «Национальный стратегический план для прорывных отраслей обрабатывающей промышленности», «Национальная стратегия повышения конкурентоспособности обрабатывающей промышленности».

Решая задачи научно-технологического обеспечения приоритетных отраслей промышленности, президентский совет по науке и технологиям в США совместно с представителями отраслевого, научного и экспертного сообществ сформировал целый ряд инициатив федерального уровня и ведомственных мероприятий. Ключевыми стали программа создания Национальной сети промышленных инноваций (NNMI) (совокупный объем утвержденных федеральных обязательств на 2010–2024 гг. – более 600 млн долл. США, планируемые дополнительные инвестиции – более 800 млн долл. США) [The White House, 2016], Инициатива генома материалов (инновационные методы разработки материалов с заданными свойствами) и Национальная робототехническая инициатива. Также были приняты программы «Сетевые и информационные технологии», «Инициатива по беспроводным коммуникациям и инфраструктуре», «Инициатива по исследованиям и разработкам в сфере

больших данных», «Национальная стратегическая компьютерная инициатива» и т.д. [Кириченко, 2016, с. 42–43]. Под их реализацию, как правило, создаются специальные организационные структуры в виде консорциумов, объединяющих научные, государственные и частные структуры, заинтересованные в решении данных задач. Так, например, NNMI предполагает создание сети из 45 исследовательских комплексов (хабов) по отдельным важнейшим технологическим направлениям, достижения в которых в совокупности приведут к выходу промышленности США на новый уровень развития.

Переход к системной инновационной промышленной политике, направленной на решение задач новой индустриализации, характерен и для Великобритании. В 2012 г. в стране в качестве ключевого инструмента реструктуризации экономики, поддержки долгосрочного устойчивого роста и расширения экспорта была принята Стратегия промышленного развития, которая определила направления организационно-финансовой поддержки инновационной деятельности частного бизнеса с четко обозначенными приоритетами, основанными на национальных компетенциях.

Вслед за Стратегией промышленного развития в 2014 г. была обнародована десятилетняя Стратегия в области науки и инноваций, направления которой тесно связаны с приоритетами отраслевой стратегии, при этом серьезное внимание уделено укреплению исследовательской инфраструктуры как базы ускорения инновационного развития. В целях дальнейшего ускорения отраслевой перестройки был разработан гибкий список ключевых кросс-секторальных технологий, предусматривающий расширение инвестиций в ускоренное развитие технологий, обладающих трансформационным потенциалом для всех секторов: *big data*, коммерческое использование спутников, роботы и автономные системы, синтетическая биология, регенеративная медицина, агронауки, новые материалы и нанотехнологии, энергонакопители, «интернет вещей», квантовые технологии и т.д.

В целях ускоренного решения поставленных задач технологического развития в стране создаются специальные институты, так называемые «катапультные центры», или *запускающие национальные инновационные центры*, нацеленные на ускорение коммерциализации технологии [Иванова, 2016, с. 54]. По сути, это автономные сетевые инновационно-технологические структуры, созданные на базе университетов, которые совместно с представителями промышленности разрабатывают новые технологии и доводят их до стадии коммерциализации.

Повышенное внимание к развитию широкого спектра технологических направлений уделяется и в Германии. Так, в 2011 г. была инициирована промышленная стратегия под названием «Индустрия 4.0», которая основывается в т. ч. на концепциях интернета вещей и индустриального интернета вещей (промышленный интернет). В 2014 г. она была дополнена Стратегией инновационного развития, которая фокусируется на шести направлениях: (I) цифровая экономика и общество, (II) устойчивая экономика и энергетика, (III) инновационный рынок труда, (IV) здоровая жизнь, (V) умный транспорт и (VI) гражданская безопасность [Die neue Hightech-Strategie, 2014]. На сайте федерального министерства экономики и энергетики представлен список ключевых приоритетных технологий. К ним относят: биотехнологии, технологии для развития электроавтомобилей, электроники, энергетике, ИКТ, аэрокосмических отраслей, судоходства, медицинской техники, микросистем, нанотехнологии, технологии в оптике, производственные технологии, транспортные технологии и технологии систем.

В Китае разработана стратегия *Made in China 2025*, которая подразумевает внедрение инноваций в производство. С 2015 г. страна одновременно реализует стратегию «Интернет плюс», одно из направлений которой, «Интернет + обрабатывающая промышленность», означает широкомасштабное распространение информационных и коммуникационных технологий на традиционных производственных

предприятиях, способных кардинально реформировать существующий способ производства. К 2025 году Китай планирует усилить автоматизацию промышленности, развить систему инноваций и вывести стандарты производства на международный уровень.

Таким образом, формирование потенциала глобального технологического лидерства в развитых странах мира обеспечивается за счет акцентированного внимания и реализации следующих подходов:

- селективная поддержка исследований и разработок на передовых рубежах технологического прогресса, способных обеспечить высокую конкурентоспособность экономики и ее устойчивый рост;
- определение национальных научно-технологических приоритетов и секторальных приоритетов развития экономики;
- триединый подход к разработке научно-технической, инновационной и промышленной политики, обеспечивающий взаимосвязку долгосрочных прогнозов, стратегий, планов и программ в приоритетных секторах экономики;
- формирование соответствующих институтов и механизмов, содействующих достижению поставленных целей в обеспечении технологического лидерства в приоритетных областях и расширения участия в глобальных цепочках добавленной стоимости.

Перед Россией стоит задача не отстать от мирового тренда – решения задач новой индустриализации на базе освоения новых производственных технологий. Только так сегодня можно обеспечить конкурентоспособность отечественной экономики. Вместе с тем, несмотря на имеющиеся заделы, в целом освоение передовых производственных технологий происходит довольно медленно. И сегодня Россия проигрывает развитым странам по многим показателям новой технологической революции (табл. 5).

Таблица 5. Сравнительная характеристика места России по некоторым показателям новой технологической революции

Показатель	Россия	Страны-лидеры
Объем высокотехнологичного экспорта, млрд долл. (2015)	9,7	Китай – 554,3; Германия – 185,6; США – 153,5; Южная Корея – 126,5
Производительность труда, долл. за один человеко-час (2015)	25,9	Средний показатель по странам ОЭСР – 50,8, в т. ч. в США – 68,3, во Франции – 67,6, в Германии – 66,6
Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, % (2015)	8,8	Германия – 55, Швеция – 45,2, Финляндия – 44,6, Нидерланды – 44,5
Затраты на НИОКР, % от ВВП (2015)	1,10	Южная Корея – 4,23; Германия – 2,93; США – 2,79; Китай – 2,07; Великобритания – 1,7
Количество выданных патентов (страна происхождения заявителя) (2015)	24998	Китай – 279501; США – 257108; Южная Корея – 109107; Германия – 86849; Великобритания – 21503
Количество платформенных компаний (2015)	3	Китай – 64; США – 63; Великобритания – 9
Доля продаж через Интернет в общем объеме оборота розничной торговли, % (2015)	4	США – 20; Великобритания – 20; Франция – 15; Испания – 15; Италия – 9
Место в рейтинге Глобального индекса инновационного развития (2017)	45	Швейцария – 1, Швеция – 2, Нидерланды – 3, США – 4, Германия – 9, Южная Корея – 11, Япония – 14, Китай – 22
Место в международном рейтинге производственной конкурентоспособности (2016)	32	Китай – 1, США – 2, Германия – 3, Япония – 4, Южная Корея – 5, Великобритания – 6
Место в международном рейтинге развития инфокоммуникационной инфраструктуры (2016/2017)	41	Сингапур – 1, Финляндия – 2, Швеция – 3, Норвегия – 4, США – 5, Великобритания – 8, Япония – 10, Германия – 15, Китай – 59

Источник: [Новая технологическая революция..., 2017].

Вместе с тем, осознание необходимости решения такой задачи постепенно приходит. Выступая с посланием Федеральному Собранию в 2016 г., Президент РФ поручил правительству разработать программу развития «экономики нового технологического поколения». В 2016 г. начала реализовываться долгосрочная программа по созданию условий для обеспечения лидерства российских компаний на новых высокотехнологичных рынках в виде Национальной технологиче-

ской инициативы. В том же году была разработана и принята Стратегия научно-технологического развития России до 2035 г.

Сегодня активно обсуждаются пути построения цифровой экономики в России. Уже представлена рассчитанная на 7 лет программа «Цифровая экономика России», на реализацию которой государство готово тратить ежегодно 200 млрд руб.

Анализируя практику последних десятилетий, следует отметить, что при правильной риторике нам далеко не всегда удавалось достичь поставленные цели. Так, в начале нулевых декларировалась необходимость формирования инновационной экономики, но в этом процессе мы не преуспели. На фоне деиндустриализации мы так и не смогли построить эффективно действующую национальную инновационную систему. Начиная с 2010–2011 гг., в России стал активно обсуждаться вопрос о реиндустриализации и переходе к новой индустриализации. Тем не менее, российская экономика по-прежнему сохраняет зависимость от экспорта энергоносителей.

Сегодня переход к цифровой экономике рассматривается в качестве важнейшего фактора обеспечения экономического роста. Однако чтобы воплотить в жизнь реализацию этого курса, важно понять саму суть такой экономики. У российского правительства она в основном ассоциируется с электронной торговлей и банкингом, созданием электронного правительства, развитием телемедицины и т.п. Однако за скобками продолжает оставаться цифровизация промышленности как основной источник экономического роста. Так, например, в вышеупомянутой программе «Цифровая экономика России» нет раздела, посвященного этому вопросу.

Переход к формированию цифровой экономики отнюдь не отменяет решение всех предшествующих задач. Важно понимать, что цифровая экономика и новая индустриализация – это два взаимообусловленных и взаимоувязанных процесса, предполагающие активизацию использования интеллектуального капитала вплоть до искусственного интеллекта в процессе создания новых продуктов. Реализация этих про-

цессов возможна только в рамках эффективно действующей инновационной модели развития.

Поскольку в России нет ни общей долгосрочной стратегии социально-экономического развития, ни четко сформулированных структурных приоритетов промышленного развития, разработка которых постоянно затягивается, принятая цифровая программа повисает в воздухе. Какие отрасли будет затрагивать цифровая экономика? Непонятен субъект – кто, что и для кого будет производить, в каком состоянии он находится сейчас, в каком состоянии будет находиться через 5–10 лет. Готовы ли наша электроника и компьютерная база к решению этой задачи, есть ли заделы в разработке и создании передовых производственных технологий. Есть ли на эти технологии спрос? В каких отраслях промышленности они могут быть использованы?

В этой связи следует сконцентрировать особое внимание на скорейшем включении России в новую технологическую революцию, на развитии высокотехнологичных производств, широкомасштабном освоении передовых производственных технологий. В целом, чтобы вписаться в новый индустриальный ландшафт необходимо решить следующие задачи.

Во-первых, в рамках системы документов стратегического планирования следует обозначить технологический вектор развития в соответствии со структурными приоритетами промышленного сектора экономики. Речь идет об определении базовых ключевых технологий, необходимых для формирования конкурентоспособного реального сектора экономики. К сожалению, в принятой в 2016 г. Стратегии научно-технологического развития РФ о технологиях не говорится вообще.

Во-вторых, следует сформировать эффективно действующую инновационную систему. Она заработает тогда, когда появится реальный спрос на инновации. Возрождение реального сектора экономики должно дать толчок этому процессу

В-третьих, процесс разработки и широкомасштабного освоения новых передовых технологий требует серьезных

инвестиций. К этому процессу должны подключиться специализированные финансовые институты развития и частный бизнес.

В-четвертых, необходимо обеспечить формирование соответствующего кадрового потенциала, способного создавать и внедрять передовые производственные технологии в экономике. В этой связи нужны новые подходы в образовании. Нам нужны не просто кадры, обладающие набором тех или иных компетенций, а творческие креативные специалисты, мотивированные на развитие и инновационную деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

Иванова Н.И., ред. *Отраслевые инструменты промышленной политики*. М., ИМЭМО, 2016.

Кириченко Э.В., ред. *США: возможности и пределы экономического и политического лидерства*. М.: ИМЭМО РАН, 2016.

Княгинин В.Н. Основные тренды в новом поколении производственных технологий. Материалы к выступлению на расширенном заседании рабочей группы Экономического совета при Президенте РФ по направлению «Отраслевая и инфраструктурная политика». Москва, 10.06.2013 г.

Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. Экспертно-аналитический доклад под руководством В.Н. Княгинина. М., ЦСР. csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017-10-13.pdf.

Публичный аналитический доклад по развитию новых производственных технологий. М.: Сколтех, 2014. reestr.extech.ru/docs/analytic/reports/new%20technologies.pdf.

Романова О.А. Инновационная парадигма новой индустриализации в условиях формирования интегрального мирохозяйственного уклада // *Экономика региона*. 2017. Т. 13. Вып. 1. С. 276–289, doi 10.17059/2017-1-25.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Издательство «Э», 2017.

Die neue Hightech-Strategie. Innovationen für Deutschland. Bundesregierung, 2014. www.bmbf.de/pub_hts/HTS_Broschure_Web.pdf.

- EFFRA. Factories of the Future. Multi-annual roadmap for the contractual PPP under Horizon 2020. European Commission, 2013. www.effra.eu/sites/default/files/factories_of_the_future_2020_roadmap.pdf.
- Kazmierski C.* (2012). Growth Opportunities in Global Composites Industry, 2012–2017. Presentation at the Composites Exhibition and Convention 2012, Las Vegas, NV. www.lucintel.com/lucintel-globalcompositemarketanalysis-acma2012-educationalsession.pdf.
- OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2016. www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/science-and-technology/oecd-science-technology-and-innovation-outlook-2016_sti_in_outlook-2016-en#.WmnFlKhl-Uk#page15.
- The White House. Office of the Press Secretary. President Obama Announces Winner of New Smart Manufacturing Innovation Institute and New Manufacturing Hub Competitions. June 20, 2016. www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/06/20/fact-sheet-president-obama-announces-winnernew-smart-manufacturing. Дата обращения: 14.10.2016.
- UNIDO Industrial Technology Report 2016. Vienna, 2015.
- Wohlers Associates (2013). Wohlers Report 2013. Additive Manufacturing and 3D Printing: State of the Industry. Annual Worldwide Progress Report, p. 19, 122–125.
-

Н.В. Куликова

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ НОВЫХ СТРАН – ЧЛЕНОВ ЕС К УСТОЙЧИВОМУ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РОСТУ

1. Прежние успехи

Радикальная общественно-экономическая трансформация в странах Центрально-Восточной Европы – нынешних новых членах ЕС в начале 1990-х годов повлекла за собой глубокий экономический спад, разрушение значительной части имевшихся производств и снижение уровня занятости населения. Однако последующий период развития более чем компенсировал эти потери. Уже к 1994 г. почти все страны региона остановили трансформационный спад в экономике, к 2000 г. был восстановлен дореформенный объем их совокупного валового продукта, а в последующие годы, вплоть до начала мирового финансового кризиса, новые страны – члены ЕС (НСЧ) находились в ряду стран мира с наиболее высокими темпами экономического роста (табл. 1). Быстрый рост ВВП на душу населения позволял сокращать разрыв в доходах с богатыми странами.

Ключевую роль в экономическом развитии НСЧ сыграла реинтеграция в мировые рынки товаров и услуг.

Куликова Наталия Владимировна – кандидат географических наук, руководитель Центра восточноевропейских исследований Института экономики РАН.

Таблица 1. Динамика реального ВВП

Страна и мир	Средние годовые темпы прироста ВВП, в %					
	1995– 1999	2000– 2008	2009	2010– 2013	2014– 2016	2017–2018 (прогноз)
Страны Центральной Европы						
Венгрия	2,7	3,4	–6,6	0,7	3,1	3,3
Польша	5,9	4,1	2,6	2,9	3,4	3,6
Словакия	4,6	5,7	–5,4	2,8	3,2	3,5
Словения	4,3	4,2	–7,8	–0,5	2,6	3,3
Чехия	1,21)	4,3	–4,8	0,8	3,2	3,0
Страны Юго-Восточной Европы						
Болгария	–1,4	6,0	–3,6	1,0	2,8	3,4
Румыния	–0,2	6,1	–7,1	1,1	3,9	4,9
Хорватия	4,0	4,2	–7,4	–1,3	1,4	2,8
Страны Прибалтики						
Латвия	3,7	7,2	–14,3	2,3	2,3	3,9
Литва	5,0*	7,0	–14,8	3,8	2,5	3,5
Эстония	4,5	6,5	–14,7	3,9	1,9	3,9
<i>Справочно</i>						
Германия	1,6	1,6	–5,6	2,2	1,6	1,9
ЕС-15	2,6	2,1	–4,5	0,9	1,8	–
ЕС-28	2,7	2,4	–4,3	0,9	2,0	2,2
Мир	3,5	4,3	–0,1	4,2	3,4	3,7

* 1996–1999 гг.

Источник: расчеты по данным IMF World Economic Outlook Database, October 2017; для ЕС-15 – расчеты по данным UNCTADStat.

Либерализация внешней торговли в начале 1990-х годов и завершение в 1993 г. Европейским союзом создания общего рынка со свободным перемещением товаров, услуг и капиталов привели к росту внешнеторгового товарооборота НСЧ примерно в три раза за 10 лет. В 2000-х годах рост продолжился, во многом благодаря вступлению большинства стран региона в ЕС.

Однако появление возможностей для экспорта продукции в западноевропейские страны оказало не главное влияние на экономику НСЧ. Ключевую роль в ее развитии сыграло то,

что переход стран к рыночной экономике и создание общего европейского рынка с начала 1990-х годов проходили на фоне волны глобализации, достигшей апогея в период бума в мировой экономике в 2003–2007 гг. Глобализация расширила трансграничное движение капитала и распространение технологий. При этом общемировые тенденции снижения таможенных тарифов, роста потоков прямых иностранных инвестиций (ПИИ), трансфера технологий были в НСЧ более выраженными, чем в других странах.

Приток ПИИ в НСЧ резко вырос благодаря полному открытию иностранным компаниям доступа к приватизации государственных активов, созданию максимально благоприятных условий для деятельности иностранных инвесторов и повышению инвестиционной привлекательности стран в связи с их вступлением в ЕС [Куликова, 2009, с. 48]. Это изменило модели внешней торговли НСЧ, многие созданные в них производства стали частью цепочек поставок транснациональных компаний, в основном германских [IMF, 2013].

Наибольшая часть притока промышленных ПИИ пришлась на автомобильный сектор. Европейские, а также азиатские и даже американские автопроизводители (Volkswagen, Renault SA, PSA Peugeot-Citroen, Fiat, Audi, Toyota-PSA, Hyundai-KIA, Daewoo, Suzuki, General Motors, Ford) переместили в НСЧ целые этапы своего производственного процесса [Куликова, Фейт, 2007, с. 31–32]. В итоге экспорт промежуточной и готовой продукции автомобилестроения резко вырос, особенно в преддверии и после вступления стран в ЕС.

Основная часть непроизводственных ПИИ поступила в финансовый сектор. В результате его полного открытия для притока иностранного капитала подавляющая часть государственных банков почти во всех НСЧ (кроме Словении) в ходе приватизации перешла в руки западноевропейских банков. В настоящее время в иностранной собственности находится около 80% совокупных активов банковского сектора региона. В Центральной и Юго-Восточной Европе особенно активны

австрийские, бельгийские, итальянские и греческие банки, в меньшей степени – французские, германские и английские. В прибалтийских странах доминируют шведские банки [Глинкина, Куликова, 2017б, с. 61].

Модель экономики, опирающаяся на приток иностранного капитала и спрос на европейском рынке, обеспечила НСЧ определенные преимущества.

Во-первых, обильный приток ПИИ ускорил экономический рост, сделал экономику более эффективной и конкурентоспособной, обеспечил впечатляющий рост товарного экспорта, увеличил долю региона в европейской и мировой экономике и торговле. Повысился средний технологический уровень производства, выросла доля добавленной стоимости в валовом выпуске товаров и услуг, от половины до прироста регионального валового продукта с середины 1990-х годов обеспечивалось за счет повышения общей производительности факторов производства, прежде всего – производительности труда [Куликова, 2014а, с. 31]. При этом уровень безработицы, резко возросший в ходе трансформационных реформ 1990-х годов, снижался.

Характер специализации НСЧ стал явно отражать их сравнительные преимущества, основным из которых является наличие образованной, квалифицированной и при этом относительно недорогой рабочей силы. Использование этого преимущества в результате трансфера более современных технологий на предприятия прямого иностранного инвестирования позволило многим странам переключиться с выпуска простейшей продукции обрабатывающей промышленности на производство технологически более сложных товаров, требующих труда работников со средней или высокой квалификацией [Глинкина, Куликова, 2017а, с. 89]. В результате в товарном экспорте НСЧ уменьшилась доля традиционных трудоемких изделий (одежды, мебели и пр.) и возросла доля капиталоемкой машиностроительной продукции, а в некоторых странах (особенно в Венгрии, Чехии, Эстонии) – и доля высокотехнологичных товаров.

Во-вторых, западноевропейские банки предоставили своим восточноевропейским «дочкам» практически неограниченные возможности использования заемных средств для кредитования. К началу мирового финансового кризиса сумма требований банков старых стран-членов ЕС в Восточной Европе составила около 950 млрд евро [European Commission, 2009, p. 18]. Такой весомый вклад западноевропейских банков в рост объема кредитов подогревал в НСЧ внутренний потребительский и инвестиционный спрос, что способствовало ускорению роста их экономики [Глинкина, Куликова, 2015, с. 15].

Однако нельзя не отметить, что многие из достижений имели оборотную сторону. Всплеск производства, внешней торговли и потребления в период мирового экономического бума, не имея под собой достаточной здоровой основы, создал внешние и внутренние дисбалансы в экономике. Большинство стран столкнулись с высокими дефицитами счета текущих операций и государственного бюджета, которые привели к долговым проблемам. В структуре производства некоторых стран образовался крен в сторону неторгуемых товаров и услуг. Внутренние кредитные бумы привели к чрезмерному инвестированию в недвижимость и росту цен на активы, опасно высокой доле кредитов в иностранной валюте и низкой надежности долгов частного сектора [Глинкина, Куликова, 2013, с. 11–12].

Рост факторной производительности и добавленной стоимости был в значительной степени не результатом улучшения качественных характеристик имевшихся производств, а следствием раздувания в экономике финансового сектора, сектора платных услуг и сектора недвижимости при одновременном сворачивании традиционных видов экономической деятельности под давлением конкуренции, возникшей из-за полной свободы передвижения товаров и движения капиталов в границах ЕС.

Впечатляющий рост экспорта был обеспечен в основном за счет встраивания филиалов ТНК в вертикальные цепи поставок. Что же касается собственных предприятий, то

лишь немногие из них смогли выйти со своей продукцией на западноевропейские рынки. То есть речь идет не о росте классического экспорта, а фактически о расширении внутрифирменного обмена. При этом подавляющая часть экспортной продукции направлялась на рынок Евросоюза, что сделало экономику НСЧ глубоко зависимой от колебаний его конъюнктуры.

Наличие слабо связанных с остальной экономикой филиалов ТНК мало что дало НСЧ в плане всеобъемлющей технологической модернизации экономики, так как обещанная теорией диффузия технологий, внедренных на предприятиях прямого иностранного инвестирования, на практике оказалась слабой. При этом расчет на трансфер иностранных технологий ослабил внимание к развитию собственных научных исследований и внедрению инноваций. Такая ситуация создала риск консервации, а в долгосрочной перспективе и увеличения отставания в экономическом росте от стран, активно развивающих науку и создающих инновации.

Снижение уровня безработицы во многих НСЧ было связано не столько с ростом числа занятых, сколько с демографическими тенденциями и эмиграцией в Западную Европу, которая началась еще в 1990-х годах, но приняла особенно широкие масштабы после вступления стран в ЕС. По данным на 2014 г. Румыния потеряла из-за эмиграции в другие страны Евросоюза более 14% своего трудоспособного населения, Хорватия и Латвия – по 11%, Литва и Болгария – 8%, Польша, Эстония и Словакия – от 4 до 6% [European Commission, 2014, p. 5]. Отток рабочей силы помог снизить безработицу и сократить бедность (частично благодаря денежным переводам мигрантов), однако он уменьшил трудовые ресурсы НСЧ, а также ухудшил их качество, поскольку многие люди, покидающие свои страны, имеют более высокий уровень образования и квалификации, чем те, кто в них остаются. Со временем это стало негативно отражаться на динамике экономического роста в странах происхождения мигрантов [Docquier F. et al., 2014].

Высокая зависимость от европейского рынка товаров и капитала, узкая специализация производства, обычно с креном в автомобильную промышленность, и крупные макроэкономические диспропорции сделали экономику НСЧ уязвимой перед потрясениями в глобальном производстве и финансах. Мировой финансовый кризис 2007–2009 гг. и долговой кризис в еврозоне 2010–2011 гг. имели для НСЧ тяжелые последствия – от экономического спада¹ и последовавшего за ним длительного застоя (см. табл. 1), ослабления банковского сектора и сжатия сектора строительства до высокой безработицы, дефляции и значительного сужения фискального пространства [Куликова, 2011]. Быстрое сближение с развитыми странами ЕС по уровню дохода на душу населения, наблюдавшееся в предыдущие годы, остановилось.

2. Текущие тенденции

В последние годы внешние условия развития НСЧ изобиловали политическими рисками и геополитическими конфликтами, но ухудшение геополитической ситуации, внешняя политика новой администрации США, миграционный кризис в Европе, начавшееся оформление выхода Великобритании из ЕС и «санкционная война» между Западом и Россией не оказали существенного негативного влияния на их экономику [Куликова, 2016, с. 17–23]. Вместе с тем внешняя экономическая среда была для НСЧ достаточно благоприятной. Рост мировой экономики в 2014–2016 гг. несколько замедлился по сравнению с периодом динамичного посткризисного восстановления 2010–2013 гг., но его темпы оставались на достаточно высоком уровне в 3,4% в среднем в год, а в 2017 г. достигли, по оценкам, 3,7%, то есть самого высокого значения с 2011 г. [МВФ, 2018, с. 11]. Особенно важным для НСЧ был выход из экономической рецессии ведущих западноевропейских стран, являющихся их главными торговыми партнерами.

---

1. Избежала сокращения ВВП в 2009 г. только Польша.

ВВП еврозоны в 2014–2016 гг. рос в среднем на 1,8% в год, а в 2017 г. увеличился, по оценкам, на максимальные за последнее десятилетие 2,4%, в том числе ВВП Германии – на 2,5%. Глобальные условия финансирования оставались благоприятными. Мировые цены на энергоносители, которые являются важной статьёй импорта большинства НСЧ, в 2014 г. упали и до сих пор остаются значительно ниже прежних уровней.

На этом фоне экономические тенденции в НСЧ с 2014 г. стали в основном положительными. После пятилетнего периода повторяющихся спадов и застоя регион вышел, наконец, на траекторию устойчивого экономического роста со среднегодовым темпом около 3% в 2014–2016 гг. Промышленное производство в масштабах региона также показало положительную динамику. Это нашло отражение в существенном повышении загрузки производственных мощностей, сегодняшние уровни которой свидетельствуют о том, что экономика НСЧ работает уже почти на полную мощность [IMF, 2017а, р. 6].

Ускорению экономического роста способствовала, наряду с постепенным восстановлением экономики Западной Европы, стимулирующая макроэкономическая политика. Денежно-кредитная политика в странах, применяющих режим таргетирования инфляции (Чехия, Венгрия, Польша, Румыния), была достаточно комфортной с точки зрения поддержки роста. Внешние финансовые условия также оставались благоприятными благодаря продолжению Европейским центральным банком мягкой денежно-кредитной политики и программы количественного смягчения. Акции НСЧ к концу 2016 г. вошли в число лучших по динамике стоимости, опередив акции развивающихся стран Азии и стран с развитой экономикой [EBRD, 2017, pp. 3, 5–6]. Налогово-бюджетная политика была нейтральной или умеренно экспансивной, поддерживающей экономический рост в рамках приемлемых бюджетных дефицитов. Некоторые страны снизили ставки налогов.

Главным локомотивом экономического роста послужило потребление домохозяйств. Повышению потребитель-

ского спроса способствовали благоприятные тенденции на рынках труда и значительное увеличение доходов населения. Численность занятых в регионе неуклонно росла, безработица опустилась с 10,2% в 2013 г. до 6,5% в 2016 г., то есть до уровня, близкого к докризисному, и значительно ниже уровня безработицы в Западной Европе (табл. 2). Рост спроса на рынках труда и ставшая ощущаться нехватка рабочей силы подтолкнули вверх ее стоимость: средняя реальная заработная плата повышалась в среднем на 4,5% в год, вдвое опережая рост производительности труда [IMF, 2017, p. 19]. Рост средней заработной платы во многих странах сопровождался значительным повышением минимального уровня оплаты труда и увеличением привязанных к нему размеров социальных пособий.

Таблица 2. Уровень безработицы

Страна и еврозона	Численность безработных в % от численности рабочей силы		
	2008	Максимальная (год)	2017
Страны Центральной Европы			
Венгрия	7,8	11,2 (2010)	5,1*
Польша	7,1	10,3 (2013)	4,9
Словакия	9,6	14,5 (2010)	8,1
Словения	4,4	10,1 (2013)	6,8
Чехия	4,4	7,3 (2010)	2,9
Страны Юго-Восточной Европы			
Болгария	5,6	13,0 (2013)	6,3
Румыния	5,6	7,2 (2011)	4,9
Хорватия	8,6	17,4 (2013)	11,1
Страны Прибалтики			
Латвия	7,7	19,5 (2010)	8,7
Литва	5,8	17,8 (2010)	7,2
Эстония	5,5	16,7 (2010)	6,8*
Справочно:			
ЕС-28	7,0	10,9 (2013)	7,7
Еврозона	7,6	12,0 (2013)	10,0

*2016 год.

Источник: Eurostat Database. 10.02.2018.

Инвестиционный спрос, напротив, снизился. Причиной падения инвестиций, особенно государственных, послужило существенное сокращение трансфертов из фондов ЕС из-за вялого старта нового программного периода 2014–2020 гг. Инвестиционный спад в государственном секторе лишь в некоторых странах был отчасти компенсирован ростом частных инвестиций (например, в автомобильную промышленность в Словакии и жилищное строительство в Румынии) [IMF, 2017а, р. 4].

Экспорт товаров и услуг рос в НСЧ в два раза быстрее, чем ВВП, в основном благодаря оживлению экономики и спроса в Западной Европе. Суммарный дефицит счета текущих операций, достигший своего максимального уровня в 8% ВВП в 2007 г., сменился небольшим профицитом. Совокупный государственный долг, который резко увеличился после глобального финансового кризиса, стабилизировался примерно на уровне 50% ВВП.

На фоне изложенных общих экономических тенденций в регионе отчетливо выделялись различия между его отдельными частями. Наиболее уверенное восстановление отмечалось в Центральной и Юго-Восточной Европе. Среднегодовые темпы прироста ВВП здесь превысили 3% (наибольший вклад в ускорение роста внесли Польша и Румыния), структура экономики улучшалась, уровень безработицы всюду снизился, а в Венгрии, Польше и Чехии опустился ниже докризисных значений. Прибалтийские страны, пережившие в начале глобального финансового кризиса самый глубокий экономический спад в мире, а в 2011–2012 гг. показавшие самый быстрый восстановительный рост в регионе, в 2014–2016 гг. существенно уступали другим НСЧ по темпам прироста ВВП (около 2% в год). Это в значительной степени связано с тем, что осознание уязвимости несбалансированной экономики в момент резкого оттока капитала заставило прибалтийские страны кардинально улучшать платежные балансы и ограничивать государственные расходы, поддерживая бюджетный дефицит на низком уровне. Уровень безработицы

в Прибалтике снизился с пиковых значений 2010 г. более чем в два раза, однако в отличие от других НСЧ он здесь остался существенно более высоким, чем был до мирового кризиса.

2017 г. стал самым успешным для НСЧ за весь посткризисный период. Их совокупный ВВП вырос, по предварительным оценкам, на 4,5%, что оказалось самым высоким показателем с 2006 г. Ускорение экономического роста отмечалось в большинстве НСЧ, но наиболее впечатляющих успехов вновь добились Румыния и Польша, где его темпы достигли, по предварительным данным, 6,4 и 4,5% соответственно [World Bank, 2018, p. 233]. Главным драйвером деловой активности оставалось частное потребление, показавшее самый быстрый рост за более чем десятилетний период. Расходование средств во всем регионе стимулировалось продолжающимся повышением занятости населения, снижением уровня безработицы (в странах Вышеградской группы и в Румынии он опустился до рекордно низких значений) и дальнейшим ростом реальной заработной платы. В некоторых случаях потребление поддержали фискальные стимулы (например, государственная программа по детским пособиям в Польше и снижение налога на добавленную стоимость и акцизов в Румынии) [World Bank, 2018, p. 93]. Наряду с ускорением роста потребления повысилась инвестиционная активность, отчасти вследствие возросшего с низких уровней 2016 г. объема освоения структурных фондов ЕС [IMF, 2017b, p. 1]. Кроме того, определенный вклад в ускорение роста ВВП в НСЧ внес чистый экспорт, увеличению которого способствовало ускорение экономического роста и экспортного спроса в ведущих странах еврозоны.

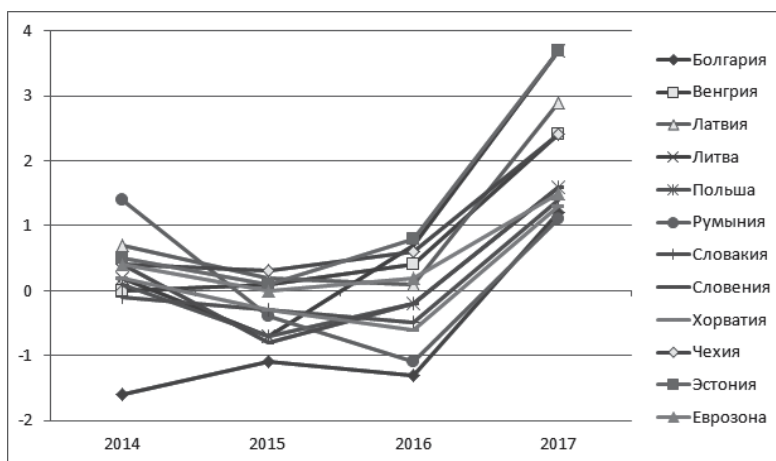
Инфляционное давление в НСЧ, большинство из которых в 2013–2016 гг. пережили периоды дефляции, в 2017 г. несколько усилилось вслед за переходом инфляции к положительной динамике в зоне евро, повышением мировых цен на нефть и другие энергоносители, сжатием рынков труда и ростом доходов населения (см. рисунок). Однако в большинстве стран (кроме Эстонии, Латвии и Венгрии) инфляция

потребительских цен все еще оставалась на низком уровне в 1–1,5%, продолжая отставать от роста стоимости внутреннего производства.

Ситуация в банковском секторе НСЧ за годы экономического восстановления стабилизировалась, хотя проблемы остаются. Доля просроченных кредитов значительно снизилась относительно посткризисных пиковых значений благодаря мерам регуляторов, улучшению условий продаж безнадежных долгов заемщиков за счет повышения провизий, а также вследствие ускорения роста общего объема кредитов [EBRD, 2017, pp. 7, 18]. Однако в некоторых странах (Хорватии, Венгрия, Словения) доля плохих долгов все еще остается высокой по сравнению не только с развитыми странами, но и со многими странами с формирующимся рынком.

По мере прогресса в оздоровлении финансовых балансов банков рост кредитования в регионе стал ускоряться. Особенно уверенно объем кредитов увеличивается в Прибалтике и Центральной Европе. Основная часть их прироста обеспечивается за счет предоставления займов населению, в то время как кредитование предприятий расширяется медленнее и проходит в странах неравномерно.

Источник: Eurostat Database. 10.02.2018.

Рисунок. Годовая инфляция потребительских цен, в %

В результате переоценки материнскими банками подверженности финансовым рискам некоторые из их филиалов в НСЧ были проданы, однако это не оказало заметного негативного воздействия на экономику. Банковские опросы показывают, что с улучшением экономической ситуации транснациональные банки все чаще стремятся вновь расширить свою деятельность в регионе, поскольку операции здесь, как правило, более выгодны, чем в Западной Европе [IMF, 2017а, р. 10].

В некоторых НСЧ наряду с безнадежными банковскими долгами сохраняется чрезмерная корпоративная задолженность. Рекордсменом в этом вопросе является Хорватия, где объем корпоративных долгов в 2016 г. превышал 35% ВВП [EBRD, 2017, р. 14]. Наличие крупных долгов ограничивает возможности компаний привлекать финансирование и чревато проблемами для поставщиков, которые могут столкнуться с дефицитом ликвидности из-за несвоевременных оплат поставок, а также грозит проблемами банкам из-за потенциальной задержки платежей или дефолтов по обслуживанию долгов предприятий.

3. Вызовы новой реальности

В ближайшие годы внешняя среда для развития НСЧ будет, вероятно, не столь турбулентной, как в предыдущем десятилетии, и в регионе можно ожидать продолжения экономического роста. Однако сохранение темпа, достигнутого в 2017 г., представляется маловероятным. Судя по прогнозам МВФ, суммарный ВВП НСЧ в 2018–2022 гг. будет увеличиваться не более чем на 3% в среднем в год, отставая от роста мировой экономики [IMF, 2017с]. При этом риски смещены в сторону более низких темпов роста в среднесрочной перспективе по сравнению с прогнозными. Это связано как с внешними факторами, к которым относятся ожидаемое замедление экономического роста в еврозоне, возможное повышение стоимости заимствований и сжатие притока капитала в случае ужесточения глобальных условий

финансирования вслед за отменой монетарных стимулов и нормализацией денежно-кредитной политики в крупных развитых странах после десятилетия ее беспрецедентного смягчения, вероятное снижение темпов роста мировой торговли вследствие замедления роста инвестиций, производства и импортного спроса в развитых странах и Китае, эскалация протекционизма, нарастание геополитической напряженности и политическая неопределенность в некоторых странах, так и с проблемами в экономике самого региона.

Одна из таких проблем – значительное снижение потенциального экономического роста по сравнению с докризисным периодом. Это снижение вызвано в основном замедлением повышения общей факторной производительности под влиянием: сокращения притока ПИИ, который способствовал трансферу эффективных технологий [Куликова, 2014b; Bijsterbosch and Kolasa, 2010]; падения внутренних инвестиций, связанного со слабой деловой активностью торговых партнеров в еврозоне и трудностями с привлечением внешних займов, особенно во время европейского долгового кризиса; замедления перетока рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность и сектор услуг, служившего два десятилетия важным источником роста факторной производительности в масштабах всей экономики; торможения реформ, необходимых для дальнейшего улучшения деловой среды, после вступления стран в ЕС [EBRD, 2014].

Кроме того, свою роль в снижении потенциального экономического роста сыграло сокращение предложения рабочей силы и рост ее стоимости вследствие неблагоприятных демографических тенденций и миграционных процессов. Уменьшение численности лиц трудоспособного возраста из-за падения рождаемости в 1990-е годы, старения населения и значительной эмиграции, а также усиление несоответствия между спросом и предложением рабочей силы по профессиям и уровню квалификации в последние годы стали сдерживать рост занятости, зачастую при одновременном увеличении числа вакансий [EBRD, 2017, p. 16]. В ряде НСЧ, прежде всего

Центральной Европы, дефицит рабочей силы, особенно квалифицированной, превратился в достаточно острую проблему; в прибалтийских странах, несмотря на существенную безработицу, также начинает ощущаться структурный дефицит рабочей силы, что может быть в значительной степени вызвано массовой эмиграцией [IMF, 2017а, р. 19].

Вторая важнейшая проблема заключается в том, что большинство НСЧ пока не адаптировались к новой реальности, которая возникла вследствие глубинных изменений в мировой и европейской экономике и политике, и в которой маловероятно повторение внешних условий развития, существовавших перед мировым финансовым кризисом. Среди множества элементов этой новой реальности, называемых международными экспертами [см., например, World Bank, 2017, pp. 11–14], можно выделить несколько ключевых, напрямую влияющих на экономические перспективы НСЧ.

Во-первых, это *ситуация в Европейском союзе*. Голосование в Великобритании по «Брекзиту» с последующим направлением Соединенным Королевством официального уведомления Брюсселю о намерении выйти из ЕС, миграционный кризис и проявления общего недовольства европейских избирателей пошатнули прежде безоговорочное «европейское единство» и поставили под вопрос способность Европейского союза проводить единую политику в ответ на возникающие вызовы. Экономические шаги новой администрации США и растущий популизм политиков могут привести к кардинальным изменениям экономической политики ряда европейских государств, в том числе в таких ключевых сферах, как финансовое дерегулирование, налогообложение, международная торговля. Все это ставит в весьма непростую и в значительной степени неопределенную ситуацию как Евросоюз в целом, так и его новых членов, развитие которых с середины 1990-х годов напрямую связано с евроинтеграцией.

Во-вторых — *более скромные международные потоки капитала* по сравнению с докризисными объемами. В период мирового экономического бума значительный приток капи-

тала и денежных переводов позволял НСЧ импортировать больше товаров, чем они экспортировали, экономики быстро росли в значительной степени за счет инвестиций в неторгуемые сектора, в частности в сектор недвижимости. Теперь, в условиях сократившегося притока иностранного капитала, развитие за счет крупных дефицитов торговых балансов стало проблематичным.

В-третьих, — *изменение динамики международной торговли*. С середины 1990-х годов и вплоть до мирового финансового кризиса ее объем увеличивался значительно быстрее, чем мировое производство и доходы, и во многих НСЧ экспорт играл роль главного двигателя экономического роста. Теперь, когда эффект от произошедших в 1990-е — начале 2000-х годов либерализации торговли и снижения тарифов исчерпан, а существующие трансграничные цепочки добавленной стоимости достигли стадии зрелости и больше не обеспечивают прежней динамики международных торговых потоков, рост международной торговли отстает от роста мирового ВВП. Это угрожает эффективности стратегий развития, основным элементом которых является торговая открытость экономики.

В-четвертых — это долгосрочные *мировые технологические тренды*, изменения в сравнительных преимуществах стран и сдвиги в их международной специализации, происходящие под влиянием новых технологий, демографических процессов, различий в темпах роста национальных экономик, формирования глобальных цепочек добавленной стоимости, динамики мировых цен на сырьевые товары и других факторов.

Глобальная конкуренция и новые технологии меняют организацию производства и методы торговли, а также трансформируют рынки труда, не только смещая спрос на рабочую силу из одних профессий и секторов экономики в другие, но также изменяя формы занятости людей и разрушая традиционный характер трудовых отношений. Быстро набирающие долю на рынке краткосрочные контракты и цифровая экономика, которая обеспечивает людям возможность свободно торговать друг с другом, снижают устойчивость занятости

и делают устаревшими существующие системы социальной защиты. В этих условиях все чаще высказывается мнение, что рост мировой торговли, несмотря на его замедление, все равно слишком велик, так как из-за него во многих странах сокращается число рабочих мест, особенно для среднего класса. Вместо прежней пропаганды благ глобализации все громче звучат призывы к введению торговых ограничений, которые могут нивелировать успехи прошлых усилий по либерализации международной торговли, что крайне опасно для экспортоориентированных экономик НСЧ [Evenett and Fritz, 2015].

4. Возможные ответы экономической политики

Необходимость решения возникших внутренних экономических проблем и адаптации к изменившимся внешним условиям развития ставит перед НСЧ новые задачи. Благоприятствующая экономическому росту макроэкономическая политика, сыгравшая ключевую роль в его циклическом ускорении в последние годы, теперь становится менее актуальной, поскольку разрыв ВВП во многих из этих стран закрылся или приближается к нулю. Приоритетное значение для обеспечения долгосрочных перспектив развития приобретает политика, направленная на подъем потенциального экономического роста.

Несмотря на то, что старение населения и замедление темпов роста факторной производительности, согласно прогнозам, будут продолжать оказывать давление на потенциальный рост в течение следующего десятилетия, существуют варианты экономической политики, позволяющие компенсировать это давление [IMF, 2016; World Bank, 2018]. Все эти варианты так или иначе связаны с увеличением накопления капитала, расширением предложения рабочей силы и повышением производительности факторов производства. Эти общие задачи включают широкую повестку дня в самых разных областях.

В целях увеличения *накопления капитала* необходимо стимулировать высококачественные инвестиции. Финансовые

учреждения, которые обслуживали старые компании, должны приспособиться к задаче обслуживания стартапов в новых секторах. Финансирование, доступное для частных инвесторов, может быть увеличено за счет наращивания сбережений домашних хозяйств, нормы которых в НСЧ ниже, чем в западноевропейских странах.

Расширение предложения на рынках труда возможно за счет повышения участия в составе рабочей силы, по уровню которого НСЧ уступают развитым странам. Важную роль в этом может сыграть, например, устранение препятствий для трудовой деятельности родителей малолетних детей с помощью улучшения доступа к услугам по уходу за детьми и снижения их стоимости, которые дадут желающим возможность возвращаться к трудовой деятельности после рождения ребенка без потери квалификации. Горизонт возможностей для экономической активности квалифицированных молодых людей могут расширить программы обучения предпринимательству и предоставление кредитов на открытие бизнеса. Заслуживает внимание также стимулирование продолжения трудовой деятельности лицами, достигшими пенсионного возраста. Значительные результаты могут дать усилия по удержанию рабочей силы от решений об эмиграции, а также содействие возвратной миграции высокообразованных кадров, например, путем улучшения условий труда в университетах и научно-исследовательских институтах, что особенно важно для стран, в которых утечка мозгов превратилась в серьезную проблему.

Для повышения производительности факторов производства большое значение сохраняют меры по улучшению управления государственными предприятиями, ускорению структурных реформ и повышению качества бизнес-среды до стандартов западноевропейских стран, содействие приходу тех иностранных инвесторов, которые переносят в принимающую страну высокоэффективные технологии, имеют намерения развивать активность в сфере НИОКР и отличаются склонностью к модернизации, автоматизации и роботизации производства.

Неоценимую роль может сыграть стимулирование положительных вторичных эффектов ПИИ, возникающих в случае распространения технологий с предприятий с иностранным капиталом на отечественные фирмы. Необходимым условием такой диффузии технологий является наличие у местных фирм достаточной абсорбционной способности, повышению которой могут способствовать подготовка высококвалифицированных специалистов и создание государственной инфраструктуры для развития научных исследований и внедрения инноваций, которые устранят, или хотя бы уменьшат, разрыв между иностранными участниками рынка и внутренним исследовательским потенциалом [Куликова, 2014а, с. 487].

Риски для устойчивого роста, связанные с высокой концентрацией производства в узком списке отраслей и доминированием в экспорте небольшой группы товаров, ставят перед экономической политикой задачу *диверсификации экономики* за счет продвижения предпринимательства в новых секторах путем создания равного игрового поля и расширения доступа к финансированию для вновь открывающихся фирм.

Наряду с сугубо экономическими мерами резервы для повышения факторной производительности могут быть задействованы с помощью мер в социальной сфере. В частности, большой эффект может дать *улучшение человеческого капитала* с помощью совершенствования систем образования и здравоохранения, а также адаптация систем образования к потребностям в кадрах новых инновационных фирм.

Важнейшей задачей *социальной политики* становится устранение или по крайней мере сокращение резко возросшего за последние два десятилетия неравенства возможностей, чтобы как можно больше людей могли получать достойное образование, участвовать в экономической деятельности и получить шанс воспользоваться преимуществами, которые несет с собой технологический прогресс.

Наконец, большое значение для обеспечения устойчивого экономического роста в долгосрочной перспективе имеет *демографическая политика*, направленная на повы-

шение рождаемости с помощью мер по поддержке семей с детьми.

Отдельного внимания заслуживают необходимые изменения в сфере *внешней торговли*. Как уже было сказано, основным двигателем экономического роста в НСЧ в последние годы служил внутренний спрос, прежде всего частное потребление. Однако трудно рассчитывать на то, что этот источник сможет долго обеспечивать высокую экономическую динамику. В отличие от некоторых развивающихся стран и стран с формирующейся рыночной экономикой НСЧ не обладают существенными резервами для повышения уровня оплаты труда без ущерба для международной конкурентоспособности.

Несмотря на ухудшение динамики международной торговли, для НСЧ внешняя торговля, по всей видимости, останется ключевым элементом стратегий поиска путей ускорения экономического роста. Однако для сохранения за внешней торговлей роли двигателя экономического роста в условиях новой реальности в мировой экономике необходима модификация внешнеторговой политики. Здесь на первый план выходят три задачи.

Во-первых, это перемещение ресурсов и стимулов к созданию новых рабочих мест из неторгуемых секторов в производства, конкурентоспособные на международном уровне, что позволит продолжать наращивать экспорт. Большую роль в этом может сыграть создание возможностей конкурировать на международном уровне для новых высокотехнологичных компаний с помощью специальных мер политики в области конкуренции.

Во-вторых, это переход от региональной торговли к глобальной. НСЧ, экспортное производство в которых интегрировано в европейскую промышленность, торгуют в основном в рамках ЕС. Однако чтобы догнать страны с высоким уровнем дохода, необходимо развивать бренды, которые можно продавать по всему миру, извлекая больше пользы из экономической динамики в быстроразвивающихся странах. В част-

ности, не использованы широкие возможности для развития торговых связей с Азией, в которую все больше перемещается центр глобальной торговли. Важной частью перехода к более диверсифицированным торговым связям может стать реализация китайской инициативы «Один пояс — один путь», предоставляющей вовлеченным в нее странам возможность принятия регионального подхода к созданию цепочек добавленной стоимости [Ustyuzhanina, 2016].

В-третьих, это переход от форсирования экспорта товаров к наращиванию экспорта услуг, доля которых в мировом потреблении увеличивается, а доступность на международном рынке расширяется. Эта тенденция нашла отражение, например, в растущей в текущем десятилетии доле услуг в общем объеме экспорта из стран Западной Европы. Большое значение для преодоления отставания НСЧ в этом вопросе имеет поддержка развития цифровой экономики.

* * *

Необходимость корректировки моделей экономического роста и международной специализации НСЧ для многих экономистов была давно очевидна. Однако проблемы, которые указывали на их несовершенство, до мирового финансового кризиса игнорировались, поскольку рост экономики и доходов был высоким и без каких-либо изменений в экономической стратегии. Теперь игнорирование этих проблем невозможно без ущерба для экономического и социального развития, ибо прежние движущие силы экономического роста в новой реальности не смогут обеспечить его долгосрочной устойчивости. Многие из задач, стоящих перед НСЧ, совпадают с теми, которые необходимо решать и другим странам, в частности, с формирующимся рынком. В настоящее время экономика НСЧ находится в фазе циклического подъема, когда появляется больше возможностей для осуществления структурных преобразований и адаптации к изменившимся внешним условиям. Не использовать этот момент было бы непростительным упущением.

ЛИТЕРАТУРА

- Глинкина С.П., Куликова Н.В. 2013. Трансформация и ее социально-экономические эффекты в Центральной и Восточной Европе. Белорусский экономический журнал, № 3 (64), с. 4–17.
- Глинкина С.П., Куликова Н.В. 2015. К вопросу об эффективности трансформации общественной системы в странах Центрально-Восточной Европы // Мир перемен, № 4, с. 9–24.
- Глинкина С.П., Куликова Н.В. 2017а. Какой капитализм построен в странах Центрально-Восточной Европы. Новая и новейшая история, № 6, с. 79–94.
- Глинкина С.П., Куликова Н.В. (ред.). 2017б. Постсоциалистический мир: итоги трансформации. Т. 1. Центрально-Восточная Европа. СПб.: Алетейя.
- Куликова Н. 2009. Опыты модернизации в странах ЦВЕ // Свободная мысль, № 6 (1601), с. 47–60.
- Куликова Н. 2011. Уроки мирового кризиса в Восточной Европе // Свободная мысль, № 7–8 (1626), с. 31–48.
- Куликова Н.В. 2014а. Роль прямых иностранных инвестиций в модернизации экономики стран ЦВЕ – членов ЕС // URBI ET ORBI. Т. 3. Россия в глобальном мире. Отв. ред. С.П. Глинкина. СПб.: Алетейя, с. 447–499.
- Куликова Н.В. 2014б. Социально-экономические эффекты интеграции стран ЦВЕ в Европейский союз // Евроинтеграция: влияние на экономическое развитие Центральной и Восточной Европы. Отв. ред. А.И. Бажан. Москва: Институт Европы РАН, с. 30–37.
- Куликова Н.В. (ред.). 2016. Центрально-Восточная Европа: развитие в новых геополитических реалиях. М.: Институт экономики РАН, 2016.
- Куликова Н.В., Фейт Н.В. 2007. Прямые иностранные инвестиции в странах Центральной и Восточной Европы // Мир перемен, № 1, с. 24–42.
- МВФ. 2018. Перспективы развития мировой экономики. Бюллетень ПРМЭ, Январь. www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2018/01/11/world-economic-outlook-update-january-2018.
- Bijsterbosch M., Kolasa M. 2010. FDI and Productivity Convergence in Central and Eastern Europe: An Industry-level Investigation // Review of World Economics, No. 145 (4), pp. 689–712.
- Docquier F., Ozden C., Peri G. 2014. The Labour Market Effects of Immigration and Emigration in OECD Countries // The Economic Journal, No.124 (579), pp. 1106–1145.
- EBRD. 2014. Transition Report 2013: Stuck in Transition? London: European Bank for Reconstruction and Development.

- EBRD. 2017. Regional Economic Prospects in EBRD Countries of Operations, May. www.ebrd.com/what-we-do/economic-research-and-data/data/forecasts-macro-data-transition-indicators.html
- European Commission. 2009. Economic Forecast – spring 2009. European Economy, No 3. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities.
- European Commission. 2014. Recent trends in the geographical mobility of workers in the EU. EU Employment and Social Situation Quarterly Review, Supplement June. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Evenett S.J., Fritz J.* 2015. The Tide Turns? Trade, Protectionism, and Slowing Global Growth. 18th Global Trade Alert Report. London: Centre for Economic Policy Research. voxeu.org/sites/default/files/file/GTA18_final.pdf.
- IMF. 2013. German – Central European Supply Chain-Cluster Report. IMF Country Report No. 13/263. Washington, DC: International Monetary Fund.
- IMF. 2016. Central, Eastern, and Southern Europe: How to Get Back on the Fast Track. Regional Economic Issues, May. Washington, DC: International Monetary Fund.
- IMF. 2017a. Central, Eastern, and Southern Europe: A broadening recovery. Regional Economic Issues, May. Washington, DC: International Monetary Fund.
- IMF. 2017b. Europe Hitting Its Stride. Regional Economic Outlook: Europe, November. Washington, DC: International Monetary Fund.
- IMF. 2017c. World Economic Outlook Database, October. www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2017/02/weodata/index.aspx
- Ustyuzhanina E.* 2016. The Eurasian Union and Global Value Chains // European Politics and Society, No. 17, pp. 35–45.
- World Bank. 2017. Trade in Transition. Europe and Central Asia Economic Update, May. Washington, DC: World Bank.
- World Bank. 2018. Broad-Based Upturn, but for How Long? Global Economic Prospects, January. Washington, DC: World Bank.

И. Котович-Явор
ПОЛЬСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
ПЕРЕД ЛИЦОМ ВЫЗОВОВ РЕВОЛЮЦИИ 4.0

1. Сущность промышленной революции 4.0

Как исследователи экономики развития, так и предприниматели в один голос предупреждают о надвигающемся на мировую экономику цунами – фундаментальных изменениях, являющихся следствием начавшейся 4-й промышленной революции. В результате бурного развития информационных технологий эта революция становится синонимом ускоренной цифровизации и кросслинкинга производства, а также глубокой трансформации бизнес-моделей и бизнес-стратегий. Революцию 4.0 можно также понимать как слияние услуг и продуктов, как индивидуализацию производства путем интеграции ожиданий потребителя с предложением производителя.

Эта революция охватывает сферу технологий, бизнес-моделей и работников. К числу технологических изменений относятся облачные вычисления, «большие данные» (big data), интернет вещей, искусственный интеллект, 3-D печать.

Облачные вычисления определяются как использование взаимосвязанных услуг ИКТ при помощи интернета

[GUS, 2016]. Эти услуги включают в себя доступ к программному обеспечению, использование вычислительных мощностей, хранение данных.

Большие данные (*big data*) – это массивы данных, генерируемых действиями, производимыми электронным путем либо в результате коммуникации между электронными устройствами.

В условиях глобализации массовые потоки информации определяют бурное развитие необходимой инфраструктуры (с 2005 года – 45-кратное), то есть широкополосных сетей, обеспечивающих быструю и эффективную передачу данных.

В связи с этим следует подчеркнуть, что в условиях революции 4.0 наступает демократизация инноваций, поскольку для всех пользователей облачных вычислений открывается прямой доступ к современному программному обеспечению.

В литературе можно встретить техническую трактовку понятия «промышленность 4.0», опирающуюся на 4 базовых элемента [Hermann et al., 2015]. К ним относятся:

- киберфизические системы, отождествляющие слияние физического и виртуального миров;
- интернет вещей, то есть устройства (например, сотовые телефоны), вступающие во взаимодействие друг с другом и общающиеся с соседними «умными» компонентами для достижения общей цели. Примерами интернета вещей станут «умные» дома и предприятия;
- интернет услуг – предложение услуг с помощью интернета. Он состоит из соответствующей инфраструктуры, бизнес-моделей и самих предоставляемых услуг;
- «умное» предприятие – это место, где кибер-системы общаются друг с другом при помощи интернета вещей и способствуют деятельности работников и устройств, что позволяет изготавливать единичные продукты, отвечающие индивидуальным потребностям клиента, а также обеспечивает взаимодействие

знаний и компетенций работников. «Умное» предприятие позволяет, таким образом, выпускать новые, «умные» продукты, услуги и обеспечивать более производительные процессы. Это может привести к существенному повышению качества, снижению затрат, уровней запасов и сокращению производственных циклов. Процессы принятия решений будут поддерживаться компьютерными системами.

Промышленность 4-го поколения означает полностью интегрированные производственный процесс, виртуальное проектирование, эластичное малосерийное производство, автоматизированную логистику, а также самообучаемое и самооптимизирующееся производство. Этот процесс использует концепцию т. н. «цифрового близнеца», позволяющую виртуально тестировать и оптимизировать производственные линии и сам продукт.

На предприятиях произойдет революция в технике и организации труда, а машины и оборудование будут соединены между собой по Интернету. Миллионы единиц данных будут храниться и анализироваться с использованием искусственного интеллекта. Если ранее препятствием для предприятий было получение данных (информации), то на этапе цифровой трансформации проблема будет состоять в их отборе и обработке. По оценкам, благодаря промышленности 4.0 предприятия будут работать на 30% быстрее, а их производительность возрастет на 25% [Owerczuk, 2016].

Для повышения конкурентоспособности предприятия будут вынуждены расширять свое продуктовое предложение за счет включения в него услуг.

Промышленность 4.0 означает также новую модель сотрудничества и расширение цепочек добавленной стоимости за счет включения в них бизнес-партнеров и клиентов, согласно концепции *Connected Enterprise*, то есть сотрудничества каждого с каждым.

Помимо представленных выше благоприятных последствий промышленной революции 4.0, следует обратить особое

внимание на ее **последствия в сфере занятости и функций работников.**

По оценкам, для традиционных польских предприятий цифровая трансформация может означать сокращение занятости на $\frac{1}{3}$. Одновременно это повлечет за собой значительное сокращение численности преподавательских кадров в сфере специального, а также высшего образования [Darecki, 2017].

Революция 4.0 потребует изменить профили компетенций работников за счет развития системы непрерывного обучения и повышения требований к этому процессу, повышения квалификации, приобретения опыта на рабочем месте. Сфера функций работника будет эволюционировать в направлении контроля, координации, оценки, а также наблюдения за оборудованием.

Работники промышленности 4.0, независимо от их квалификации, столкнутся с необходимостью постоянной переподготовки, причем их не будет покидать чувство постоянной нестабильности. Начали говорить об «обществе клепсидры», в котором будет постепенно исчезать находящийся под наибольшей угрозой средний класс.

В литературе [Manyika et al., 2016] подчеркивается, что в условиях революции 4.0 на рынках труда для некоторых профессиональных групп будет характерна массовая безработица, а для других — постоянная нехватка квалифицированных работников. Это может серьезно угрожать политической и социальной стабильности многих стран. Таким образом, возникает необходимость поиска системной модели, нейтрализующей поляризацию рынков труда и затухание спроса на средний класс.

В результате появляются предложения вернуться к концепции т. н. минимального всеобщего вознаграждения [Economist, 2016], причем в то же время указывается на отрицательные последствия этого эксперимента, такие как повышение налогов для обеспечения необходимого перераспределения или социальные последствия, такие, как например, «клеймо безработного».

2. Польская промышленность перед лицом вызовов революции 4.0

Возникает вопрос, насколько польская промышленность готова соответствовать требованиям 4-й промышленной революции.

Польша является страной с развитой промышленностью, о чем свидетельствует высокая доля этого сектора в добавленной стоимости, составляющая 25% [Rachunki..., 2016; Rocznik..., 2015], причем следует подчеркнуть, эта доля остается неизменной с 2005 г. В странах Центрально-Восточной Европы более высокую долю промышленности имеют только Чехия и Венгрия, тогда как в США этот показатель составляет 7%.

Однако при нынешней структуре этого сектора конкурентоспособность экономики определяется главным образом низкими издержками труда (которые втрое ниже, чем в развитых странах), а не высокая инновационность, качество продукта, марка, дизайн, послепродажный сервис. Структуру польской промышленности все еще характеризует значительная асимметрия, выражающаяся в преобладании секторов *low-* и *medium-tech*, в которых производится 43% продукции обрабатывающей промышленности. При этом следует подчеркнуть, что динамично развивается сектор высоких технологий, доля которого в промышленной переработке достигла 20,8%. Динамика роста реализованной продукции этого сектора значительно опережает темпы роста промышленного производства в целом: в 2014 г. его рост составил 152,4% по сравнению с 2005 г. Необходимо подчеркнуть, что для производства компьютеров, электрических и оптических изделий этот показатель составляет 296,0%, а для электронных устройств – 290,8% [Rocznik..., 2015].

Важным проявлением динамики развития информационного общества и степени его подготовленности к 4-й промышленной революции является состояние сектора ИКТ.

Его развитие характеризуют данные табл. 1.

Таблица 1. Количество предприятий и численность занятых в секторе ИКТ

	Количество предприятий	
	2012	2015
Сектор ИКТ (производство + услуги)	1858	2045
Производство ИКТ	239	235
Услуги ИКТ	1619	1810
Оптовая продажа ИКТ	208	239
Дальняя связь	231	259
Информационные услуги	1181	1312
Численность занятых		
Сектор ИКТ (производство + услуги)	180516	214178
Производство ИКТ	41150	39639
Услуги ИКТ	139666	174539
Оптовая продажа ИКТ	10598	12235
Дальняя связь	43890	39785
Информационные услуги	85178	122519

Источник: GUS, 2016.

Как видно из данных табл. 1, в структуре сектора ИКТ 88,5% составляют фирмы, предоставляющие услуги, на них работает 81,5% всех занятых в этой сфере.

Хотя величина сектора ИКТ пока невелика, можно наблюдать довольно быстрое его развитие (110% за исследуемый период). Доля добавленной стоимости сектора ИКТ в ВВП составляла в 2014 г. 3,1% [Eurostat, 2017], что ставит Польшу на 19-е место среди стран ЕС. Основным фактором, стимулирующим развитие этого сектора, являются вложения в сферу НИОКР. Хотя объем этих вложений невелик, следует отметить их значительный рост в 2012–2015 гг. Доля затрат на НИОКР в общих расходах на производство товаров и услуг в секторе ИКТ возросла на 2,5 процентных пункта. Отмечен также значительный рост доли затрат на НИОКР на предприятиях – производителях услуг: он составил 3,6 процентных пункта.

В сфере инновационной активности сектора ИКТ наблюдается некоторый парадокс, а именно: в 2013–2015 гг. продуктовые и производственные инновации осуществило 24% предприятий этого сектора, среди которых преобладали производственные фирмы (34,7%), оставив позади фирмы, оказывающие услуги (22,5%). Таким образом, парадоксальным представляется

инновационное преимущество производственных фирм при их низшей по сравнению с предприятиями услуг активности в сфере НИОКР. Специфический характер имеет также структура производства сектора ИКТ. Здесь преобладает электронное оборудование широкого потребления – 64,7%, тогда как компьютеры и периферийные устройства – это только 6,5%, а оборудование дальней связи составляет всего лишь 3,7% от общего объема производства отрасли. Таким образом, можно видеть, что степень подготовленности польской промышленности к условиям предстоящей революции 4.0 незначительна.

Как и в производстве, в экспорте преобладает электронное оборудование широкого потребления (40,5% в 2015 г.), тогда как в импорте – компьютеры и периферийные устройства (35%), а также оборудование дальней связи (25%).

Это свидетельствует о сильной зависимости процессов цифровизации производства (промышленности) от импорта, что является проявлением реализуемого имитационного пути развития.

О степени продвижения процессов развития информационного общества в Польше свидетельствуют также данные о доле предприятий, использующих компьютеры и имеющих доступ к интернету. В 2016 г. их доля в общей численности предприятий составила, соответственно, 94,7 и 93,7%, причем среди фирм, занимающихся производственной деятельностью, преобладали крупные предприятия. Следует добавить, что собственный сайт имело в 2016 г. 67% фирм, в том числе 91,8% крупных, 86,1% средних и 62,3% малых.

Самыми интересными с точки зрения происходящей 4-й промышленной революции являются данные, касающиеся нынешней степени использования польскими предприятиями услуг **облачных вычислений** и фирм, производящих анализ в области **больших данных**.

Следует напомнить, что пользование услугами облачных вычислений означает значительную финансовую экономию, снижение потребностей в офисных площадях и сокращение занятости в информационном обслуживании фирм.

Объем пользования этими услугами пока невелик. Ими пользуется в общей сложности лишь 8,2% предприятий, в том числе в обрабатывающей промышленности 7,3%, но среди крупных фирм таких 31,1%. Это касается главным образом сферы информации и связи (33,7% в 2016 г.), а также ремонта и обслуживания телекоммуникационного оборудования (32,8%). Интересно, что при этом среди услуг облачных вычислений наибольшей популярностью пользуются те, которые связаны с обеспечением доступа к электронной почте со стороны крупных предприятий, входящих в большинстве своем в состав транснациональных корпораций.

Показательны также результаты исследований причин ограниченного пользования облачными вычислениями. Почти 40% (39,7%) всех предприятий указывает на недостаточный уровень имеющихся знаний, 35,6% опасается ненадежности локализации хранения данных, а 35,9% указывает на угрозы нарушения информационной безопасности.

Еще один инструмент, стимулирующий развитие промышленности 4-го поколения, — это анализ больших данных. Такой анализ использует лишь 5,9% польских фирм (2015 г.), в том числе 4,7% предприятий сектора обрабатывающей промышленности.

Таблица 2. Предприятия, ведущие анализ больших данных, по величине и видам деятельности в 2015 г. (в % от общего числа предприятий)

Всего	5,9
в том числе:	
малые	4,9
средние	8,4
крупные	17,6
Обрабатывающая промышленность	4,7
в том числе:	
информация и связь	17,2
производство и снабжение электроэнергией	13,0
ремонт и обслуживание компьютеров	10,4
транспорт и складское хозяйство	10,4
профессиональная, научная и техническая деятельность	3,6

Источник: GUS, 2016.

Следует добавить, что около $\frac{1}{3}$ польских предприятий используют электронную торговлю (e-commerce), то есть делает заказы через компьютерные сети, причем на крупных предприятиях в области информации и связи такими услугами пользуется 68,8% фирм, а в области ремонта и обслуживания компьютеров и средств связи намного больше – 82,1%.

О стадии подготовленности к цифровой трансформации может свидетельствовать также уровень роботизации польской экономики. В Польше на 10 тысяч работников приходится 22 робота, тогда как в Германии – 292, а в Южной Корее – 450 [Darecki, 2017]. Все это указывает на то, что готовность польской промышленности к ответу на вызовы технологической революции 4.0 находится на весьма ранней стадии.

3. Заключение и рекомендации

Несмотря на описанный этап процессов цифровизации экономики, произведенный анализ указывает на прогрессирующие структурные изменения польского промышленного сектора, в котором при сохраняющемся преобладании производств низкой и средней степени переработки (*low- и medium-tech*) наблюдается постепенный рост доли наукоемких отраслей, в том числе главным образом сектора ИКТ. Динамично развивается экспорт продукции этого сектора. В 2000–2012 гг. отмечался 10-кратный рост продажи этих товаров. Объем доходов от экспорта телекоммуникационных и информационных услуг в 2000–2014 гг. увеличился на 111%.

Все шире применяются информационные технологии, повышается доступность информации, что способствует выравниванию возможностей для получения образования и повышению шансов на рынке труда. Следует обратить внимание на то, что в 2015 г. в Польше 77,9% домашних хозяйств было оснащено компьютерами, что означает рост на 33 процентных пункта по сравнению с 2006 г. Это – один из самых высоких показателей среди стран ОЭСР [Polska w OECD..., 2016].

Однако, несмотря на этот несомненный прогресс, беспокоят результаты рейтинга конкурентоспособности стран Всемирного экономического форума (ВЭФ) за 2016 г. [Globalny raport..., 2016]. По этому рейтингу за последний год позиция Польши ухудшилась, и она переместилась с 36-го на 39-е место, тогда как Чехия занимает 31-е, а Эстония – 29-е место. Среди стран Центрально-Восточной Европы, кроме Польши, только Литва ухудшила свое положение и переместилась с 35-го на 41-е место.

Кроме того, по данным рейтинга инновационности стран ЕС «European Innovation Scoreboard» в 2016 г. Польша переместилась с 5-го на 4-е от конца место в рейтинге [European Commission, 2017].

Следует добавить, что о технологическом потенциале экономики, свидетельствующем о возможностях ее развития, дает представление, в частности, число заявленных изобретений в секторе информационно-коммуникационных технологий. В 2013 г. в Польше было заявлено лишь 78 таких изобретений, тогда как в Японии – 16 тыс., а в Германии – 4 тыс.

Снижение уровня конкурентоспособности экономики и ослабление инновационного потенциала, несмотря на значительный трансферт предназначенных на эти цели внешних инвестиций, не обещает заметного ускорения цифровой трансформации польской промышленности и экономики в целом.

Процессы построения экономики знаний тормозятся, в частности, крайне низкими затратами на НИОКР, составляющими 1% ВВП. Другим большим препятствием являются институциональные барьеры, повышающие риск решений, стимулирующих развитие, а также ограничивающие горизонт экономической активности фирм и их склонность к инновациям.

Следует, однако, подчеркнуть, что ключевым условием ускорения цифровой трансформации и роста инновационности экономики является перестройка менталитета работников и менеджеров. Это серьезный вызов для системы обра-

зования. Нынешняя формула этой системы не гарантирует подготовки работника с квалификацией, необходимой для разворачивающейся революции 4.0.

Такому работнику должны быть присущи:

- умение квалифицированно и гибко мыслить с пониманием сложности процессов;
- интерперсональные и коммуникативные навыки, способность к сотрудничеству и межличностному взаимодействию с реальными и виртуальными коллективами работников во всем мире;
- открытость по отношению к иным культурам, иному образу мыслей, знание нескольких иностранных языков;
- свободная ориентация в современном мире техники и бизнеса.

Ввиду большого объема информации (*big data*), доступной в облачных вычислениях, важнейшее значение будет иметь умение выбрать данные, необходимые для достижения целей конкретной экономической организации. Поэтому, учитывая высокую динамику изменений, требования к образованию будут очень высоки. Главным вызовом революции 4.0 будет и доступность технологической инфраструктуры, но в значительно большей степени — перестройка менталитета работников. Поэтому цифровая революция требует изменения систем обучения на всех уровнях и перехода от модели обучения, основанной на запоминании и опирающейся на тесты, к обучению навыкам самостоятельного мышления, анализу причинно-следственных связей, креативности, готовности к работе в коллективе. «Новый» работник не должен учиться многим ручным операциям, в выполнении которых его заменят роботы и искусственный интеллект, но должен привнести в производственный процесс «мягкие компетенции», которыми не обладают никакие машины, а именно понимание другого человека, коммуникацию с ним, навыки межличностного общения.

* * *

Подводя итоги, можно констатировать, что:

- польская экономика пока еще находится на начальном этапе подготовленности к революции 4.0;
- процесс цифровизации промышленности и общества постепенно прогрессирует, что особенно проявляется в динамичном развитии сектора ИКТ, в том числе главным образом услуг;
- главными препятствиями на пути ускорения инновационных процессов и цифровой трансформации являются как институциональные, так и ментальные барьеры;
- к институциональным препятствиям, наряду с непрозрачностью регулирования и пробелами в законодательстве, следует прежде всего отнести их нестабильность, повышающую риски принятия решений, ориентирующих на развитие, и сужающую горизонт активности хозяйствующих субъектов. Необходимым условием является создание инновационной экосистемы, поддерживающей инновационные процессы и цифровую трансформацию экономики. Необходимо также повышение качества функционирования сектора знаний;
- преодоление ментальных препятствий, мешающих инновационной революции 4.0, требует глубокой перестройки системы образования на всех уровнях, что означает необходимость перехода от традиционного мнемонического образования к самостоятельному аналитическому мышлению. Работник не должен помнить, но он должен знать, где искать и как отбирать необходимые фирме знания (информацию).

Нынешние институциональные реалии польской экономики и системы обучения пока еще далеки от соответствия вышеуказанным условиям.

ЛИТЕРАТУРА

- Darecki M. (2017), Upadła fabryka, niech żyje fabryka, *Gazeta Wyborcza*, 16–17 września.
- Ekonomist (2016), 4 czerwca.
- European Commission (2017), *European Innovation Scoreboard 2017*, Bruxelles, <http://ec.europa.eu/growth/industry/innovation/facts-figures/scoreboards>.
- Eurostat Database, <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>. Accessed Sept. 02, 2017.
- Globalny raport konkurencyjności 2016–17 Światowego Forum Ekonomicznego* (2016), NBP, Warszawa, 28 września.
- GUS (2016), *Spółeczeństwo informacyjne w Polsce. Wyniki badań statystycznych z lat 2012–2016*, GUS, Warszawa.
- Hermann M., Pentek T., Otto B. (2015), *Design Principles for Industrie 4.0. A Literature Review*, Working Papers nr 401/2015, Technische Universität Dortmund.
- Manyika K., Lund S., Bughin J. i in. (2016), *Digital Globalization: The New Era of global flows*, Mc Kinsey Global Institute.
- Owerczuk M. (2016), *Przemysł 4.0 – szansa czy zagrożenie dla rozwoju innowacyjnej gospodarki?*, Boston Consulting Group.
- Polska w OECD 1996-2016* (2016), GUS, Warszawa.
- Rachunki Narodowe według sektorów i podsektorów instytucjonalnych w latach 2012–2015 (2016), GUS, Warszawa.
- Rocznik Statystyczny 2015, GUS, 2015.
-

Т. Бачко

ВОЗМОЖНОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ТИПОВ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ЭКОНОМИКЕ ПОЛЬШИ

Введение

Одним из наиболее серьезных вызовов, с которыми сталкиваются современные экономики, является принятие таких институциональных решений и создание таких механизмов, которые сформировали бы адекватные существующим возможностям условия развития. Это происходит в условиях глобализации, демографических изменений в агломерациях, миграционных движений и динамичных культурных и социальных преобразований. Трудно преувеличить влияние, которое на эти процессы оказывает развитие технологий и вызванные им изменения в сфере производства, потребления и транспорта. Особенно актуальным вызовом является идентификация и стимулирование процессов развития на микро- мезо- и макроэкономическом уровнях с учетом принципов сбалансированного развития.

Их важной частью является активизация инновационных потенциалов, которые дают шансы на ускоренное преодоление отставания в уровнях развития. Исследования,

проведенные в Польше в 2014–2016 гг. [Baczko, Puchala-Krzywina, Maćczyńska, 2016], показали, что страны, находящиеся в переходной от инвестиционной к инновационной фазе развития, сталкиваются со значительными трудностями. Эти трудности могут быть ограничены при наличии глубокого анализа и адекватных институциональных и бизнес-решениях, опирающихся на взаимодействие и развитие гражданского общества и прочной микроэкономической базы.

Эти исследования подтвердили выводы «Докладов об инновационности экономики Польши» за 2005–2013 годы, а также статистические исследования Главного статистического управления РП, которые показали, что в Польше есть предприятия, ведущие инновационную деятельность. Они находятся на разных стадиях развития и наталкиваются на множество барьеров, порождающих дополнительные транзакционные издержки, что нередко вызывает необходимость ограничения инновационной деятельности и значительно снижает конечные результаты. В условиях быстро развивающейся цифровизации появляются возможности развития таких инструментов, которые уменьшат асимметрию информации и помогут в постепенном переходе к созданию собственных инноваций.

Исходным пунктом для построения микроэкономических основ такой экономики в переходной фазе должен стать глубокий анализ функционирования предприятий и их связей, который даст основания для выработки адекватных финансовых и информационных инструментов, а также решений в сфере институциональных преобразований и бизнес-решений. Как показывают исследования, широкие возможности предоставляет определение типов инновационных предприятий и выявление их проблем. Однако все не так просто, как может показаться. Ведь здесь необходим анализ не только крупных и признанных, но и частных микро-, малых и средних фирм, в том числе нередко семейных, которых в экономике более 90%, а иногда и субъектов, находящихся на этапе регистрации (например, стартапов).

Издержки обследования таких фирм огромны. Исследования показывают, что их можно выявить с использованием общественного процесса идентификации, если удастся его задействовать. Другой вызов — это происходящая на наших глазах промышленная революция 4.0. Не вызовет ли она маргинализации этих инновационных фирм, не сведет ли их к роли лишь элементов сложных структур производства и услуг? Удастся ли создать структуры связей с наукой и стартапами? Удастся ли фирмам использовать в своих целях интернет вещей (*Internet of Things — IoT*)? Возможно ли будет использование «больших данных» (*big data*), искусственного интеллекта или возможностей облачных вычислений (*cloud computing*)? Ответы на эти и другие вопросы в значительной степени зависят от того, будем ли мы в состоянии определить типы инновационных фирм в этих новых условиях, предусмотреть новые культурные, общественные и рыночные процессы, связанные с четвертой промышленной революцией.

Идентификация типов инновационных фирм была бы невозможна без использования достижений экономики инноваций, достижений международных организаций, таких как ОЭСР, Всемирный банк, Всемирная организация интеллектуальной собственности или ЮНЕСКО, занимающихся проблематикой инноваций в сфере статистики, интеллектуальной собственности, эксплуатации и стандартов, а также эмпирических исследований текущих процессов и их динамики. Особенную роль в этом процессе играют достижения теории инноваций, которая позволяет учесть исторический и эволюционный контекст в исследованиях современных процессов.

Вызовы, связанные с ростом инновационности

Польша, так же как и многие новые члены Европейского союза, вошедшие в его состав с 2004 г., предпринимала и предпринимает ряд мер, направленных на повышение инновационности. Основой этих мер являются польские

и иностранные предприятия, субъекты сектора науки, финансовые учреждения и специализированные агентства, связанные с правительством и органами самоуправления. В условиях многочисленных барьеров и ограничений важным элементом стимулирования инновационных процессов должны стать неправительственные организации, значение которых для интенсификации этих процессов благодаря привлечению общественного капитала трудно переоценить.

Очень большую роль в реализации современных решений играют ныне в Польше центры исследований и развития, принадлежащие польским и зарубежным фирмам и связанные со сферой науки. В секторе науки действуют центры Польской академии наук, государственные институты и вузы. Вызовом остается проблема связи между наукой, бизнесом и действиями государственной администрации и органов самоуправления. Чрезвычайно важной областью, требующей особенно интенсивных действий, является также решение проблемы приведения в соответствие институциональных решений с переходной фазой развития, в которой находится польская экономика на пути от инвестиционного к инновационному этапу [Kotowicz-Jawor, 2016].

В этой ситуации предприятия наталкиваются на множество барьеров, связанных с рыночной конкуренцией, дефицитом финансирования, слабым доступом к знаниям, а также несоответствием институциональных решений потребностям предприятий, обусловленным стадией их развития¹. Современные информационные подходы могут помочь в преодолении этих барьеров и более точно учесть потребности заказчиков, поставщиков, принимающих фирм, фондов рискованного и частного акционерного капитала (VC/PE), банков, специализированных фирм сектора наукоемких услуг, сотрудничающих с органами правительства и самоуправления.

---

1. Исследования барьеров инновационности с 2005 г. ведет в Институте экономических наук ПАН Эва Пухала-Кшивина. Их результаты были представлены в *Докладах об инновационности экономики Польши* (см., например, Puchała–Krzywina (2013), *European Innovation Theory and Practice* (2011)).

В настоящее время, когда в мире быстро повышается уровень цифровизации услуг, возникают дополнительные возможности для учета разных типов фирм, фазы их развития, сильных и слабых сторон. Это имеет большое значение при принятии аллокационных решений, когда удачный выбор инвестиции, аллокации ресурсов или размещения заказа в нужном месте или в нужное время иногда может иметь существенные экономические последствия. Это нельзя упускать из виду, так как заказ может исходить как от фирм, так и от потребителей, которые благодаря интернету вещей могут формировать запросы на изделия и услуги в соответствии со своими самыми разнообразными потребностями.

Потребности, связанные с ответом на мировые вызовы в области демографии, населения, развития, в условиях соблюдения основных стандартов требуют огромных вложений. Расширение возможностей попасть в области с наибольшим потенциалом — это шанс реализации многих проектов развития. Условием успеха является наличие сведений о типах фирм, особенно об уровне их инновационности, что имеет большое значение для снижения асимметрии информации о предприятиях и фирмах, с одной стороны, и субъектах мира науки и техники, финансовых, частных, государственных и связанных с гражданским обществом организациях, с другой.

Международные статистические и анкетные обследования дают нам многочисленные примеры сравнения стран с точки зрения их инновационности. Есть, наконец, исследования частных случаев, которые сосредоточены на изучении поведения инновационных предприятий, перспектив их развития и препятствий, с которыми они сталкиваются. Одновременно в публичный оборот вовлекается все больший объем данных.

Сравнительные данные показывают, что уровень инновационности Польши меняется. Согласно *European Innovation Scoreboard 2017*², она теперь находится в группе

---

2. Доклад был подготовлен известными экспертами — Уго Холландерсом и Нордином Эс-Садки из Маастрихтского университета (Maastricht Economic and Social Research Institute on Innovation and Technology, MERIT) и представляет собой часть исследования The European

стран — членов ЕС-28 со средним уровнем инновационности (*Moderate Innovators*). Детальный анализ отдельных компонентов интегрированного показателя инновационности SII (*Summary Innovation Index*) показывает, что отмечается рост семи из десяти компонентов инновационности. Согласно SII, исчисленному на основе 27 показателей, сгруппированных в 10 компонентов инновационности, Польша в 2016 г. занимала в отношении пяти показателей место выше среднего по ЕС.

К ним относятся такие показатели, как численность лиц с высшим образованием, которая в 2010 г. составила 125,0% от среднего показателя по ЕС и возросла в 2016 г. до 167,1% (т.е. на 42,1 процентных пункта); применение широкополосных каналов связи увеличилось с 77,8 до 122,2% (рост на 44,4 п.п.); вложения в инновации, не связанные с расходами на исследования и развитие (НИОКР), незначительно сократились — с 190,7 до 188,8% (на 1,8 п.п.); заявки на патентование промышленных образцов возросли с 92,5 до 128,1% (на 35,6 п.п.); занятость на быстро растущих предприятиях хотя и упала с 128,6 до 111,9%, но все же удерживалась на уровне выше среднего для стран ЕС-28.

Лучше обстоит дело с динамикой показателей инновационности. Динамику выше средней демонстрирует половина из 27 показателей, включенных в расчет интегрированного *Summary Innovation Index*. Это свидетельствует о существовании группы предприятий, которые участвуют в инновационных процессах и активно действуют в этой области. Представленные усредненные результаты не дают возможности установить, какие конкретные фирмы превышают средний уровень и не показывают, с какими проблемами они сталкиваются. Однако, с другой стороны, они информируют о вызовах, которые особенно заслуживают внимания. К таким проблемным сферам неизменно относятся продук-

товая инновационность, затраты на НИОКР, а также активность в сфере патентов.

Присутствие в Польше ряда мировых концернов, в том числе и таких инвесторов, чьи затраты на исследования и развитие превышают 12 миллиардов долларов в год, а первые пятьдесят из них тратят, согласно *The EU Industrial R&D Investment Scoreboard (2016)*, более 2 млрд долларов, дает шансы на развитие сотрудничества. Однако в условиях промышленной революции 4.0 существует риск, что значительная часть польских фирм может быть не в состоянии включиться в эти процессы, что способно препятствовать их переходу от инвестиционной фазы к инновационной.

Это требует решительных действий, направленных на развитие «умных» предприятий, капиталовложений в нематериальную сферу, на укрепление системы норм и стандартов в сфере интеллектуальной собственности, на развитие форм взаимодействия со сферой бизнеса и науки, на приобретение навыков разработки и заключения контрактов, на развитие структуры знаний и сетей сотрудничества. Как показывают статистические данные Главного статистического управления РП, характеризующие сферу сотрудничества с кластерами, в этой области много еще предстоит сделать. Эти действия должны сопровождаться процессами в сфере образования и формирования навыков. Особенно важными представляются умение использовать связи с клиентами, определять общественные потребности, а также новые культурные вызовы как основу для использования возможностей интернета вещей и формирования структур производства и сбыта, а также связей между ними.

Экономика инноваций и ее значение

Процессы распространения новых технологий создают возможности для развития инноваций. Поэтому возрастает значение понимания этих процессов и функционирования экономических субъектов, которые эти процессы реализуют.

Это имеет существенное значение для экономической политики, которая без учета изменяющейся ситуации не может давать решения, адекватные потребностям, возникающим вследствие быстрого изменения условий. Экономика инноваций представляет собой постоянно открытую область. Она охватывает причины возникновения инноваций в фирмах, механизмы стимулирования инноваций и факторы, тормозящие эти процессы. Это требует изучения механизмов, действующих внутри фирм, а также подходов, используемых для воздействия на них.

Весьма важную роль в процессах инноваций играет нематериальная сфера. Ее основой являются характеристика знаний, способ их накопления, а также формы и направления их передачи от одного субъекта другому³. В экономике инноваций можно различать как макроэкономический уровень, на котором рассматриваются связи на уровне страны или в международной сфере, а также мезоэкономический уровень, то есть секторальный или региональный. Уже сформировалась развитая система измерения инновационных процессов⁴. Однако при новых технологиях, в условиях появления возможностей управления процессами инноваций использование данных, которые мы получаем благодаря этой системе, представляется все еще недостаточным.

Это вызывает рост спроса на эмпирические, статистические исследования, эконометрический анализ, а также на такие теоретические синтетические исследования, которые позволили бы накапливать знания о функционировании инновационных фирм, с тем, чтобы сравнивать его с поведением фирм, не ведущих такой деятельности, и определить типы их поведения. Создание связанной теоретической базы для таких

-
3. Проявлением возрастающего значения динамики распространения инноваций является сфера открытых инноваций (open innovations).
  4. Здесь трудно переоценить вклад Группы национальных экспертов по индикаторам науки и технологий ОЭСР (NESTI), ее экспертов и конференций серии Blue Sky, посвященных будущим измерителям инноваций, из которых последняя (третья по счету) была организована в Генте (Бельгия) в 2016 г.

работ все еще представляет собой большую проблему. В то же время в этой области имеются большие теоретические и исследовательские достижения выдающихся экономистов, которые внесли наибольший вклад в эту сферу исследований [Swann, 2009].

Эти и подобные исследования позволили лучше понять процессы инновации и их многомерное значение. Первооткрывателями здесь выступили Адам Смит (1723–1790), выделивший разделение труда как источник инноваций, а также Джон Рэй (1796–1872), исследовавший их значение для роста благосостояния. Далее следует отметить значение сети связей, а также роль оригинальности изобретения и присущего ему парадокса положительного избирательного воздействия на благосостояние, на что обратил внимание Джон Стюарт Милль (1806–1873). На ключевую роль инноваций в экономическом развитии и на их значение в конкуренции указывал Карл Маркс (1818–1883).

Трудно переоценить вклад Джона Раскина (1819–1900), который отметил значение изобретательности, креативности и взаимозависимости инноваций и благосостояния, а также Генри Джорджа (1839–1897), который показал возможности появления их неожиданных эффектов. Черты инновационности свойственны не только производителю. Инновационным может быть и потребитель, на что указал Альфред Маршалл (1842–1924). Это позволяет даже говорить о «маршалловом потребителе»; этот исследователь открыл подход к инновациям с точки зрения спроса, современные основы которого разработаны в трудах Эрика фон Хипшеля и Фреда Голта. Трудно здесь не упомянуть о вкладе Альфреда Маршалла, связанном с воздействием на локальном уровне – он предвосхитил исследования о формировании, функционировании и влиянии кластеров⁵.

Постоянной проблемой для исследователей инноваций, в том числе в области маркетинга, было определение

---

5. В Польше развитию этих исследований способствовала Барбара Деспине-Жоховска.

их экономических и общественных источников, а также их значения для рынка, которое отмечал Торстейн Веблен (1857–1929). Ключевое значение здесь, как указывал Йозеф Шумпетер (1883–1950), имеет двойственность самого понятия инноваций, а также их способность создавать, изменять, а часто и разрушать существующие условия, то есть способность к творческой деструкции. Полученное новое качество вызывает утрату конкурентного преимущества соперничающей фирмы. Сила этого процесса намного больше, чем ценовая конкуренция. Инновации вызывают коренные сдвиги, а частичные изменения обеспечивают непрерывность процесса развития.

Помимо этого, Шумпетер выделил пять типов инноваций: создание нового продукта, введение нового метода производства, открытие нового рынка, открытие новых источников снабжения материалами или другими факторами производства, а также создание новых рыночных структур, которые, попав в стандарты «Руководства Осло» (Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям), стали применяться в теории, исследованиях и экономической практике во всем мире. В новейшие тренды вписывается также общественный механизм инноваций, который выявил Льюис Мамфорд (1895–1990), а также обнаружение инновационных преимуществ процессов, связанных с появлением часов и последствиями их применения, по сравнению с внедрением даже такого изобретения переломного характера, как паровой двигатель.

Трудно ныне представить себе инновационные процессы без предприимчивости, понимаемой как создание спроса на инновации менеджерами (Джон Кеннет Гэлбрейт, 1908–2006), а также без экоинноваций и развития инновационной предприимчивости и ее исследований, начатых Э.Ф. Шумахером (1911–1977) в книге *Small is Beautiful*. Инновации становятся все более multidisciplinary, а их воздействие выходит за рамки ограниченных возможностей экономики (Кристофер Фримэн, 1921–2010). В отношении инноваций ограничены также и возможности рыночного

механизма (*market failure*). В условиях рыночной экономики имеет место недоинвестирование сферы изобретательства и исследований (по сравнению с потенциальными возможностями), а также имеют место различия в уровнях риска и асимметрия информации, на что указывал Кеннет Эрроу (1921–2017).

На технический прогресс как эндогенный фактор, значение которого больше, чем существенный прирост капитала, указал Роберт Солоу. Он также обратил внимание на парадокс, связанный с инновациями, который он определил словами: мы видим компьютеры всюду, но не в статистике производительности труда. Эта констатация известна как *IT productivity paradox*. Для понимания инновационных механизмов много дали естественные науки, а результатом этого стало эволюционное направление в исследованиях фирм с учетом изменений, вводимых инновациями в стандартную последовательность действий [Nelson, Winter 1982], или рассмотрение инноваций как системы [Lundvall, 1992; Nelson, 1993].

Особую роль в воздействии на предприятия играют дотации на исследования и развитие, которые часто дают положительные внешние эффекты типа *spill over*. Это существенно для диффузии инноваций, на что обратил внимание Пол А. Героски (1952–2005). Трудно совладать с вызовами в этой области, не учитывая работ Герберта Саймона (1916–2001) об ограниченной рациональности организации, теории решений и рисков Леонида Гурвича (1917–2008) или теории институциональной экономики, развиваемой Оливером Уильямсоном (1932–). Инновационные процессы усложняются. Растет значение новых возможностей пользования общественными благами и понимание механизмов общественных инноваций, что происходит благодаря работам Элинор Остром (1933–2012). Развиваются исследования динамики международных структур знаний и связей, анализируемых Масахико Аоки (1938–2015), формируются способности ориентироваться в мире неполных контрактов, чем мы обязаны работам Бенгта Хольмстрема и Оливера Харта (1948–).

В условиях доступности растущих потоков и ресурсов больших данных (*big data*)⁶ и развития методов их анализа [Mayer-Schonberger V., Cukier K., 2017] все большее значение приобретает измерение инновационности на предприятиях, в регионах, секторах и странах, а также и на уровне процессов. Трудно было бы себе представить дальнейший прогресс без достижений эконометрики и вклада Цви Грилихеса (1930–1999), Жака Мэресса (1940–) и Жана Тироля (1953–). Быстро развивается прогресс в сфере управления инновациями, новых бизнес-моделей с учетом волонтерства, цепочек стоимости и экономики совместного потребления (*sharing economy*), чем мы обязаны таким исследователям стратегии и конкуренции, как Питер Друкер (1909–2005), Майкл Портер (1947–) и Джереми Рифкин (1943–).

Процессы инновации происходят в условиях падения конъюнктуры и экономических кризисов, в странах, находящихся на разных уровнях развития. Трудно здесь переоценить роль микроэкономических основ экономического развития и исследований в этой области, начатых работами Михала Калецкого (1899–1970) и ряда других экономистов [см. Sebastiani, 1989; aski, 2009, 2015], в том числе из среды т.н. «польского Кембриджа». Ускоренная цифровизация, изменения в сфере автоматизации и дистанционного управления, произошедшие благодаря искусственному интеллекту, использованию *big data* и интернета вещей⁷, стали причиной того, что исследования таких людей, как Оскар Ланге (1904–1965), в области оптимизации, моделирования и экономической кибернетики обретают новое значение [Lange, 1977].

Чрезвычайно большой инновационный потенциал имеется в публичном секторе, в сфере общественных и организа-

-
6. Значение этой проблематики возрастает, и она охватывает широкий спектр областей, что хорошо иллюстрирует конференция *Law and Economics Conference on Big Data*, которую организовал Центр соревнования и инноваций Мангейма (Mannheim Center for Competition and Innovation – MaCCI) 6–7 ноября 2017 г. в рамках сотрудничества Центра европейских экономических исследований (ZEW) и университета в г. Мангейм (Германия).
  7. Эта проблематика все чаще становится предметом международных сравнительных исследований. См., в частности, [ОЭСР, 2017b] и [ОЭСР, 2017c].

ционных инноваций, в неформальном секторе, где речь идет не только о перестройке структуры, процессах адаптации и обучения, но и об изменениях технологий и окружающей среды, рынков, а также о сферах, ориентированных на рост эффективности или на устранение X-неэффективности (Харви Лейбенстайн). Трудно переоценить значение качественной теории решений Клеменса Шаньявского (1925–1990), теории фрагментации и ее значения для управления цепочками стоимости (Хенрик Кежковский), сетями связей (Майкл Портер), наконец решений, навеянных фрактальной геометрией, таких, как фрактальная организация (Бенуа Мандельброт, 1924–2010), а также опыта, накопленного в сфере теории кластеров.

Широкие перспективы развития и практического применения несут с собой эволюционные концепции, которые рассматривают инновации как процесс развития, в ходе которого образуются знания и технологии. Влияние на развитие последних оказывают как сами участники процесса, так и другие факторы. Ключевую роль играют связи между инновационными предприятиями и социально-экономическим окружением. На решения о выборе структуры производства или о рыночной привлекательности технологии влияние оказывают такие факторы, как спрос и возможность коммерциализации.

Эволюционный подход подразумевает более широкий учет рыночного и институционального подхода и рассматривает их как элементы системы. Потребитель, домашнее хозяйство, предприятие принадлежат к числу субъектов, которые формируют экономическую базу. Они действуют в разном общественном, экономическом и институциональном окружении. Несмотря на это, в них можно выделить признаки, которые устойчиво независимы от окружения, и такие, которые от него зависят.

Все они характеризуются возрастом и определенной траекторией развития. В экономической практике одним из чаще всего задаваемых вопросом является то, рождается ли

человек предпринимателем или становится им в ходе своей деятельности. Этот вопрос является предметом международных исследований уже почти 50 лет. Эти исследования показывают, что отчасти наличие предпринимательских способностей, склонностей к предприимчивости или к предпринимательской эффективности определяется генетически. Исследования в этой области относятся к группе, называемой генетикой предприимчивости [*Handbook of Research on Innovation...*, 2011, p. 471–485].

Окружение, в котором действуют субъекты, может в различной степени влиять на их функционирование — либо благоприятствовать их деятельности в целом, либо стимулировать отдельные ее элементы. Оно может вызывать появление внутренних напряжений в функционировании субъектов и стимулировать разработку специфических процедур преодоления барьеров⁸ и внутренних противоречий, которые возникают в результате воздействия внешних и внутренних препятствий для инновационной предприимчивости (*Handbook of Research on Innovation...*, 2011). Новые вызовы создает и присутствие международных концернов, действующих в глобальном масштабе [Iammatino, McCann, 2013].

Эволюционный подход к анализу, исследованиям и описанию внутренних взаимосвязей инновационной политики [*European Science and Technology Policy. Towards*, 2009] имеет большое значение с точки зрения финансирования затрат на исследования и развитие [Duchene, Lykogianni, Vebek 2009, p. 193–213]. Внимание исследователей привлекают источники сохранения отрыва от Европейского союза в сфере инновационности [Dosi, Llerena, Labini, 2009, p. 214–236]. Интерес вызывает политика в сфере трансферта технологии [*The New Economics...*, 2009; Dosi, Nelson, 2010, p. 52–127], а также вопросы ее эффективности [Nelson, 2009, p. 7–32]. Активно исследуются также структуры знаний, связанных с инновационной политикой [Malerba, 2009, p. 33; Antonelli, 2011, p. 3–59].

---

8. См. примечание 1.

Предметом интереса является новая политика в сфере инноваций, связанная с действиями, ориентированными на поддержку установок, стимулирующих потребление, и инноваций, создаваемых потребителями [Von Hippel, 2009, p. 327–336; Von Hippel, 2010, p. 411–427]. Важной областью исследований является описание достижений отдельных стран, где инновационная политика наиболее успешна [Arvanitis, Sydow, 2009, p. 231–247; Hollenstein, 2009, p. 248–271; Hotz-Hart, 2009, p. 272–277; Soete, 2009, p. 401–408; Tjatenberg, 2009, p. 409–419].

Интерес вызывают также области, связанные с развитием новых технологий, влияющих на развитие рынков. Это касается, в частности, телеинформационных технологий [Greenstein, 2010, p. 478–537]. В сфере инноваций эволюционная экономика исследует как традиционные сектора [Pardey, Alston, Ruttan, 2010, p. 939–984], так и новые области, такие как эко-инновации [Popp, Newell, Jaffe, 2010, p. 873–935]. Прежде чем перейти к вопросам, связанным с измерением и исследованием реальных процессов, стоит задуматься о месте экономики инноваций и ее значении для развития экономики в целом, а также междисциплинарных исследований. Различия в направлениях развития этих дисциплин указывают на масштаб исследовательских задач также и в области измерения. Следует подчеркнуть роль исследований в сфере экономики инноваций для формирования микроэкономических основ системы хозяйства, особенно с точки зрения экономического роста и социально-экономического развития.

Исследования должны учитывать активность международных корпораций, инвестирующих в НИОКР [Poznańska, Kraj, 2015], а также воздействие процессов, происходящих в международном масштабе. Весьма важным представляется исследование инновационных потенциалов [NBP, 2016] и возможностей их учета при эндогенизации денежной политики [Łaski, 2015]. Это требует развития международных многомерных сравнительных исследований, подобных выполнен-

ному ОЭСР [OECD, 2016]. Инновационная политика все в большей степени нуждается в новых информационных решениях, в т. ч. в основанных на знаниях инструментов⁹, приведенных в соответствие с потребностями субъектов, участвующих в инновационных процессах¹⁰.

Они могут помочь в аллокации факторов производства и обеспечить инициаторам инновационных процессов, их исполнителям и субъектам, создающим структуры знаний, сети и цепочки стоимостей, рыночные, производственные, продуктовые и стимулирующие развитие эффекты. Они должны способствовать росту благосостояния и удовлетворенности людей¹¹. Ключевую роль в процессе управления и мониторинга играют постоянные исследования инновационных процессов, что требует проведения специальных статистических обследований как на национальном, так и на международном уровне.

Экономия инноваций имеет давнюю историю. Это такая область, в которой открытость, креативность, предприимчивость, несмотря на высокую степень неустойчивости и связанного с ней риска, должны реализоваться в повышении уровня маркетизации и эффективности. Исследования основных хозяйствующих субъектов и публичных учреждений, участвующих в процессах инноваций, их признаков, изменений и барьеров, стоящих на пути непрерывного развития, требуют постоянных наблюдений.

-
9. Проблематика использования *big data* и поиск новых инструментов для применения в научно-технической политике содержатся в программе „The Blue Sky 2016 Fogum” (Гент, Бельгия). К этой сфере относятся также исследования, проведенные в Польской академии наук, в области создания инструментов, основанных на знании [Baczko, Kasprzyk, Zadrożny, 2011, s. 129–140] при использовании, в частности, методов искусственного интеллекта [Kasprzyk, Zadrożny, Baczko, 2013, s. 91–107].
  10. Исследования указывают на расширяющиеся возможности развития этого типа инструментов и их использования в соответствии с потребностями получателей в виде оценок инновационности, рейтингов и других форм [Baczko, Puchała-Krzywina, 2013]. Они могут быть использованы в процессе внедрения «умных» специализаций [World Bank Group, 2016], а также при совершенствовании структур управления знаниями в организациях [Wyřwicka, Grzybowska, 2010].
  11. На эти вопросы обращается внимание в Докладе ОЭСР (OECD, 2015a). Это также соответствует картине, представленной во вступлении Ежи Бузека, председателя Европейского парламента, к книге «Европейские инновации» [European Innovation. Theory and Practice, 2011].

Существует потребность в онтологических работах, определении главных акторов, их типичного поведения и решений в материальной и нематериальной сфере. Предметом наблюдений должны быть не только реальные процессы, но и воздействие инструментов экономической политики в условиях, сформированных в рамках разных типов государственных систем инноваций (Weresa M.A., 2014), а также их значение для конкурентоспособности экономики (Weresa M.A., 2016) и коммерциализации новых продуктов и услуг (Klincewicz K., 2011).

Экономика инноваций это область, которая быстро развивается в результате объединения разных направлений исследований, что было связано с потребностями экономической теории и политики (см. *Podręcznik Oslo*, 2006, s. 31). С одной стороны, в этом состоит сила такого подхода, а с другой – в этом и его слабость, которая связана с неприспособленностью к быстро меняющимся условиям хозяйствования и растущим потребностям разных групп включенных в инновационные процессы экономических субъектов. Возникают новые типы инноваций, растет число воздействующих на них специализированных инструментов экономической политики, меняются условия хозяйствования.

Система оценки типов инновационных предприятий

Трудности проведения экономической политики в условиях растущих вызовов развития, растущее давление, связанные с необходимостью сокращения отставания в уровне инновационности, а также нужды хозяйственной практики явились причинами того, что в Институте экономических наук Польской академии наук было решено в ответ на практические задачи, поставленные банковским сектором, развернуть специальные исследования по оценке уровня инновационности предприятий. Ответом на поставленную задачу должно было стать составление «списка 500» наиболее инно-

вационных фирм в Польше. Рейтинг был составлен в соответствии с разработанной методологией оценки инновационных предприятий.

Был использован подход, который состоял в построении интегрированных показателей, характеризующих каждое конкретное предприятие. Эти показатели были определены как «4и», то есть индивидуальные интегрированные индикаторы инновационности. В результате стала возможной оценка отдельных фирм, а также введение в анализ новых элементов. Несмотря на то, что средние показатели указывали на существование значительного отставания в уровне инновационности, исследования подтвердили наличие в выборке группы инновационных фирм, демонстрирующих в сфере инновационной деятельности результаты выше среднего уровня.

Весьма непростой задачей было получение данных. В основе первого исследования лежали публично доступные данные рейтингов, отчетов, реестров патентов, полученных в Патентном управлении РП, а также данные европейских проектов. С этой целью было налажено сотрудничество с Национальным контактным пунктом ЕС и Патентным управлением РП, использовались также данные обследований инновационности Главного статистического управления РП. В ходе работы использовался опыт Института перспективных технологических исследований в Севилье (IPTS), где были начаты обследования фирм — крупнейших инвесторов в сферу НИОКР. В исследовании, кроме того, использовались статистические отчеты об инновационности, присылаемые инновационными фирмами разной величины для разработки рейтинга.

Ценной основой для развития упомянутых исследований стало использование публичных реестров, в частности данных более чем 100 тысяч балансов предприятий, реестра патентов, а также данных о подписанных фирмами контрактах, ориентированных на повышение инновационности — как в рамках общих программ ЕС, так и по линии структурных фондов. Важным источником данных оказались также отчеты фирм, котирующихся на Варшавской фондовой бирже. Нельзя

также не упомянуть данные, публикующиеся в специальной печати и получаемые от лиц, которые, будучи вовлечены в проект, в рамках социальной идентификации предоставляли информацию о до этого неизвестных инновационных фирмах.

В ходе реализации проекта группа, состоящая из работников Института экономических исследований ПАН и его докторантов, придавала очень большое значение передаче результатов предприятиям, а также ознакомлению с ними широкой общественности. Эти мероприятия включали систему публично доступных докладов, а также общепольские и региональные конференции. В 2005–2013 годах было подготовлено 8 общепольских страновых докладов, 16 специальных докладов об инновационности всех воеводств Польши, специальные разработки, посвященные фирмам, инвестирующим в НИОКР, регистрирующим патенты или производящим инновационные продукты, а также секторальные доклады по таким важным с точки зрения инновационности областям, как авиация и здравоохранение¹². Многообещающими продуктами стали прототип электронной карты инновационных фирм и подготовка решений в области образования.

Созданная система открывает возможности для анализа связей между потребителями и фирмами, а также между работниками и пользователями продукции и услуг. Реализация этих возможностей требует дополнительных капиталовложений и подготовки кадров. Появляются возможности для развития «умных» организаций, открытых в информационном плане и способных использовать интернет вещей и формировать другие формы связей с потребителями. Эти последующие этапы эволюции фирм позволяют учитывать модели связи с потребителями, построенные на принципах сообщества, реализовать креативную роль потребителя, а также постепенно продвигаться к целевой модели функционирования предприятий.

---

12. Секторальные доклады доступны на интернет-сайтах: www.innovation-aviation.pl и www.innovation-in-healthcare.pl.

На эти процессы накладывается происходящая ныне четвертая промышленная революция, которая совершается на наших глазах и изменяет отношение к инновационным процессам. При этом возрастает значение искусственного интеллекта, возникает перспектива развития автономных транспортных средств и распространения промышленного интернета вещей. Условием их развития является развитая инфраструктура интернета с большой пропускной способностью. Возникает действительность, в которой появляется ряд вызовов для рынка труда. В ней элементарные производственные и легко кодифицируемые действия соединены с появлением дистанционно управляемых лазеров и аддитивных производственных процессов с использованием 3D-печати.

В эти процессы будет вовлечена значительная часть деятельности по созданию инноваций в наиболее современных фирмах мира. Открываются новые перспективы. Возникает шанс для частичной автоматизации инновационных процессов. Одновременно развиваются новые формы расчетов с использованием технологии блокчейн. Возникают новые возможности для системы поддержки стартапов. В процессе инноваций многие кодифицируемые элементы могут быть значительно упрощены.

Возможность соединения роботизации и автоматизации производства, локального и удаленного управления процессами, сбора, обработки и доступа к огромному количеству данных о сфере производства, а также данных от потребителей продукции благодаря интернету вещей — все это представляет собой происходящие на наших глазах преобразования, называемые четвертой промышленной революцией. Возникают шансы подчинения производственных процессов потребностям потребителя и небывалого развития индивидуализации продукции.

При этом возможна далеко идущая автоматизация логистических процессов и динамизация цепочек стоимости. Нельзя также не упомянуть о новых возможностях хранения данных в облачных хранилищах (*cloud computing*) и беспрецедентном удешевлении хранения и обработки данных.

На наших глазах совершается революция, которая состоит во все более эффективном использовании данных, развитии систем, основанных на искусственном интеллекте и разного типа платформ, облегчающих их использование. Расширяются возможности использования потенциала микроданных о субъектах, участвующих в инновационных процессах, их поведении и детерминантах развития. Исследования, проведенные в Польше в 2004–2016 гг., показали, что для идентификации инновационных фирм и их оценки возможно использовать публично доступные микроданные, а также данные опросов. Полученный опыт может помочь в построении типологии инновационных фирм.

Возможности использования искусственного интеллекта

Проведенные исследования позволили, в частности, разработать методологию идентификации фирм, производящих инновационную продукцию. Эта методология базируется на предоставленных фирмами сведениях о своей наиболее инновационной продукции, ее описании и отдельных сведениях о значении этой продукции для фирмы (доля в доходах, в экспорте и их динамика). Основой их иерархизации стали оценки группы экспертов. Объем предоставленной экспертам количественной информации был ограничен временными рамками и возможностями обработки материалов.

Это дало удовлетворительные результаты и положительно оценивалось в бизнес-среде, а описания продуктов представляли собой ценный источник для дальнейших исследований с использованием передовых методов анализа; тем не менее все-таки оставалось чувство неудовлетворенности, связанное с тем, что эксперты не смогли использовать большее количество собранных единичных данных. В связи с этим было предпринято специальное исследование с применением методов искусственного интеллекта на основе использования теории нечетких множеств. Это исследование носило экс-

периментальный характер и позволило продолжить группировать фирмы, выявлять их дополнительные типы, а также предоставило экспертам синтетические критерии, которые могли ими использоваться при оценке инновационной продукции¹³. Эти исследования заслуживают продолжения, так как могут стать основой для поддержки процессов развития продуктовых инноваций в секторе производства и услуг.

Примененный подход касается не только высоких технологий, он охватывал также традиционные сектора. Проблема состоит в подчинении этой работы задачам проведения углубленного анализа этапа развития фирмы и продукта. Открываются также дополнительные возможности для совершенствования аллокационных решений и создания условий для снижения издержек внедрения благодаря инвестициям необходимого объема в должное время и в должном месте. Это требует углубленного анализа и обеспечения его непрерывности во времени. Особую проблему составляет обеспечение условий для экспансии фирмы на основе развития инновационного продукта и адекватности его полезных качеств потребностям разных групп потребителей.

Трудно также не заметить связи этого подхода с интернетом вещей и приведения качеств продукта в соответствие с потребностями получателей. Здесь открывается ряд возможностей для частичной поддержки процесса возникновения продуктовых инноваций при помощи специального программного обеспечения. Это связано также с рядом проблем, обусловленных включением производителей и потребителей в создание очередных версий продукта. Постоянно возникающими проблемами являются распределение части продукции, квалификация кадров, изучение спроса, а также точное определение потребностей покупателей в национальном и международном масштабе. Дальнейших исследований потребует процесс роста значения нематериальной составля-

---

13. Эти работы проводились при участии выдающихся международных экспертов из Института системных исследований Польской академии наук – Януша Кацпшика и Славомира Задрожного [см. Baczkó, Kasprzyk, Zadrozny, 2013 и Kasprzyk, Zadrozny, Baczkó, 2013].

ющей стоимости продуктов и происходящих под его влиянием культурных, общественных и рыночных изменений. Эти новые процессы могут способствовать как углублению специализации фирм, так и укреплению той их группы, которая является промежуточным звеном в процессе обработки заказов, аллокации продукции и управления этими процессами.

Возможности использования достижений биологических наук

Дальнейшие шаги в этом направлении требуют организации расширенной исследовательской программы, подобной тем, которые в случае открытия генома человека стимулировали многие научные центры во всем мире, и положительные результаты действия которых в виде развития биотехнологии мы ощущаем по сей день. Мы надеемся также, что накопленный опыт будет способствовать выработке таких институциональных решений, при которых разработанные формы коммуникации, основанные на знании, будут способствовать умножению эффектов развития.

Полученные к настоящему времени результаты анализа, проведенного с использованием большого массива данных и с применением методов, аналогичных тем, которые были использованы в исследованиях, связанных с молекулярной генетикой, показывают, что здесь существуют новые возможности. Это создает перспективы для развития исследований больших массивов микроданных, включая финансовые данные (так же, как и данные разного типа), которые характеризуют предприятия разной величины, от микро-предприятий до крупнейших. Возможности в этой области хорошо иллюстрируют результаты анализа с применением метода главных компонент (РСА) факторов, влияющих на инновационную способность предприятий в контексте эффективности использования проинновационной публичной помощи ЕС.

Оказалось, что исследования этого типа могут внести существенный вклад в определение характеристик пред-

приятий и выделение их типов. Обращает на себя внимание сходство налоговых барьеров для фирм, являющихся лидерами инноваций, и тех фирм, которые характеризуются более низким уровнем инновационности. При этом эти барьеры принципиально различаются в случае фирм с чрезвычайно низким уровнем инновационности.

Из анализа РСА вытекает, что в процессе повышения инновационности в фирмах имеет место осознание недостаточной инновационной способности в отношении квалификации исполнительных и руководящих кадров, их низкой креативности, склонности рассматривать создаваемые инновации с позиций предложения и недооценки информации о потребностях потребителей. Исследование свидетельствовало также о значении факторов спроса. Это касается таких характеристик функционирования предприятий, как низкий уровень квалификации исследовательских и руководящих кадров, так же как и остальных работников, невысокой креативности кадров, то есть факторов, определяющих внутреннее состояние предприятий.

Фирмы обращают внимание на низкую креативность исследовательских и руководящих кадров при принятии решений об инновационной деятельности, которой сопутствует как отсутствие спроса на новые инновационные продукты, так и отсутствие информации о потребностях потребителей. Полученные результаты свидетельствуют о значении выявления внутренних барьеров при определении специфических характеристик предприятий.

Эти барьеры действуют в отношении группы инновационных фирм, которые находятся в инновационной и переходной фазе. Такие фирмы осознают, что качество человеческого капитала, в том числе недостаточный уровень креативности руководящих кадров, является существенным препятствием для развития инновационности. Это указывает не только на осознание проблемы на уровне фирм, но также на их нужды в части образования. Оказывается, что недостаточно устранить внешние барьеры, надо также предпринять сознательные действия по выявлению специфических внутренних

пробелов в структуре человеческого капитала. Особое значение приобретают здесь специализированные формы образования, приведенные в соответствие с потребностями инновационных фирм на разных этапах развития.

Накопленный опыт указывает на ключевое значение такого типа форм образования. Они должны опираться на практические проекты и учитывать характеристики инновационности фирм [Waszko, Puchała-Krzywina, 2011]. Результатом должно стать формирование сообщества экспертов, обладающих постоянно актуализируемыми знаниями об изменяющихся стандартах инновационности и ее новых формах в изменяющихся условиях.

Ценной базой для подтверждения целесообразности использования методов, применяемых при анализе данных в генетических исследованиях, является использование данных об активности инновационных фирм на переходном этапе развития в сфере интеллектуальной собственности. Оказалось, что количество фирм, которые одновременно имеют все формы промышленной собственности – от патентов Большой триады (т.е. выданных в ЕС, США и Японии) до заявок на полезную модель – невелико. Многие фирмы не имели достижений в этой области. Этот признак позволяет также выделить типы патентующих фирм и применить в отношении этих фирм иные процедуры¹⁴. Сказанное дает основание для того, чтобы еще более ускорить патентные процедуры, используя новейшие решения в этой области.

Направления развития оценок инновационности

Представленные элементы системы идентификации типов инновационных предприятий могут использоваться как в отношении субъектов, участвующих в инновационных процессах, так и в сфере политики развития, где выявление возможностей для повышения потенциала развития путем

---

14. Подробнее на эту тему см. *Raport o firmach patentujących w 2012 roku*.

создания микроэкономических основ системы инноваций все еще является большой проблемой.

Развитие системы оценок будет в значительной мере предопределяться новыми возможностями их применения, а также развитием сфер, которые и впредь будут приобретать все большее значение. Это касается вопросов контрактов и связей, и в особенности структур знаний.

Важным направлением развития станет дальнейшее углубление и динамизация деления фирм на компании с рыночными инновациями, инновациями процессными и на фирмы, инвестирующие в НИОКР. Очень большое значение будет иметь выделение компаний, связанных с контрактной деятельностью, с одной стороны, и фирм, активно работающих в сфере промышленной собственности, с другой. Другая имеющая большое значение линия развития будет связана с многочисленными применениями политики развития к условиям отдельных функциональных территорий, регионов и стран.

Проведенный анализ свидетельствует о широких возможностях для применения стратегического IT-планирования (SITP). Однако достижение успехов в этой области в очень большой степени будет зависеть от ряда факторов, на которые лишь частично можно оказать воздействие на уровне страны. Часть этих факторов связана с институциональной и культурной спецификой, а также с уровнем образования. Большое значение имеет публично-частное партнерство, а также использование общественного капитала для идентификации инновационных фирм, построения информационных, общественных и функциональных связей, а также позиция тех, кто принимает институциональные, кадровые и аллокационные решения.

Ограничения возможности идентификации типов предприятий

Очевидно, представленные перспективы идентификации типов предприятий свидетельствуют в пользу продолжения этой работы, а также практического применения полученных

результатов. Однако возникает проблема использования полученных на уровне страны результатов в международном масштабе. Очень важным шагом в этом направлении могут стать работы экспертов NESTI в области статистических стандартов.

Эти работы могут способствовать распространению статистических исследований на другие страны, развитию инструментов инновационной политики, расширению понимания инновационности за счет включения в эту сферу инноваций в публичном секторе, общественных инноваций, инноваций, стимулируемых потребителем, наконец, инноваций в неформальном секторе.

Исследования показали, что внутренние и внешние барьеры, с которыми столкнулись фирмы на переходном этапе от инвестиционной к инновационной экономике, вызвали рост транзакционных издержек и недоиспользование инновационных потенциалов; вместе с тем, они способствовали инвестиционным решениям, которые в результате принесли капиталовложения в развитие современных производственных мощностей и сферы услуг.

Фирмы выявляют внутренние и внешние барьеры, которые препятствуют развитию инновационности. Способность к идентификации внутренних барьеров и оценка сложности их преодоления может быть основанием для группировки инновационных фирм и выработки различных форм противодействия. В числе внутренних барьеров обследованные фирмы особо выделяют качество человеческого капитала, с чем связана необходимость изменений в системе образования и приведения ее в соответствие с изменяющимися потребностями.

Неустойчивый спрос и дефицит партнеров для сотрудничества в области инновационной деятельности фирмы рассматривают как элементы, требующие внутренних и внешних воздействий, что особенно важно для создания инновационной экосистемы и формирования соответствующих структур знаний в рамках Национальной системы инноваций.

Серьезную проблему для охваченных анкетированием фирм представляет финансирование их деятельности и несо-

ответствие институциональных решений их потребностям; речь идет о слишком высоких налогах и взносах на социальное страхование, о высоких издержках внедрения инноваций, о продолжительных сроках проверки платежных заявок или реализации платежей, а также об отсутствии налоговых льгот и помощи государства. На функционирование обследуемых фирм в существенной мере влияют институционально-регуляторные факторы. В большей степени они касались тех фирм, которые только начали свою деятельность, нежели фирм, работающих на рынке более продолжительное время. Первые испытывали также больше проблем с получением финансовых средств из внешних источников.

В каждой экономике действуют процессы, которые могут стать основой для развития инноваций. Различия между ними состоят в том, в какой степени условия в данной стране благоприятствуют тому, чтобы идеи, изобретения, прототипы преобразовывались в инновации, либо приобретали рыночное либо общественное значение, преобразовывались в институциональные решения. Вопрос определения факторов, способствующих приведению в действие этих процессов, может стать предметом особого исследования.

Исследования показали, что в экономике Польши можно выделить фирмы, имеющие рыночные, продуктовые и процессные инновации, а также фирмы, опирающиеся на НИОКР, на патенты и европейские контракты. Весьма полезной для этого оказалась методология 5А, основанная на микроиндикаторах типа «4и» (индивидуальных интегрированных индикаторах инновационности).

Оказалось, что в условиях экономики, находящейся в процессе перехода от инвестиционного к инновационному этапу, эту методологию можно использовать. Как показали исследования, этот переходный период — особенный, на его протяжении многие фирмы должны приложить очень большие усилия, чтобы достичь инновационного этапа. Проблемой остаются такие механизмы, как общественный процесс идентификации инновационных фирм, механизм

сотрудничества в рамках фирмы и с внешними партнерами, культурная открытость, учет вызовов повседневной жизни, решение конкретных проблем, постоянный контроль за ситуацией и поиски новых форм инноваций.

Проведенные исследования и накопленный опыт в сфере идентификации типов инновационных фирм указывают на большие возможности для сокращения отставания в развитии. Дополнительные перспективы в этой сфере возникают в связи с развитием промышленной революции 4.0. Многие из простейших действий смогут быть автоматизированы, легче будет строить логистические цепочки и создавать связи между производителем и конечным потребителем. Возникают проблемы привлечения на работу соответственно подготовленных кадров и определения дополнительных сфер, где потребители, будь то потребители товаров повседневного спроса или получатели публичных благ, были бы заинтересованы в их использовании или в получении отдельных их элементов для удовлетворения собственных потребностей или же потребностей более широкого круга пользователей как в развитых, так и в развивающихся странах.

ЛИТЕРАТУРА

- Advanced Dynamic Modeling of Economic and Social Systems* (2013), A.N. Proto, M. Squillante, J. Kacprzyk (red.), Springer Verlag, Berlin, Heidelberg.
- Antonelli C. (2011), The economic complexity of technological change: knowledge interaction and path dependence, in: *Handbook on the Economic Complexity of Technological Change*, C. Antonelli (ed.), Edward Elgar.
- Arvanitis S., Sydow N. (2009), How effective are R&D-promoting activities of the Swiss innovation agency CTI? An evaluation based on matched-pairs analysis, in: *The New Economics of Technology Policy*, D. Foray (ed.), Edward Elgar Publishing.
- Audretsch D.B., Falck O., Heblich S., Lederer A. (ed.) (2011), *Handbook of Research on Innovation and Entrepreneurship*, Edward Elgar.
- Baczko T., Kacprzyk J, Zadrożny S. (2013), Towards knowledge driven individual integrated indicators of innovativeness, in: *Knowledge-Based Intelligent System Advancements*, Jozefczyk J, Orski. D.(ed.), IGI Global Hershey, New York.

- Baczko T., Puchała-Krzywina E. (red.) (2013), *Raport o innowacyjności gospodarki Polski w 2012 roku*, INE PAN, realizacja wydawnicza Key Text sp. z o.o., Warszawa.
- Baczko T., Puchała-Krzywina E., Mączyńska E. (2016), Podażowe czynniki innowacyjności polskiej gospodarki w przejściowej fazie rozwoju, w: *Innowacyjność polskiej gospodarki w przejściowej fazie rozwoju*, J.Kotowicz-Jawor (red.), Instytut Nauk Ekonomicznych PAN.
- Balcerowicz L. (2008), Institutional Systems and Economic Growth, in: Aslund A., Dąbrowski M. (red.), *Challenges of Globalization. Imbalances and Growth*, Peterson Institute for International Economics, Washington, pp. 153–199.
- Dosi G., Llerena P., Labini M.S. (2009), Does the “European Paradox” still hold? Did it ever?, in: *European Science and Technology Policy. Towards Integration or Fragmentation?*, H. Delanghe, U. Muldur, L. Soete (eds.), Edward Elgar.
- Dosi G., Nelson R.R. (2010), Technical Change and Industrial Dynamics as Evolutionary Process, in: *Handbook of the Economics of Innovation*, B.H. Hall, N. Rosenberg (eds.), Vol. 1–2, North Holland, Elsevier B.V.
- Duchene V., Lykogianni E., Vebek A. (2009), The EU R&D under-investment: patterns in R&D expenditures and financing, in: *European Science and Technology Policy. Towards Integration or Fragmentation?*, H. Delanghe, U. Muldur, L. Soete (eds.), Edward Elgar, Massachusetts.
- European Innovation Scoreboard 2017*, URL: <http://ec.europa.eu/growth/industry/innovation/facts-figures/scoreboards>.
- European Innovation. Theory and Practice* (2011), Babiak J., Baczko T., Puchała-Krzywina E. (eds.), European Advisors Institute, Warsaw-Brussels.
- European Science and Technology Policy. Towards Integration or Fragmentation?* (2009) H. Delanghe, U. Muldur, L. Soete (eds.), Edward Elgar, Mass.
- Gault F. (2010), *Innovation Strategies for a Global Economy. Development, Implementation, Measurement and Management*, Edward Elgar.
- Global Competitiveness Report 2014–2015* (2014), World Economic Forum, Geneva.
- Greenstein S. (2010), Innovative conduct in computing and internet markets, in: *Handbook of the Economics of Innovation*, B.H. Hall, N. Rosenberg (eds.), Vol. 1–2, North Holland, Elsevier B.V.
- Handbook of Research on Innovation and Entrepreneurship* (2011), D.B. Audretsch, O. Falck, S. Heblich, A. Lederer (eds.), Edward Elgar.
- Handbook of the Economics of Innovation* (2010), B.H. Hall, N. Rosenberg (eds.), Volume 1–2, North Holland, Elsevier B.V.

- Handbook on the Economic Complexity of Technological Change* (2011), C. Antonelli (ed.), Edward Elgar.
- Hollenstein H. (2009), Characteristics of foreign R&D strategies of Swiss firms: implication for policy, in: *The New Economics of Technology Policy*, D. Foray (ed.), Edward Elgar Publ.
- Hotz-Hart B. (2009), Small and Medium-sized enterprises: the promotion of R&D and innovation behavior in Switzerland, in: *The New Economics of Technology Policy*, D. Foray (ed.), Edward Elgar Publ.
- Iammarino S., McCann P. (2013), *Multinationals and Economic Geography. Location, Technology and Innovation*, Edward Elgar.
- Jozefczyk J, Orski. D.(eds.) (2011), *Knowledge-Based Intelligent System Advancements*, IGI Global Hershey, New York.
- International Handbook on the Economics of Migration* (2013), Constant A.F., Zimmerman K.F., eds., Edward Elgar, Cheltenham.
- Kacprzyk J., Zadrozny S., Baczko T. (2013), Towards a Human Consistent Analysis of Innovativeness via Linguistic Data Summaries and Their Protoforms, in: *Advanced Dynamic Modeling of Economic and Social Systems*, A.N. Proto, M. Squillante, J. Kacprzyk (eds.), Springer Verlag, Berlin, Heidelberg.
- Klincewicz K. (2011), *Dyfuzja innowacji. Jak odnieść sukces w komercjalizacji nowych produktów i usług*, Wydawnictwo Naukowe Wydziału Zarządzania Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa.
- Kotowicz-Jawor J. (2008), Adaptacja w sferze rozwoju – inwestycje, innowacje, w: *Adaptacja polskich przedsiębiorstw do rynku Unii Europejskiej*, Wydawnictwo Key Text, Warszawa.
- Kotowicz-Jawor J. (red.) (2016), *Innowacyjność polskiej gospodarki w przejściowej fazie rozwoju*, Instytut Nauk Ekonomicznych PAN.
- Lange. O. (1977), *Dzieła, Cybernetyka*, Warszawa, Polska Akademia Nauk, PWE.
- Lee S.M., Olson D.L. (2010). *Convergonomics. Strategic Innovation in Convergence Era*, Gower Publishing Limited, Farnham.
- Łaski K. (2009), *Mity i rzeczywistość w polityce gospodarczej i nauczaniu ekonomii*, Fundacja Innowacja, Warszawa.
- Łaski K. (2015), *Wykłady z Makroekonomii. Gospodarka kapitalistyczna bez bezrobocia*, red. nauk. J. Osiatyński, PTE, Warszawa.
- Lundvall B.-A. (ed.) (1992), *National Systems of innovation: Towards a theory of innovation and interactive learning*, Pinter, London.
- Malerba F. (2009), Increasing learning, break knowledge locks-in and foster dynamic complementarities: evolutionary and system perspectives on technology policy in industrial economics, in: *The New Economics of Technology Policy*, D. Foray (ed.), Edward Elgar Publ.

- Mayer-Schonberger V., Cukier K. (2017), *Rewolucja, która zmieni nasze myślenie, pracę i życie. BIG DATA efektywna analiza danych*. MT biznes, Warszawa.
- NBP (2016), *Potencjał innowacyjny gospodarki: uwarunkowania, determinanty, perspektywy*, NBP, Warszawa.
- Nelson R.R., Winter S.G. (1982), *An Evolutionary Theory of Economic Change*, Harvard University Press, Cambridge.
- Nelson R.R., ed. (1983), *National Innovation Systems: A Comparative Analysis*, Oxford University Press.
- Nelson R.R. (2009), Building effective innovation systems versus dealing with market failures as ways of thinking about technology policy, in D. Foray (ed.), *The New Economics of Technology Policy*, Edward Elgar, pp. 7-32.
- OECD (2015a), *The Innovative Imperative. Contributing to productivity, Growth and Well-Being*, OECD, Paris.
- OECD (2015b), *The Measurement of Scientific, Technological and Innovation Activities. Frascati Manual. Guidelines for Collecting and Reporting Data on Research and Experimental Development*, OECD, Paris.
- OECD (2016), *Main Science and Technology Indicators*, Volume 2016, Issue 1,2, OECD, Paris.
- OECD (2017a), *Main Science and Technology Indicators, Volume 2017, Issue 1*, OECD, Paris.
- OECD (2017b), *OECD Digital Economy Outlook 2017*, OECD, Paris.
- OECD (2017c), *The Next Production Revolution: Implications for Governments and Business*, OECD, Paris.
- Pardey P.G., Alston J.M., Ruttan V.W. (2010), The Economics of Innovation and Technological Change in Agriculture, in: *Handbook of the Economics of Innovation*, B.H. Hall, N. Rosenberg (eds.), Vol. 1–2, North Holland, Elsevier B.V.
- Popp D., Newell R.G., Jaffe A.B. (2010), Energy, the environment, and technological change, in: *Handbook of the Economics of Innovation*, B.H. Hall, N. Rosenberg (eds.), Vol. 1–2, North Holland, Elsevier B.V.
- Podręcznik Oslo* (2008). *Zasady gromadzenia i interpretacji danych dotyczących innowacji*, OECD, Eurostat, KE; MNiSW, Departament Strategii i Rozwoju Nauki; wyd. 3, Warszawa.
- Polska. Raport o Konkurencyjności* (2016). *Znaczenie Polityki Gospodarczej i Czynników instytucjonalnych*, red.nauk M.A. Weresa, Instytut Gospodarki Światowej, Szkoła Główna Handlowa, Warszawa.
- Porter M. E. (1990), *The Competitive Advantage of Nations*, The Free Press, New York.
- Poznańska K., Kraj K. M. (2015), *Badania i rozwój w korporacjach transnarodowych*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.

- Proto A.N., Squillante M., Kacprzyk J., eds. (2013), *Advanced Dynamic Modeling of Economic and Social Systems*, Springer – Verlag, Berlin Heidelberg.
- Puchała-Krzywina E. (2013), Przeszkody działalności innowacyjnej w 2011 roku, w: *Raport o innowacyjności gospodarki Polski w 2012 roku*, red. nauk. T. Baczeko, E. Puchała-Krzywina, INE PAN, realizacja wydawnicza Key Test sp. z o.o., Warszawa, s. 161-166.
- Raport o firmach patentujących w 2012 roku* (2013), red. nauk. T. Baczeko, E. Puchała-Krzywina, INE PAN, Warszawa.
- Rifkin J. (2014), *The Zero Marginal Cost Society. The Internet of Things. The Collaborative Commons, and Eclipse of Capitalism*, St. Martin Press, New York.
- Schumacher E.F. (1981), *Małe jest piękne. Spojrzenie na gospodarkę świata z założeniem, że człowiek coś znaczy*, Państwowy Instytut Wydawniczy, Warszawa.
- Schumpeter J. (1939), *Business Cycles: A Theoretical, Historical, and Statistical Analysis of the Capitalist Process*, McGraw-Hill, London.
- Sebastiani M., ed. (1989), *Kalecki's Relevance Today*, McMillan.
- Soete L. (2009), Research without frontiers, in: *The New Economics of Technology Policy*, D. Foray (ed.), Edward Elgar Publ.
- Swann G.M.P. (2009), *The Economics of Innovation. An Introduction*, Edward Elgar Publ.
- The 2016 EU Industrial R&D Investment Scoreboard*, URL: <http://iri.jrc.ec.europa.eu/scoreboard16.html>
- The New Economics of Technology Policy* (2009), Foray D. (ed.), Edward Elgar.
- Von Hippel E. (2009), Adapting policy to user centered innovation, in: *The New Economics of Technology Policy*, D. Foray (ed.), Edward Elgar Publ.
- Von Hippel E. (2010), Open user innovation, in: *Handbook of the Economics of Innovation*, B.H. Hall, N. Rosenberg (eds.), Vol. 1–2, North Holland, Elsevier B.V.
- Weresa M.A. (2012) *Systemy innowacyjne we współczesnej gospodarce światowej*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.
- Tjatenberg M. (2009), The rumblings of a paradigm shift: concluding comments, in: *The New Economics of Technology Policy*, D. Foray (ed.), Edward Elgar Publ.
- World Bank Group (2016), *Toward an innovative Poland : the entrepreneurial discovery process and business needs analysis (Vol. 2): final report*, Warsaw.
- Wyrwicka M.K., Grzybowska K., (2010), *Knowledge Management and Innovation In the Enterprises*, Publishing House of Poznań University of Technology, Poznań.

М. Боровы
ДЕТЕРМИНАНТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СПИН-ОФФ В ПОЛЬШЕ КАК СТИМУЛЯТОРА
ИННОВАЦИОННОСТИ ЭКОНОМИКИ

Введение

Основной задачей Польской стратегии ответственного развития (*Strategia na rzecz Odpowiedzialnego Rozwoju*, SOR) [Strategia..., 2017, s. 95], которая является обновленной версией Национальной стратегии развития 2020, принятой правительством Республики Польша в 2012 г. [Strategia..., 2012, s. 87–99], является стимулирование и ускорение инновационных процессов. Одним из основных инструментов для реализации инновационной политики страны стали стартапы. Согласно SOR, средства на этот вид бизнеса в размере 3 млрд злотых (около 708 млн евро) планируется выделить в рамках программы *Start in Poland*. Программа предполагает поддержку стартапов при участии крупных компаний, в том числе государственных. Поддержка должна предоставляться на различных этапах развития нового бизнеса, начиная с фазы инкубатора и ускорения вплоть до этапа международной экспансии. Подобный механизм также представляет широкие возможности для развития инновационного академического (научного) предпринимательства, реализованного, в частности, в виде спин-офф компаний.

Суть академического предпринимательства заключается в проведении коммерческой деятельности на базе научно-исследовательских подразделений высших учебных заведений. Академические предприятия обычно представляют собой компании-отпрыски головной организации, которые в зависимости от степени автономности от последней подразделяются на две группы – спин-офф и спин-аут. Академическое предпринимательство также включает деятельность самого университета, который может рассматриваться как поставщик новых технологий и ноу-хау [Banerski et al., 2009, s. 32–33].

В положениях Стратегии развития до 2020 года предусматриваются различные формы институциональной поддержки инновационного академического предпринимательства в Польше.

К наиболее важным формам такой поддержки относятся: центры передачи технологий, компании специального назначения (*SPV*), научно-технические парки, преинкубаторы и академические инкубаторы предпринимательства, технологические инкубаторы. Деятельность этих учреждений поддерживается различными типами консалтинговых и финансовых организаций, такими как, например, технологические ускорители, венчурные фонды / фонды прямых частных инвестиций (*Venture Capital / Private Equity, VC/PE*) или наиболее высокорисковые «зародышевые» фонды (*Seed Capital*), которые инвестируют в проекты на стадии идеи инновационного решения. Все эти институты выступают в качестве своеобразных модераторов диалога между представителями науки и бизнеса, способствуют их взаимной интеграции и развитию инновационных предприятий. Ниже кратко охарактеризованы некоторые формы инновационных центров в Польше.

Центры передачи технологий (ЦПТ). ЦПТ, как правило, являются учреждениями при национальных университетах, которые работают либо как их организационные подразделения вне головного офиса, либо независимо от университета как хозяйствующие субъекты (обычно обще-

ства с ограниченной ответственностью) или фонды [Bąkowski, Mażewska, 2012, s. 87]. Основная цель деятельности ЦПТ заключается в том, чтобы предлагать практические решения для реализации научного потенциала, обычно посредством так называемой прямой коммерциализации, то есть путем продажи или лицензирования интеллектуальной собственности. Деятельность центров должна способствовать повышению конкурентоспособности и инновационности существующих малых или средних предприятий (МСП), а также созданию совершенно новых стартапов на основе инновационных технологий (например, спин-офф) [Matusiak, 2011, s. 31–34].

Компании специального назначения организуются высшими учебными заведениями (ВУЗами) с целью коммерциализации результатов исследований и разработок. Популярность таких компаний повысилась после принятия в 2014 г. Закона о высшем образовании [Ustawa..., 2014], согласно которому (ст. 86а-б) ВУЗ может поручить специализированной компании управлять правами на результаты исследований или разработок, а также связанными с этими результатами ноу-хау путем косвенной (создания спин-офф компаний) или прямой (путем продажи и лицензирования) коммерциализации. Целью компаний является, в частности, приобретение акций акционерных обществ или создание фирм для внедрения полученных в ВУЗах результатов исследований или разработок. Инвестиционная деятельность компании специального назначения должна быть связана, в частности, с активами, внесенными в натуральной форме ВУЗом в компанию [Program..., 2012].

Научно-технологические парки. Согласно определению Международной ассоциации научных парков (IASP), научный парк – это профессионально управляемая организация, целью которой является повышение социального благосостояния на конкретной территории путем поощрения культуры инноваций и повышения конкурентоспособности среди предприятий и учреждений, чья работа базируется на знаниях. Научный парк стимулирует и направляет обмен зна-

ниями и технологиями между ВУЗами, научно-исследовательскими учреждениями, предприятиями и рынками. Научный парк облегчает создание и развитие инновационных предприятий путем инкубации фирм типа спин-офф, а также повышает доступность высококачественной инфраструктуры и услуг, влияющих на их добавленную стоимость [Wogowu, 2012].

Польские парки обычно называются технологическими или научно-технологическими. Они функционируют как обособленные научно-промышленные комплексы, созданные при участии местных властей. Они предлагают новым предприятиям, использующим самые современные технологии, консалтинговые услуги для создания и развития бизнеса, передачи технологий и коммерциализации результатов исследований, а также предоставляют им недвижимость вместе с инфраструктурой [Kandefer, Ogracka-Klepacz, Pawluczuk, 2007, s. 269].

Технологические парки помогают своим «жильцам» (фирмам) (Hołub-Iwan, Olczak, Cheba, 2012, s. 84) взаимодействовать друг с другом, что в сочетании с поддержкой бизнес-среды способно производить уникальный синергический эффект. Этот эффект, подкрепленный конкретной атмосферой предпринимательства и особого рода соперничеством, является стимулом для молодых людей, желающих открыть и развить свою собственную компанию.

Преинкубаторы и академические бизнес-инкубаторы. Преинкубаторы – это принадлежащие или не принадлежащие к ВУЗам структуры, специализирующиеся на *удовлетворении потребностей потенциальных предпринимателей на начальном этапе создания предприятия. (...) Они чаще всего создаются на базе ВУЗов и являются продолжением процесса обучения ведению предпринимательской деятельности, позволяющего готовиться к практической работе на рынке и проверять полученные знания и навыки на практике собственной компании* [Matusiak, 2011, s. 348].

Преинкубаторы, как правило, связаны с академическими инкубаторами, участвуют в оценке рыночных возможностей идей студентов, аспирантов, научных работников или выпуск-

ников университетов. Они также поддерживают процесс распространения предпринимательства в академической среде. Их цели реализуются, в частности, путем организации конкурсов для бизнес-планов, информационных кампаний, обучения и консультирования потенциальных предпринимателей, проведения обучающих программ, организации контактов с инвесторами, работающими с высокорисковыми проектами, и другими учреждениями бизнес-среды, поддержки создания проектных групп, защиты интеллектуальной собственности и др. Преинкубатор, связанный с вузами, должен содействовать доступу молодых предпринимателей к технологическому и патентному консалтингу, а также к результатам научных исследований. Кроме того, он должен создавать базы данных новых идей и проводить технический и рыночный анализ конкретных отраслей.

Технологические инкубаторы. Согласно словарю польского Агентства по развитию предпринимательства (ПАРП), технологический инкубатор (ТИ) – это *организационно обособленный субъект хозяйствования, ведущий высокотехнологичную инкубационную программу, предлагающий молодым инновационным компаниям услуги по поддержке и размещению совместно или в тесной связи с научно-исследовательскими учреждениями* [Matusiak, 2011, s. 101]. Таким образом, основная функция ТИ состоит в содействии созданию новых высокотехнологичных предприятий, а также в поддержке их развития до момента, пока они не достигнут рыночной самостоятельности. ТИ облегчают молодым фирмам стартовые условия, содействуют передаче технологий посредством контактов с научными институтами, проводят верификацию бизнес-концепций, организуют различного рода консультации и обучение сотрудников фирм по таким вопросам, как законодательство, финансы, маркетинг, управление, технологии, привлечение средств для бизнеса. В инкубаторах, как и в технологических парках, можно добиться эффекта синергии, который возникает в результате прямых контактов между людьми, занятыми или участвующими в работе этих учреждений.

В настоящей работе особое внимание будет уделено анализу развития и функционирования спин-офф компаний как инструментов стимулирования инноваций в экономике.

Согласно словарю ПАРП, спин-офф – это *новый бизнес, созданный сотрудником или материнской компанией или другой организацией (например, исследовательской лабораторией, ВУЗом) с использованием интеллектуальных и материальных ресурсов материнской организации* [Matusiak, 2005, s. 149]. Компании типа спин-офф независимы от материнской организации, что отличает их от фирм спинаут, которые финансово или операционно связаны с материнской организацией. Операционные связи могут включать в себя, например, юридическую, бухгалтерскую и маркетинговую поддержку, а также использование каналов распределения материнского учреждения [Worowy, Piech, 2010, s. 36].

В литературе нет консенсуса относительно толкования вышеупомянутых понятий. Некоторые авторы или организации (например, программы ЕС) используют эти понятия как раз наоборот [Makowiec, 2012, s. 46; Ministerstwo Rozwoju, 2016], другие применяют их как взаимозаменяемые [Matusiak, 2011, s. 79; Druilhe, Garnsey, 2004, s. 3–4]. Отсутствие единства в толковании существенно не влияет на экономическую практику самих предпринимателей. Среди польских экспертов в области коммерциализации результатов исследований для обоих понятий используется одно, более распространенное, название, – спин-офф¹.

В Польше, как и во многих других странах, академическое предпринимательство рассматривается не только как процесс создания технологических компаний или услуг, но и как широко понимаемая деловая активность исследователей, студентов и выпускников, направленная на коммерциализацию результатов исследований. Именно поэтому оно

---

1. Этот вывод сделан на основании изучения литературы [например, Głodek, 2010, s. 52–54], а также дискуссии на конференции Ассоциации организаторов инновационных и предпринимательских центров в Польше (SOOIPP) «Финансирование инноваций и региональное развитие», Лодзь, 24–25.05.2013.

охватывает ряд дополнительных функций, включая образование, популяризацию и развитие предпринимательской культуры в академической среде.

Чтобы сохранить терминологическую согласованность, в настоящей работе понятие «спин-офф» будет применяться как в отношении технологических компаний, так и к опирающимся на знания консалтинговым фирмам (Birley, 2002, p. 133–153), которые возникли на научно-исследовательской базе ВУЗов и могут финансироваться, например, венчурными фондами (Roberts, Malone, 1996, p. 17–48) или фондами типа *Private Equity*.

В зависимости от характера связей ключевых ресурсов спин-офф компаний с материнскими организациями выделяются три их основных типа (Nicolau, Birley, 2003, p. 333–359; Tamowicz, 2006, s. 12):

- *ортодоксальный*, где субъект опирается на работу ученых-изобретателей и передачу технологии;
- *гибридный*, когда субъект опирается на передачу технологии, в то время как ученые (все вовлеченные в проект или только некоторые) могут продолжать работать в ВУЗе, выполняя в компании консультативные (научный совет), контрольные (наблюдательный совет) и другие функции;
- *технологический*, где субъект опирается на технологии, переданные ВУЗом, но ученый (изобретатель) не имеет контакта со спин-офф компанией, однако может владеть ее акциями или предоставлять ей консалтинговые услуги.

Спин-офф компании — стимулятор инновационности экономики

Академические фирмы типа спин-офф, основной целью которых является передача новых технологий из ВУЗа в деловую практику, играют существенную роль в инкубации и реализации инноваций [Przedsiębiorczość..., 2009, s. 34; Wissema,

2005, s. 18–60]. Осуществляя третью по значению миссию современного университета — коммерциализацию знаний наряду с исследованиями и образованием [Peer Review..., 2017, p. 136–137], они становятся ценным источником инноваций. В Польше это тем более ценно, потому что большинство польских компаний опирается в своей инновационной деятельности главным образом на абсорбцию и адаптацию существующих решений. В польских академических кругах фирмы типа спин-офф по-прежнему не являются популярной формой коммерциализации результатов исследований, несмотря на очевидные преимущества, которые они могут принести изобретателям и владельцам изобретений. Количество спин-офф компаний в польских учреждениях в 2017 г. не превышало 200. Согласно последним данным, общее количество стартапов (в основном в сфере ICT) в Польше составляет около 2700, из которых только 40% сотрудничают с научной средой, а 13% были основаны лицами, имеющими ученую степень [Skała, Kruczkowska, 2016, s. 10].

Исследования, проведенные в группе польских естественно-научных ВУЗов, показали, что научные сотрудники, сотрудничающие с экономической средой, были более склонны (20%) выполнять работу по заказу внешних субъектов (например, экспертизы, отзывы, аналитические исследования и т. д.) и участвовать в проектах, финансируемых из государственных средств (18%). Коммерциализацию результатов своих исследований в форме продажи технологий, выдачи лицензий или путем организации частных фирм типа спин-офф выбрали лишь 9% ученых² (рис. 1).

Невысокая активность в сфере организации спин-офф компаний указывает на низкую долю научных подразделе-

---

2. Данные получены в результате эмпирических исследований автора, проведенных в 2012–2013 гг. на основе выборки из 172 человек, представляющих все государственные ВУЗы, отнесенные Министерством науки и высшего образования РП к категории естественно-научных или сельскохозяйственных. В исследованиях использовались методики компьютерного интервьюирования через Интернет (CAWI), а также компьютерного интервьюирования по телефону (CATI).

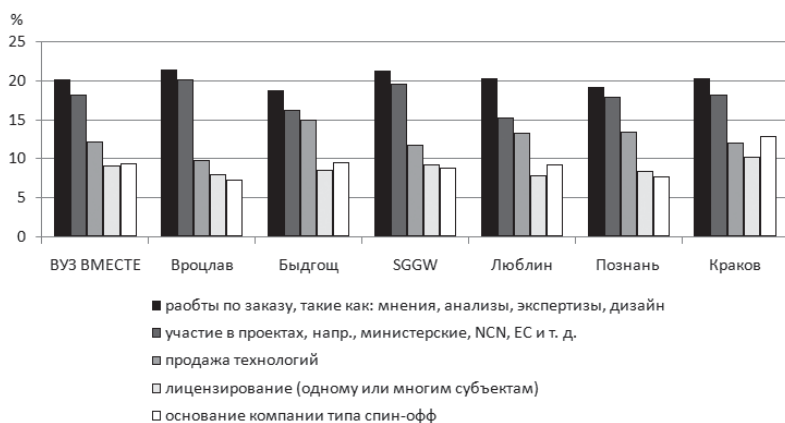
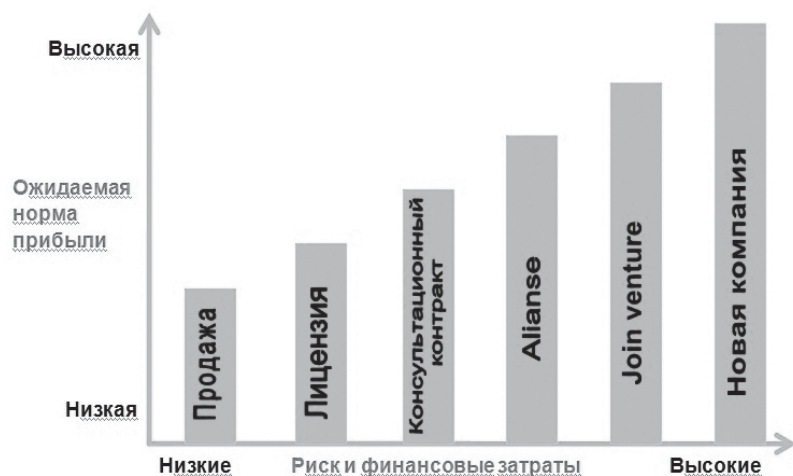

Рис. 1. Распределение ответов респондентов (в %) на вопрос «Какая форма бизнес-сотрудничества, по вашему мнению, является самой полезной?»

ний, поддерживающих создание таких компаний. Между тем, согласно исследованиям, представленным в публикации ПАРП, именно запуск спин-офф компании является наиболее прибыльной формой коммерциализации результатов научных исследований [Głodek, Pietras, 2011, s. 13].

Деятельность спин-офф компаний осложняется высокими рисками, однако эти компании могут давать лучшие финансовые результаты по сравнению с другими формами коммерциализации, такими как продажи технологии или лицензий, где риск неполучения ожидаемого дохода невелик. Эта зависимость показана в диаграмме (рис. 2), на которой представлены основные формы коммерциализации в двух измерениях: 1) риск, связанный с реализацией конкретного решения при соответствующем финансовом участии лица или субъекта, уполномоченного использовать права интеллектуальной собственности на это имущество; 2) ожидаемая доходность формы коммерциализации.

Прямая коммерциализация в виде продаж технологий или лицензий является удобной формой, связанной с: 1) самым низким риском, 2) как правило, гарантированным

Источник: собственные расчеты, основанные на [Głodek, Pietras, 2011, s. 13].

Рис. 2. Зависимость между нормой прибыли и риском, связанным с избранными формами коммерциализации результатов исследований

доходом и 3) нулевыми или предельными издержками реализации прав интеллектуальной собственности (ПИС). Тем не менее владелец ПИС должен быть осведомлен о расходах на предварительную подготовку, на создание привлекательного портфолио и проведение других мероприятий, ориентированных на повышение заинтересованности представленным внедренческим предложением со стороны хозяйствующих субъектов. Следует также отметить, что продажа является одноразовой сделкой, в то время как лицензия может быть предоставлена несколько раз и связана с различными формами платежей, например постоянными, обязательными сразу после заключения договора, или переменными, зависящими от объема полученных покупателем выгод от реализации начатого производства товаров или услуг. Лицензионное соглашение связано также с определенными рисками для владельца ПИС, обусловленными выбором контрагента, инвестиционными сбоями или случаями сокрытия фактических доходов приобретателем лицензии.

Шанс для стартапов

Важной детерминантой развития инновационных компаний типа спин-офф и фирм на начальных этапах развития (seed, стартап) является запуск их финансирования с помощью венчурного фонда (*Venture Capital* — VC / прямых частных инвестиций (*Private Equity* — PE). Несмотря на то, что оба понятия часто взаимозаменяемы, важно помнить, что прямые частные инвестиции (PE) — более широкая концепция. Венчурный капитал (VC) — это капитал PE, инвестированный в компании на ранней стадии развития или только выходящие на рынок. Понятие венчурного капитала включает в себя инвестиции средств в замысел бизнеса на «стадии посева» (*seed stage*), то есть в бизнес-концепцию в целях создания возможности ее коммерциализации с точки зрения запуска бизнеса [Sobańska, Sieradzań, 2004, s. 9–27]. Поэтому капиталовложения VC характеризуются большими рисками, чем инвестиции PE, включающие также инвестирование в предприятия, находящиеся на более поздних этапах развития. Вместе с тем, для венчурных инвестиций характерна более высокая норма прибыли. Эта зависимость, однако, не очевидна и обусловлена внешними рыночными факторами. Источник значительной части средств венчурных фондов — это публичные институты, целью которых является не столько получение прибыли, сколько поддержка предпринимательства.

Важным инструментом инновационной политики государства для создания инновационных академических спин-офф компаний является программа Bridge Alfa, которая начала реализовываться Национальным центром исследований и разработок с 2014 г. Цель программы — укрепление системы финансирования для высокорисковых высокотехнологических предприятий, поддержка научно-исследовательских проектов, а также содействие формированию экосистемы инвестиционных фондов, специализирующихся на финансировании высокорисковых проектов.

Bridge Alfa опирается на финансирование из средств ЕС в рамках операционной программы «Интеллектуальное

развитие 2014–2020». Финансирование инновационных проектов осуществляется на основе частно-государственного партнерства. Бюджет программы сначала распределяется на основе конкурса между субъектами, работающими в Польше в форме VC с долей венчурного капитала в компании не менее 25%. Таким образом, венчурные фонды вербуют бизнес-идеи в академических кругах и инвестируют в наиболее результативные проекты. Предложения по бизнес-проектам до их инвестирования подвергаются двум типам анализа: 1) *Proof-of-Principle* и 2) *Proof-of-Concept*.

Proof-of-Principle (PoP) — это этап проекта научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), который включает раннюю (первоначальную) проверку бизнес-идеи, предварительную оценку потенциала НИОКР, анализ конкурентной среды; определение плана исследований и первых этапов разработки проекта НИОКР.

Proof-of-Concept — это этап проекта НИОКР, следующий за этапом *Proof-of-Principle*. *Proof-of-Concept* включает всестороннюю проверку бизнес-идеи, а его результаты (при наличии положительных) обычно позволяют выйти на полную патентную заявку, либо перейти к международной фазе установления приоритета в форме договора о патентной кооперации (*Patent Cooperation Treaty*), либо перейти к коммерческому использованию результата проекта.

Инновационные проекты, реализуемые в форме спин-офф компаний, чаще всего принимают форму обществ с ограниченной ответственностью. К преимуществам этой формы относятся, в частности:

- обладание правосубъектностью;
- относительно низкая величина уставного капитала (5 тыс. злотых, или 1,2 тыс. евро);
- ответственность партнеров лишь по обязательствам, указанным в контракте;
- освобождение партнеров от ответственности за обязательства компании;

- разделение между активами акционеров и активами компании;
- перспективы выхода на рынок (более благоприятные, чем, например, при индивидуальной предпринимательской деятельности);
- более простое получение внешнего финансирования (например, со стороны фондов VC/PE или бизнес-ангелов);
- возможность продажи компании.

Важно отметить, что, несмотря на юридический статус фирмы типа спин-офф, еще до начала деятельности необходимо в обязательном порядке обеспечить определение прав интеллектуальной собственности на изобретение, которое будет лежать в основе деятельности новой фирмы.

В 2016 г. в рамках программы Bridge Alfa по конкурсу были выбраны 19 венчурных фондов, которым были выделены дотации на общую сумму около 450 млн злотых (ок. 106 млн евро). По отдельности эти субъекты смогли получить финансовую поддержку от 16 до 24 млн злотых (4–6 млн евро), дополнительное финансирование одного бизнес-проекта составило 1–3 млн злотых (240–700 тыс. евро). В 2017 г. общий сумма дотаций для стартапов составила 1 млрд злотых (236 млн евро).

Препятствия на пути передачи технологий в Польше

Несмотря на доступность средств и богатую инфраструктуру для поддержки инновационного академического предпринимательства, исследования, проведенные в Польше (в т. ч. Институтом экономических наук ПАН в 2015 г., а также PricewaterhouseCoopers – PwC – в 2013 г.), показывают, что одним из ключевых барьеров на пути абсорбции новых знаний хозяйственной практикой по-прежнему является несовершенство институциональной среды хозяйствующих субъектов [Kotowicz-Jawor, 2015, s. 153–157; Orłowski, 2013,

s. 27–31]. Об этом свидетельствуют недостатки функционирования институтов деловой среды, нестабильность законов и чрезмерная бюрократизация инновационной деятельности в Польше. Деятельность польских центров инновации, несмотря на выделение значительных публичных финансовых средств, в 2007–2013 гг. не стала стимулом роста инновационности польских предприятий, особенно сектора МСП. Польская экономика в рейтинге европейских инноваций остается на пятом с конца месте [European Innovation..., 2017, p. 6]. По данным Центрального статистического управления Польши, в 2014–2016 гг. инновационную активность продемонстрировали только 20,3% промышленных предприятий и 14,5% предприятий в сфере услуг [Działalność..., 2017, s. 1], что ниже результатов 2004–2006 гг. (22% и 16,6% соответственно). Напомним, что этому предшествовало финансирование из европейских фондов по программе на 2007–2013 гг. За этот период общий объем поддержки ЕС составил 68 млрд евро, из которых 60% было выделено на инновации (включая развитие инновационных центров), новые технологии, компьютеризацию, создание устойчивых и высококачественных рабочих мест [Kotowicz-Jawor, 2012, s. 7–8]. Несовершенство институциональной среды хозяйствующих субъектов подтверждается результатами исследований Ассоциации организаторов инновационных и предпринимательских центров в Польше. Согласно этим исследованиям, университетские инновационные центры снизили интенсивность предоставления консалтинговых услуг в сфере внедрения новых продуктов и технологий, анализа рынка и управления бизнесом, демонстрируя ослабление интереса к фазе внедрения трансфера технологии (Wąkowski, Mażewska, 2015, s.79). Уставная функция инновационных центров состоит в деятельности, направленной на повышение конкурентоспособности национальной экономики путем поддержки процесса внедрения результатов научных исследований, а также развитие инновационной активности предприятий и создание стартап-компаний. На практике же инновационные центры чаще предоставляют проинновацион-

ные услуги, финансируемые за счет публичных средств, а не те, которые входят в число их уставных обязанностей. В 2014 г.³ заметно сократился объем так называемых «мягких» услуг, типичных для технологических парков и инкубаторов, таких как поддержка в области хозяйственного законодательства, технологической и патентной информации, предпринимательства и создания бизнеса, финансирования и налогов, а также, в случае технологических парков, — исследований рынка и маркетинга. Резко упало число инкубированных технологических компаний, которые являются ключевыми для процесса передачи и коммерциализации новых знаний.

Выводы

Польские стратегии развития, такие как «Стратегия развития страны 2020», а также «Стратегия ответственного развития до 2020 года (с перспективой до 2030 года)», предусматривают различные формы поддержки инновационной деятельности сектора науки и предприятий. Они должны служить улучшению трансфера новых знаний в экономическую практику. Основными препятствиями на пути реализации этих механизмов являются: 1) непродуманные регулирующие решения и 2) недостаточные источники финансирования инвестиций. Большие надежды в части зарождения польских технологических стартапов, а также малых и средних предприятий возлагаются на венчурные фонды и фонды прямых частных инвестиций. Однако их финансирование пока еще весьма ограничено, в связи с чем академическое предпринимательство по-прежнему носит фрагментарный характер. Сектор науки еще не готов к абсорбции знаний; он требует инвестиций в виде человеческого капитала, а также регулирования его применения, в том числе мотивирования создателей инноваций к деятельности типа спин-офф.

---

3. В настоящее время пока недоступны данные за 2014–2016 гг., ведется работа над новым докладом Ассоциации организаторов инновационных и предпринимательских центров в Польше.

ЛИТЕРАТУРА

- Banerski G., Gryzik A., Matusiak K.B., Mażewska M., Stawasz E., 2009: *Przedsiębiorczość akademicka. Raport z badań*, PARP, Warszawa.
- Bąkowski A., Mażewska M. (red.), 2012: *Ośrodki innowacji i przedsiębiorczości w Polsce. Raport 2012*, PARP, Warszawa.
- Bąkowski A., Mażewska M. (red.), 2015: *Ośrodki innowacji i przedsiębiorczości w Polsce. Raport 2014*, SOOIPP, Poznań, Warszawa.
- Birley S., 2002: Universities, Academics, and Spin out Companies: Lessons from Imperial, *International Journal of Entrepreneurship Education*, 1(1).
- Borowy M., 2012: Parki nauki jako element otoczenia biznesowego innowacyjnej przedsiębiorczości akademickiej – przykład parku Ideon w Szwecji, *EPISTEME Czasopismo Naukowo-Kulturalne*, nr 15, Kraków, s. 253–258.
- Borowy M., Piech K., 2010: Przedsiębiorczość akademicka – bariery i szanse rozwoju, [w:] *Warszawa potencjałem innowacji. Poradnik innowacyjnego przedsiębiorcy. Analiza potencjału innowacyjnego* Warszawy, Miasto Stołeczne Warszawa.
- Druilhe C.L., Garnsey E., 2004: Do Academic Spin-Outs Differ and Does it Matter?, *The Journal of Technology Transfer*, no. 29.
- Działalność innowacyjna przedsiębiorstw w Polsce w latach 2014/2016*, GUS, Opracowanie sygnałne, 2017, Warszawa.
- European Innovation Scoreboard 2017*, Komisja Europejska, 2017, Bruksela.
- Głodek P., 2010: Firma spin-off, wybrane uwarunkowania i klasyfikacja, *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego*, nr 579. Ekonomiczne problemy usług nr 47, Szczecin.
- Głodek P., Pietras P., 2011: *Finansowanie komercjalizacji technologii i przedsięwzięć innowacyjnych opartych na wiedzy*, PARP, Warszawa.
- Hołub-Iwan J., Olczak A., Cheba K., 2012: *Benchmarking parków technologicznych w Polsce*, edycja 2012, PARP, Warszawa.
- Kandefer K., Ogracka-Klepacz A., Pawluczuk A., 2007: Badania przedsiębiorczości wśród studentów i absolwentów uczelni wyższych, [w:] Weresa M.A. (red.), *Transfer wiedzy z nauki do biznesu: doświadczenia regionu Mazowsze*, Oficyna Wydawnicza SGH, Warszawa.
- Kotowicz-Jawor J. (red.), 2012: *Wpływ funduszy strukturalnych UE na transfer wiedzy do przedsiębiorstw*, Instytut Nauk Ekonomicznych PAN, Warszawa.
- Kotowicz-Jawor J., 2015: Pomoc strukturalna a innowacyjność polskich firm [w:] Kotowicz-Jawor J., Krajewski S., Okoń-Horodyńska E., 2015: *Determinanty rozwoju Polski. Polityka innowacyjna*, IX Kongres Ekonomistów Polskich, PTE, Warszawa.
- Makowiec M., 2012: Spółki typu spin-off/out jako katalizator rozwoju polskiej gospodarki, [w:] Olesiński Z. (red.), *Wybrane aspekty rozwoju przedsię-*

- biorczości akademickiej*, Uniwersytet Rzeszowski, Rzeszów oraz Program Operacyjny Kapitał ludzki 2007–2013.
- Matusiak K.B. (red.), 2005: *Innowacje i transfer technologii – słownik pojęć*, PARP, Warszawa.
- Matusiak K. (red.), 2011: *Innowacje i transfer technologii. Słownik pojęć*, Wydanie III, PARP, Warszawa.
- Ministerstwo Rozwoju (2016): *Program Operacyjny Kapitał ludzki 2007–2013. Narodowe Strategiczne Ramy Odniesienia 2007–2013*, Warszawa, URL: https://www.efs.2007-2013.gov.pl/Dokumenty/Lists/Dokumenty%20programowe/Attachments/87/POKL_wersja_z_20maja2016.pdf.
- Nicolau N., Birley S., 2003: Academic networks in trichotomous categorisation of university spinouts, *Journal of Business Venturing* 18 (3).
- Orłowski W.M., 2013: *Komercjalizacja badań naukowych w Polsce. Bariery i możliwości ich przełamania*, PwC Polska, Warszawa.
- Peer Review of Poland's Higher Education and Science System*, 2017, European Commission, Luxembourg.
- Program Narodowego Centrum Badań i Rozwoju SPIN-TECH*, 2012, URL: http://www.ncbir.pl/gfx/ncbir/userfiles/_public/programy_krajowe/spin-tech/opis_programu_spin-tech.pdf (Access: 05.11.2017).
- Przedsiębiorczość akademicka Raport z badania*, PARP, 2009, Warszawa.
- Roberts E.B., Malone D.E., 1996: Policies and structures for spinning out new companies from research and development organization, *R&D Management*, 26 (1).
- Skała A., Kruczkowska E., 2016: *Raport Polskie Startupy 2016*, Fundacja Startup Poland, Warszawa.
- Sobańska K., Sieradzań P., 2004: *Inwestycje private equity/venture capital*, Key Text, Warszawa.
- Strategia na rzecz Odpowiedzialnego Rozwoju do roku 2020 (z perspektywą do 2030 r.)*, Ministerstwo Rozwoju, 2017, Warszawa.
- Strategia Rozwoju Kraju 2020. Aktywne społeczeństwo, konkurencyjna gospodarka, sprawne państwo*, 2012, Ministerstwo Rozwoju Regionalnego, 2012, Warszawa.
- Tamowicz P., 2006: *Przedsiębiorczość akademicka. Spółki spin-off w Polsce*, PARP, Warszawa.
- Ustawa Prawo o szkolnictwie wyższym, *Dziennik Ustaw* 2014 poz. 1198, ze zmianami z dn. 1.10.2014r.
- Wissema J.G., 2005: *Technostarterzy, dlaczego i jak?*, PARP, Warszawa.

А. Петрович

ВЫЗОВЫ, СТОЯЩИЕ ПЕРЕД ВАРШАВСКОЙ ФОНДОВОЙ БИРЖЕЙ ПЕРЕД ЛИЦОМ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Введение

Исследование влияния предстоящих коренных преобразований в реальной сфере экономики на функционирование и перспективы операторов фондового рынка является сложной исследовательской проблемой на пограничье экономики и управления. Необходимость взгляда на проблему с точки зрения экономиста и менеджера отражает двойную природу бирж, которые с одной стороны являются учреждениями экономической инфраструктуры государства, а с другой — организациями, оперирующими в определенном конкурентном окружении, располагающими ограниченными ресурсами и преследующими рыночные цели. Хотя господствующей в мировом масштабе формой собственности биржевых операторов является акционерное общество, котирующееся на собственной биржевой площадке, что предполагает преобладание мышления в категориях конкуренции и ориентацию на рост стоимости для акционеров, то в действительности на реализацию этой цели сильное влияние оказывает исполнение биржей ее общеэкономических функций с учетом эффектив-

---

Аеслав Петрович — доктор, научный сотрудник Института экономических наук ПАН.

ности их выполнения. В случае Варшавской фондовой биржи (ВФБ) дополнительными факторами являются структура ее собственности, в которой доминирует государственное казначейство, а также преобладание концернов, контролируемых государством, среди крупнейших компаний, акции которых котируются на бирже.

Понимание и оценка влияния ожидающихся либо наступающих изменений в реальной сфере экономики на функционирование и перспективы биржевых операторов требует в первую очередь определения природы отношений между реальной сферой экономики и функционированием финансового рынка, и в том числе механизмов таких отношений. Это, в частности, касается выяснения причин возникновения финансового сектора и функций, исполняемых им в экономике. Вторым шагом является понимание того, оказывают ли рассматриваемые изменения в реальной сфере влияние на такие механизмы, то есть можно ли их анализировать, пользуясь существующей теорией и ранее наблюдавшимися закономерностями, или же изменения в реальной сфере требуют отказа от господствующей теории либо ее модификации. Третий шаг — это выяснение того, как полученные выводы влияют на относительную привлекательность отдельных финансовых опционов (инструментов), что, в свою очередь, позволит определить шансы и вызовы, стоящие перед финансовыми рынками и их операторами.

Предметом настоящей работы является анализ влияния ожидаемых глубоких преобразований реальной сферы экономики, вызываемых так называемой четвертой промышленной революцией, на условия функционирования Варшавской фондовой биржи. Ныне мы находимся в преддверии этой революции, масштабы, темпы и охват которой обещают быть беспрецедентными в экономической истории [Schwab, 2016], в связи с чем ее финансовый аспект имеет существенную познавательную ценность. Тем временем в существующих научных и аналитических работах финансовая тематика затрагивается в контексте этой революции исключительно

(либо почти исключительно) в аспекте оценки финансовых потребностей, связанных с приведением предприятий (производственного аппарата) в соответствие с вызовами и требованиями нового времени (например, McKinsey, 2015), но упускается из виду более широкий аспект модели финансирования. В настоящей работе принят модельный подход, касающийся относительных преимуществ двух главных сегментов финансового сектора, то есть банков и финансовых рынков. Целью работы является формулировка гипотез, касающихся вызовов, которые четвертая промышленная революция ставит перед биржевыми операторами, в частности ВФБ. Ее основное научное значение состоит в освещении механизмов воздействия трансформаций, происходящих в реальной сфере экономики, на функционирование финансовой сферы. Сформулированная таким образом цель работы наряду с чисто познавательным значением имеет также очевидное практическое измерение. Определение вызовов должно служить исходной точкой для разработки рыночной стратегии ВФБ, учитывающей ожидающиеся шансы и угрозы; соответственно, своевременное представление аналитических материалов является условием необходимой подготовки к ожидаемым изменениям, прежде чем они наступят, и повышения качества процесса выработки решений.

Наряду с выяснением того, что является предметом и ожидаемым результатом исследований, стоит также предварительно определить те аспекты и факторы, влияющие на форму исследуемого феномена, которые остаются вне сферы исследования. В случае настоящей работы – это вопросы международной конкуренции финансовых рынков и их операторов, в том числе ее институциональных аспектов. Известно, что на конкурентную позицию отдельных рынков сильно воздействуют институциональные рамки, которые определяют действующие на данных рынках правила игры, примером чего является директива Европейского союза MiFID II (Markets in Financial Instruments Directive), внедряемая в настоящее время государствами – участниками ЕС и явля-

ющаяся предметом многочисленных нареканий со стороны субъектов слабее развитых рынков.

План работы выглядит следующим образом: в первую очередь будет представлена вытекающая из литературы *finance and growth* картина современного состояния знаний о взаимосвязях между развитием финансового сектора и реальной сферой экономики; затем будут рассмотрены отличительные признаки четвертой промышленной революции с акцентом на аспекты, потенциально требующие нового подхода к вопросу финансирования; в заключении внимание будет сосредоточено на анализе вызовов, стоящих перед финансовыми рынками, в первую очередь перед Варшавской фондовой биржей.

Отношения между финансовым сектором и реальной сферой экономики

Той областью исследований, в которой следует искать ответы на вопрос о природе отношений между реальной сферой экономики и функционированием финансовой системы, является направление, определяемое в англоязычной литературе как *finance and growth*. Это касается также темы относительных преимуществ банковского и рыночного (биржевого) сектора в контексте различных аспектов функционирования реальной сферы экономики, в том числе потребностей в финансировании.

Исследование отношений между развитием финансового сектора и реальной сферой экономики имеет длинную историю. Уже Шумпетер [Schumpeter, 1981 (1911)] указывал, что сектор финансового посредничества влияет на траекторию экономического развития через средство механизма размещения сбережений, который воздействует на рост производительности и технологический прогресс. Теория микроэкономики объясняет существование финансового сектора наличием информационной асимметрии и транзакционных издержек (например, Freixas & Rochet, 2008; Levine 1997, 2005). Если бы

не существовали подобные препятствия, не было бы оснований для несения расходов на создание и развитие финансовых учреждений, которые тратят ресурсы на исследование инвестиционных проектов, контролирование менеджеров, конструирование инструментов управления рисками и облегчения сделок [Levine, 1997]. Исправно функционирующий финансовый сектор служит реальной экономике путем мобилизации сбережений и повышения эффективности их размещения в экономических предприятиях, облегчения управления рисками посредством торговли ими, профилактики рисков, их диверсификации и консолидации, снижения транзакционных издержек, понесенных инвесторами и предпринимателями в сделках между собой, и улучшения мониторинга менеджеров (см., например, Allen & Gale, 2001; Bencivenga & Smith, 1991; King & Levine, 1993; Levine, 2005). В теории все прибыльные бизнес-мероприятия должны привлечь финансирование, так как ценовой механизм должен обеспечить уравнивание предложения и спроса на капитал. На практике, однако, часть проектов не получает финансирования ввиду упомянутой информационной асимметрии. Существенными факторами, затрудняющими адаптацию, являются проблема неравномерного развития отдельных сегментов финансового сектора и финансовых инструментов, а также ограничения институционального характера [Wonglimpiyarat, 2015], способные привести к недостаточному предложению капитала соответствующего профиля (соответствующих качеств).

Согласно теории, развитие финансовых учреждений снижает издержки выбора инвестиционных проектов и контроля за работой менеджеров, повышая доступность и снижая издержки привлечения внешнего финансирования. И поэтому развитие финансового сектора должно способствовать экономическому развитию путем поддержки развития отраслей и предприятий, требующих внешнего финансирования [Rajan & Zingales, 1998].

Многочисленные эмпирические исследования подтвердили наличие закономерностей, предсказанных теоретиче-

скими работами. Многие работы, начиная со статьи Р. Кинга и Р. Ливайна [King & Levine, 1993], эмпирически продемонстрировали влияние финансового развития страны на ее экономический рост (например, Beck, 2011; Christopoulos & Tsionas, 2004; Jayaratne & Strahan, 1996, Rajan & Zingales, 1998; Levine & Zervos, 1998). Уровень финансового развития измеряется обычно величиной банковских активов (а точнее, объемом кредитов для частного сектора) или капитализацией отечественных компаний в процентах к ВВП. Некоторые исследователи в качестве меры финансового развития использовали степень дерегулирования банковской деятельности [Jayaratne & Strahan, 1996] и качество стандартов банковского учета [Rajan & Zingales, 1998]. Важно то, что эти исследования позволили отвергнуть ранее принятый подход, согласно которому финансовое развитие понималось как следствие экономического развития, а не как фактор, поддерживающий экономическое развитие [Lucas, 1988].

Т. Бек и Р. Ливайн [Beck et al., 2000] исследовали, какими каналами финансовый капитал воздействует на экономический рост — это сбережения, физический капитал и совокупная производительность факторов производства (англ. *total factor productivity* — TFP). Они показали, что важнейшим каналом влияния является совокупная факторная производительность. В свою очередь, влияние финансового развития на рост производительности оказывается через посредство трех процессов: технологического прогресса внутри отдельных предприятий, перераспределения факторов производства из наименее продуктивных в наиболее продуктивные фирмы внутри отрасли и перераспределения ресурсов из наименее в наиболее продуктивные отрасли [Bartelsman & Doms, 2000]. Что касается межотраслевого перераспределения, а тем самым позитивных изменений (модернизации) структуры экономики, то Р. Раджан и Л. Зингалес [Rajan & Zingales, 1998] показали, что от развития финансовой сферы в наибольшей степени выигрывают те отрасли, которые находятся в большей зависимости от внешнего финансирования. В свою

очередь, зависимость от внешнего финансирования связана с интенсивностью затрат на НИОКР [Ilyina & Samaniego, 2012]. Вместе с тем, в краткосрочной перспективе фактором, сильнее других определяющим влияние развития финансовой сферы на относительное развитие отраслей (путем перемещения ресурсов), являются ожидаемые темпы развития отдельных отраслей [Fisman & Love, 2004].

Типичным для литературы *finance & growth* подходом является рассмотрение сектора финансового посредничества в категориях исключительно его относительного размера; при этом игнорируется аспект его архитектуры, понимаемой как набор характеристик финансового сектора, таких как банковская или биржевая ориентация (важнейший аспект), концентрация банковского сектора, его конкурентоспособность, открытость (измеряемая присутствием зарубежных учреждений) и регулятивные рамки [Giordano & Guagliano, 2014]. В этой связи особенно важно выделять и различать влияние развития двух важнейших сегментов финансового сектора, то есть банков и фондового рынка, а также показать отношения между ними. Авторы подавляющего большинства работ, рассматривающих отношения между развитием финансового сектора и реальной сферы экономики, сосредоточивали свое внимание на банковском секторе. Результаты многих исследований [Levine, 1997, 2005; Beck, 2011] показывают, что размеры банковского сектора положительно коррелируют с более высокими темпами экономического роста. Л. Зингалес [Zingales, 2015] указывает, однако, что в литературе приводится очень мало доказательств положительной для развития реальной сферы роли рынков иных финансовых активов, в частности рынков акций, облигаций, опционов и фьючерсов, процентных свопов и других рыночных финансовых инструментов. В широко цитируемой статье Р. Ливайн и С. Зервос [Levine & Zervos, 1998] исследовали корреляцию между различными показателями развития рынков акций и экономическим ростом. Единственная статистически значимая корреляция была отмечена между биржевым оборотом

акций отечественных компаний на отечественных площадках и рыночной капитализацией этих отечественных компаний, котируемых там же. Интересно, однако, что Ливайн и Зервос [Levine & Zervos, 1998], а также позже Гамбакорта с соавторами [Gambacorta et al., 2014] показали, что банковский сектор и биржа влияют на экономический рост независимо друг от друга, а следовательно, эти сегменты финансового сектора должны исполнять в экономической системе статистически значимым образом различные функции. Мало того, исследования специалистов из Всемирного банка [Demirgüç-Kunt et al., 2011] приводят к выводу, что адаптация услуг, оказываемых банками и финансовыми рынками, к потребностям реальной сферы носит динамичный характер и зависит, в частности, от уровня экономического развития. Эти авторы показали, что по мере экономического роста (измеряемого величиной ВВП на душу населения) значение развития банковского сектора для дальнейшего экономического роста уменьшается, тогда как растет значение развития финансовых рынков. Это означает, что значение услуг, оказываемых финансовыми рынками, повышается по мере роста экономики, то есть эти услуги в большей степени соответствуют потребностям более развитых экономик.

Обстоятельный обзор сравнительных преимуществ банков и биржи произвели Раджан и Зингалес [Rajan & Zingales, 2003]. Они показали, что системы, базирующиеся на банковском финансировании, лучше оправдывают себя на малых рынках, где фирмы меньше по размерам и действуют в условиях более слабой правовой защиты, меньшей транспарентности и при постепенно развивающихся (но не переломных) инновациях. Преимущество рыночной финансовой системы обнаруживается на более крупных рынках, в случае фирм, действующих в более широких масштабах, где предприятия более транспарентны, а правовые системы более эффективны, и при более переломных инновациях. То, какая форма финансовой системы лучше соответствует конкретным обстоятельствам, в большой степени зависит от институ-

ционального окружения. Раджан и Зингалес [Rajan и Zingales, 2003] выявили также относительные преимущества и недостатки банковского и рыночного (биржевого) секторов применительно к ряду аспектов реальной сферы экономики. Результаты их исследований обобщены в таблица.

Таблица. Относительные преимущества банковского и рыночного финансирования

Сектор	Банки	Биржа
Виды активов, финансируемых каждым из секторов	Отрасли с высокими потребностями в финансировании материальных активов (обычно традиционные отрасли, способные предложить залоговое обеспечение)	Отрасли, построенные на основе нематериальных активов, требующие высоких инвестиций в передовые технологии и НИОКР
Виды предприятий, финансируемых каждым из секторов	Предприятия с устоявшейся позицией на рынке, имеющие рыночную историю	Крупные предприятия, новые фирмы и стартапы
Финансирование инноваций	Инкрементальные инновации	Скачковые, переломные инновации
Стабильность / изменчивость окружения	Стабильное, прогнозируемое окружение	Периоды высокой нестабильности, переходные периоды

Источник: авторский анализ на основании [Rajan & Zingales 2003].

Приведенный выше предварительный анализ со всей очевидностью показывает, что характеристики реального сектора влияют на относительную привлекательность банковского и биржевого секторов. Это открывает путь к выявлению тех свойств четвертой промышленной революции, которые существенны с точки зрения соответствия преимуществам и недостаткам альтернативных форм финансирования.

Четвертая промышленная революция

Мир стоит на пороге четвертой промышленной революции [Bloem et al., 2014; Schwab, 2016], называемой также «промышленностью 4.0» (англ. *Industry 4.0*). Эти термины не единственны, когда речь идет об определении отличительных черт современной эпохи в плане характера производственных процессов и их влияния на другие сферы общественно-экономи-

ческой системы. Например, Э. Брюнхольфссон и А. Макаффи [Brunjolfsson & McAfee, 2014] называют нынешнюю эпоху «второй эрой машин» (англ. *the Second Machine Age*), Р. Смит и М. Фри [Smith & Free, 2016] используют термин «вторая волна промышленной революции» (англ. *the Second Wave of the Industrial Revolution*), а Дж. Рифкин [Rifkin, 2011] пишет о «третьей промышленной революции», указывая, однако, на совершенно иной набор определителей новой эры. Термин «четвертая промышленная революция» популяризовал Клаус Шваб, основатель и председатель Всемирного экономического форума (*World Economic Forum*), который в книге под именно таким заглавием [Schwab, 2016] дал наиболее полный на сегодняшний день анализ процессов и явлений, из которых складывается новое представление о производственных процессах и их нередко драматичных общественно-экономических последствиях.

Термин «четвертая промышленная революция» продолжает, что очевидно, концепцию промышленных революций, а также выдвигает на первый план отличие от так называемой «цифровой эры», известной также как «эра информации» либо «эра интернета», которая обычно интерпретируется как третья промышленная революция (в значении, отличающемся от принятого Рифкином). Следует отметить, что существуют и аргументы в пользу интерпретации так понимаемой третьей промышленной революции в качестве вступительной фазы либо первого этапа промышленной революции, которая лишь теперь, в качестве четвертой промышленной революции, начинает полнее демонстрировать свой трансформационный характер. Тем более что применяемое здесь определение «революция» должно указывать на фундаментальный характер изменений экономической системы и общественной структуры, и можно сомневаться относительно того, отвечает ли «третья промышленная революция» самостоятельно этому требованию.

Для порядка следует вспомнить, что первая промышленная революция началась около 1760 г., в эпоху угля и стали,

и продолжалась до примерно 1840 г. Ее движущей силой стало изобретение парового двигателя, а важнейшим проявлением – механизация производства. Вторая промышленная революция началась около 1870 г. и продолжалась до начала Первой мировой войны. Открытие электричества и изобретение электродвигателя сделали возможным введение массового производства и использование конвейерной сборки, которые и стали важнейшими достижениями этой революции. Третья промышленная революция началась с конца 60-х годов прошлого века с изобретения полупроводников и микропроцессоров, которые привели к развитию компьютеров, а в последующий период также интернета. Компьютеры создали широкие возможности для автоматизации массового производства. Развитие цифровых технологий привело к резкому падению издержек обработки, хранения и передачи данных, что в результате привело к цифровизации все более широких областей экономики [Goldfarb et al. 2015].

Четвертая промышленная революция в понимании сторонников этого термина, таких как Дж. Моавензаде [Moavenzadeh, 2015] и К. Шваб [Schwab, 2016], произрастает из ранее наступившей цифровой и использует ее завоевания, однако масштаб, объем, глубина и темпы происходящих ныне изменений столь велики, что дают основания для того, чтобы концептуально отделить ее от предыдущей революции. Если в рамках третьей промышленной революции физические системы производства стали поддерживаться цифровыми системами в рамках автоматизации производства, то для четвертой промышленной революции уже характерны гибридные цифрово-физические производственные системы [Bloem et al., 2014; Colombo et al., 2017]. В основу создания этих систем легла конвергенция ряда новых технологий, таких как искусственный интеллект, робототехника, облачные вычисления, *big data*, интернет вещей, автономные автомобили, печать 3D, биотехнология, нанотехнология, хранение энергии, квантовые компьютеры и др. Бурное развитие этих технологий отражает их взаимосвязи и взаимозависимости,

вследствие которых развитие одних технологий поддерживает развитие других, приводя к их объединению (слиянию) и охватывая весь диапазон отраслей [Schwab, 2016].

Хотя ведущим фактором четвертой промышленной революции является, как и в случае предыдущих промышленных революций, технологический прогресс, охват ее действия намного шире, чем в случае предыдущих [Schwab, 2016]. Четвертую промышленную революцию составляют, наряду со стремительно развивающимся технологическим прогрессом, также изменения в области бизнес-моделей (причем возникают новые модели), широкие социальные перемены, связанные с глубокими изменениями структуры спроса на рабочую силу и изменениями моделей коммуникации и потребления, равно как и изменения в сфере управления и институтов, например систем образования, транспорта и здравоохранения [Schwab 2016]. Таким образом, можно говорить о четырех областях изменений, составляющих четвертую промышленную революцию: технологических инновациях, моделях бизнеса, социальных и институциональных переменных.

Упомянутые конвергенция и слияние новых технологий не только ускоряют или даже обуславливают достижение в них переломных изменений, но и делают возможным возникновение так называемых «умных предприятий» (англ. *smart factories*), где сочетание цифровых технологий с физическими позволяет достичь значительного роста производительности и обеспечить полную индивидуализацию продуктов [Moavenzadeh, 2015]. Потенциальные выгоды, получаемые от традиционных рычагов роста производительности, в промышленности уже в значительной степени исчерпаны [McKinsey, 2015]. В 70-х и 80-х годах прошлого века таким рычагом была система «бережливого производства» (*lean manufacturing*), разработанная компанией «Тойота» и с успехом внедренная на многих предприятиях западной культуры; в 90-х годах таким рычагом стал перевод производства в страны с низкой стоимостью рабочей силы (англ. *offshoring*), однако в последующем десятилетии эти выгоды стали сходить на нет по мере

роста стоимости рабочей силы и фрахта [McKinsey, 2015]. Поэтому предприятия инвестируют в технологии автоматизации и роботизации, уменьшающие зависимость от стоимости рабочей силы путем резкого снижения потребности в работниках, что, в свою очередь, делает возможной реиндустриализацию развитых стран. Другой отличительной чертой становится размещение заводов вблизи клиентов и центров НИОКР (англ. *next-shoring*) [McKinsey, 2015], а тем самым — отказ от офшоринга. Дополнением к «некстшорингу» становится наделение предприятий «интеллектом». Ключом к их производительности становится умение накапливать, обрабатывать и использовать данные на основе новых цифровых технологий. Это умение способно обеспечить скачок вперед в процессах создания стоимости: анализ фирмы McKinsey показывает, что использование *big data* и передовой аналитики может обеспечить 20–25%-ный прирост объемов производства и даже 45%-ное уменьшение простоев [McKinsey, 2015]. Это потребует приведения предприятий в соответствие с новыми требованиями, что связано с необходимостью замены около 40–50% их оборудования и подключения машинного парка к интернету [McKinsey, 2015].

Однако четвертая промышленная революция не сводится лишь к замене производственного аппарата и росту производительности. Предприятия стоят также перед лицом новых вызовов и проблем, связанных с созданием технологиями нового конкурентного окружения, и в частности требований, касающихся объема и форм сотрудничества с этим окружением. Охватывающая все новые отрасли технологическая гонка ведет к тому, что предприятия вынуждены в ней участвовать, что требует, однако, широкого сотрудничества с окружением. Темпы технического прогресса и связанное с взаимопроникновением и слиянием технологий стирание границ между отраслями приводят к тому, что теперь даже крупнейшие предприятия не в состоянии основывать инновационные процессы на одних только знаниях, генерируемых внутри организации, и им приходится использовать также

внешние знания, в том числе происходящие извне отрасли. Особенное значение приобретает в таких условиях сотрудничество со стартапами, часто строящимися вокруг одиночной идеи и преследующих цели развития технологии для крупных предприятий. Ввиду огромного риска таких начинаний и непрекращающейся потребности крупных предприятий во все новых решениях (что непосредственно вытекает из технологической гонки) одной из важнейших моделей организации инновационных процессов становится широкомасштабное сотрудничество со стартапами, завершающееся их поглощением либо покупкой технологии в случае успеха. Другой главной моделью организации инновационных процессов является сотрудничество с другими элементами окружения, в частности с клиентами, конкурентами и партнерами по бизнесу, а также с организованными общественными группами, что приобретает различные формы, в том числе т. н. краудсорсинга.

Финансирование четвертой промышленной революции: вызовы перед финансовыми рынками

Развитие «умных предприятий» требует значительных финансовых затрат, а новые формы сотрудничества с окружением могут потребовать новых форм и новой логики финансирования инновационных процессов. Поэтому вызовы четвертой промышленной революции касаются не только изыскания средств на новые технологии и финансовых условий для их внедрения на предприятиях, но и отношений между вовлеченными субъектами, а в конечном счете также выхода из инвестиций. Таким образом, финансирование вложений в изменения на предприятиях (перенос технологий, наделение их «интеллектом») может происходить с использованием традиционных инструментов, однако развитие технологии и решений, которые будут использованы на предприятиях, требует применения новых форм финансирования, таких как краудфандинг или токены.

Согласно оценкам консалтинговой компании McKinsey, в рамках четвертой промышленной революции сами по себе затраты на модернизацию предприятий в исторических категориях представляются умеренными. Тогда как первая промышленная революция и переход от мастерской к фабрике требовали замены 100% производственного аппарата, то вторая промышленная революция означала необходимость замены только 10–20% оборудования, так как многие орудия труда могли использоваться и далее. Третья промышленная революция была связана с заменой 80–90% оборудования, так как орудия труда заменялись машинами, а четвертая промышленная революция потребует замены около 40–50% оборудования — ввиду необходимости лишь частичной замены машин и подключения их к интернету [McKinsey, 2015].

На основании анализа относительных преимуществ банковского и биржевого секторов можно предположить, что в финансировании развития «умных предприятий» будут участвовать как банки, так и финансовые рынки. Потребуется значительные средства на физическую замену машинного парка, на котором необходимо будет устанавливать программное обеспечение, что предопределяет привлечение банковского финансирования. Однако одновременно с ростом новизны используемых решений, и, следовательно, со все большими сложностями в их понимании и сопоставлении с базой других проектов, финансируемых банками, возрастают возможности для присвоения этими институтами ренты, а тем самым — риск роста затрат на финансирование, производимых заинтересованными предприятиями. Более того, в сфере, в которой технические решения, в том числе связанные с интеграцией, все более индивидуализируются, что создает проблемы с их возможным тиражированием, банки не будут склонны их финансировать, а предприятиям останется искать капитал на бирже.

Иначе говоря, чем больше можно будет говорить о стандартизации применяемых на предприятиях решений и чем выше будет вероятность их тиражирования, тем на большую

заинтересованность в их финансировании банками можно будет рассчитывать. Ввиду того, что эти условия в ходе строительства «умных предприятий» вряд ли будут соблюдаться, потребности во внешнем финансировании будут направляться в сторону финансовых рынков.

Важнейшими отличительными элементами четвертой промышленной революции являются, однако, не «умные предприятия» сами по себе, а соединение и взаимопроникновение технологий в технологической гонке, ведущее к накоплению технологических скачков, трансферту и абсорбции технологий между отдельными отраслями и стиранию границ между ними.

Уже сама природа технологических новшеств предрасполагает к их финансированию фондовые рынки. Чем более инновационным является проект, тем труднее оценить шансы на его успех. Финансовые рынки обеспечивают фирмам, экспериментирующим с новыми технологиями, более высокие шансы на получение финансирования — благодаря наличию гораздо большего числа инвесторов с разным образованием и разным опытом, которые могут с различных перспектив оценивать новые инвестиционные проекты. Каждый инвестор по отдельности субъективен и может иметь доступ лишь к ограниченной части доступной информации, каждый производит оценку индивидуально, и таким образом у фирмы появляется больше шансов на получение финансирования [Rajan & Zingales, 2003]. В то же время банки взаимодействуют друг с другом, стремясь найти консенсус в отношении данного начинания; поэтому шансы на получение банковского финансирования инноваций явно ниже [Rajan & Zingales, 2003], поскольку банки стремятся прийти к единой точке зрения вместо многих. Р. Раджан и Л. Зингалес [Rajan & Zingales, 2003] указывают, что в результате банковский сектор отвергает часть ценных инновационных проектов (то есть не обеспечивает их финансирования), так как это ему обходится гораздо дешевле, чем финансирование поражений, тогда как рыночная финансовая система склонна финанси-

ровать намного больше инновационных попыток, поскольку в случае наиболее рискованных (переломных) инноваций можно ожидать, что выгоды от успехов превзойдут потери, приносимые поражениями.

Таким образом, следует ожидать, что подобно тому, как и в отношении финансирования «умных предприятий», запросы о финансировании технологических инноваций на предприятиях будут направляться главным образом в биржевой сектор.

Консервативный (путем консенсуса) способ оценки экономических инициатив банками приводит к тому, что банковский сектор оставляет без финансирования все больше перспективных рыночных проектов [Rajan & Zingales, 2003]. В условиях четвертой промышленной революции, то есть в период резких перемен и возросшей неуверенности, таких проектов появляется все больше, но для возможности участия в технологической гонке, позволяющей добиваться прогресса, вновь требуется активное финансирование финансовыми рынками. Следовательно, развитие финансовых рынков становится условием успеха четвертой промышленной революции, тем более что, как показывают Р. Раджан и Л. Зингалес [Rajan & Zingales, 2003], во времена бурных изменений банки слишком долго задерживают ресурсы в низкопродуктивных проектах.

Внешнее финансирование, наряду с поддержанием технологического прогресса внутри отдельных предприятий, благоприятствует перемещению факторов производства из наименее в наиболее производительные фирмы внутри отрасли и перетоку факторов производства из наименее в наиболее производительные отрасли. Через посредство этих трех каналов внешнее финансирование поддерживает перемещение ресурсов в наиболее производительные проекты [Bartelsman & Doms, 2000]. Что касается перетока ресурсов в рамках отрасли, то внешнее финансирование влияет на процессы выхода новых фирм на рынок, развития на нем и выхода из него, а также на уровень инвестиций, в том числе затрат на НИОКР. Эти процессы повышают производитель-

ность на агрегированном уровне, так как новые фирмы, часто извне отрасли, вытесняют с рынка предприятия с прочными позициями и низкой производительностью [Aghion et al., 2007]. С позиций логики, в условиях четвертой промышленной революции непрямым дополнением перемещений ресурсов внутри отрасли должен быть переток ресурсов из менее в более производительные отрасли. Ключевым фактором, предопределяющим такой переток, является интенсивность вложений в НИОКР [Plyina & Samaniego, 2011]. Взаимопроникновение и слияние технологий, ведущее к трансферу и адаптации новых технологий в смежных отраслях, ведет к стиранию границ между ними. А это означает, что вхождение на рынок новых технологичных фирм будет происходить повсеместно; это, в свою очередь, приведет к нарушению прежнего порядка и правил игры в отраслях, к размыванию границ между ними, предопределяя беспрецедентные темпы и охват четвертой промышленной революции.

Как показали Р. Нгаи и К. Писсаридес [Ngai & Pissarides, 2007], структурные изменения в экономике вызываются межотраслевыми различиями в темпах роста производительности труда. В условиях четвертой промышленной революции эти изменения происходят через посредство процессов передачи технологии. Исследования [Plyina & Samaniego, 2011] показали, что эффективность этих процессов зависит от успешно функционирующих (развитых) финансовых рынков. Широкомасштабное перемещение ресурсов из наименее производительных отраслей в наиболее продуктивные является отличительным признаком и условием успеха четвертой промышленной революции, а эффективно функционирующие финансовые рынки обуславливают этот процесс.

С характером происходящих технологических изменений связана огромная популярность стартапов [Bray, 2017], дающих возможность легко выходить на новые рынки. Стартапы, в отличие от фирм с более долгой историей, со стабильными позициями и пользующихся выгодами, которые им дает эффект масштаба при введении новых технологий [McElheran,

2015], не обременены историей успеха предыдущих процессов и технологий [Brau, 2017] и высокими затратами на адаптацию [McElheran, 2015]. Стартапы, которым почти нечего терять, при вероятности крупного выигрыша более готовы пойти на риск. Эти качества делают их желанными партнерами для сотрудничества с крупными предприятиями при внедрении технологических инноваций. Финансированием стартапов традиционно занимаются специально для этого предназначенные фонды – посевного (англ. *seed capital*) и венчурного (*venture capital*) капитала, отдельные «бизнес-ангелы» и их группы. С 2016 г. все более популярной становится новая форма финансирования – так называемые токены, пока что ограниченная стартапами, развивающими технологию «блокчейн» либо ее программные приложения. Тем временем рынки акций остаются оптимальным путем выхода из инвестиций для учредителей стартапов и поставщиков стартового капитала. Рост значения стартапов в рамках четвертой промышленной революции означает, таким образом, повышение ее зависимости от развития финансовых рынков.

Дополнением к данной форме организации инновационных процессов является использование знаний и опыта многих групп, заинтересованных в модели открытых инноваций (англ. *open innovation*) [Chesbrough, 2006]. Следует заметить, что новые формы сотрудничества предприятия с окружением в сфере инновационных процессов изменяют профили риска экономических предприятий, а тем самым и оптимальные формы их финансирования. По-видимому, с этим следует связывать и растущую уже несколько лет популярность краудсорсинга, в том числе акционерного (англ. *equity crowdsourcing*).

Выводы для ВФБ

Четвертая промышленная революция ставит финансовые рынки, а тем самым биржевых операторов, желающих сохранить конкурентоспособность, перед лицом серьезных

вызовов. Природа этой революции, связанная с взаимопроникновением и слиянием технологий, с распространением технологической гонки на смежные отрасли, а также со стиранием границ между отраслями, ведет к тому, что возрастает значение финансирования через посредство финансовых рынков, что происходит за счет банковского сектора. Вызовы, встающие вследствие этого перед операторами бирж, носят характер как количественный, так и качественный. Удовлетворение потребностей экономики требует привлечения необходимого капитала с высокой толерантностью к рискам, что, в свою очередь, связано с обеспечением ему соответствующих условий в форме правовой защиты инвесторов, транспарентности компаний, качественного корпоративного управления, стабильности правовых норм, налогообложения, транзакционных издержек и т. п., и прежде всего доступа к привлекательным эмитентам и инструментам управления рисками.

Ввиду ключевого значения развития новых прорывных (*disruptive*) технологий особое внимание должно быть уделено финансированию этих технологий. Биржи традиционно служат выходу инвесторов из инвестиций в молодые технологические фирмы, а также лучше, чем банки, финансируют инновационные проекты уже более зрелых фирм. Всеобщность инноваций в условиях четвертой промышленной революции ставит финансовые рынки перед вызовами, не ограничивающимися гораздо более широкими масштабами выхода инвесторов из технологичных фирм через посредство биржи. Зависимость успеха этой революции от развития сегмента стартапов, а также уже наблюдающееся бурное развитие этого сегмента ставит их финансирование перед новыми вызовами. Исследования [Da Rin et al., 2006] показывают, что открытие в Европе новых рынков для малых компаний оказало существенное положительное влияние на развитие предприятий на ранних этапах, особенно в высокотехнологичных отраслях, а также на активность отрасли *venture capital*. Поэтому создание оптимальных условий для развития таких рынков должно стать приоритетной задачей для опера-

торов бирж, в том числе Варшавской. Определение критериев допуска к листингу и условий регистрации фирм на биржевых площадках представляет собой огромную проблему ввиду исключительно высокой информационной асимметрии между молодыми технологичными компаниями и внешними инвесторами.

Очередным вызовом, стоящим перед биржевыми операторами, является развитие всей экосистемы финансового рынка, обеспечение возможностей для развития всем партнерам и клиентам, а также готовность принять технологические и организационные нововведения. Это может касаться поддержки инкубаторов для технологических стартапов, обучения эмитентов и потенциальных эмитентов, а также иных участников «экосистемы», разработки или участия в разработке для них этических стандартов. Краудфандинговые платформы и платформы торговли криптовалютами становятся отдельными сегментами рынка ценных бумаг, однако динамичное развитие этих сегментов требует от биржевых операторов, чтобы они по крайней мере исследовали перспективы их дальнейшего развития и потенциальные угрозы для реализуемой биржами бизнес-модели, а возможно, также абсорбции их отдельных элементов. Ввиду той центральной роли, которую в четвертой промышленной революции играют новые формы организации инновационных процессов, развитие новых, гибридных форм финансирования представляется неизбежным, а лучшей стратегией в их отношении может быть их развертывание.

Четвертая промышленная революция будет носить глобальный характер, она прямо либо косвенно коснется всех стран, и даже тех, которые находятся далеко от мировой технологической границы. Польские предприятия, глубоко вовлеченные в глобальные цепочки поставок, особенно с немецкими партнерами, сильно ощутят требования нового времени. Остаться в стороне не сможет и Варшавская биржа: она будет вынуждена определить свою позицию и приоритеты в отношении происходящей трансформации. Должный

ответ на вызовы потребует в первую очередь их осознания, выработки соответствующей позиции, а также умения поддерживать связи и строить отношения со всеми заинтересованными сторонами.

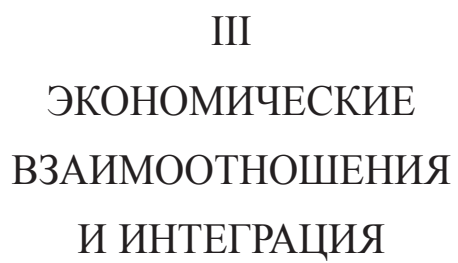
ЛИТЕРАТУРА

- Aghion, P., Fally, T., & Scarpetta, S. (2007). Credit constraints as a barrier to the entry and post-entry growth of firms. *Economic Policy*, 22 (52): 731–779.
- Allen, F. & Gale, D. (2001). *Comparative financial systems: a survey*. Technical Report April, Wharton School Center for Financial Institutions, University of Pennsylvania
- Bartelsman, E. J. & Doms, M. (2000). Understanding productivity: Lessons from longitudinal microdata. *Journal of Economic Literature*, 38 (3): 569–594.
- Beck, T. (2011). *The role of finance in economic development: Benefits, risks, and politics*, European Banking Center, Discussion Paper no. 2011-038.
- Beck, T., Levine, R., & Loayza, N. (2000). Finance and the sources of growth. *Journal of Financial Economics*, 58 (1-2): 261–300.
- Bencivenga, V. & Smith, B. D. (1991) Financial Intermediation and Endogenous Growth, *The Review of Economic Studies*, 58 (2): 195-209.
- Bloem, J., van Doorn, M., Duivesteyn, S., Excoffier, D., Maas, R., & van Ommeren, E. (2014) *The Fourth Industrial Revolution: Things to Tighten the Link Between IT and OT*. Sogeti VINT.
- Bray, D.A. (2017) *Three Meaningful Strategies for Managing Rapid Change*. 08 February 2017. <http://sloanreview.mit.edu/article/three-meaningful-strategies-for-managing-rapid-change/> Dostęp 20.09.2017.
- Brynjolfsson, E., & McAfee, A. (2014) *The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*, WW Norton & Company.
- Chesbrough, H. (2006) *Open Innovation: The New Imperative for Creating and Profiting from Technology*. Harvard Business Press.
- Christopoulos, D. & Tsionas, E. G. (2004). Financial development and economic growth: evidence from panel unit root and cointegration tests. *Journal of Development Economics*, 73(1): 55-74.
- Colombo, A.W., Karnouskos, S., Kaynak, O., Yin, S. (2017). Industrial Cyberphysical Systems: A Backbone of the Fourth Industrial Revolution. *IEEE Industrial Electronics Magazine*, 11(1):6-16.
- Demirgüç-Kunt, A, Feyen, E. & Levine, R (2011): The evolving importance of banks and securities markets, World Bank, *Policy Research Working Paper*, no 5805.

- Fisman, R. & Love, I. (2004). *Financial development and growth in the short and long run*. Technical Report January, National Bureau of Economic Research.
- Freixas, X. & Rochet, J.-C. (2008). *Microeconomics of Banking*, 2nd Ed., volume 1 MIT Press Books.
- Gambacorta, L., Yang, J., Tsatsaronis, K. (2014) Financial Structure and Growth. *BIS Quarterly Review*, March 2014, p. 21–35.
- Goldfarb, A., Greenstein, S.M., & Tucker, C.E. (2015) Introduction. In: Avi Goldfarb, Shane M. Greenstein, & Catherine E. Tucker (Eds.) *Economic Analysis of the Digital Economy*. University of Chicago Press.
- Ilyina, A.O. & Samaniego, R.M. (2011) Technology and financial development, *Journal of Money, Credit and Banking*, 43 (5): 899-921.
- Ilyina, A.O. & Samaniego, R.M. (2012). Structural Change and Financing Constraints. *Journal of Monetary Economics*, 59 (2): 166-179.
- Jayarathne, J., & Strahan, P.E. 1996, The finance-growth nexus: Evidence from bank branch deregulation. *Quarterly Journal of Economics*, 111: 639–670.
- King, R.G. & Levine, R. (1993). Finance and Growth : Schumpeter Might be Right. *Quarterly Journal of Economics*, 108 (3): 717-737.
- Levine R. (1997), Financial Development and Economic Growth: Views and Agenda, *Journal of Economic Literature*, 35 (2): 688-726.
- Levine R. (2005) Finance and growth: Theory and evidence, in Philippe Aghion & Steven N. Durlauf, eds., *Handbook of Economic Growth 1A*, North-Holland Elsevier, Amsterdam. pp. 865-934.
- Levine, R. & Zervos, S. (1998). Stock markets, banks, and economic growth. *American Economic Review*, 88(3): 537-558.
- Lucas, R. E. J. (1988). On the mechanics of economic development. *Journal of Monetary Economics*, 22 (February): 3-42.
- McElheran, K. (2015) Do Market Leaders Lead in Business Process Innovation? The Case(s) of E-business Adoption. *Management Science*, 61 (6): 1197-1216.
- McKinsey (2015) *Industry 4.0: How to navigate digitization of the manufacturing system*. McKinsey & Company.
- Moavenzadeh, J. (2015) *The 4th Industrial Revolution: Reshaping the Future of Production*. Presentation during the DHL Global Engineering & Manufacturing Summit, 7 October 2015, Amsterdam.
- Ngai, Rachel and Christopher Pissarides, (2007), Structural Change in a Multisector Model of Growth, *American Economic Review*, Vol. 97 No. 1, pp. 429–443.

- Rajan, R.G., & Zingales, Luigi (1998), Financial dependence and growth, *The American Economic Review* 88, 559-586.
- Rajan, Raghuram G. & Zingales, L. (2003) *Banks and Markets: The Changing Character of European Finance*, 2nd ECB Central Banking Conference.
- Rifkin, J. (2011) *The third industrial revolution: how Lateran Power is transforming energy, the economy, and the world*. Macmillan.
- Schumpeter, J. (1981 [1911]) *The Theory of Economic Development*. Transaction Publisher.
- Schwab, K. (2016) *The Fourth Industrial Revolution*, World Economic Forum
- Smith, R., & Free, M. (2016) *The Great Disruption: Competing and Surviving in the Second Wave of the Industrial Revolution*, St. Martin's/Dunne.
- Wonglimpiyarat, J. (2015) *Technology Financing and Commercialization: Exploring the Challenges and How Nations Can Build Innovative Capacity*. Palgrave Macmillan: London
- Zingales, L. (2015) *Does Finance benefit Society?*, 2015 AFA Presidential Address.
-

III
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
И ИНТЕГРАЦИЯ

А. Чижевский, С. Стемпень
СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЛЬСКОМ
СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ В СВЕТЕ УСЛОВИЙ
ЕДИНОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА¹

Введение

В мае 2004 года Польша была включена в структуры поддержки единой аграрной политики (ЕАП) Евросоюза: изменились ранее действовавшие механизмы на продовольственном рынке, а в сельскохозяйственный сектор экономики и в сельские территории был направлен поток средств из фондов ЕС. В общей сложности в 2004–2013 гг.² в рамках ЕАП бенефициарам этой политики было выплачено около 210 млрд злотых. Значительная часть этих средств – почти 50% всей поддержки – пошла на прямые субсидии (I ключевой элемент ЕАП). Эти субсидии в значительной степени повышали доходы сельских хозяйств и в большинстве своем служили целям натурального производства (закупке удобрений, кормов, средств защиты растений, семян и т. п.). Тем временем проинвестиционные цели реализовывались за счет

Чижевский Анджей – доктор, проф., Экономический университет в Познани; *Стемпень Себастьян* – доктор, Экономический университет в Познани.

1. Статья подготовлена на основании доклада авторов к 25-летию Фонда программ помощи сельскому хозяйству (FAPA) (ноябрь–декабрь 2017).
2. Часть этих средств выплачивалась на основании долгосрочных соглашений в течение двух последующих лет.

средств Программы развития сельских районов (ПРСР – II ключевой элемент ЕАП) на 2004–2006 и 2007–2013 годы. За счет этих средств финансировались также другие мероприятия, например субсидии для территорий с природными трудностями (ONW), программы агроэкологической среды, развитие несельскохозяйственной хозяйственной деятельности или инфраструктуры на селе. На вышеуказанные программы за период 2004–2013 гг. было затрачено 65 млрд злотых, что составляло более 30% всей поддержки ЕАП (в том числе ПРСР в 2004–2006 гг. – 5,2%; а в 2007–2013 гг. – 25,9%). Остальные 20% фондов приходилось на рыночное вмешательство, секторную оперативную программу, совместную организацию рынка фруктов и овощей, рыболовную политику [Łukowski, 2015].

II ключевой элемент ЕАП является, несомненно, важной составной частью поддержки польских сельскохозяйственных территорий. Его значение вытекает из необходимости улучшения аграрной структуры сельского хозяйства в Польше, повышения конкурентоспособности сельскохозяйственных производителей, преобразования структуры занятости, удовлетворения потребностей в области развития инфраструктуры, и, наконец, реализации задач, связанных с охраной природной среды. Тем самым объем фондов в ПРСР, равно как и конструкция целей и способов их достижения, имеет ключевое значение для функционирования сельского хозяйства и всего села в длительной перспективе. Целью настоящей статьи является попытка оценить Программу развития сельских районов с точки зрения воздействия на аграрно-продовольственный сектор в Польше. Во введении в анализ рассмотрены структурные изменения в польском сельском хозяйстве в условиях интеграции в ЕС. Затем представлены выводы, касающиеся действия и результатов ПРСР в период 2004–2006 и 2007–2013 гг. Рассуждения завершаются оценкой программы поддержки сельских районов в нынешней финансовой перспективе. Эта оценка будет произведена с двух точек зрения: бюджетных возможностей и планируемых действий.

Структурные изменения польского сельского хозяйства в условиях интеграции с Европейским союзом

Интеграция с Европейским союзом явилась для аграрного сектора вызовом и в то же время дала шанс на более динамичное развитие. Вызовы состояли в присоединении к Единому европейскому рынку и в необходимости конкуренции со странами Западной Европы (хотя, как потом оказалось, это был импульс к развитию экспорта польских продуктов питания), а также в приведении польского законодательства в соответствие с нормами ЕС в сфере стандартов качества, здравоохранения и охраны среды. Что касается шансов, то, несомненно, важнейшим из них стала возможность пользоваться фондами ЕС, в том числе главным образом фондами ЕАП. Последняя особенно активно воздействует на процессы преобразований в аграрном секторе, поскольку является единственной экономической политикой, которая в полной мере отвечает характеру содружества, опирается на единое регулирование в рамках ЕС и финансируется за счет бюджета ЕС [Sadowski, Baer-Nawrocka, Poczta, 2013, s. 7). В рамках ЕАП функционирует много инструментов поддержки — как в форме непосредственного воздействия на величину доходов (таких как, например, прямые субсидии в I ключевом элементе), так и носящих опосредованный характер и требующих софинансирования со стороны сельскохозяйственных производителей (например, инвестиционные программы во II ключевом элементе). Можно сказать, что уже лишь сам факт поддержки способствует процессам концентрации в сельском хозяйстве (как земли, так и производства), что является результатом упоминавшегося конкурентного давления в объединенной Европе, а также необходимости приспособления к стандартам ЕС. Кроме того, в результате финансирования создания рабочих мест вне сельского хозяйства увеличивается возможности найти работу у лиц, которые не хотят более оставаться в сельском хозяйстве. В определенных условиях часть инструментов поддержки может, однако, содействовать упрочению

существующих аграрных структур. Так может произойти в случае прямых доплат малым сельским хозяйствам, для которых они представляют относительно легко получаемый элемент их доходов. Другим примером могут быть модернизационные программы с установленным верхним лимитом поддержки, которые способны приводить к искусственному разделению хозяйств для получения фондов [Czubak, Sadowski, 2011, s. 138–155]. Тем не менее структурные преобразования польского сельского хозяйства являются фактом, о чем свидетельствуют приведенные ниже данные.

Одним из проявлений процессов концентрации в аграрном секторе является сокращение числа хозяйств при росте их средней величины. Если до интеграции с ЕС их число составляло почти 3 млн (2933 тыс. в 2002 г.), то 13 лет спустя (2015 г.) оно упало до 1,4 млн (снижение на 52%). При этом средняя площадь хозяйства увеличилась с 5,8 га до 10,3 га (рост на 78%). Эти изменения были вызваны прежде всего уменьшением численности хозяйств в группе с площадью до 4,99 га (так же, как и групп от 5,0 до 9,99 и от 10,0 до 19,99 га), тогда как численно возросла группа более крупных хозяйств (табл. 1). Рост средней величины хозяйств был бы еще значительнее, если бы в 2002–2016 гг. из сельскохозяйственного использования не было исключено более 2,3 млн га земли, и в настоящее время общая площадь сельскохозяйственных угодий составляет около 14,5 млн га (GUS, 2017; GUS, 2011). Можно предположить, что эти исключения затронули прежде всего самые мелкие по площади хозяйства, так как данные показывают, что за те же самые годы доля хозяйств площадью 0–5 га в общей площади сельхозугодий упала с 16 до менее 13%, тогда как доля группы с площадью свыше 50 га возросла с 24 до 31%. Несмотря на эти благоприятные изменения, потребность в дальнейших преобразованиях сохраняется, так как по сравнению с другими странами ЕС (главным образом ЕС-15) со сходной ассортиментной структурой производства Польша выглядит менее благоприятно [Sadowski, Baer-Nawrocka, Poczta, 2013, s. 18–20; GUS, 2017].

Таблица 1. Динамика структуры сельских хозяйств в Польше в 2002–2015 гг.

Группа площади	2015		2002		Изменение численности хозяйств: 2015 г. в % к 2002 г.
	Число хозяйств (тыс.)	Доля численности хозяйств группы в общей численности хозяйств (%)	Число хозяйств (тыс.)	Доля численности хозяйств группы в общей численности хозяйств (%)	
0–4,99 га	735	52,1	2 124	72,4	–65,4
5–9,99 га	323	22,9	427	14,6	–24,4
10–19,99 га	217	15,4	266	9,1	–18,4
20–49,99 га	102	7,3	96	3,3	6,3
50–99,99 га	22	1,6	17	0,6	29,4
100 га и более	11	0,8	3	0,1	266,7
Итого	1410	100	2 933	100	–51,9

Источник: рассчитано авторами на основе [Rocznik..., 2016; GUS, 2011].

Таблица 2. Изменение поголовья животных и площади посевов в польских сельских хозяйствах

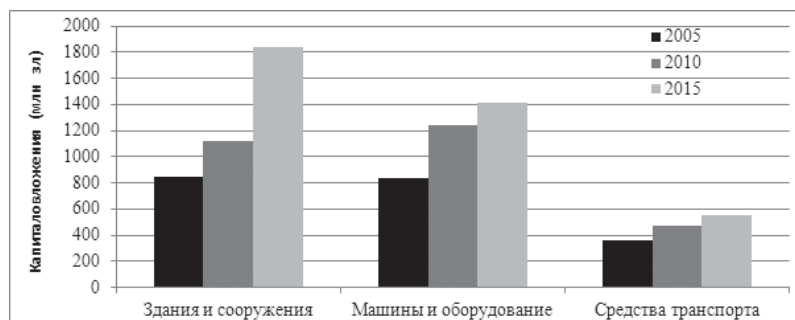
	2005	2007	2010	2013	Прирост за 2005–2013 гг., %
	Среднее поголовье животных в хозяйстве				
Свиньи	25,3	27,9	39,2	40,6	60,8
Домашняя птица	114,8	123,3	256,0	259,3	126,0
Крупный рогатый скот	7,0	8,2	11,2	13,9	98,3
Средняя площадь посевов в хозяйстве (га)					
Зерновые культуры	4,9	5,0	6,4	6,7	36,1
Кукуруза	4,2	4,0	6,2	6,6	57,0
Сахарная свекла	3,5	3,7	4,1	4,7	33,3
Рапс	10,1	10,2	11,2	10,4	3,2

Источник: составлено авторами на основании данных Eurostat. ec.europa.eu/eurostat/data/database.

Результатом изменения численности и средней площади сельских хозяйств явился рост концентрации производства как в животноводстве, так и в растениеводстве (табл. 2). В целом за 2005–2015 гг. стоимость валовой продукции животноводства увеличилась на 22% (в ценах 2005 г.), а растениеводства — на 30%. Более высокие результаты, достигнутые в растениевод-

стве, могут быть следствием направления больших средств поддержки (в том числе добавочных прямых субсидий) в эту отрасль по сравнению с животноводством. Поэтому в перспективе 2014–2020 гг. помощь в более значительной степени будет направляться животноводам. Что касается изменений структуры производства, то в 2005–2015 гг. в животноводстве возросла доля домашней птицы (с 31 до 46% общего производства на убой), снизилось производство в свиноводстве (с 54 до 38%), а доля производства крупного рогатого скота осталась на низком уровне, хотя за последние десять с лишним лет был отмечен его незначительный рост (с 14 до 15%). Что же касается растениеводства, то отмечалось снижение посевных площадей под зерновыми культурами (с 74 до 70% общих посевов) и картофеля (с 2,5 до 1,7%), тогда как возросли площади посевов кукурузы (с 6 до 11%) и рапса (с 5 до 9%) [Rocznik..., 2016].

Представленные выше структурные изменения вкупе с ростом поддержки в рамках единой аграрной политики привели к улучшению экономических результатов сельских хозяйств в Польше. Среднегодовой объем валовой продукции в 2004–2014 гг. (в ценах 2005 г.) составил 72,0 млрд злотых и был на 27% выше, чем в 1999–2003 гг., то есть до вступления Польши в ЕС. Несмотря на рост реальных издержек производства в сельском хозяйстве (на 18% против 5%-ного роста цен сельскохозяйственной продукции), средний уровень дохода хозяйства в 2004–2014 гг. был почти на 156% выше, чем за период, предшествующий вступлению. Ключевым фактором стали дотации ЕС для сельского хозяйства, которые со среднего уровня в 9,3% дохода в 1999–2003 гг. возросли за период после 2004 г. почти до 50%. Одновременно поддержка в рамках II ключевого элемента ЕАП повысила динамику капиталовложений, которые возросли с 2,2 млрд злотых в 2002 г. до 5,2 млрд злотых в 2014 г. Больше всего было затрачено на здания и сооружения, далее следовали машины и оборудование и средства транспорта (см. рисунок). Благодаря произведенным капиталовложениям улучшилось соотношение капитальных затрат в расчете на единицу затрат

Источник: расчеты авторов по: [Rocznik, 2016; GUS, 2016].

Рисунок. Капиталовложения в польских сельских хозяйствах (млн злотых; в постоянных ценах 2005 г.)

труда и земли. В среднем за 2002–2004 гг. первый показатель формировался в пределах 18,5 тыс. злотых на AWU³, а второй – на уровне 2,6 тыс. злотых/га сельхозугодий, тогда как в 2014 г. их значения достигли соответственно 23,9 тыс. злотых/AWU и 3,2 тыс. злотых/га сельхозугодий. Рост технической вооруженности труда позволил, кроме того, снизить за этот же период совокупные затраты труда – с 2280 тыс. AWU до 1937 тыс. AWU [Bear-Nawrocka, Poczta, 2016, s. 85, 98].

Опыт функционирования Программы развития сельских районов

Оценка воздействия ПРСР на структурные преобразования в польском сельском хозяйстве требует ознакомления с целями проводимых мероприятий и средствами, выделяемыми на их реализацию. Так, в 2004–2006 гг. в рамках ПРСР почти 926 тыс. бенефициаров получили в общей сложности 14,2 млрд злотых. Среди этих выплат наибольшей была доля мероприятий по следующим направлениям: «Ведение хозяйства на территориях с неблагоприятными условиями»

3. AWU – Annual Work Unit, пересчетная единица годового времени работы. В сельском хозяйстве Польши 1 AWU равнозначен затрате 2120 часов труда в год.

(26,3%), «Дополнительные погектарные субсидии» (18,9%) и «Приведение сельских хозяйств в соответствие со стандартами ЕС» (17,6%). Два первых направления были ориентированы на повышение доходов и вместе с прямыми субсидиями стимулировали рост доходов хозяйств. Третье направление носило инвестиционный характер и частично включало затраты на защиту окружающей среды (организация хранения органических удобрений, то есть производство навозных брикетов). Вместе взятые, эти три направления стимулировали хозяйства к увеличению площади земельных угодий (благодаря поддержке ведения хозяйства на территориях с неблагоприятными условиям почти на 90% уменьшилась также площадь залежных земель), масштабов производства и модернизации производственного аппарата. В свою очередь, программа «Структурные ренты» (14,9% бюджета ПРСР) была ориентирована на стимулирование передачи хозяйств лицами, прекращающими сельскохозяйственную деятельность по возрасту, более молодым земледельцам, и, как таковая, должна была способствовать укрупнению хозяйств. Фактически реализация этой программы привела к передаче 513 тыс. га сельхозугодий в руки более чем 54 тыс. земледельцев (главным образом в возрасте менее 40 лет), благодаря чему лица, принимающие хозяйства, увеличили их: после передачи среди принимающих хозяйств доля малоземельных (с площадью менее 5 га) уменьшилась с 72 до 20%, а хозяйств с площадью более 15 га – возросла с 12 до более чем 32%. С другой стороны, можно заметить некоторую неувязанность положений ПРСР на 2004–2006 гг., так как в рамках направления «Поддержка низкотоварных хозяйств» помощь предлагалась, помимо прочего, также мелким хозяйствам (9,5% бюджета), что могло повлиять на закрепление неблагоприятной аграрной структуры⁴. Этот вывод можно

---

4. 5,8% остальных средств пошло на «Поддержку мероприятий по улучшению сельскохозяйственной среды и состояния животных», 3,3% – на проекты программы финансовой поддержки SAPARD, 2,8% – на «Лесопосадки на сельскохозяйственных землях», 0,8% – на «Техническую помощь», 0,2% – на «Группы сельскохозяйственных производителей».

сделать хотя бы из данных, согласно которым подавляющее большинство (99,68%) земледельцев, пользующихся программой, выбрало пакет поддержки продолжения ведения сельскохозяйственной деятельности (главным образом предусматривающий закупку сельскохозяйственных машин либо животных), причем это были чаще всего малые хозяйства площадью 5–10 га сельхозугодий, и только 0,32% декларировало желание переключиться на несельскохозяйственную деятельность [Клераска, 2009].

Бюджет ПРСР на 2007–2013 гг. был существенно выше, чем на предыдущий период, и составил 74,3 млрд злотых, то есть по 10,61 млрд злотых в среднем в год (среднегодовой бюджет ПРСР в 2004–2006 гг. составлял 4,73 млрд злотых). Эта сумма была выплачена более чем 1184 тысячам бенефициаров в рамках четырех направлений: «Повышение конкурентоспособности сельскохозяйственного и лесного секторов», «Улучшение природной среды и сельскохозяйственных территорий», «Качество жизни на селе и дифференциация сельского хозяйства», а также «LEADER» (1,1 млрд злотых было предназначено, помимо того, на техническую помощь) [Zbiornicze sprawozdanie..., 2015]. Из числа перечисленных направлений наибольшие платежи были произведены по первому из них, что свидетельствует об ориентации Программы прежде всего на развитие сельских хозяйств.

При подразделении на отдельные виды деятельности объемами поддержки выделялись два из них (оба по 10,2 млрд злотых) – это «Модернизация сельских хозяйств» и «Структурные ренты». В первом случае помощь получило почти 58 тыс. хозяйств, а принимая во внимание среднюю величину платежа – более 106 тыс. злотых, – можно констатировать, что принятые меры в значительной степени повысили уровень оснащения сельскохозяйственных производителей⁵. Если к этому добавить такие направления, как «Повышение стоимо-

---

5. Достаточно сказать, что за счет этих средств было модернизировано либо построено почти 3 тыс. хозяйственных строений, приобретено 34 тыс. тракторов и 220 тыс. машин и установок.

сти условно-чистой продукции сельского и лесного хозяйства» (3,5 млрд злотых), а также «Улучшение и развитие инфраструктуры, связанное с развитием и адаптацией сельского и лесного хозяйства» (2,2 млрд злотых), то можно оценить ПРСР 2007–2013 гг. как программу, служащую повышению конкурентоспособности сельскохозяйственного сектора путем повышения эффективности хозяйствования (табл. 3).

Таблица 3. Бюджеты ПРСР на 2004–2006 гг. и на 2007–2013 гг. с подразделением на важнейшие мероприятия по поддержке сельскохозяйственного сектора (в текущих ценах)

Бюджет ПРСР на 2004–2006 гг.			Бюджет ПРСР на 2007–2013 гг.		
	млн злотых	доля отдельных мероприятий в бюджете Программы, (%)		млн злотых	доля отдельных мероприятий в бюджете Программы, (%)
Бюджет, всего	14212,5	100	Бюджет, всего	74288,9	100
Поддержка хозяйств в горной местности и других территориях с неблагоприятными условиями хозяйствования (ONW)	3737,9	26,3	Поддержка хозяйств в горной местности и других территориях с неблагоприятными условиями хозяйствования	10891,2	14,7
Дополнительные погектарные субсидии	2686,2	18,9	Модернизация хозяйств	10219,1	13,8
Приведение хозяйств в соответствие со стандартами ЕС	2501,4	17,6	Структурные ренты	10207,3	13,7
Структурные ренты	2117,7	14,9	Ренты на поддержание сельскохозяйственной среды	9573,0	12,9
Низкотоварные хозяйства	1350,2	9,5	Повышение добавленной стоимости	3510,6	4,7
Ренты на поддержание удовлетворительного состояния сельскохозяйственной среды и животных	824,3	5,8	Низкотоварные хозяйства	2130,2	2,9
Бенефициары всего (тыс.)	925,95		Бенефициары всего (тыс.)	1184,14	

Источник: расчеты авторов по: [Zbiornik sprawozdanie..., 2015; Klepacka, 2009].

В свою очередь, направление «Структурные ренты» касалось прежде всего обязательств за 2004–2006 гг., а новыми договорами было охвачено около 17% общего бюджета на эту цель. Тем самым ранее полученные результаты реализации программы, то есть изменение аграрной структуры путем передачи земель более молодым владельцам, были постепенно сведены на нет. Была прекращена также «Поддержка низкотоварных хозяйств», а выплаченные на эти цели в рамках ПРСР в 2007–2013 гг. средства (2,1 млрд злотых) были связаны с выполнением обязательств предыдущей Программы. В то же время были, однако, выделены новые разделы программы, направленные на «Дифференциацию с целью стимулирования несельскохозяйственной деятельности», а также на «Создание и развитие микропредприятий» (общий бюджет около 4 млрд злотых), которые, по мнению авторов, стали более эффективным инструментом поддержки малых сельских хозяйств и которые не закрепляли архаичной структуры крестьянских хозяйств. С другой стороны, как указывает И. Нужињска [Nurzyńska, 2016, s. 120–124], эти меры позволили создать свыше 26 тыс. рабочих мест, а более 15 тыс. сельских хозяйств дифференцировало свои источники дохода, что, по ее мнению, явно недостаточно, учитывая проблему существования в польской деревне излишней рабочей силы.

В ПРСР на период 2007–2013 гг. не было недостатка в мерах, стимулирующих повышение доходов. К таковым, как и в предшествующем программном периоде, относилась «Поддержка хозяйств в горной местности и других территориях с неблагоприятными условиями хозяйствования» (ONW), которая занимала ведущее место в совокупном бюджете Программы (10,9 млрд злотых). Если меры по модернизации непосредственно способствовали повышению уровня финансовой обеспеченности хозяйств, то ONW создавала условия для инвестирования путем повышения финансовой ликвидности (обеспечивая постоянный, не зависящий от колебаний конъюнктуры доход, подобно тому, как это про-

исходит при применении прямых субсидий), а кроме того, она затронула значительно более широкий круг хозяйств (более 925 тыс.).

Оценка ПРСР на 2014–2020 годы

Реформирование ЕАП в 2014–2020 гг. было связано со столкновениями различных интересов стран – участниц переговоров. Часть стран (например, Германия и Франция) стремилась продолжить использование существующих механизмов поддержки с небольшими изменениями в области субсидий (главным образом в направлении их постепенного, хотя и не полного, выравнивания), повышением роли II ключевого элемента ЕАП и большей ориентацией на охрану природной среды. Другие страны (часть новых членов ЕС, в том числе Польша) высказывались за полную конвергенцию мер, привязанных к площади хозяйств, которые рассматриваются как важнейший источник поддержки сельского хозяйства, тогда как инструменты развития сельских территорий должны использоваться в той же мере, что и в предшествующей Программе. Наконец, наиболее радикальная позиция (например английская, голландская и шведская) состояла в ограничении роли прямой поддержки (вплоть до ее полной отмены) в пользу программ, направленных на охрану среды и противодействие изменениям климата при одновременном переносе финансирования части задач из бюджета ЕС на бюджеты отдельных стран [Assessment..., 2011]. Кроме того, все страны согласились с необходимостью интенсификации деятельности по укреплению позиций земледельцев в продовольственной цепочке и в сфере управления рисками. В конечном итоге были приняты решения, которые соединяют элементы различных сторон, и прежде всего отвергают идею «ренициализации» ЕАП. Последнюю едва ли одобрили бы более бедные страны – члены ЕС – причем не только потому, что они являются нетто бенефициарами финансовых потоков, связанных с ЕАП, но также ввиду угрозы дифференциации уровня

поддержки аграрного сектора в рамках единого рынка и тем самым разрушения условий конкуренции [Czyżewski, Stępień, 2009, s. 451–452]. В связи с этим аграрная политика ЕС осталась совместной политикой сообщества, хотя ее бюджет и был значительно ограничен. Сокращения коснулись также польской стороны, прежде всего в части фондов на развитие сельских территорий.

Сумма денежных средств, полученных из бюджета ЕС, является одним из критериев эффективности реализации задач ПРСР, и поэтому стоит ознакомиться с конкретными цифрами. Так, результатом решений, принятых в феврале 2013 г. руководителями стран ЕС, стало предоставление Польше финансовой поддержки в размере 106 млрд евро (в ценах 2011 г.)⁶, то есть на 4 млрд больше, чем на период 2007–2013 гг. Из них 72,9 млрд евро – это средства, предоставленные стране по линии политики сплочения, чуть более 18,7 млрд евро было выделено на прямые субсидии, а 9,8 млрд. евро предназначалось на развитие сельских территорий. Таким образом, в общей сложности в рамках единой аграрной политики на 2014–2020 гг. Польша получила около 28,5 млрд злотых (в фиксированных ценах) [ARiMR DKS, 2013]. По сравнению с предшествующим финансовым периодом это означает рост на 1,6 млрд евро, тогда как бюджет ЕАП для всего ЕС уменьшился более чем на 11%, в том числе на финансирование I ключевого элемента (прямые субсидии и развитие рынка) – на 17,5%. Следует ли считать этот результат успехом польской стороны на переговорах? Ответ на этот вопрос требует статистического подтверждения. Так, увеличение финансирования для Польши связано с ростом финансирования прямых платежей. В 2007–2013 гг. мы получили на эти цели 13,7 млрд евро, тогда как в новом бюджете – 18,74 млрд евро (рост на 37%). Нельзя все же не учитывать того факта, что в предшествующий финансовый период

---

6. Из-за инфляции более информативно сравнивать объемы выделений средств за два финансовых периода в постоянных ценах.

сумма, предназначенная на прямые платежи, была ниже из-за перехода на полные доплаты (т. н. период *phasing-in*). Напомним, что в соответствии с компромиссом, согласованным еще на встрече в верхах в Афинах (2003 г.), в первый год после вступления новым странам – членам ЕС из бюджета ЕС предоставлялось только 25% установленной ставки платежа, а в последующие годы этот процент повышался на определенную величину. В 2007 г. (первый год предыдущего финансового периода) уровень финансирования платежей из бюджета ЕС составил 40%, а 100% новые страны-члены достигли лишь в 2013 г. [Czyżewski, Stępień, 2014, s. 34–45]. Таким образом, основой для исчисления суммы финансирования по упомянутому направлению на 2014–2020 гг. должен был стать 2013 г.⁷

Что касается II ключевого элемента ЕАП, то объем средств ЕС, выделяемых на развитие сельских территорий в Польше, сокращается более чем на 25% – с 13,4 млрд евро в 2007–2013 гг. до менее чем 9,8 млрд евро в текущем плановом периоде (хотя в первом варианте бюджета Европейской комиссии в 2011 г. было записано 13,5 млрд евро). В то же время на программы развития сельскохозяйственной среды страна обязана зарезервировать минимум 30% средств II ключевого элемента; обязательства по договорам, подписанным в 2007–2013 гг., составляют 1,36 млрд евро, резерв на достижение цели «Инвестиции для обеспечения экономического роста и занятости» – 0,7 млрд евро (то есть 7% Европейского фонда сельскохозяйственного развития сельских территорий) и средства по программе LEADER – 0,5 млрд евро (5% ПРСР). Дополнительно с целью увеличения прямых субсидий производится перемещение части выделенных сумм из II ключевого элемента в I-й (25%). Тем самым возможности для

---

7. Для Польши эта сумма составляла бы тогда 3045 млн евро в год, что в расчете на семь лет дает в общей сложности 21315 млн евро (впрочем, в первоначальном предложении Европейской комиссии в 2011 г. была зафиксирована цифра в 21,7 млрд евро). Таким образом, итоговая сумма в размере 18,7 млрд евро оказалась ниже, чем это следовало бы из принципа сохранения поддержки на уровне 2013 г., что было связано с урезанием бюджета в процессе переговоров.

перераспределения средств в рамках Программы развития сельских территорий сильно ограничиваются.

Таблица 4. Бюджет ПРСР в 2007–2013 гг. и на 2014–2020 гг. (в текущих ценах)

2007–2013 гг.	2014–2020 гг.
Бюджет ЕС = 13,4 млрд евро Вклад страны = 4 млрд евро	Бюджет ЕС: 10,9 млрд евро Перемещение 25% в I ключевой элемент: –2,3 млрд евро Остается: 8,6 млрд евро Дополнительное национальное финансирование: 4,9 млрд евро
Итого: 17,4 млрд евро	Итого: 13,5 млрд евро

Источник: расчеты авторов по: [Ministerstwo..., 2017].

Даже после дополнения за счет средств из бюджета страны объем бюджета ПРСР составляет примерно на 5 млрд евро меньше, чем в 2007–2013 гг. (в постоянных ценах; в текущих ценах эта разница составляет немногим менее 4 млрд евро; см. таблицу 4). Стоит при этом заметить, что при сокращении средств на ЕАП в общем бюджете ЕС издержки на II ключевой элемент в новой финансовый период возрастают; это обусловлено тем фактом, что аграрная политика ЕС активнее занялась вопросами, связанными с модернизацией сельскохозяйственного сектора, развитием предпринимательства на селе и охраной природной среды. В Польше направление поддержки на прямые доплаты (в частности, путем трансферта средств из II в I ключевой элемент) позволяет полагать, что приоритетом является увеличение трансфертов хозяйствам (а значит, и их доходов) за счет использования системы потектарных субсидий, а вопросы развития села в широком смысле слова являются второстепенными.

Тем не менее ограниченный бюджет ПРСР должен дополнительно финансироваться из средств политики сплочения на сумму в 5,2 млрд евро. Возникает вопрос, компенсируют ли эти дополнительные средства дефицит финансирования из-за снижения выделения средств ЕС, а также их частичного перевода из II в I ключевой элемент. Точкой

отсчета должно быть распределение структурных фондов между городскими и сельскими территориями в предыдущие бюджетные периоды [Czyżewski, Stępień, 2015a]. Так, в период 2004–2006 гг. (то есть в неполный бюджетный период) около 10% финансовых средств структурных фондов и единой аграрной политики (1,3 млрд евро) предназначалось на финансирование проектов, связанных с развитием сельских территорий. В 2007–2013 гг. их доля возросла до 15% (то есть почти до 13 млрд евро). Кроме того, около 60% средств предназначалось на проекты, охватывающие как сельские, так и городские территории. Между тем исходная сумма в 5,2 млрд евро – лишь немногим больше 6% совокупного бюджета политики сплочения [FUNDEKO, 2011; Stec, 2011, s. 174–183]. Трудно в таком случае говорить об увеличении поддержки сельских территорий как в относительном, так и в абсолютном выражении.

Что касается деятельности, планируемой на 2014–2020 гг., то ее приоритетами (на уровне ЕС) должны быть следующие направления:

- ускоренный трансферт знаний и инновационность;
- рост конкурентоспособности и рентабельности хозяйств;
- четкое функционирование продовольственной цепочки и управление рисками;
- обновление, поддержка и охрана экосистем;
- эффективное использование ресурсов, переход к низкоэмиссионной экономике, устойчивой к климатическим изменениям;
- борьба с бедностью и социальной изоляцией, экономическое развитие сельских территорий [Stan prас..., 2013].

Одновременно сохраняется формула долгосрочных программ, софинансируемых за счет национальных средств, при более широких возможностях отдельных регионов в выборе приоритетов [The CAP Reform..., 2011]. Местные власти в большей, чем в настоящее время, степени будут принимать реше-

ния о распределении средств. Программа развития сельских территорий в Польше должна на практике стать продолжением ныне осуществляемых мероприятий (их перечень представлен в табл. 5). Следует отметить, что в рамках 4-го приоритета – «Поддержка экосистем» – предусматриваемые действия должны будут выходить за пределы стандартов «озеленения»⁸ в рамках I ключевого элемента, с тем чтобы избежать ситуации, когда крестьянин за одну и ту же деятельность получал бы одновременно «зеленые» субсидии и поддержку в рамках II ключевого элемента [Czyżewski, Stępień, 2015b].

Таблица 5. Перечень мероприятий ПРСР на 2014–2020 гг.

Приоритет	Действия
Трансферт знаний	Презентация демонстрационных хозяйств, консультации и финансирование подготовки профессиональных консультантов, сотрудничество субъектов, внедряющих прогрессивные методы хозяйствования
Рост конкурентоспособности	Модернизация и реструктуризация хозяйств, премирование молодых крестьян
Продовольственная цепочка и управление рисками	Дотации для групп, внедряющих системы качества, поддержка переработки продукции, создание объединений сельскохозяйственных производителей, поддержка базовых услуг и восстановления сельскохозяйственного потенциала
Поддержка экосистем	Поддержка программ агроэкологической среды, поддержка экологических хозяйств, хозяйств на территориях категории «Природа 2000» и с неблагоприятными условиями хозяйствования
Управление ресурсами	Облесение
Борьба с бедностью и социальной изоляцией	Премии за переход к несельскохозяйственной деятельности, поддержка развития предпринимательства, строительство местных дорог, программа «Лидер»

Источник: составлено авторами на основе: [Ministerstwo..., 2013].

Бюджет польского ПРСР на 2014–2020 гг. был сориентирован на модернизацию сельского хозяйства и рост его конкурентоспособности [Kiryłuk-Dryjska, 2014, s. 61–73]. Об этом свидетельствует хотя бы увеличение расходов (как

8. Прямые субсидии по категории «Озеленение» относятся к той части общих выплат (30%), которая зависит от исполнения земледельцем следующих требований: диверсификация возделываемых культур, сохранение природных лугопастбищных угодий и выведение части земель на т. н. проэкологические участки. Однако эти требования не затрагивают самых мелких хозяйств.

в номинальном, так и в реальном выражении) на инвестиции в основные фонды, а также функционирование объединений сельскохозяйственных производителей и программы «Молодой фермер» (здесь рост был лишь номинальным). Такая деятельность, несомненно, будет способствовать модернизации сельскохозяйственного сектора. В общей сложности на повышение конкурентоспособности сельского хозяйства во II ключевом элементе предназначено более 4,3 млрд евро. Немногом меньше – 4,2 млрд евро – должно пойти на программу поддержания агроэкологической среды и климата (как бы по необходимости), что вытекает из общепринятого принципа использования по крайней мере 30% средств II ключевого элемента на эту цель. Однако более половины этой суммы (2,3 млрд евро) составляют выплаты для территорий со сложными природными условиями (ONW). Эти выплаты *de facto* являются дополнением к погектарным субсидиям и играют пассивную роль в мероприятиях по сохранению природной среды.

Остальные средства, выделяемые по данному направлению, существенно меньше, чем в 2007–2013 гг., несмотря на декларируемую «экологизацию» аграрной политики ЕС. Особенно ощутим недостаток средств на поддержку систем использования водных ресурсов из-за все чаще имеющего место дефицита осадков, прежде всего поздней весной и летом. Явное снижение финансирования заметно также применительно к задачам развития предпринимательства и создания рабочих мест вне сельского хозяйства (ранее – «дифференциация деятельности» и «микропредприятия», теперь – «премии на начало хозяйственной деятельности»), а также развития инфраструктуры («базовые услуги, обновление и развитие села»; табл. 6). Правда, декларируется поддержка этих направлений со стороны Политики сплочения, однако предполагаемый объем распределяемых средств остается ниже, чем в предыдущие годы.

Подводя итог, можно сказать, что распределение средств между направлениями поддержки ставит регионы

Таблица 6. Сравнение бюджетов ПРСР в 2007–2013 и на 2014–2020 гг.

Деятельность	2007– 2013 гг. (млн евро, в текущих ценах)	2014– 2020 гг. (млн евро, в текущих ценах)	2014– 2020 гг. (млн евро, в постоян- ных ценах)
Модернизация хозяйств	2489	2816	2532
«Молодой фермер»	581	585	526
Объединения производителей	183	353	317
Восстановление потенциала сельскохозяйственного производства	197	415	373
Поддержка хозяйств в горной местности и других территориях с неблагоприятными условиями хозяйствования (ONW)	2367	2330	2095
Агроэкологическая программа (агроэкологической среды и климата + экологическая)	2307	1760	1582
Облесение + восстановление потенциала	361	301	271
Дифференциация + микропредприятия/ Премии в связи с началом хозяйственной деятельности	1 041	414	372
Базовые услуги, обновление и развитие села	2 304	1 075	967
Программа «ЛИДЕР»	801	735	661

Источник: расчеты авторов по: [Zbiorcze..., 2015; Ministerstwo..., 2017].

с развитым сельским хозяйством в более выгодное положение. Это проявляется в относительно более высоком объеме финансирования проинвестиционных и модернизационных мероприятий и в некотором удалении на второй план мер, связанных с развитием инфраструктуры сельских территорий и предпринимательством. Такая конструкция целей может содействовать повышению конкурентоспособности хозяйств в воеводствах западной и центральной Польши (Великопольском, Куявско-Поморском, Мазовецком), но в то же время вести к дальнейшему сжатию сельского хозяйства в юго-восточной Польше. Регионализация сама по себе не обязательно плоха, если более слабые в сельскохозяйственном отношении регионы получают альтернативное направление развития. Дело в том, что в процессах развития сельских территорий должны приниматься во внимание

специфические эндогенные ресурсы данной территории и обеспечиваться их более эффективное использование [Kołodziejczyk, 2015]. Между тем в ПРСР 2014–2020 гг. такой подход просматривается с трудом.

Выводы

Польское сельское хозяйство на протяжении по крайней мере двух десятилетий подвергается как процессам, направление и динамику которых следует оценивать положительно, так и таким, которые закрепляют некоторые его негативные свойства и структуры. Интеграция с Европейским союзом позволила наверстать некоторое отставание и с перспективы полутора десятка лет может рассматриваться как важнейший источник развития продовольственного хозяйства. Накопленные результаты проведения единой аграрной политики привели к заметному повышению уровня доходов сельскохозяйственных производителей и к структурным изменениям на уровне хозяйств. Дополнительные импульсы к развитию касались не только сельского хозяйства, но и села в целом, благодаря чему во многих отношениях оно стало приближаться к городам [Wilkin, 2016, s. 120–124]. Реализация Программы развития сельских территорий как элемента единой аграрной политики привела в движение мультипликативные эффекты капитальных затрат. Благодаря закупке новых машин и оборудования, возведению или ремонту хозяйственных построек в рамках программ модернизации эффективность использования факторов производства (главным образом труда и земли) в настоящее время повысилась, а расстояние, разделяющее польские и западноевропейские хозяйства, уже не столь заметно. Поддержка уровня доходов, хотя бы в виде ресурсов, направляемых в регионы с неблагоприятными условиями хозяйствования (а ранее также и дополнительных субсидий), стала существенным ускорителем процессов внедрения инноваций, модернизации и структурных преобразований на селе. Средства ПРСР (в том

числе структурные ренты) способствуют изменению аграрной структуры, хотя этот процесс и происходит медленно. Наконец, часть средств использовалась для сокращения избыточной занятости в сельскохозяйственном секторе (дифференциация деятельности, развитие микропредприятий).

По мнению авторов, позитивным изменениям сопутствуют две главные слабости. Во-первых, инвестиции осуществляются ограниченным числом чаще всего наиболее экономически сильных сельскохозяйственных производителей. В результате повышается потенциал прежде всего в развивающихся хозяйствах, и в существенно меньшей степени – в средних и слабых хозяйствах. Хотя отказ от сельскохозяйственной деятельности является неизбежным процессом, важно, чтобы он происходил в увязке с изменениями в численности и структуре хозяйств. В этом контексте особенно заметно отсутствие достаточного количества действий по поддержке предпринимательства на селе, а также по развитию рынка труда (дотации на инициирование несельскохозяйственной деятельности, профессиональная активизация), по поддержке системы образования и расширения доступа к информационным технологиям. Во-вторых, в случае динамично развивающихся хозяйств важна не только поддержка их модернизации, но и создание системы, гарантирующей получение стабильных доходов от сельскохозяйственного производства. В польской ПРСР управление ценовыми и/или доходными рисками пока еще остается в сфере деклараций, а не практических решений.

ЛИТЕРАТУРА

ARiMR DKS (2013), *Przywódcy państw UE wynegocjowali «budżet rolny» na lata 2014 – 2020*, 12 luty (<http://www.krir.pl/2014-01-03-03-24-03/pozostale/2020-przywodcy-pastw-ue-wynegocjowali-qbudet-rolnyq-na-lata-2014-2020>).

Assessment of the impact of the CAP until 2020 – project, 2011 (typescript), European Commission, Brussels.

- Bear-Nawrocka A., Poczta W. (2016), Polskie rolnictwo na tle Unii Europejskiej, [w:] *Polska wieś 2016. Raport o stanie wsi* (red. J. Wilkin, I. Nurzyńska), Wyd. Naukowe Scholar, Warszawa.
- Czubak W., Sadowski A. (2011), Dostępność informacji oraz czynniki utrudniające ubieganie się o dopłaty bezpośrednie, *Więś i Rolnictwo*, nr 3.
- Czyżewski A., Stępień S. (2009), Zmiany mechanizmów Wspólnej Polityki Rolnej UE a oczekiwania Polski, *Ekonomista*, nr 4.
- Czyżewski A., Stępień S. (2014), *Fundusze unijne dla Polski i polskiego sektora rolnego w perspektywie 2014–2020*, Zeszyty Naukowe Szkoły Głównej Gospodarstwa Wiejskiego (SGGW) w Warszawie: Polityki Europejskie, Finanse i Marketing, nr 11(60).
- Czyżewski A., Stępień S. (2015a), *Finansowanie celów programu rozwoju obszarów wiejskich a lata 2014–2020 ze środków polityki spójności. Propozycje pod rozważenie*, „Opinie i ekspertyzy” OE-230, Kancelaria Senatu – Biuro Analiz i Dokumentacji, Warszawa.
- Czyżewski A., Stępień S. (2015b), Wspólna Polityka Rolna (WPR) Unii Europejskiej po 2014 roku z polskiej perspektywy, [w:] *Problemy rozwoju rolnictwa i gospodarki żywnościowej w pierwszej dekadzie członkostwa Polski w Unii Europejskiej* (red. A. Czyżewski, B. Klepacki), Polskie Towarzystwo Ekonomiczne, Warszawa.
- FUNDEKO (2011), *Wpływ wspólnej polityki rolnej i polityki spójności na rozwój obszarów wiejskich*, FUNDEKO Korbel, Krok-Baściuk Sp.J., Warszawa.
- GUS (2011), *Raport z wyników. Powszechny Spis Rolny 2010*, Warszawa.
- GUS (2017), *Użytkowanie gruntów i powierzchnia zasiewów w 2016 r.*, Warszawa.
- Kiryłuk-Dryjska E. (2014), Alokacja środków finansowych na wybrane działania PROW 2014–2020 z wykorzystaniem optymalizacji liniowej, *Journal of Agribusiness and Rural Development*, z. 3 (33).
- Klepacka W. (red.) (2009), *Wyniki wdrażania Planu Rozwoju Obszarów Wiejskich na lata 2004–2006*, ABC – Zakład Poligraficzny, Warszawa.
- Kołodziejczyk D. (red.) (2015), *Wieloaspektowe ujęcie problemu spójności obszarów wiejskich na poziomie lokalnym i regionalnym w dotychczas realizowanych i planowanych strategiach rozwoju*, Instytut Ekonomiki Rolnictwa i Gospodarki Żywnościowej, Warszawa.
- Łykowski P. (2015), *10 lat wspólnej polityki rolnej w Polsce. 20 lat działalności ARiMR* (prezentacja), Ośrodek Doradztwa Rolniczego, Sielinko.
- Ministerstwo Rolnictwa i Rozwoju Wsi (2017), *Program Rozwoju Obszarów Wiejskich na lata 2014–2020*, Warszawa, 18 kwietnia, <http://www.minrol.gov.pl/content/download/61409/337263/version/1/file/Program%20Rozwoju%20Obszar%C3%B3w%20Wiejskich%20na%20lata%202014-2020.pdf>.

- Ministerstwo Rolnictwa i Rozwoju Wsi (2013), *Wstępny zarys Programu Rozwoju Obszarów Wiejskich 2014–2020*, Warszawa, <http://polskasielgd.pl/wp-content/uploads/2013/04/Zarys-Programu.pdf>.
- Nurzyńska I. (2016), Polska wieś i rolnictwo jako beneficjenci funduszy Unii Europejskiej, [w:] *Polska wieś 2016. Raport o stanie wsi* (red. J. Wilkin, I. Nurzyńska), Wyd. Naukowe Scholar, Warszawa.
- Rocznik Statystyczny Rolnictwa 2016* (2016), GUS, Warszawa.
- Sadowski D., Baer-Nawrocka A., Poczta W. (2013), *Gospodarstwa rolne w Polsce na tle gospodarstw Unii Europejskiej – wpływ WPR*, GUS, Warszawa.
- Stan prac nad założeniami Programu Rozwoju Obszarów Wiejskich na lata 2014–2020* (2013), Ministerstwo Rolnictwa i Rozwoju Wsi, Warszawa.
- Stec M. (2011), Znaczenie funduszy pomocowych Unii Europejskiej dla spójności społeczno-gospodarczej polskich regionów, *Nierówności Społeczne a Wzrost Gospodarczy*, nr 18.
- The CAP Reform – an explanation of the main elements* (2011), MEMO/11/685, Brussels.
- Wilkin J. (2016), Polska wieś na tle kraju i Europy – synteza raportu, [w:] *Polska wieś 2016. Raport o stanie wsi* (red. J. Wilkin, I. Nurzyńska), Wyd. Naukowe Scholar, Warszawa.
- Zbiornicze sprawozdanie bieżące z realizacji Programu Rozwoju Obszarów Wiejskich na lata 2007–2013 narastająco od uruchomienia Programu na dzień 31 grudnia 2015 r.* (2015), Ministerstwo Rolnictwa i Rozwoju Wsi, Warszawa.

А.Б. Вардомский
ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО: СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМНЫХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ БЕЛАРУСИ,
РОССИИ И УКРАИНЫ

Особенности государственной идентичности
Беларуси, России и Украины

Исследованию идентичности государства посвящена обширная литература, в которой выделяются труды А. Вендта, Р. Арона, И. Призела, С Уолта [Кочетков, 2010, с. 20–24]. В нашей работе понятие «государственная идентичность» используется в двух взаимосвязанных смыслах: как приверженность населения ценностям страны и как набор характеристик, через которые страна отождествляется с некими миссиями для внешнего окружения – «бренд государства». В целом же государственная идентичность отражает осознанные возможности развития и степень их реализации. Это институт, оказывающий сильное влияние на внешнеэкономические связи в их разнообразном проявлении.

Одним из первых среди российских ученых на связь идентичности и интеграции России в мировую экономику обратил внимание Д.В. Тренин [Тренин, 2006]. Теме взаимосвязи национальной и коллективной идентичности посвящены также исследования политологов А.М. Бусыгиной, В.В. Кочеткова,

---

Вардомский Леонид Борисович – доктор экономических наук, профессор, заведующий центром ФГБУН Института экономики РАН. wardom@yandex.ru.

В.Е. Морозова, Н.А. Прохоренко, И.С. Семененко. В ходе формирования идентичности государств происходит выбор социокультурных и внешнеполитических приоритетов, которые в наибольшей степени соответствуют задачам национальной модернизации.

В случае постсоветских стран речь идет о выборе между присоединением к европейской интеграции, созданием своего евразийского объединения или проведением многовекторной внешней политики. В этом контексте весьма интересно развитие сотрудничества стран восточно-славянского треугольника, становление идентичности которых определяет систему их внутренних и внешних интересов. Через призму этих интересов выстраиваются взаимные отношения и создаются инструменты как их стимулирования, так и реагирования на возникающие политические и экономические разногласия.

На постсоветском пространстве Беларусь, Украина и Россия – наиболее развитые государства, экономики которых были исторически тесно взаимосвязаны. Кроме того, они весьма близки в культурно-цивилизационном плане. После обретения независимости перед ними встали задачи формирования новой государственной идентичности и модернизации национальной экономики. Они их решали и решают по-разному, исходя из исторического опыта, имеющихся ресурсов, с учетом тенденций современного развития и происходящих политических и экономических изменений во внешнем окружении, в т. ч. у стран – соседей.

Страны славянского треугольника были инициаторами распада СССР, правда, руководствуясь разными целями. Украинское и белорусское руководство стремилось к реальной независимости своей страны, а российское, в лице Б. Ельцина, стремилось через суверенитет России прийти к власти, быстро провести рыночные реформы, войти в сообщество развитых демократий и вернуть лидерство на постсоветском пространстве.

Стремление Украины к независимости от России объясняется рядом причин. Одна из них – неверие украинских

элит в Россию как государство, ожидание в ней длительного внутреннего конфликта и неминуемого распада. Оно было связано с обострением в 1990-е годы межэтнических отношений, внутриэлитных конфликтов и парадом региональных суверенитетов.

Вторая причина связана с тем, что распад СССР активизировал формирование украинского национального самосознания, опиравшегося на память о Гетманщине и событиях, связанных с ее возникновением, существованием и ликвидацией [Крылов, Гриценко, 2015]. Учитывая же западно-украинский (галицкий) фактор, руководство новой Украины с самого начала делало упор на формирование украинской идентичности как части европейской цивилизации, а не как части Русского мира¹. Однако галицкое понимание идентичности не разделялось населением Восточной Украины. Внутриукраинский раскол по поводу идентичности порождал политическую слабость государства, которую усугубляло формирование во второй половине 1990-х годов так называемой «двойной институциональной системы», при которой возникали новые социальные институты, но при этом в полном объеме действовали институты, унаследованные от советского времени [Головаха, Панина, 2008]. Такая система, в свою очередь, создавала благоприятные условия для коррупции и сращивания политики и бизнеса, что усугубляло неэффективность управления.

Третья причина обусловлена неприятием украинской элитой политической системы России с ее высокой централизацией власти, что напоминало о царском и советском периодах Украины. В то же время под влиянием экономических успехов Запада она верила в то, что подлинная модернизация страны возможна только на либерально-демократической основе. Националистическими силами Россия рассматри-

---

1. В трактовке понятия «Русский мир» существуют два подхода. Один подход отражает исторически сложившуюся этнокультурную и лингвистическую близость трех восточно-славянских народов, другой исходит из того, что «Русский мир» — это политический лозунг, отражающий постимперские настроения части российской элиты.

валась в качестве политического оппонента Украины, противника сближения с Европой, представлялась как реальная угроза ее территориальной целостности и формированию украинской идентичности. Украина по многим линиям пыталась доказать, что она не Россия, а часть Европы. Идентичность страны строилась на противопоставлении России. Под влиянием широкого информационного внедрения этих взглядов в украинском обществе формировались проевропейские настроения, что вылилось в подписание Соглашения об ассоциации с ЕС, которое начало действовать с 1 ноября 2014 г. Политический переворот в феврале 2014 г. и захват власти представителями радикально-националистических партий круто изменил внутреннюю и внешнюю политику государства, вызвав гражданскую войну и потерю Крыма.

Для России же Украина выступала как важная часть «Русского мира». Киев для России является сакральным символом единой Русской земли [Толочко, 2012]. Россия была заинтересована в широкой экономической интеграции с Украиной и возвращении на этой основе статуса великой державы. Государственная идентичность России в силу ее многонациональности не может опираться на этническую основу.

К концу 1990-х годов у руководства России возникло понимание того, что в евроатлантическом клубе избранных к ней относятся как к стороне, проигравшей в холодной войне, а не как к равному партнеру. Идентичность на основе либеральной рыночной экономики и евроатлантических ценностей превращает страну в объект международной политики и создает большие риски ее дальнейшего существования.

При президенте В. Путине начинает формироваться новая идентичность России как одного из центров полицентричного мироустройства, как равного ведущим странам Запада «центра силы», как государства «суверенной демократии». В этом контексте постсоветское пространство рассматривается Россией как зона ее особых интересов, поскольку консолидация евразийского пространства неразрывно связана

с укреплением ее статуса как великой державы. Нынешняя идентичность страны формируется в рамках системы глобального капитализма, но на основе сохранения суверенитета и права следовать традиционным для постсоветской Евразии ценностям [Кузнецов, 2015]. Такая политика РФ вызывает резкое неприятие Запада, усматривающего в этом ее «имперские амбиции». По сути дела речь идет о борьбе Запада и России за постсоветское пространство, в которой сталкиваются исторические интересы России и стремление Запада геополитически и экономически закрепить свою победу в холодной войне.

Идентичность РБ строится не на этнической, а на гражданской основе. В Беларуси, в отличие от Украины, не укоренился восточноевропейский этнонационализм, а идеологическими основами современного белорусского государства стали индустриальная идентичность, государственная символика, культ победы в Великой Отечественной войне. Главной целью государства стало сохранение унаследованной от СССР экономики. Этим объясняется ее отставание в ходе рыночной трансформации от России и Украины. Вместе с тем Беларусь, укрепляя свой суверенитет, считает себя частью Русского мира в его этнокультурном понимании и ориентируется на традиционные для русской цивилизации ценности. Белорусское государство привержено евразийской интеграции, рассматривает себя как «точку сборки» Евразии, центр традиционной Европы, но при этом стремится стать коммуникационным мостом между западом и востоком Европы [Дзермант, 2015].

Динамика внешней и взаимной торговли

Период 2010–2017 гг. был богат на принципиальные изменения в мировой и региональной политике и экономике. В это время произошло обострение противоречий между США и их союзниками, пытающимися сохранить и укрепить свои преимущества в мировом хозяйстве, с одной стороны, и странами, стремящимися к равенству с ними в рам-

ках концепции полицентричного мироустройства, с другой. Стремление к равенству обусловлено ростом доли ряда крупных развивающихся стран (например, КНР, Индии, Турции, Бразилии) в мировой экономике при сокращении доли стран Запада. Важным фактором обострения противоречий является усиление социального неравенства между странами мира и внутри стран, непропорциональный рост финансового сектора мировой экономики, в котором ведущую роль играют страны Запада. Нестабильность мировой экономики тесно связана с динамикой мировых цен на углеводороды, колебаниями трансграничного движения капиталов, ростом совокупной задолженности и рисков инвестиционной деятельности. В эти противоречия так или иначе вовлечены страны славянского треугольника.

Несмотря на различия в моделях и размерах, национальные экономики рассматриваемых стран практически одинаково реагировали на колебания мировой конъюнктуры: в Украине до 2012 г., Беларуси и РФ до 2013 г. происходил восстановительный рост экономики, который сменился замедлением роста, а затем и спадом, продолжавшимся около 2,5 лет.

Пик спада у всех рассматриваемых стран пришелся на 2015 г. В 2016 г. по сравнению с 2013 г. ВВП Украины сократился на 13,2%, Беларуси – на 6,3% и РФ – на 3% (данные Статкомитета СНГ, постоянные цены). В Украине спад начался раньше, но и закончился раньше: в 2016 г. ВВП страны увеличился на 2,3%. У РБ и РФ рост экономики возобновился в 2017 г. Следует отметить, что страны славянского треугольника в рассматриваемый период развивались медленнее, чем постсоветское пространство (без стран Балтии) в целом. В результате их суммарная доля в совокупном ВВП стран СНГ и Грузии за 2010–2016 гг. сократилась с 85,1% до 81,5%, в т.ч. РФ с 75,6% до 73,5%, Украины – с 6,7% до 5,3%, Беларуси с 2,8 до 2,7% (рассчитано по данным Всемирного банка).

Спад и общее замедление развития объясняются разными причинами: исчерпанием подъемной силы модели сырьевого развития, попаданием РФ в «ловушку среднего

дохода», неразвитостью рыночных институтов и финансовых систем. В любом случае сложившаяся в странах после обретения независимости структура экономики оказалась сильно подвержена возросшей турбулентности мирового хозяйства.

Однотипную реакцию экономики стран на низкую мировую конъюнктуру хорошо иллюстрирует динамика внешнего товарооборота. У РБ внешний товарооборот в 2016 г. составил 55,2% от уровня 2012 г. (92,5 млрд долл.), у РФ сокращение было примерно таким же: 54,8% по сравнению с 2012 г. (863,2 млрд долл.). Объем внешней торговли Украины в 2016 г. составил 49% от уровня 2012 г. (154,5 млрд долл.)².

Падение же взаимной торговли различалось значительно сильнее (табл. 1). Взаимный товарооборот РФ и РБ в 2016 г. составил около 60% от объема 2012 г., то есть сократился меньше, чем внешний товарооборот каждой из стран в целом. Это можно объяснить действием общего таможенного пространства, использованием во взаимных расчетах национальной валюты, реализацией такого крупного инвестиционного проекта, как Белорусская АЭС.

Таблица 1. Динамика взаимной торговли Республики Беларусь, РФ и Украины

Товарооборот	Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
РФ – РБ	млрд долл.	28,0	39,4	43,9	39,7	37,4	27,5	26,2
	в % к 2012 г.	63,8	89,7	100,0	90,4	85,2	64,6	59,7
РФ – РУ	млрд долл.	35,6	48,9	45,0	38,3	22,5	12,3	8,7
	в % к 2012 г.	79,1	108,7	100,0	85,1	50,0	27,3	19,3
РБ – РУ	млрд долл.	4,5	6,1	7,3	5,6	5,6	3,2	3,7
	в % к 2012 г.	61,6	83,6	100,0	76,7	76,7	43,8	50,7

Источник: данные национальной статистики.

Однако интеграционный фактор пока не может в полной мере компенсировать потерь от ухудшения условий торговли, обусловленных снижением цен на углеводороды

2. Рассчитано по данным национальных статистических органов.

и другие экспортные товары, падением курсов национальных валют, удорожанием внешних заимствований. Для сравнения, оборот РФ с Польшей за 2013–2016 гг. сократился более чем наполовину: с 27,9 млрд долл. до 13,1 млрд долл., а оборот РБ с Польшей за этот же период уменьшился всего на 15%. Это объясняется устойчивостью спроса польского рынка, объем которого в этот период оставался довольно стабильным, на белорусские товары. Сокращение оборота было обусловлено в основном уменьшением белорусского импорта из Польши в связи с падением белорусского рубля и общим спадом производства и внутреннего спроса. Резкое падение российско-польского товарооборота объясняется как снижением мировых цен на углеводороды, преобладающие в российском экспорте в Польшу, так и сокращением импорта польских товаров РФ в связи с обрушением курса рубля и российскими контрсанкциями.

Взаимная торговля Беларуси и Украины в 2016 г. была чуть выше половины от объема 2012 г., то есть примерно соответствовала сокращению внешней торговли рассматриваемых стран за этот период. Причем максимальное снижение объема взаимной торговли пришлось на 2015 г.

Взаимная торговля РФ и Украины сократилась в три раза сильнее, чем совокупный внешний товарооборот каждой из этих стран. Но если динамика взаимной торговли Беларуси и Украины определялась в основном макроэкономическими и структурными факторами и происходила в условиях режима свободной торговли, то падение торговли между Россией и Украиной стало результатом сложения макроэкономических, структурных и политических факторов. В частности, с 1 января 2016 г. Россия приостановила режим зоны свободной торговли (ЗСТ) для Украины в связи с ассоциацией последней с ЕС и ожидавшимся в результате этого ростом европейского реэкспорта в РФ.

Это дает основание предположить, что при отсутствии политических противоречий между странами и взаимных санкций динамика их взаимных связей была бы примерно

такой же, как у торговли Беларуси с Украиной. Исходя из этого предположения, вклад политики в падение российско-украинского товарооборота в 2013–2016 гг. составил примерно 40, а 60% падения объясняется экономическими факторами.

Это предположение подтверждается динамикой коэффициента внешнеторговой связанности (КВТС), исчисляемого как отношение стоимостных объемов взаимного товарооборота к суммарному ВВП (в текущих ценах) взаимодействующих стран (табл. 2). Устойчивое сокращение КВТС РФ и Украины, начавшееся в 2012 г., объясняется тем, что внешняя торговля росла медленнее, а падала быстрее, чем сумма ВВП этих стран (в текущих ценах и по текущему курсу национальной валюты к доллару).

Таблица 2. Коэффициент внешнеторговой связанности РБ и РФ, РБ и РУ, РФ и РУ

Страны	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
РБ – РУ	2,33	2,71	3,02	2,16	2,64	2,17	2,63
РФ- РУ	2,14	2,22	1,94	1,59	1,02	0,84	0,63
РБ-РФ	1,77	1,89	1,96	1,72	1,75	1,93	1,97

Источник: расчеты автора.

Для КВТС РБ и РУ, РБ и РФ в 2010–2016 гг. были характерны колебания без выраженной тенденции. Колебания объясняются тем, что спад/рост во внешнеторговых связях предвосхищает падение/рост номинального ВВП, на величину которого сильное влияние оказывает курс национальной валюты к доллару.

Через новые технологии к устойчивому развитию белорусско-российских связей

Белорусско-российские экономические связи довольно объемны: в 2016 г. на РФ пришлось 51,3% внешнего товарооборота РБ, а на Беларусь – 5,5% товарооборота РФ. Для

выведения своих товаров на российский рынок Беларусь создала в России разветвленную товаропроводящую сеть в виде магазинов, торговых домов, сборочных производств и соответствующей логистики. Неустойчивость взаимных экономических связей в 2010–2017 гг. объясняется в основном структурными ограничениями и разной степенью вовлеченности государства в экономику.

Взаимная специализация стран в большой мере опирается на производства и технологии из советского экономического наследия. Многие традиционные товары взаимной торговли по соотношению «цена – качество» постепенно уступают место товарам из третьих стран или производимым в РФ и РБ, но на основе технологий, заимствованных за рубежом. Негативно на оборот взаимной торговли влияли периодически возникавшие в 2010–2017 гг. торговые и тарифно-ценовые войны, административные барьеры на пути торговли и инвестиций, импортозамещение по соображениям национальной безопасности и защиты национального производителя. В производстве товаров для белорусского рынка в РФ преобладают крупные компании, а в РБ для российского рынка – малые и средние фирмы.

Не способствуют развитию взаимных торговых связей невысокие объемы взаимных прямых инвестиций. Накопленные в РБ прямые российские инвестиции за 2011–2016 гг. выросли незначительно – с 8 до 8,5 млрд долл. Белорусские инвестиции в РФ в 2016 г. выросли заметно – с 0,4 млрд до 2,05 млрд долл. [Мониторинг, 2017], но в общем объеме инвестиций стран-партнеров это составляет незначительную величину. Рост взаимных инвестиций сдерживается как дефицитом «длинных денег», так и высокими рисками инвестиционных проектов, связанными с различиями в рыночных институтах и общей неопределенностью мировой конъюнктуры.

Сильное влияние на макроэкономику Беларуси оказывает состояние российской экономики, которое, в свою очередь, в значительной мере зависит от цен на углеводороды.

Резкое падение мировых цен на нефть вызвало резкое падение курса рубля, сокращение стоимостных объемов экспорта и импорта, рост инфляции и сокращение внутреннего спроса. В совокупности это вызвало падение белорусского импорта, что, учитывая его объемы, стало важным фактором ухудшения макроэкономических показателей в Беларуси в 2013–2016 гг.

Среди внутренних причин макроэкономической неустойчивости белорусской экономики А. Шурубович называет чрезмерную поддержку государством малоэффективных производств и несоразмерные с возможностями экономики социальные расходы [Шурубович, 2017].

Беларусь и Россия сталкиваются с общими проблемами развития: при значительном научном потенциале и в целом довольно высоком уровне образования развитие экономики опирается в основном на заимствованные в третьих странах технологии. Имеющиеся научно-технические достижения не находят должного спроса у национальной экономики. Они в основном доходят до стадии промышленных образцов и не выходят на уровень массового производства, поскольку на рынке уже предлагаются по более низким ценам аналогичные товары иностранных производителей. Иными словами, жестким барьером развития экономики выступает недостаточная конкурентоспособность национальных технологий и производимых на их основе новых изделий. Одна из главных проблем – вытеснение национальной продукции с рынков Союзного государства и ЕАЭС. Речь идет в основном о тех сегментах экономики, которые не защищены тарифными или нетарифными барьерами. С проблемой недостаточной конкурентоспособности экономик РБ и РФ связаны финансовые трудности, стагнация доходов населения, недостаточная инвестиционная активность.

В этих условиях страны стоят перед нелегким выбором будущего развития: либо бороться за долю на внутреннем и внешнем рынках в сегменте традиционных отраслей, получая от этого все меньшую прибыль, либо сконцентриро-

вать усилия на инновационных производствах, порождаемых новой промышленной революцией, но которые связаны с большими коммерческими рисками.

Решение этой дилеммы видится на пути повышения разными способами инновационной активности предприятий и организаций, что позволит либо снизить издержки в традиционных отраслях, либо выйти на рынок с новыми продуктами. Важной возможностью увязки внедрения новых технологий и на их основе массового выпуска инновационных товаров и услуг с формированием соответствующих рынков становится согласование национальных программ развития с выделением приоритетных отраслей в рамках евразийской интеграции. Это позволит выстроить единую стратегию их инновационного развития и реализовать трансграничную кооперацию в рамках приоритетных направлений, разделив тем самым между собой риски освоения новых высокотехнологичных производств

Появление новых продуктов и их рынков связаны с практической реализацией евразийских технологических платформ (ЕТП). Совет Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) утвердил 12 первых приоритетных ЕТП, которые объединяют более 400 ведущих научных и промышленных организаций Евразийского экономического союза (ЕАЭС), готовых в 2018 г. реализовать более 130 совместных инновационных кооперационных проектов в наиболее перспективных отраслях [Сидорский, 2017].

Совместить модернизацию традиционных производств с повышением их конкурентоспособности, а также создать новые производства в русле четвертой промышленной революции позволит широкая цифровизация экономики как на страновом уровне, так и в рамках ЕАЭС. С цифровизацией связаны надежды Беларуси и России на преодоление структурных проблем в экономике, ускорение темпов роста и устойчивый рост доходов населения. В целом евразийская интеграция делает первые шаги по созданию соответствующих институтов инновационного развития. Необходимость этих институтов

очевидна. Причем лидерами инновационной модернизации на основе национальных разработок в рамках ЕАЭС по объективным условиям являются Беларусь и Россия. Это лидерство будет усилено в результате подписания в РБ декрета о «О развитии цифровой экономики», который нацелен на создание в стране благоприятных условий для развития информационно-коммуникационных технологий. В этом контексте весьма актуально сфокусировать экономическое сотрудничество в рамках Союзного государства на поиск прорывных технологий и их внедрение в национальное производство.

О пределах деградации взаимных экономических связей РФ и Украины

Сильное влияние неэкономических факторов на российско-украинские экономические связи в своей основе опирается на стремление Украины вырваться из Русского мира, используя стратегический интерес Запада в сдерживании России. Пришедшие в результате майдана к власти антиросийски настроенные политические силы интерпретировали эти события как целенаправленную политику России, не желающую отпустить Украину в Европу и сделать украинский народ богатым и счастливым. В этом контексте свертывание экономических связей стало важным элементом украинской политики окончательного развода с Россией, основы которой стали формироваться еще до распада СССР. По мнению П. Порошенко, этот «развод» был оформлен безвизовым режимом между ЕС и Украиной, установленным в 2017 г. Тем не менее, хотя доля РФ во внешней торговле за 2012–2016 гг. уменьшилась с 29 до 11,5%, она по-прежнему занимала первое место среди торговых партнеров Украины.

Свертывание торговых связей по национал-патриотическим причинам бьет по доходам граждан и предприятий, по бюджету, создает угрозу неисполнения кредитных обязательств перед МВФ и другими кредиторами страны и стало весомым фактором падения ВВП в 2013–2015 гг. Декларируемая

нынешними властями страны миссия Украины как спасительницы Европы от «российской агрессии» отталкивает иностранные инвестиции, без которых трудно рассчитывать на устойчивый рост украинской экономики.

За 2012–2016 гг. объем накопленных прямых российских инвестиций РФ в Украине уменьшился с 16,5 млрд до 5,2 млрд долл., а украинских прямых инвестиций в РФ — с 0,89 млрд до 0,77 млрд долл. Сокращение связано как с продажей активов, так и со сворачиванием деятельности в связи с большими коммерческими рисками и падением доходности. К фактическому обесценению активов компаний и банков с российским капиталом привело и падение курса гривны, а также периодические атаки со стороны украинских радикалов. Ситуацию отчасти спасает то, что российские владельцы этих активов имеют оффшорную регистрацию [Мониторинг взаимных..., 2017].

С особой силой «революция достоинства» сказалась на поездках российских граждан в Украину, которые за 2013–2016 гг. сократились почти в 7 раз: с 10,3 млн до 1,5 млн человек. Этот поток складывался из поездок на курорты Украины, к родственникам, транзитных сообщений в Молдову, Болгарию и другие балканские страны, туристических, служебных и прочих поездок. Встречный поток украинцев пострадал меньше: сокращение составило 1,6 раза (6,1 млн человек в 2013 г. и 3,9 млн человек в 2016 г.). Поездки граждан Украины в РФ в основном связаны с трудовой деятельностью.

В 2017 г. «патриотическое» давление государства на украинский бизнес несколько ослабло. Об этом свидетельствует существенный рост украино-российской торговли, причем в основном за счет роста импорта из РФ. Основу импорта сегодня составляет каменный уголь, нефтепродукты, удобрения, некоторые виды машиностроительной продукции — те виды товаров, которые не попали под взаимные санкции, но необходимы Украине для ТЭК, металлургии и аграрного сектора.

В моем представлении Россия и Украина вплотную приблизились к пределу свертывания торговых связей по политическим причинам. Важным ограничителем наращивания взаимной торговли в перспективе, помимо взаимных санкций и импортозамещения, становится продолжающаяся деиндустриализация Украины, в том числе и в связи с ее постепенным включением в экономическую систему ЕС. Для ЕС Украина представляет интерес как поставщик растительного и минерального сырья, а также полуфабрикатов, как источник дешевой рабочей силы и как инструмент давления на Россию. Со временем Украина будет обретать новые экономические функции в экономике Евросоюза, но в рамках ее периферийного статуса, например производителя отдельных комплектующих для производства автомобилей и бытовой техники.

Центр тяжести в политике развода в 2017 г. был перенесен на сокращение возможностей непосредственной коммуникации граждан, поскольку идеи украинского национализма, замешанные на русофобии и россияфобии, не смогли сплотить народ и обеспечить внутреннюю стабильность.

Введение с конца декабря 2017 г. новых правил въезда в Украину на основе биометрических паспортов и с предварительным уведомлением, несомненно, ограничит возможности поездок в Украину не только граждан РФ, но и РБ. Украинской стороной параллельно проводятся меры по ограничению поездок украинских граждан в Россию, как чисто пропагандистские, так и путем свертывания более дешевого регулярного пассажирского сообщения.

Для Украины первостепенно важно, чтобы ее геополитическое значение для Запада в плане сдерживания России не уменьшилось. За это западные спонсоры оказывают немалую финансовую помощь Украине, сохраняют санкции в отношении России, то есть выплачивают ей своего рода геополитическую ренту. Следует отметить, что после принятия Украиной в сентябре 2017 г. Закона об образовании, который ограничил право национальных меньшинств на обучение на родном языке, заметно обострились отношения с соседними

странами ЕС. Возник конфликт украинского национализма с национализмом соседних стран, что неизбежно осложняет ее отношения с ЕС. Можно предположить, что проевропейская риторика украинских властей по сути стала прикрытием для создания моноэтничного украинского государства.

Обязательства Украины перед ЕС, США и НАТО по сдерживанию России вступают в определенное противоречие с требованиями международных финансовых организаций по урезанию социальных расходов, сокращению бюджетного дефицита и своевременному исполнению долговых обязательств, что приводит к сжатию внутреннего потребления, которое сужает возможности экономического роста, прежде всего для украинской провинции, делает его зависимым от конъюнктуры на рынках основных экспортных товаров страны. Это заставляет Украину искать способы наращивания экспорта в Россию и другие страны СНГ, не меняя политического курса. Все это сильно осложняет прогноз взаимных экономических отношений России и Украины на обозримую перспективу. Скорее всего, доля РФ во внешней торговле Украины в ближайшие 3–4 года будет колебаться в пределах 10–12%, при сокращении социальных и инвестиционных контактов.

Отношения Беларуси и Украины: преобладание прагматизма

Идентичности Беларуси и Украины довольно сильно разошлись. Сегодня при этнокультурной близости это разные по идентичности страны. Снисходительно-пренебрежительное отношение проевропейской Украины к просоветской Беларуси после майдана заметно изменилось. В геополитическом плане для Украины весьма важно, как минимум, обеспечить нейтралитет Беларуси в ее конфликте с Россией. Для Беларуси отношения с Украиной – важный элемент ее суверенитета и налаживания связей с ЕС.

Белорусско-украинские экономические отношения базируются на торговле, поскольку взаимные инвестиции

имеют крайне незначительные объемы. Между странами, которые в основном продают друг другу товары традиционного экспорта и имеют ограниченную производственную кооперацию, действует режим свободной торговли. В 2016 г. во внешнеторговом обороте Украины доля их взаимной торговли составляла около 5%, а во внешнеторговом обороте Беларуси – 7%.

Одновременно участвуя в Таможенном союзе в рамках ЕАЭС и ЗСТ в рамках СНГ, Беларусь смогла получить определенные торговые преимущества в результате разлада отношений между Россией и Украиной: она смогла нарастить продовольственный экспорт в РФ, заменив Украину, а в рамках ЗСТ СНГ увеличить в Украину экспорт жидкого топлива, производимого из российской нефти, частично заместив прямые российские поставки на украинский рынок. Сейчас на Беларусь приходится около половины украинского импорта нефтепродуктов, которые составляют $\frac{2}{3}$ белорусского вывоза в Украину. В украинском экспорте в Беларусь преобладают сельскохозяйственное сырье и продовольственные товары. Беларусь в определенной мере компенсирует экономические потери России и Украины, возникшие от резкого сокращения их взаимных торговых связей.

Перспективы наращивания взаимных инвестиций сегодня плохо просматриваются. Разрушение промышленного потенциала Украины расширяет возможности экспорта белорусской продукции. Но он будет сталкиваться с экспортом аналогичной продукции из ЕС, Турции и Китая. При этом вполне возможно усиление роли Беларуси как посредника в торговле между РФ и Украиной.

В целом в результате российско-украинского конфликта значение Беларуси как международного партнера сильно выросло как для России, так и для Украины. К политическому и торговому значению следует добавить возрастание транзитного значения РБ для перевозок на направлении Китай – СНГ – Европа и на меридиональном направлении: страны Балтийского моря – страны Черного моря. Реализация циф-

ровых амбиций РБ еще более повысит ее привлекательность для европейских и евразийских партнеров.

Сохранится ли треугольник в будущем? Или он превратится в угол с центром в Беларуси? Надеюсь, что сохранится. Но экономическое взаимодействие в нем будет ослабевать по российско-украинскому и белорусско-украинскому направлениям. Под влиянием ассоциации с ЕС продолжится трансформация экономики Украины в интересах европейских и американских компаний. Развитие экономики Беларуси и России будет происходить в рамках ЕАЭС, но с учетом национальных интересов. Важную роль в поддержании треугольника могут сыграть ТНК, но для этого нужно найти политическое решение проблемы Донбасса, а также наладить диалог между ЕС и ЕАЭС. В случае его успеха треугольник может обрести новую миссию связующего звена между европейской и евразийской интеграцией.

ЛИТЕРАТУРА

- Дзермант А.* Беларусь: особенности государственной идеологии и национальной идентичности, 18 июня 2015. www.gumilev-center.ru/belarus-osobennosti-gosudarstvennoj-ideologii-i-nacionalnoj-identichnosti/.
- Головаха Е.И., Панина Н.В.* Основные этапы и тенденции трансформации украинского общества: от перестройки до парламентского кризиса 2007 г. // Российская модернизация: размышления о самобытности. Ред. Э.А. Паин, О.Д. Волкогонова. «Три квадрата». М., 2008. С. 312–316.
- Кочетков В.В.* Идентичность в международных отношениях: теоретические основы и роль в мировой политике // Вестник МГУ. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2010. №1.
- Крылов М., Гриценко А.* Идентичности на Украине: вызовы современности – эхо прошлого? // Мир перемен. 2015. №2. С. 143.
- Кузнецов А.В.* Судьба англосаксонского глобализма // Мир перемен. 2015. №3. С. 146–148.
- Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ 2017 / Ред. Е.Ю. Винокуров. Доклад №45. ЕАБР. Центр интеграционных исследований. Санкт-Петербург, 2017.
- Сидорский С.С.* Инновации как фактор устойчивого развития реального сектора государств – членов ЕАЭС. Сборник научных статей. Ч. 1. Ред.

- В.И. Бельский. Институт экономики Национальной академии наук Беларуси. Минск, 2017. С. 145–150.
- Толочко П.* «Русский мир» и Украина // Еженедельник «2000». 2012. №23. С. 4. www.2000.ua/v-pomere/forum/puls/russkij-mir-i-ukraina_arhiv_art.htm.
- Тренин Д.В.* Интеграция и идентичность. Россия как «новый Запад». Моск. центр Карнеги. М.: Изд-во «Европа», 2006.
- Шурубович А.В.* Белорусская экономическая модель перед лицом тяжелых испытаний // Россия и современный мир. 2017. №3. С. 116–132.
-

А.Г. Пылин

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СВЯЗАННОСТЬ СТРАН ЕАЭС В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Торговая открытость экономик стран ЕАЭС

В последние годы функционирование глобальной экономики происходит на фоне высокой степени неопределенности и изменчивости внешних условий развития для стран и регионов. Мировой финансово-экономический кризис и долговой кризис еврозоны, меняющаяся конъюнктура на мировых топливно-сырьевых рынках, формирование крупных трансрегиональных экономических партнерств, слабая экономическая динамика стран Евросоюза и запуск процедуры выхода Великобритании из ЕС, замедление роста экономики Китая – все эти факторы имеют серьезные последствия для мировой экономики. При этом в условиях глобализации значительные риски от возрастающей неопределенности несут прежде всего страны с формирующимся рынком, к которым относятся государства Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Пылин Артем Геннадьевич – кандидат экономических наук, зав. сектором Центра постсоветских исследований Института экономики РАН, старший преподаватель департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета при Правительстве РФ.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 15-07-00020 «Экономическая и социальная трансформация постсоветского пространства в контексте евразийской интеграции».

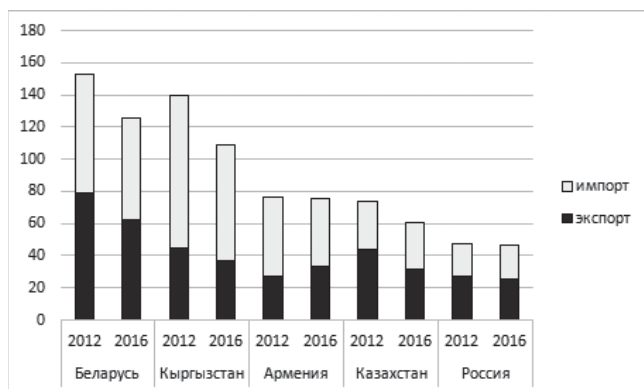
Устойчивость стран ЕАЭС к внешним факторам, прежде всего к изменяющейся конъюнктуре на мировых товарно-сырьевых рынках и разнонаправленной динамике экономического развития стран-партнеров, во многом определяется степенью и характером их интеграции (вовлеченности) в мировую экономику.

Внешнеторговая открытость стран ЕАЭС, определяемая процентным отношением суммы экспорта и импорта товаров и услуг страны к объему ВВП, за последние семь лет имела неравномерную динамику. В 2010–2012 гг. страны региона продолжили после мирового кризиса активно интегрироваться в международные торговые связи, темпы роста их внешней торговли опережали темпы роста экономики (в текущих ценах), а показатели внешнеторговой открытости возрастали. Однако в 2013–2016 гг. произошла стабилизация, а затем и снижение (наиболее сильное в Казахстане и Киргизии) степени вовлеченности стран в мировую торговлю на фоне ухудшения глобальной конъюнктуры. В 2016 г. наибольший уровень внешнеторговой открытости имели Беларусь и Кыргызстан, а наименьший – Россия (ввиду емкости внутреннего рынка) и Казахстан (рис. 1). При этом по сравнению с близкими по численности населения странами ЦВЕ государства ЕАЭС заметно уступают им по показателю внешнеторговой открытости¹.

Анализ структуры торговой открытости показывает, что в регионе выделяются страны преимущественно с *экспортно-ориентированной экономикой* (Казахстан и Россия) – чистые экспортеры энергоресурсов, и страны с *высокой импортной емкостью экономики* (Кыргызстан и Армения) – чистые импортеры углеводов. Беларусь одновременно обладает наиболее мощным экспортноориентированным производ-

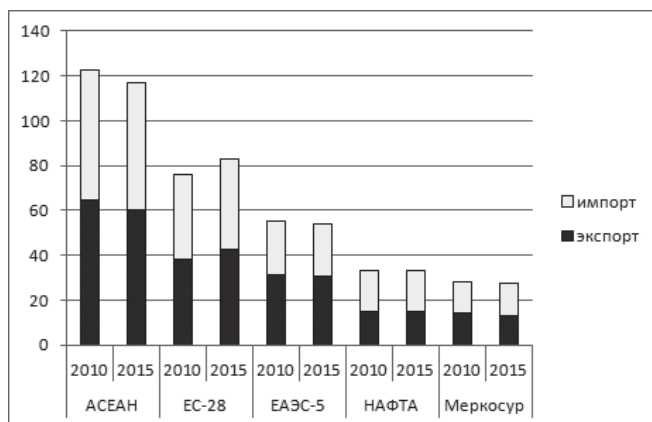
---

1. В 2015 г. внешнеторговая открытость Армении составляла 71% ВВП, тогда как в Хорватии – 96%, Македонии – 113, Словении – 146, Литве – 155% ВВП; в Беларуси – 119% ВВП, тогда как в Чехии – 163%, Венгрии – 171% ВВП (2014 г.); Казахстане – 53% ВВП, тогда как в Румынии – 83%; в Киргизии – 115% ВВП, а в Словакии – 185% ВВП [по данным World DataBank, 2016].

Источник: рассчитано по данным World DataBank, 2017.

Рис. 1. Внешнеторговая открытость стран ЕАЭС в 2012–2016 гг., % ВВП

Источники: рассчитано по данным World DataBank, 2016; ITC Trade Map, 2016; IMF. World Economic Outlook Database, 2016.

Рис. 2. Внешнеторговая открытость регионов мира в 2010–2015 гг., % ВВП

ством (с максимальной долей экспорта в ВВП) и высокой импортоспособностью, что в значительной степени обусловлено зависимостью ее экспорта от ввоза из-за рубежа сырья и комплектующих.

На региональном уровне вовлеченность ЕАЭС в международную торговлю товарами и услугами сильно уступает таким

интеграционным объединениям, как Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Евросоюз, но превосходит Североамериканскую зону свободной торговли (НАФТА) и Общий рынок стран Южной Америки – Меркосур (рис. 2). В частности, такое отставание Евразийского союза во многом обусловлено его более низким уровнем технико-экономического развития и слабым участием в глобальных цепочках добавленной стоимости (ГЦС) по сравнению со странами ЕС и Юго-Восточной Азии.

При оценке торговой открытости стран и связанных с ней рисков важно также учитывать географическую (региональную) структуру внешней торговли. Страны ЕАЭС существенно различаются по основным торговым партнерам, что потенциально влияет на возможности их более тесной координации на внешних рынках. Так, Россия и Казахстан традиционно в значительной степени ориентированы на торговлю с ЕС, на который приходится 39–43% общего товарооборота стран, что во многом предопределяет их одностороннюю зависимость от Евросоюза². Напротив, торговые связи Беларуси и Кыргызстана направлены преимущественно на внутрирегиональный рынок ЕАЭС, который концентрирует 34–52% их общей торговли товарами. Для Армении и европейский, и евразийский рынок играют важное значение, т.к. на каждый из них приходится примерно по ¼ ее товарооборота (табл. 1).

В последние годы в странах ЕАЭС наметилась тенденция снижения интенсивности торговли с ЕС в условиях сравнительно низких темпов роста европейской экономики и переориентации их торговых потоков на рынки третьих стран, в частности Китая. За последние пять лет торговля с КНР росла наиболее быстрыми темпами у Беларуси и Армении, а в торговле Кыргызстана доля Китая достигла почти 30%. В то же время активизация интеграционных процессов

---

2. Для сравнения, в 2015 г. доля России и Казахстана во внешней торговле товарами ЕС составляла лишь 2,2% и 0,2% соответственно (расчеты по данным ИТС. Trade Map, November 2016).

на постсоветском пространстве способствовала росту доли ЕАЭС в общей торговле стран региона, особенно в Армении и Беларуси. Однако в целом доля внутрирегиональной (взаимной) торговли в рамках ЕАЭС остается на достаточно низком уровне (около 13%), что существенно ограничивает возможности стран объединения по совместному противостоянию внешним торговым шокам.

Таблица 1. Географическая структура внешней торговли товарами стран ЕАЭС, %

Страна		ЕС-28			ЕАЭС-5			КНР		
		2011	2013	2016	2011	2013	2016	2011	2013	2016
Армения	экспорт	45,6	33,4	26,9	17,5	23,7	21,9	1,2	4,7	5,4
	импорт	28,2	26,4	22,5	22,8	24,3	31,0	9,8	8,8	10,9
	оборот	32,4	28,2	24,0	21,5	24,2	27,7	7,7	7,8	8,9
Беларусь	экспорт	37,9	28,1	24,0	37,2	47,9	48,4	1,5	1,2	2,0
	импорт	19,0	24,4	20,0	54,8	53,5	55,7	4,8	6,6	7,7
	оборот	28,0	26,1	21,8	46,5	50,9	52,3	3,2	4,1	5,1
Казахстан	экспорт	48,6	54,5	50,3	9,2	7,8	10,6	18,5	17,0	11,5
	импорт	19,3	18,6	22,6	45,1	39,0	38,4	13,2	17,1	14,6
	оборот	39,7	41,3	39,0	20,0	19,2	21,9	16,9	17,0	12,7
Киргизия	экспорт	2,0	3,7	5,1	29,4	30,9	20,9	2,1	2,2	5,6
	импорт	10,4	10,6	6,4	45,8	44,5	38,2	21,7	23,9	38,1
	оборот	7,7	9,1	6,1	40,6	41,4	33,6	15,5	19,0	29,3
Россия	экспорт	51,6	53,8	45,7	7,9	7,8	8,9	6,8	6,8	9,8
	импорт	41,7	42,6	38,4	7,1	6,4	7,4	15,8	16,9	20,9
	оборот	47,9	49,6	42,8	7,6	7,3	8,3	10,1	10,5	14,1

Источники: рассчитано по данным Национальной статистической службы Республики Армения; Национального статистического комитета Республики Беларусь; ФТС России; ITC. Trade Map. January 2018.

Товарная структура внешней торговли. Ключевой особенностью интеграции стран ЕАЭС в глобальную экономику является их значительная зависимость от экспорта топливно-сырьевых товаров и продукции с невысокой степенью переработки. Это во многом стало результатом деиндустриализации стран региона после распада единого народно-хозяй-

ственного комплекса Советского Союза и их вынужденной ориентации на потребности мировой экономики. И хотя за последние несколько лет доля биржевых товаров в их экспорте заметно снизилась³ на фоне падения спроса и мировых цен, эта зависимость по-прежнему остается одним из главных рисков для устойчивости стран – участниц объединения.

Товарная структура экспорта стран ЕАЭС существенно различается по основным регионам и направлениям. Внутрорегиональный экспорт носит более сбалансированный и диверсифицированный характер по сравнению с экспортом в третьи страны, что потенциально повышает устойчивость торгового взаимодействия в рамках ЕАЭС при ухудшении конъюнктуры на мировых рынках. По данным Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), в 2016 г. основу экспорта товаров ЕАЭС в третьи страны составляли минеральные продукты (60,7%), металлы и изделия из них (10,4%) и продукция химической промышленности (6,7%). В то же время структура экспорта во взаимной торговле ЕАЭС была более разнообразной и включала минеральные продукты (27,0% – в два с лишним раз меньше, чем в торговле с третьими странами), машины, оборудование и транспортные средства (17,9%), продовольственные товары (16,6%).

Отметим, что еще за годы функционирования ТС-ЕЭП странам-участницам (Беларусь, Казахстан, Россия) удалось заметно улучшить структуру взаимной торговли. По данным ЕЭК, за 2011–2014 гг. доля минеральных продуктов во взаимной торговле «тройки» снизилась с 39,8 до 30,5%, тогда как доля машин, оборудования и транспортных средств возросла с 20,0 до 21,9%, продовольственных товаров – с 9,3 до 13,7%.

Различия в товарной структуре экспорта во взаимной торговле и в третьи страны оказываются еще сильнее для каждой из стран ЕАЭС (табл. 2). Для Беларуси ЕАЭС важен как основной рынок сбыта продовольственных товаров, а также

---

3. По данным ЕЭК, доля минеральных продуктов в экспорте товаров ЕАЭС в третьи страны сократилась с 74% в 2013 г. до 61% в 2016 г.

Таблица 2. Товарная структура экспорта стран ЕАЭС в 2016 г., %

Товарные группы	Армения		Беларусь		Казахстан		Кыргызстан*		Россия	
	Взаимная торговля	Экспорт в третьи страны	Взаимная торговля	Экспорт в третьи страны	Взаимная торговля	Экспорт в третьи страны	Взаимная торговля	Экспорт в третьи страны	Взаимная торговля	Экспорт в третьи страны
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Продовольственные товары и с.-х. сырье	65,6	18,8	33,5	2,8	11,3	5,2	24,4	6,9	9,3	5,6
Минеральные продукты	1,0	33,4	2,6	39,1	34,2	68,7	25,8	8,7	36,7	61,1
Продукция химической промышленности	2,4	1,2	11,9	25,4	19,1	5,8	5,2	1,7	12,0	6,0
Кожевенное сырье, пушнина	1,3	0,2	0,3	0,3	0,2	0,1	0,1	0,7	0,2	0,1
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	0,1	0,2	2,9	5,6	0,5	0,7	1,2	0,0	3,1	3,4
Текстиль, текстильные изделия и обувь	13,1	3,4	8,2	2,5	2,2	0,2	23,2	1,7	2,0	0,1
Металлы и изделия из них	1,2	15,6	6,7	7,0	25,8	15,7	4,6	2,9	11,5	9,9
Машины, оборудование и транспортные средства	4,5	2,0	27,9	9,7	5,6	1,3	10,6	9,2	15,8	4,3

* В данных по Кыргызстану значительные объемы экспорта не распределены по товарным группам.

Примечание. ЕЭК определяет объемы взаимной торговли товарами государств – членов ЕАЭС как суммарный стоимостной объем экспортных операций государств – членов союза во взаимной торговле.

Источник: составлено по данным Евразийской экономической комиссии.

машин, оборудования и транспортных средств (в том числе в кооперации с российскими производителями), а рынок третьих стран (прежде всего ЕС) – как потребитель белорусских нефтепродуктов, произведенных из российской сырой

нефти⁴, и продукции химической промышленности (калийные удобрения). Для Казахстана торговый рынок ЕАЭС важен не только как направление сбыта минеральных продуктов, но и металлов и изделий из них, продукции химической промышленности и продовольствия, тогда как на рынок третьих стран Казахстан поставляет в основном минеральные продукты. Несмотря на то, что для России емкость рынка ЕАЭС весьма ограничена (на его долю приходится лишь около 9% российского экспорта), его важность определяется тем, что он потребляет около 1/3 всей экспортируемой российской машино-технической продукции.

Особенностью малых экономик стран региона является то, что они стремятся диверсифицировать возможные риски путем ориентации различных отраслей на разные рынки сбыта. В Армении в рамках реализации комплементарной политики разные отрасли (кластеры) и производства фактически ориентируются на разные рынки. Так, основу армянского экспорта в ЕАЭС (РФ) составляют продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (особенно алкогольные и безалкогольные напитки), а в ЕС – минеральные продукты (медные руды и концентраты), металлы и изделия из них (нерафинированная медь, ферросплавы, алюминиевая фольга, молибден и изделия из него), текстиль, драгоценные камни и ювелирные изделия [Вардомский, Пылин, Ильина, 2016, с. 11–14, 46–48]. В Кыргызстане основу экспорта в ЕАЭС составляют продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (мясо крупного рогатого скота, овощи и молочная продукция), а в третьи страны (Швейцария и ОАЭ) – необработанное золото. Такая ситуация обусловлена не только наличием соответствующих природных ресурсов и производств в странах-поставщиках, но и сложившейся структурой спроса на внешних рынках.

---

4. В 2015 г. экспорт нефтепродуктов из Беларуси составил 6,8 млрд долл., или 1/4 всего экспорта страны, из которых 4,5 млрд долл. было направлено в ЕС (расчеты по данным ITC. Trade Map, November 2016).

Одним из основных рисков устойчивого развития стран ЕАЭС является их высокая технологическая зависимость от развитых стран при сравнительно слабом уровне развития собственных современных технологий и производств товаров с высокой добавленной стоимостью. По данным ЕЭК, в 2015 г. доля машин, оборудования и транспортных средств в общем импорте товаров из третьих стран составляла в среднем у ЕАЭС 43% и колебалась от 27% в Армении до 45% в Казахстане.

Торгово-экономическая связанность евразийской интеграции

При оценке устойчивости стран ЕАЭС к неблагоприятным внешним условиям, а также конкурентоспособности самого евразийского объединения важное значение имеет связанность этого пространства и динамика развития торгово-экономических связей как внутри союза, так и за его пределами. О сравнительно слабой вовлеченности ЕАЭС в мировую торговлю товарами свидетельствует его низкая доля в мировом экспорте (3,3%), которая заметно ниже его доли в мировом ВВП (4,1%), а крайне низкий уровень связанности (определяемый нами как отношение внутрирегионального экспорта к экспорту в третьи страны) – лишь 0,11 – значительно уступает практически всем основным региональным интеграционным объединениям. Вместе с тем, более высокий уровень связанности региона СНГ (0,22) свидетельствует о сохраняющемся потенциале углубления и расширения евразийской интеграции. Однако, по оценкам Л.З. Зевина, этот показатель для евразийского пространства должен быть в два раза больше, чем по СНГ – 0,40. В этом случае будет достигнут так называемый «интеграционный порог», что создаст условия для нормального функционирования начального этапа интеграции [Зевин, 2015, с. 32–33].

Международный опыт показывает, что для создания конкурентоспособных предприятий и, как следствие, повышения устойчивости стран к внешним рискам на начальном этапе

крайне важным является создание более благоприятных условий для производителей в рамках определенного интеграционного объединения. Данные таблицы 3 свидетельствуют о том, что регионы с наиболее конкурентоспособным на внешних рынках производством – ЕС и АСЕАН – имеют наиболее высокие относительные показатели внутрирегиональной торговли. По оценкам ЕБРР, развитие экспорта в пределах региона ЕАЭС впоследствии может стать первым шагом к его расширению в глобальных масштабах [Доклад..., 2012, с. 78].

Для оценки степени и интенсивности экономического взаимодействия стран ЕАЭС в 2012–2016 гг. применим коэффициент торгово-экономической связанности (КТЭС), который исчисляется как отношение стоимостных объемов взаимного товарооборота к суммарному ВВП (в текущих ценах) взаимодействующих стран и умножения полученной величины на 100. Этот коэффициент позволяет оценить связь роста экономики и взаимной торговли. Косвенно он отражает уровень комплементарности (взаимодополняемости) экономик, причем как на двусторонней основе, так и в разрезе интеграционных объединений. Анализ динамики КТЭС позволяет также оценить направленность процессов неформальной интеграции (на примере торговых связей) рассматриваемых стран. Для этого были выбраны все возможные 10 взаимодействующих пар стран в рамках ЕАЭС (табл. 4).

Проведенные расчеты показали, что *за 2012–2016 гг. торгово-экономическая связанность ЕАЭС снизилась в среднем на 7,7% и составила 0,383*. Снижение связанности евразийской интеграции было обусловлено падением абсолютных показателей взаимной торговли, которое наблюдалось четыре года подряд – с 2013 по 2016 гг. включительно. В результате по итогам 2016 г. объем взаимной торговли евразийской пятерки (ЕАЭС-5) составил 41,9 млрд долл., или 57,6% от уровня 2012 г. (в абсолютных показателях – сокращение почти на 31 млрд долл.)⁵. За этот период внутрирегиональная торговля

---

5. Расчеты автора на основе данных ИТС. Trade Map, January 2018.

Таблица 3. Экспорт товаров по основным интеграционным группировкам в 2014 г.

Регионы	Доля в мировом экспорте, %	Доля в мировом ВВП (ППС), %	Общий экспорт, млн долл.	Внутри-региональный экспорт, млн долл.	Экспорт в третьи страны, млн долл.	Связанность региона
ЕС-28	33,3	17,1	6 162 240	3 900 147	2 262 093	1,72
НАФТА	13,5	19,3	2 493 000	1 251 000	1 242 000	1,01
Меркосур	2,1	4,4	396 000	57 000	339 000	0,17
АСЕАН	7,0	6,0	1 295 000	331 000	964 000	0,34
СНГ	4,0	4,9	735 000	131 000	604 000	0,22
ЕАЭС-5	3,3	4,1	616 329	61 399	554 930	0,11

Источники: рассчитано по данным World Trade Organization. 2015, pp. 41, 50, 55, 56, 58; IMF. World Economic Outlook Database, 2016; национальной статистики стран ЕАЭС.

Таблица 4. КТЭС стран ЕАЭС-5 в 2012–2016 гг.

Пары стран	2012	2013	2014	2015	2016	Изменение, %
Беларусь – Россия	1,908	1,657	1,724	1,912	1,945	1,9
Казахстан – Россия	0,987	0,941	0,884	0,973	0,892	–9,6
Казахстан – Кыргызстан	0,493	0,421	0,461	0,366	0,411	–16,5
Беларусь – Казахстан	0,337	0,301	0,319	0,236	0,231	–31,5
Армения – Россия	0,060	0,062	0,066	0,088	0,105	76,0
Беларусь – Кыргызстан	0,213	0,134	0,111	0,094	0,097	–54,5
Кыргызстан – Россия	0,090	0,093	0,092	0,104	0,073	–18,9
Армения – Беларусь	0,052	0,057	0,044	0,059	0,063	19,4
Армения – Кыргызстан	0,002	0,005	0,002	0,003	0,007	365,9
Армения – Казахстан	0,006	0,003	0,003	0,003	0,004	–29,9
ЕАЭС-5 (ср. арифм.)	0,415	0,367	0,371	0,384	0,383	–7,7

Источники: рассчитано автором по данным ITC. Trade Map, 2018; IMF. World Economic Outlook Database, 2017.

сильно сократилась между всеми странами за исключением армяно-российской (прирост на 2,5%) и армяно-кыргызской (рост в 4 раза) торговли; армяно-белорусская торговля снизилась лишь на 9,3%. Во всех остальных случаях спад составил от 40 до 66%.

Столь значительное падение взаимной торговли было во многом обусловлено замедлением темпов роста мировой

экономики, ухудшением конъюнктуры на мировых товарно-сырьевых рынках (в том числе падением спроса и цен на нефть, газ и металлы), девальвацией национальных валют в 2014–2015 гг., замедлением или спадом экономик стран-участниц, а также санкционным противостоянием между Западом и РФ. Иными словами, запуск ЕАЭС состоялся на фоне весьма негативных внешних условий.

В то же время связанность отдельных стран региона заметно возросла с учетом сохранения позитивной торговой динамики (или ее наименьшего падения) между ними – это пары Армения – Россия, Армения – Беларусь и Армения – Кыргызстан. В этой связи, можно предположить, что вступление Армении в ЕАЭС (со 2 января 2015 г.) по меньшей мере позволило республике (в отличие от других стран) в этот период предотвратить сильный спад торговли с другими государствами объединения. Отметим также, что связанность Беларуси и России сохранилась на прежнем уровне.

Повышение устойчивости Евразийского экономического союза к неблагоприятным внешним факторам ограничивается сравнительно слабой и весьма дифференцированной связанностью между отдельными странами региона. По нашим расчетам, в 2016 г. наиболее *высокий уровень* торгово-экономической связанности (0,411 – 1,945) наблюдался в трех парах стран с общими границами: Беларусь – Россия, Казахстан – Россия и Казахстан – Кыргызстан; *средний уровень* (0,097 – 0,231) в парах Беларусь – Казахстан, Армения – Россия и Беларусь – Кыргызстан, а *наименьший* (ниже 0,073) – в паре Кыргызстан – Россия и в трех парах стран с участием Армении (Армения – Беларусь, Армения – Кыргызстан и Армения – Казахстан), что отчасти обусловлено отсутствием общих границ республики с другими странами объединения и нахождением ее в транспортной блокаде со стороны некоторых соседей.

В этот же период торгово-экономическая связанность стран ЕАЭС с Евросоюзом снизилась значительно сильнее – в среднем на 43,9% и составила 0,271. Наиболее сильное сни-

жение связанности с ЕС произошло у Беларуси и Казахстана, а наименьшее – у Армении. По итогам 2016 г. наиболее высокий среди стран ЕАЭС коэффициент связанности с ЕС сохранялся у России и Казахстана (табл. 5).

Столь масштабное снижение связанности ЕАЭС и ЕС было обусловлено сильным сокращением объемов взаимной торговли, прежде всего евразийского экспорта в Евросоюз. В 2015–2016 гг. по сравнению с 2012–2013 гг. экспорт из Казахстана в ЕС упал на 53,6%, а из Беларуси – на 49,9%, тогда как аналогичные показатели импорта – на 24,1 и 43,0% соответственно. Различная динамика экспортно-импортных потоков объясняется их структурой: поставками в Евросоюз топливно-сырьевых товаров и ввозом в ЕАЭС преимущественно инвестиционных товаров и технологий. Так, доля ЕС в машино-техническом импорте стран региона составляет 30–40%. У России падение импорта из ЕС (–49,3%) несколько превысило снижение отечественного экспорта (–45,1%) ввиду санкционного режима и более сильной девальвации российской валюты.

Таблица 5. КТЭС стран ЕАЭС-5 с КНР и ЕС

Пары стран	2012	2013	2014	2015	2016	Изменение, %
Армения – Китай	0,005	0,005	0,006	0,004	0,004	–17,4
Беларусь – Китай	0,032	0,034	0,015	0,027	0,022	–30,6
Казахстан – Китай	0,273	0,230	0,160	0,093	0,069	–74,6
Кыргызстан – Китай	0,015	0,015	0,011	0,009	0,014	–7,3
Россия – Китай	0,812	0,744	0,701	0,505	0,528	–34,9
ЕАЭС – Китай (ср. арифм.)	0,227	0,206	0,179	0,128	0,127	–44,1
Армения – ЕС	0,009	0,009	0,008	0,007	0,007	–20,3
Беларусь – ЕС	0,154	0,115	0,125	0,087	0,067	–56,7
Казахстан – ЕС	0,308	0,303	0,283	0,189	0,146	–52,7
Кыргызстан – ЕС	0,004	0,004	0,004	0,002	0,002	–44,9
Россия – ЕС	1,941	1,849	1,655	1,140	1,131	–41,7
ЕАЭС – ЕС (ср. арифм.)	0,483	0,456	0,415	0,285	0,271	–43,9

Источники: рассчитано автором по данным ITC. Trade Map, 2018; IMF. World Economic Outlook Database, 2017.

В 2012–2016 гг. торгово-экономическая связанность стран ЕАЭС с Китаем также значительно сократилась – на 44,1% и составила в среднем 0,127. Наиболее сильное снижение связанности с КНР произошло у трех крупнейших стран региона – Казахстана, России и Беларуси. По итогам 2016 г. сравнительно высокий среди стран ЕАЭС коэффициент связанности с Китаем отмечался у соседних России и Казахстана.

Снижение связанности экономик стран ЕАЭС и Китая объясняется в основном более быстрым наращиванием объемов китайской экономики, за которыми не успевают расти сравнительно невысокие торговые потоки, а также значительным снижением казахстанско-китайской и российско-китайской торговли. В 2015–2016 гг. по сравнению с 2012–2013 гг. экспорт из Казахстана в Китай упал на рекордные 68,6%, а поставки из России снизились на 21,1%. В то же время трем другим странам региона удалось заметно нарастить экспорт в КНР: Беларуси – на 32,4%, Кыргызстану – на 15,2%, а Армении – в 2,7 раза.

Таким образом, торгово-экономическая связанность внутри ЕАЭС в среднем в 1,4 раза выше, чем с ЕС и в 3 раза выше, чем с КНР. В условиях действия неблагоприятных внешних факторов 2014–2016 гг. связанность стран ЕАЭС снизилась намного меньше, чем с ЕС и КНР, что свидетельствует о сохранении более высокой комплементарности экономик стран – участниц евразийской пятерки. Этому способствовало вступление в силу договора о создании Евразийского экономического союза и более диверсифицированная структура взаимной торговли в рамках ЕАЭС.

В настоящее время ключевой задачей евразийской интеграции является формирование емкого внутреннего рынка как важнейшего драйвера роста экономики в интеграционных объединениях слабо- и среднеразвитых стран с отсутствием или недостаточным уровнем развития индустриального сектора [Зевин, 2015, с. 33]. Отказ от политики национального протекционизма путем устранения имеющихся нетарифных барьеров (НТБ) во взаимной торговле может

в значительной степени интенсифицировать внутрирегиональную торговлю по мере возобновления устойчивого роста экономики стран-участниц [Оценка..., 2015].

Предварительные итоги функционирования ЕАЭС за три года показывают некоторые позитивные результаты для присоединившихся в 2015 г. к процессам евразийской интеграции Армении и Кыргызстана. Так, в 2015–2016 гг. эти две страны, которые именно в этот период стали полноценными участниками евразийской интеграции, сохранили положительные темпы прироста экономики. По оценкам ЕАБР, стабилизация и восстановление экономики стран региона происходит в том числе за счет региональных факторов увеличения торгового взаимодействия между странами Евразийского союза, причем наиболее активно процессы наращивания экспорта в страны ЕАЭС происходили в Армении и Кыргызстане [Евразийские траектории..., 2016, с. 45–48]. В 2017 г. впервые за последние пять лет возобновился рост взаимной торговли в рамках всего объединения. По данным ЕЭК, за январь – октябрь 2017 г. объемы взаимной торговли стран ЕАЭС выросли на 26,7%, причем наиболее высокие темпы прироста отмечались в Армении (39,3%) и Казахстане (32,1%). При этом потребуются еще несколько лет, чтобы достигнуть хотя бы докризисного уровня взаимной торговли.

Однако опыт развития евразийской интеграции в рамках ТС-ЕЭП в 2010–2014 гг. свидетельствует о достаточно быстром (в течение двух-трех лет) исчерпании позитивных торговых эффектов. Для получения устойчивых интеграционных эффектов в средне- и долгосрочной перспективе требуется более тесная координация и согласование национальных интересов в целях повышения конкурентоспособности и модернизации стран-участниц объединения. Исчерпание прежних моделей экономического развития, которое наблюдается в настоящее время в странах региона, должно стать мощным стимулом к совместному поиску новых драйверов роста экономики.

ЛИТЕРАТУРА

- Вардомский Л.Б., Пылин А.Г., Ильина М.Ю. Экономика Армении: идеи, модели и результаты развития: научный доклад / Под общей ред. Л.Б. Вардомского. М: Институт экономики РАН, 2016. С. 11–14, 46–48.
- Доклад о переходном процессе за 2012 год. Трансграничная интеграция. Европейский банк реконструкции и развития. One Exchange Square, London, 2012. С. 78.
- Евразийские траектории восстановления экономики. Специальный доклад. Интеграционные импульсы роста. Макрообзор ЕАБР. Октябрь 2016. С. 45–48.
- Зевин Л.З. О некоторых проблемах экономического пространства Евразии XXI века: Научный доклад. Москва: Институт экономики РАН, 2015. С. 32–33.
- Оценка влияния нетарифных барьеров в ЕАЭС: результаты опросов предприятий. Доклад № 30. ЦИИ ЕАБР, 2015.
- IMF. World Economic Outlook Database, October 2016.
- IMF. World Economic Outlook Database, October 2017.
- ITC Trade Map November 2016.
- ITC Trade Map, January 2018.
- World DataBank. World Development Indicators. Last Updated: 22.12.2017.
- World Trade Organization. International Trade Statistics 2015.

С.П. Глинкина

ЕС И РОССИЯ В РЕГИОНЕ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

В последнее время регион Балтийского моря привлекает серьезное внимание политиков, бизнесменов, исследователей. Здесь сталкиваются экономические, политические интересы Европейского союза и России, причем баланс между политическими мотивами и экономическими интересами явно склоняется не в пользу последних. По поводу обоюдных фобий, страхов и угроз написано немало, при этом гораздо реже говорят и пишут об экономических предпосылках формирования мегарегиона, о необходимости и путях восстановления нормальных двусторонних связей между его участниками, прежде всего постсоциалистическими странами Балтии, Польшей и Россией.

* * *

В соответствии со статистикой, разработанной североевропейцами (и с ними частично солидаризуется Евросоюз), к членам мегарегиона Балтии в настоящее время относят 9 государств, среди которых североевропейские страны (Дания, Финляндия и Швеция), на которые приходится

Глинкина Светлана Павловна – д.э.н., проф., заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного направления «Международные экономические и политические исследования» Института экономики РАН.

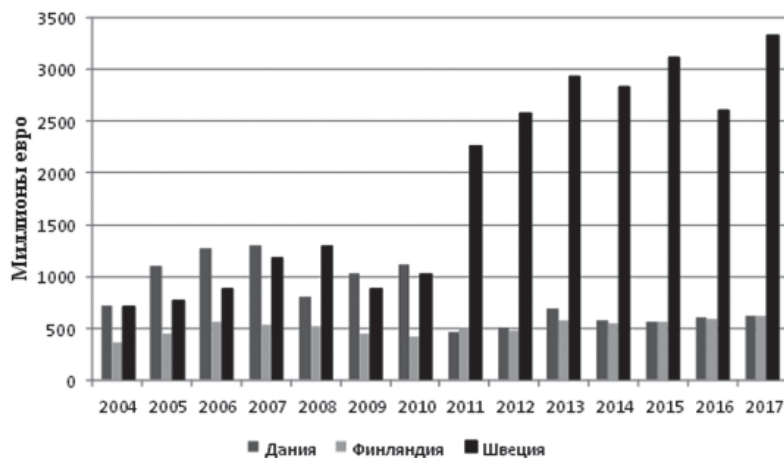
почти 60% ВВП региона Балтийского моря; северные районы Германии и Польши (соответственно 14,5 и 5% совокупного ВВП); районы Северо-Западного федерального округа России (14%) и собственно страны Балтии – Латвия, Литва и Эстония (7%) [Mezhevich et al, 2016]. Используемая методика вызывает много вопросов, в частности, почему северо-европейцы оперируют данными своих национальных ВВП, а в отношении других государств Балтийского моря, за исключением стран Балтии, – только прибрежными территориями. Внятных объяснений северо-европейцы не дают, но продолжают активно пользоваться данной методикой. Примем ее и мы, учитывая условность подхода.

Анализируя положение дел в регионе Балтии, нельзя не обратить внимания на разнородность состава его участников, что ставит под сомнение правомерность использования в отношении этой территории понятия «регион» в его общепринятом значении – сформировавшаяся внутренняя целостность, обеспечиваемая активными межстрановыми и многосторонними хозяйственными связями, общими институтами, культурной близостью и т.д. Как будет показано ниже, внутренняя связанность участников мегарегиона не только не нарастает, но даже снижается в последние годы, по крайней мере это справедливо в отношении России, Польши и стран Прибалтики.

На роль лидера в регионе претендуют *североевропейские страны*, обладающие высоким экономическим потенциалом, сыгравшие большую роль в трансформации экономической системы прибалтийских государств, в модернизации экономики Литвы, Латвии и Эстонии на основе осуществленных крупномасштабных инвестиций, принявшие активное участие в приватизации созданных здесь в советский период производственных мощностей. На рис. 1, 2 и 3 наглядно видны масштабы осуществленных Швецией, Финляндией и Данией инвестиций в прибалтийские государства.

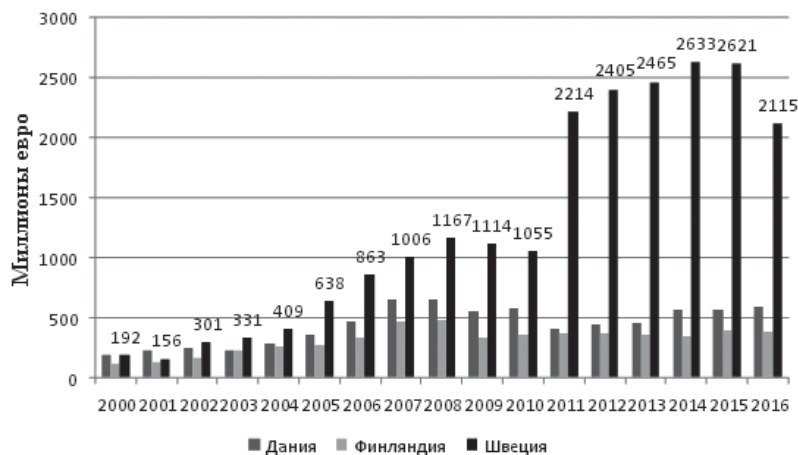
Экономический рост во всех странах Балтии в годы трансформации базировался прежде всего на шведских инве-

стициях, которые стали определяющими в банковской сфере, в недвижимости и сфере коммуникаций. Финский капитал занял лидирующие позиции в Эстонии. Заметными в регионе были также инвестиции Дании, Германии, Нидерландов, России и Польши. Эстония инвестировала в Латвию.

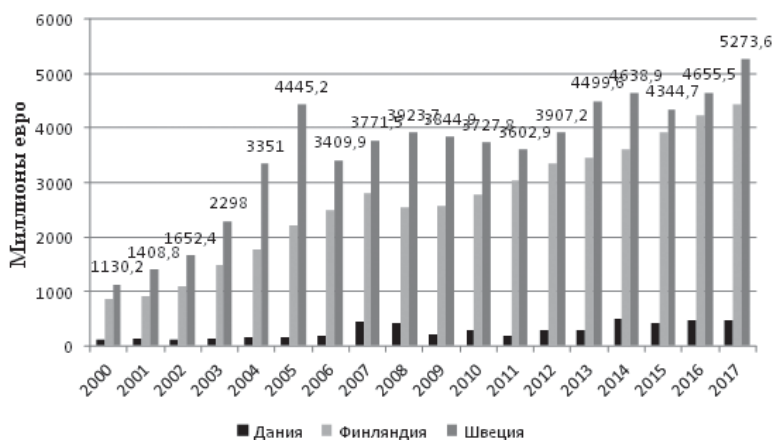
Источник: Национальный банк Литвы.

Рис. 1. Динамика ПИИ в Литву, 2004–2017 гг.

Источник: Национальный банк Латвии.

Рис. 2. Динамика ПИИ в Латвию, 2000–2016 гг.

Источник: Национальный банк Эстонии.

Рис. 3. Динамика ПИИ в Эстонию, 2000–2017 гг.

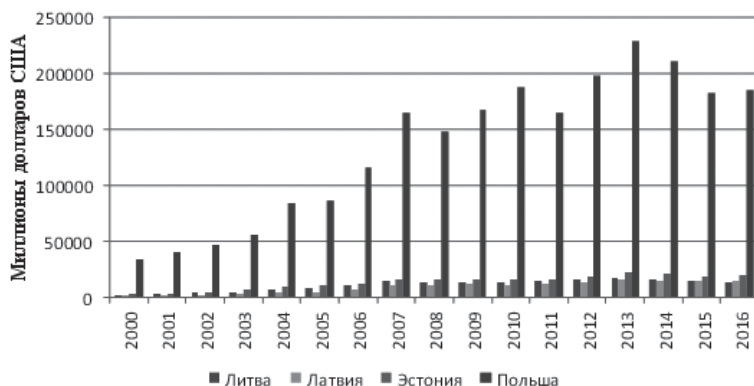
Среди важнейших факторов, способствовавших реализации стратегии североευропейского капитала в странах Балтии, следует назвать следующие:

- полная либерализация режима ПИИ принимающими странами, снятие ограничений на их приток во все, в т. ч. стратегически важные отрасли экономики;
- привилегированный доступ иностранных инвесторов к участию в приватизации;
- сравнительные преимущества стран Балтии по цене рабочей силы при очень высоком уровне образования и квалификации специалистов;
- гибкость рынка труда ввиду практического отсутствия в странах-реципиентах механизмов защиты трудящихся;
- низкая налоговая нагрузка бизнеса, предоставленные принимающей стороной иностранным инвесторам значительные инвестиционные льготы.

Под действием названных факторов объем накопленных странами Балтии ПИИ достиг в 2017 г. порядка 30 млрд евро (рис. 4), более 40% которых приходится на капитал из североευропейских балтийских государств. Причем их доля

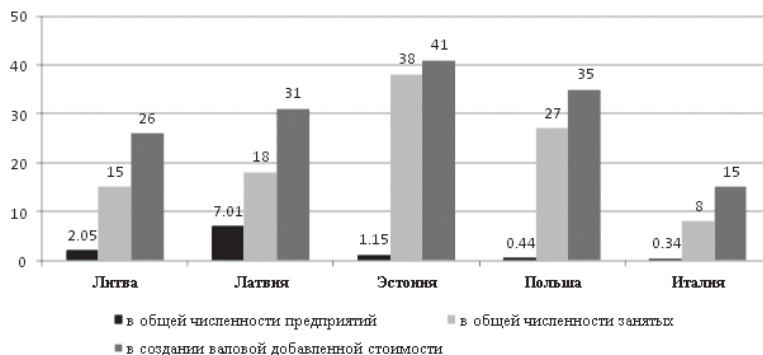
растет в последние годы параллельно со снижением объемов инвестирования внерегиональными инвесторами.

Сегодня совсем небольшое число крупнейших ТНК, прежде всего из Швеции, Финляндии, Германии и Нидерландов, определяют экономическую ситуацию в странах Балтии, что наглядно видно на рис. 5. Приведенные для сравнения данные по Италии свидетельствуют о чрезвычайно высокой роли иностранного капитала в развитии постсоциалистических стран региона Балтии.

Источник: UNCTADstat.

Рис. 4. Объем накопленных ПИИ странами Балтии и Польши, 2000–2016 гг.

Источник: рассчитано по данным Eurostat.

Рис. 5. Доля предприятий под иностранным контролем в 2015 г., в %

Однако факторы, способствовавшие притоку, прежде всего европейских инвестиций, на основе которых происходили коренные изменения структуры экономики прибалтийских государств и Польши, к настоящему времени практически исчерпаны. Снижается привлекательность рынков стран Балтии в условиях завершившейся в них приватизации, а также по мере утраты ими сравнительных преимуществ, к каковым прежде всего следует отнести низкую цену рабочей силы при достаточно высоком уровне ее квалификации: относительный (в % к численности населения) отток рабочей силы за рубеж в Латвии и Литве является сегодня одним из самых высоких в мире.

В этих условиях страны Балтии большие надежды возлагают на приход сравнительно нового для региона Балтийского моря китайского капитала. Литва и Латвия надеются стать важной частью транзитного маршрута из Китая в Западную Европу в рамках инициативы «Один пояс — один путь» за счет создания логистического парка в крупнейшем Клайпедском морском порту (Литва), а также использования мощностей портов Рига и Вентспилс (Латвия). При этом уже на начальном этапе выстраивания отношений с Китаем усиливается конкуренция между странами Балтии за китайские инвестиции, о чем открыто заявляют ведущие политики. Так, премьер-министр Литвы С. Сквернялис после встречи с председателем парламента КНР заявил: «Литва должна победить Латвию в привлечении китайских инвестиций» [Сквернялис, 2017].

Надежды на «явление китайских капиталов» не должны, на наш взгляд, затмевать экономических реалий: период существования в мировой экономике больших объемов свободных и относительно дешевых финансовых ресурсов, ищущих сферы приложения, закончился, что негативно сказывается на динамике притока ПИИ в страны с формирующимися рынками, включая балтийские государства, а также на доле накопленных регионом Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) ПИИ в общем объеме мировых инвестиций. В год начала широкомасштабного восточного расширения ЕС (2004 г.) доля стран ЦВЕ в мировом объеме притока ПИИ достигла

рекордных 5,7%, в то время как в 2015 г. демонстрировала наименьший за все годы трансформации экономической системы в государствах ЦВЕ показатель – 0,5%. В последующие годы доля стран ЦВЕ в мировом притоке ПИИ колебалась на уровне 1,0 – 1,2%. В мировом объеме накопленных странами ЦВЕ ПИИ также произошло заметное сокращение – с 3,8% в 2008 г. до 2,3% в 2016 г. [UNCTADstat].

Следует учитывать, что получающие широкое распространение в мировой экономике новые формы организации бизнеса, в частности т.н. платформы, требуют не притока огромных финансовых ресурсов, а наличия в странах значительных технологических заделов, высокого качества социального капитала, инновативности мышления руководителей. В этих вопросах страны Балтии существенно отстают от своих североевропейских соседей, что связано с недоинвестированностью НИОКР, вынужденным массовым оттоком высококвалифицированной рабочей силы за рубеж в поисках более высоких заработков. Потребительский рынок стран Балтии все чаще захватывают платформы развитых североевропейских государств. Так, международная сервисная компания Itella, принадлежащая правительству Финляндии и оказывающая услуги в сфере информационных технологий, логистики и почтовой связи, подминает под себя в странах Балтии сектор услуг доставки покупок из интернет-магазинов. Itella планирует открыть в Латвии 400 пунктов получения посылок, в Литве – 450, а в Эстонии – 430. Цель предприятия – стать партнером ведущих международных и местных интернет-магазинов [Экономические итоги ..., 2017].

Как следствие сказанного, сохранение в странах Балтии модели экономического роста, базировавшейся до мирового финансового кризиса на крупномасштабном притоке иностранных инвестиций, наталкивается на значительные трудности, новые же источники экономического роста просматриваются слабо, зависимость от поступлений из структурных фондов ЕС свидетельствует о несамодостаточности экономик прибалтийских государств.

* * *

Активную роль в Балтийском регионе пытается играть Польша, продемонстрировавшая в годы трансформации наиболее стабильные темпы экономического роста среди новых членов Европейского союза. Страна претендует на роль интегратора группы постсоциалистических государств, реанимируя в современных условиях внешнеполитическую доктрину «Междуморья», выдвинутую в 1920-е годы Ю. Пилсудским и предусматривавшую создание «санитарного кордона» между Советским Союзом и Западной Европой. Сегодня страна провозглашает необходимость формирования геополитического блока государств Балтийско-Черноморского региона и восточной Адриатики, что должно обеспечить решение аналогичных задач: сдерживание России, недопущение сближения России с Германией, другими странами Западной Европы и Европейским союзом в целом.

Одним из принципиальных изменений во внешней политике Польши последних двух лет стал отказ от ею же предложенной совместно со Швецией в 2008 г. концепции Восточного партнерства как несостоятельной. Польша намерена впредь разрабатывать и проводить восточную политику самостоятельно. При этом акцент делался на активизации двусторонних отношений Польши и Украины, которая, правда, споткнулась на оценке целого ряда моментов Второй мировой войны, а также на модификации взаимодействия Польши с Беларусью. После долгих лет однозначной поддержки белорусской оппозиции РП теперь делает основной упор на прагматичные двусторонние отношения и политический диалог с руководством страны. Конечная стратегическая цель при этом остается неизменной — геополитическая переориентация Беларуси на Евросоюз и США, демонтаж Союзного государства России и Белоруссии и раскол в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) — интеграционной группировке с участием России, Казахстана, Белоруссии, Армении и Киргизии.

Если стратегию североевропейских государств в регионе Балтии можно было бы назвать стратегией освоения про-

странства, то польскую, видимо, следует признать блоковой, направленной на раскол региона.

Особую позицию в отношении прибалтийских государств занимает сегодня Россия. После распада Советского Союза на старте трансформационных реформ и российская, и прибалтийская стороны предложили друг другу концепции поддержания двусторонних отношений. Россия опиралась на тезис примата экономических отношений над политическими и наращивала инвестиции в странах Балтии, предполагая, что их объем и масштаб будут служить убедительным аргументом в пользу сохранения прибалтийскими государствами широких отношений с российским соседом. Страны Балтии же популяризировали тезис о том, что в силу своей бывшей близости с Россией они могут представлять собой естественный мост в отношениях между Россией и Западом. Обе концепции потерпели фиаско. Первой оказалась несостоятельной прибалтийская. Страны Балтии не смогли взять верный тон в диалоге с Россией, заняв позицию не посредника, а безапелляционного ретранслятора западных идеологических позиций. Окончательно концепция утратила значение после присоединения стран Балтии к НАТО и ЕС, так как отношения с Россией регулировались обеими организациями специальными соглашениями и не было необходимости дополнять их механизмом прибалтийского моста.

Российская концепция примата экономических отношений также не выдержала испытания, что стало понятным после появления Третьего энергетического пакета ЕС, принятого в 2009 г. и создававшего предпосылки к свертыванию российского экономического присутствия в Прибалтике. Концепция примата экономических отношений еще раз продемонстрировала свою неэффективность в 2014 г. после введения ЕС антироссийских санкций, что потребовало мобилизации имеющихся в стране внутренних возможностей для предотвращения экономического коллапса. Россия ответила введением контрсанкций, больно ударивших по европейской экономике, в т. ч. странам Балтии. Вторым шагом на

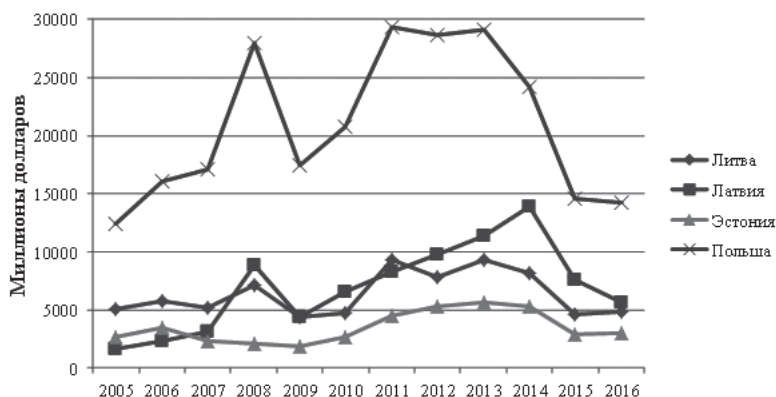
пути сворачивания экономических отношений между РФ и Прибалтийскими государствами стало провозглашение Россией политики импортозамещения.

Известно, что ориентация в течение всех лет трансформации на сырьевую экономику привела к заметной импортозависимости России. Доля импорта в отдельных отраслях промышленности оказалась существенно превышающей порог экономической безопасности. По официальным оценкам, в производстве станкостроительной продукции на начало 2014 г. доля импорта приблизилась к 90%, в тяжелом машиностроении – к 70%, в нефтегазовом оборудовании – к 60%, в энергетическом оборудовании она составила около 50%, в сельхозмашиностроении (в зависимости от категории продукции) – от 50 до 90%, в гражданском самолетостроении – более 80% [Официальный сайт..., 2015].

В 2014 г. Президентом РФ была поставлена задача – увеличить долю присутствия отечественных товаров на внутреннем рынке за счет требуемого качества продукции и приемлемых для покупателя цен. По планам Правительства РФ к 2020 г. импортная составляющая в производстве должна сократиться в 1,5–2 раза [Официальный сайт..., 2015].

Импорт, начиная с 2014 г., сократился во всех важнейших отраслях производства нашей страны, особенно значительным падением его стоимостных и физических объемов было в 2015 г. Незначительный рост после резкого сокращения наблюдался в импорте машин, оборудования и транспортных средств в 2016–2017 гг. При этом на путях импортозамещения достигнуты заметные результаты в развитии ряда отечественных отраслей. Наиболее впечатляющими на сегодняшний день они оказались *в сельском хозяйстве*. Импортозамещение в этой отрасли приобрело особое значение после того, как в 2014 г. Россия в ответ на санкции европейских стран, США, Канады, Австралии и Японии запретила импорт ряда продуктов сельскохозяйственного производства, непосредственно затрагивающих наше внешнеторговое сотрудничество со странами Балтии и Польшей. Взаимные

санкции, а также набирающая силу политика импортозамещения в России существенно сужают возможности восстановления экономических связей в регионе в прежних докризисных масштабах, что наглядно видно на рис. 6.

Источник: UNCDATstat.

Рис. 6. Товарооборот России со странами Прибалтики и Польшей в 2005–2016 гг.

Крайне болезненно на развитии прибалтийских государств сказывается реализация Россией стратегии снижения зависимости от прибалтийских стран в вопросах транспортировки грузов морем. Необходимость решения этой проблемы стала ясна уже в 1999 г., когда Латвия, Литва и Эстония в числе первых присоединились к нефтяному эмбарго ЕС в отношении Югославии, установленному в нарушение Устава ООН. «Тем самым нам было показано, что впредь в критических ситуациях конечные пункты российского нефтеэкспорта через их территории будет выбирать ЕС, вернее – США, а не сама Россия» [Баранчик, 2016].

Особенно сильно транзитная монополия прибалтийских стран ощущалась в транзите нефти, причем главенствующее положение здесь занимала Латвия, поскольку именно в латвийский порт Вентспилс был еще в советское время проложен единственный в этом регионе трубопровод. В общей сложно-

сти через латвийские порты в тот период транспортировалось более 30 млн т нефти и нефтепродуктов ежегодно, и латыши твердо рассчитывали на, как минимум, удвоение этого объема. Доходы Латвии от загрузки одного Вентспилского порта российской нефтью обеспечивали формирование около 10% бюджета страны [Баранчик, 2016].

В результате создания портовой инфраструктуры в Ленинградской области Россия достигла профицита портовых мощностей и начала активно снижать объемы перевозок через прибалтийские порты. В 2017 г. портами РФ перевалено 94% совокупного объема российских внешнеторговых грузов [Основные тренды..., 2017]. В 2016 г. через порты прибалтийских стран переваливалось уже только порядка 9 млн т российских нефтепродуктов, в 2017 г. эта цифра составила 5 млн т и, наконец, в 2018 г. этот грузопоток будет сокращен до нуля [Носович, 2017].

* * *

Таким образом, в регионе Балтийского моря сегодня реализуется, как минимум, три стратегии взаимодействия:

- *североевропейская*, направленная на освоение экономических пространств прибалтийских стран в результате крупномасштабного инвестирования в регион;
- *польская*, нацеленная на формирование особого геополитического и экономического блока из ряда постсоциалистических государств, призванного создать новый региональный центр силы, противостоящий России;
- и, наконец, во многом вынужденная стратегия *активного изоляционизма*, проводимая Россией.

В ответ на обострение политических отношений между странами Балтии и Россией наша страна, по существу, идет на экономическую блокаду этих государств. Следует, видимо, согласиться с экспертами Российского совета по международным делам В. Воротниковым, И. Юргенсом, С. Куликом и И. Тимофеевым, по мнению которых «в ближайшей пер-

спективе Евросоюзу и России придется ориентироваться на «селективное сотрудничество» по заметно сократившемуся списку торгово-экономических вопросов. Даже при полном или частичном снятии санкций с разрешением конфликта на юго-востоке Украины и с сохранением «фактора Крыма» тренд на избирательность сохранится — в большей мере по инициативе Евросоюза. Вопрос лишь в его характере и масштабах» [Воротников и др., 2016].

Очевидно, что главным условием отмены санкций со стороны Москвы будет возобновление экономических связей России не со всеми странами Евросоюза, а только с теми из них, правительства которых не сделали борьбу с «русской угрозой» смыслом своего существования на политической карте мира. В свете сказанного перспективы возврата к быдому (пусть и весьма непростому) состоянию отношений России со странами Балтии оказываются проблематичными. Нынешняя реальность взаимоотношений, отягощенных большим клубком вызовов и взаимных обвинений, не имеет аналогов за последнюю четверть века. Потому одна из ключевых задач для политиков и экспертов заключается в том, чтобы ясно осознать ее и найти нетривиальные подходы для выправления ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранчик Ю. Транзит из России и Прибалтика: расплата будет горькой. 13 сентября 2016. regnum.ru/news/2178524.html.
- Воротников В., Юргенс И., Кулик С., Тимофеев И. Россия и Европейский союз в регионе Балтийского моря. 15 ноября 2016. russiancouncil.ru/activity/publications/rossiya-i-evropeyskiy-soyuz-v-regione-baltiyskogo-morya.
- Сквернялис С. Литва должна победить Латвию в привлечении китайских инвестиций. 28 апреля 2017. bnn-news.ru/skvernialis-litva-dolzha-pobedit-latviyu-v-privlechenii-kitayskih-investitsiy-169602.
- Носович А. Россия лишает Прибалтику последних грузов. 3 августа 2017. www.rubaltic.ru/article/ekonomika-i-biznes/03082017-rossiya-lishaet-pribaltiku-poslednikh-gruzov.
- Национальный Банк Литвы. www.lb.lt/en/direct-investments-statistics.

- Национальный Банк Латвии. statdb.bank.lv/lb/Data.aspx?id=128.
- Национальный Банк Эстонии. statistika.eestipank.ee/?lng=en#treeMenu/FINANTSSEKTOR/620.
- Основные тренды развития морских портов России. Перспективы использования передового мирового опыта. ООО «Морское строительство и технологии», Санкт-Петербург, 2017. morproekt.ru/articles/prezentatsii/193-osnovnye-trendy-razvitiya-morskikh-portov-rossii.
- Официальный сайт импортозамещения в России: цели на 2016–2020, 2015. zimport.ru/cel-proekta.
- Экономические итоги 2016 года в Эстонии: печальное наследие. 13.01.2017. ru.sputnik-news.ee/economy/20170113/4490560/itogi-2016-jekonomika-jestonii.
- Eurostat. ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Structural_business_statistics_overview.
- Mezhevich N. M., Kretinin G. V., Fedorov G. M.* Economic and geographical structure of the Baltic Sea region // Baltic Region. 2016, No. 3, pp. 11–21.
- UNCTADstat. Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual, 1970–2016. unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=96740.
-

Ю.К. Князев

ОБЩИЕ ИНТЕРЕСЫ СТРАН, ОТСТАЮЩИХ В РАЗВИТИИ

Перед лицом общих вызовов у стран неизбежно появляются и общие интересы противостояния этим вызовам. Но общность интересов возникает и по другим, не менее важным, причинам. Россия и Польша в принципе имеют много общего: богатую неоднозначными событиями историю политических отношений, разнообразные экономические связи, территории, полученные в результате победоносной войны с нацистской Германией, обширные внутренние рынки, отстающую от мирового авангарда экономику. Предметом данной статьи является последняя из перечисленных общностей, а именно факт отставания наших стран в экономическом развитии и выявление вытекающих отсюда общих проблем и путей их решения на основе углубления торгово-экономического сотрудничества.

Преодолеть нашу сравнительную экономическую отсталость можно только путем упреждающего (а не просто догоняющего) развития обеих стран. В этом наши два государства разительно отличаются от многих других, которые не ставят

Князев Юрий Константинович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН.

такую амбициозную задачу по причине либо своей небольшой территории и немногочисленного населения, либо собственного понимания пути развития, связанного не с новой инновационной индустриализацией, а в основном с возрождением сельского хозяйства, расширением сферы услуг, созданием комфортной среды обитания, близкой к первозданной природе, и с обеспечением занятости населения преимущественно с помощью миграции в развитые зарубежные страны. Невозможно возражать против этого, оспаривать правильность их выбора — они так хотят жить, ибо такое у них представление о счастье.

Россия и Польша, я уверен, хотят большего. Их амбиции распространяются на лидерство по крайней мере в региональном масштабе. А для этого нужна крепкая и сравнительно самодостаточная экономика, находящаяся на уровне других развитых стран. Чтобы достичь этого уровня в кратчайшие сроки, необходим рывок в хозяйственном развитии. Надо оснастить производство современной техникой, причем не только импортной, но и отечественного изготовления. Этого требуют правильно понимаемые интересы государственной безопасности, которые Россия осознала в полной мере, находясь под душающими торгово-финансовыми санкциями со стороны Запада. Нашим странам следует диверсифицировать отраслевую и производственную структуру, освоить выпуск современной наукоемкой продукции, избавиться России от сырьевой зависимости, а Польше — от преобладания традиционных, но мало доходных производств.

Решать эти трудные задачи будет проще и эффективнее, если между двумя нашими странами наладить взаимовыгодное экономическое сотрудничество. Поскольку многие вопросы такого сотрудничества имеют не только двусторонний, но и многосторонний характер, то есть затрагивают сферу взаимоотношений России со всей группой стран ЦВЕ, а не только с Польшей, то следует остановиться на проблемах торгово-экономических связей Российской Федерации со всеми этими странами.

Прежде всего бросается в глаза неоднородность самих этих стран, отличающихся друг от друга по уровню развития, по степени международной интегрированности, по применяющимся моделям экономического роста, не говоря уже об их исторических, культурных и национальных особенностях. Это изначально требует разного подхода России к налаживанию с ними любых связей, в том числе и торгово-экономических.

Все эти страны являются членами Европейского союза или кандидатами на вступление и потому испытывают сильное влияние Брюсселя на свою внешнюю, в том числе торгово-экономическую, политику. В то же время не все они готовы безоговорочно подчиняться проводимому в настоящее время общему антироссийскому курсу, забывая о собственных национальных интересах.

В особенности это проявляется в отношении разных государств к антироссийским санкциям, навязанным США, но противоречащим их жизненным интересам. Введенные Евросоюзом санкции и ответное эмбарго России на импорт многих сельскохозяйственных и продовольственных продуктов из входящих в ЕС стран создали серьезные проблемы для двусторонних торговых и экономических связей и девальвировали достигнутые в ходе предыдущего многолетнего периода результаты. Замораживание отношений России с Евросоюзом затруднило сотрудничество с этой группой стран, но не прекратило его с каждой страной в отдельности.

Очевидно, что вступление в Европейский союз не содействовало сохранению прежнего экономического потенциала и в большинстве из стран привело к его деградации не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве, в том числе в странах с передовым в прошлом аграрным сектором (примерами служат Болгария и Венгрия). Проводимая Брюсселем общая аграрная политика и отсутствие таковой в области промышленности и в научно-технической сфере одинаково плохо сказываются на общем состоянии национальных экономик, обрекая их, за исключением некоторых более про-

мышленно развитых, на периферийный статус перед лицом передового ядра.

Россия по существу находится в аналогичном положении, но не желает мириться со своим незавидным статусом и готова прилагать усилия к его изменению. В этом деле она рассчитывает не только на себя, но и на взаимодействие со всеми заинтересованными странами, готовыми поделиться своими достижениями на взаимовыгодной основе. Со своей стороны, она может вложить имеющийся научно-технический потенциал и финансовые средства в совместные разработки и общий бизнес на территории как России, так и сотрудничающих стран.

Тот факт, что все наши страны отстают в экономическом развитии от европейского и мирового авангарда, определяет уже проводимый ими потенциальный курс на ускоренный рост национальной экономики и заставляет наши страны, часто бессознательно, действовать в одном направлении во внутренней и внешней политике. Осознание же этих общих интересов позволило бы находить больше возможностей для сотрудничества в важнейших для развития сферах, обеспечивающих рост производственного и научно-технического потенциала каждой страны.

Мешает ли членство стран ЦВЕ в Евросоюзе налаживанию торгово-экономического сотрудничества с Россией? Думаю, что нет. Отношения России с Европой не ограничиваются официальными связями с Европейским союзом, которые сейчас из-за западных санкций практически сведены на нет. Они включают также торговлю и другие формы экономического сотрудничества с каждой страной в отдельности. В нынешней кризисной ситуации объемы двусторонней торговли сократились и восстанавливаются очень медленно. Но потенциал для расширения торгово-экономических связей достаточно велик.

Евросоюз, как известно, сам внешней торговлей не занимается, ее ведут непосредственно входящие в него страны. ЕС устанавливает общие защитные таможенные пошлины,

но не имеет специальных фондов стимулирования экспорта и может лишь влиять на осуществление международных расчетов в евро. Вся работа по экспорту и импорту товаров и услуг, по инвестиционному и иному конкретному сотрудничеству осуществляют сами страны. Поэтому России необходимо сосредоточиться на развитии торгово-экономических связей с каждой страной в отдельности.

Изучение нынешнего состояния двусторонних связей и раскрытие перспектив их неминуемого расширения и углубления находятся в поле зрения российских и иностранных экспертов. Можно констатировать, что еще до мирового кризиса, несмотря на сравнительно успешное развитие всесторонних отношений и рост объема взаимного товарооборота в 3,5 раза, доля стран ЦВЕ в российской внешней торговле снизилась с 14,1% в 2001 г. до 8,3% в 2008 г., а удельный вес России в общем объеме товарооборота этих стран упал до 5%. В послекризисный период торгово-экономические связи еще более сузились из-за падения мировых цен на российские энергоносители и другое сырье, а в последние четыре года — по причине санкционной войны. Правда, физические объемы российского экспорта уменьшились в гораздо меньшей мере, а его структура изменилась незначительно. И сейчас Россия вывозит в эти страны в основном традиционную малообработанную продукцию добывающей промышленности и не в состоянии в ближайшее время серьезно изменить номенклатуру своего экспорта.

Страны ЦВЕ, напротив, диверсифицируют свои поставки в Россию и наращивают их объемы, несмотря на кризисные явления в российской экономике, которая тем не менее нуждается в импортных высокотехнологичных изделиях. Взаимные экономические связи сведены, к сожалению, к товарообменным операциям и вопреки общемировой тенденции не обогащаются инвестиционными и производственно-кооперационными формами. Именно в использовании этих современных форм видятся возможности дальнейшего расширения сотрудничества.

Столбовой дорогой может стать переход от обычной торговли излишками промышленной и сельскохозяйственной продукции к производственной кооперации на основе более глубокого разделения труда и более полного использования научно-технического потенциала всех сотрудничающих стран. Здесь непечатый край работы, в которую могут включиться заинтересованные страны.

Переходя к двусторонним отношениям между Россией и Польшей, необходимо отметить, что многие объективные факторы по-прежнему действуют в пользу возобновления ослабшего российско-польского сотрудничества. К ним можно отнести территориальную близость наших стран, давние исторические связи между ними, традиционное взаимодействие государств и народов, заинтересованность во взаимовыгодном экономическом сотрудничестве. Это позволяет надеяться на восстановление и дальнейшее развитие всесторонних отношений. Ориентация только на западные рынки, и пусть даже весьма полезные связи с партнерами из других регионов мира, не смогут полностью компенсировать государствам ЦВЕ утрату обширного российского рынка, как и нашей стране — гипотетическую недоступность региона с более чем 100-миллионным населением.

Какие я вижу возможности для расширения двустороннего сотрудничества? Евросоюз через свои фонды оказывает содействие странам-членам в решении сравнительно мелких задач экономического развития. В основном это касается небольших проектов местного значения в области дорожного строительства, торговли, ремесел и малого бизнеса, туризма, охраны окружающей среды. Укреплением промышленного и научно-технического потенциала Брюссель по большому счету не занимается. Поэтому заботиться о собственном инновационном развитии приходится самим странам, что им практически трудно делать из-за нехватки средств и узости национальной исследовательской базы.

Эта общая констатация не очень, наверное, подходит к более промышленно развитым странам региона. Но и они

испытывают трудности в своем дальнейшем инновационно-индустриальном развитии. Им не нужно заново создавать промышленный потенциал, он у них уже есть. Проблема заключается в его как можно более полном использовании с целью расширения производства современной наукоемкой продукции и сбыта ее на мировых рынках. Россия представляет собой обширный и платежеспособный рынок как раз для такой продукции из-за нехватки на нем соответствующих отечественных изделий.

Не будучи в достаточной степени знакомым с техническими возможностями Польши, можно, однако, полагать, что у нее есть такие производства, продукция которых интересна России как источник современного оборудования и новейших технологий. Например, Польша обладала раньше развитым судостроением, которое в условиях глобализации пришло в упадок. Россия же стремится возродить собственное судостроение, и мы могли бы использовать оставшийся в Польше потенциал и поделиться своими достижениями для налаживания разумной специализации и кооперации в этой области. Это всего лишь один пример, но их наверняка может быть множество.

Находясь под санкциями, Россия испытывает трудности в получении передовой иностранной техники, в которой она остро нуждается, но не для того чтобы, как до сих пор, импортировать ее для оснащения своих отсталых производств. Теперь нам она нужна для ликвидации нашей сырьевой зависимости, то есть для переработки наших нефти, газа, металлов, дерева, химического сырья внутри страны и продажи готовой продукции за границу. Но чтобы делать это успешно, необходимы современные станки, машины и технологии, которые мы должны производить сами, чтобы использовать их для промышленной модернизации и технического оснащения всей экономики, а также в интересах собственной безопасности. Следовательно, нашими новыми драйверами роста могут и должны стать развитие отечественного машиностроения и его сердцевины — станкостро-

ения и переработка на этой собственной технической базе имеющихся у нас в изобилии энергоносителей, промышленного и сельскохозяйственного сырья.

Любая страна, имеющая неплохой технический потенциал в какой-то отрасли, могла бы подключиться к решению этой грандиозной задачи. Надо не просто продавать отдельные машины и оборудование, а открывать в России собственные или совместные предприятия по их массовому производству и сбыту прежде всего на российской территории или по переработке нашего сырья в готовую продукцию для внутреннего потребления и экспорта за границу.

Для такого сотрудничества необходима политическая воля, а она не может возникнуть без установления доверия между лидерами наших стран и возвращения утраченного дружелюбия наших народов. От политической позиции руководителей государств зависит многое, если не все, в налаживании всестороннего сотрудничества. Прагматическая линия, например, руководства Венгрии в отношениях с Россией уже приносит свои плоды. Помогают сотрудничеству и умеренные, дружелюбные подходы лидеров Чехии, Словакии и Словении к оценке российского внешнеполитического курса, несмотря на некоторые неприемлемые для них нюансы. Поэтому крайне необходимо отказаться от конфронтации и начать работу по улучшению межгосударственных и человеческих отношений.

Оказавшись под жесткими и скорее всего бессрочными санкциями, Россия не имеет иного выбора, кроме как развиваться в основном на собственной базе, с использованием преимущественно внутренних средств, привлекая, конечно, из-за границы партнеров, готовых участвовать в реализации наших проектов и получать от этого экономическую выгоду.

А.А. Габарта

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СТРАН ВИШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ

Общность стран Вишеградской группы обусловлена не только культурными, социальными, историческими, но и экономическими особенностями. В XVI в. в период формирования раннекапиталистических отношений в Европе регионы, находящиеся восточнее реки Эльбы, на территории которых позже сформировались нынешние государства Центральной Европы, выбрали экстенсивный путь развития, базирующийся на дальнейшем ужесточении крепостного права. Впоследствии, после приобретения ими независимости в начале XX в., это стало одним из основных факторов социально-экономического отставания стран региона от ведущих экономик Западной Европы. Другой особенностью, характерной преимущественно для стран Центральной Европы, стал выбор социалистической модели экономического развития после окончания Второй мировой войны.

Несмотря на первоначальные успехи в восстановлении экономики в послевоенный период на основе командно-административных методов регулирования национального хозяйства и проведение индустриализации, страны региона

Габарта Анджей Артурович – доцент кафедры мировой экономики МГИМО МИД России,
e-mail: a.habarta@inno.mgimo.ru.

к концу XX века столкнулись с кризисом социально-экономической парадигмы и необходимостью поиска новой парадигмы социально-экономической модели.

На протяжении 1990–2000 гг. страны Вишеградской группы были катализатором перемен в своем регионе. За довольно короткий промежуток времени они совершили трансформацию своих политических систем и социально-экономических моделей. Благодаря грамотной экономической политике им удалось в относительно сжатые сроки перейти от социалистической экономической модели к эффективному рыночному хозяйству. Кульминацией их экономических преобразований условно можно считать их вступление в Европейский союз в 2004 г. Помимо успехов в экономической трансформации, также заслуживает внимания опыт Вишеградской группы в модернизации социальных институтов [Габарга, 2015, с. 77].

При анализе происходящих в регионе экономических процессов одним из самых сложных вопросов является типология социально-экономических моделей стран Вишеградской Европы. В научной литературе существует множество определений таких моделей. Несмотря на это, все они исходят из того, что социально-экономическая модель – это алгоритм, описывающий с помощью множества экономических показателей хозяйственное устройство страны. Основными составляющими этого механизма являются: роль государства в экономике, степень его вовлеченности в национальную экономику, соотношение форм собственности, отношения между трудом и капиталом, степень экономической свободы экономических агентов, отношение к предпринимательству, источники финансирования инвестиций, степень развития человеческих ресурсов, социальная структура общества, роль и место инноваций в экономической системе, а также роль формальных и неформальных правил в экономике.

В конце XX в., когда страны Центральной Европы встали на путь поиска новой социально-экономической парадигмы, в капиталистическом мире в обобщенном виде сложились

две успешные, с точки зрения экономистов, экономические модели функционирования государства: либеральная (англо-саксонская) и социально-ориентированная (германская).

Основными чертами либеральной модели, присущей англо-саксонским странам, является относительно низкий уровень регулирования экономики со стороны государства и относительно небольшой размер государственного сектора. Ввиду ограниченных государственных расходов на образование, здравоохранение, социальное страхование для стран либеральной модели характерен высокий уровень расслоения общества. Краеугольным камнем в данной модели является свобода экономических агентов и их поведения.

Более близкой, как с точки зрения менталитета, так и в географическом плане, для стран Центральной Европы является социально-рыночная модель. Самые успешные и эффективные ее разновидности сложились к концу двадцатого столетия в Германии и скандинавских странах.

По сравнению с американской и британской моделями в континентально-европейском варианте большее внимание уделяется социальным аспектам. Этим объясняется повышенная роль государства в регулировании национального хозяйства.

Самый трудный вопрос, на который эксперты до сих пор не могут дать однозначный ответ, это насколько модели стран Вишеградской Европы являются самостоятельными экономическими механизмами, то есть функционируют по собственной уникальной модели, или их экономический механизм является одной из разновидностей уже сформировавшейся в развитых странах экономической модели.

Большинство российских исследователей считают, что в странах Центрально-Восточной Европы так и не сложилась своя особенная хозяйственная модель. В обобщенном виде их точку зрения можно представить следующим образом: страны региона ради членства в Европейском союзе, вместо того чтобы самостоятельно выработать экономические механизмы, заимствовали уже сложившиеся в европейском

интеграционном объединении институты. Они называют эту модель «зависимым рыночным капитализмом».

Другой точки зрения придерживается автор данного исследования, полагая, что рассматриваемым странам присуща какая-то особая модель, единая для всех стран региона. Модели стран Вишеградской Европы имеют общие черты как с моделями развитых стран, так и с моделями развивающихся. Но, отличительные признаки «вишеградской модели» пока точно не сформулированы [Дрыночкин, 2015, с. 58]. Последнее можно аргументировать тем, что произошедшие после 1991 г. события привели к появлению некоторых признаков, на основании которых страны Вишеградской Европы можно выделить в отдельную группу [Габарта, 2013, с. 78].

В отличие от стран Балтии, где господствует радикальная, неолиберальная парадигма, и Словении, для которой свойствен неокорпоративизм, для стран Вишеградской Европы характерна встроенная неолиберальная модель (*embedded neoliberalism*), заключающаяся в поиске компромисса между рыночным механизмом, элементами патерналистского государства и протекционизмом.

Ощутимое влияние на формирование такой социально-экономической модели оказали два ключевых фактора: желание интегрироваться в европейское интеграционное объединение и приток иностранного капитала.

Ради членства в Европейском Союзе страны Вишеградской Европы вынуждены были заимствовать сложившиеся в ЕС политические, социальные и экономические институты.

Вступление стран Вишеградской группы в ЕС означало, что трансформация социально-экономических моделей и формирование модели рыночной экономики завершились. Другое дело, что, несмотря на формальное отнесение их к группе развитых стран на основании признака рыночности имплементируемой модели, реально формируемые социально-экономические модели вишеградских стран демонстрируют ряд отличий от «идеальной» модели [Шишелина, Габарта, Дрыночкин, 2017, с. 50]. В настоящей статье пред-

принята попытка проанализировать, насколько эти отличия вызваны сущностью «вишеградской модели», а в какой мере они определяются недостатками имплементации западноевропейских моделей.

Отличительной особенностью социально-экономических моделей стран Вишеградской Европы является ориентация на внешние источники экономического роста, в результате чего произошла переориентация промышленного производства с внутреннего рынка на внешний. Этим можно объяснить высокий уровень открытости экономик и их вовлеченность в мировое хозяйство, интеграцию промышленного сектора стран этой группы в производственные звенья прежде всего европейских ТНК. Другой специфической чертой социально-экономической модели является возрастающая зависимость социально-экономического развития этих стран от конъюнктуры мировой экономики и экономических циклов партнеров по интеграционному объединению ЕС, что особенно заметно в периоды экономических кризисов и финансовой нестабильности стран еврозоны [Габарта, 2016, с. 98].

Формирование рыночных отношений и процессы приватизации в странах региона проходили более быстрыми темпами, чем формирование класса частных собственников. Поэтому современные бизнес-элиты сформировались на основе находящихся у власти технократов, части интеллигентского сообщества и преуспевающих предпринимателей.

В странах Вишеградской группы сложился дуализм экономики, который заключается в существовании двух видов экономических агентов, представленных, с одной стороны, крупными предприятиями, находящимися в руках ТНК, а с другой – низкопроизводительными отечественными предприятиями. Национальный капитал в странах Вишеградской Европы представлен преимущественно малыми и средними предприятиями.

Другой характерной чертой социально-экономической модели стран Вишеградской группы является подчинение экономического развития стран региона интересам ТНК.

Особенно значима роль транснационального капитала в экспортных секторах экономики: промышленности и сфере услуг. В отличие от той же Великобритании, где капитал в экономику поступает по каналам фондового рынка, и от стран континентальной Европы, в которых экономические агенты финансируют свою деятельность через банковские займы, основным источником поступления капитала в странах Вишеградской Европы являются инвестиции, осуществляемые крупными иностранными ТНК.

На современном этапе иностранный капитал стал играть первостепенную роль в развитии экономик стран ЦВЕ. В 1993–2016 гг. среднегодовой объем притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в страны региона составил более 4,7 млрд долл. в год (4,5% ВВП региона), причем самый высокий показатель среди стран Вишеградской группы был у Польши – 8,9 млрд долл. США [UNSTAD, 2017].

Объемы ПИИ, привлеченных в национальные экономики, значительно увеличились после вступления этих стран в ЕС. ПИИ преимущественно сконцентрированы в т. н. «вишеградском кластере», охватывающем юг Польши, всю Чехию, северо-запад Словакии и северо-восток Венгрии.

Однако вопрос о влиянии ТНК на эффективность участия стран Вишеградской группы в международном разделении труда остается противоречивым.

С одной стороны, размещение зарубежных производств крупных ТНК на территории стран региона способствовало формированию производственных цепочек в промышленном производстве, модернизации обрабатывающей промышленности на основе импортных технологий, облагораживанию структуры товарного экспорта, ускорению темпов экономического роста.

С другой стороны, встраивание национальных компаний во внутрифирменную систему взаимоотношений в рамках ТНК ставит развитие торговых отношений в зависимость от политики ТНК. Благодаря притоку ПИИ произошел трансфер технологий, и в результате повысился среднетехнологи-

ческий уровень производимой продукции. Но это не оказало почти никакого влияния на другие отрасли экономики. Связь между крупными предприятиями, которые являются филиалами ТНК, и национальными производителями остается слабой.

Таким образом, экономики стран ЦВЕ поставлены в подчиненное положение интересам крупных ТНК: их несамостоятельность выражается в зависимости от принятия решений транснациональным капиталом. В странах региона сформировалась специфическая структура корпоративного управления. Ключевые решения принимаются в штаб-квартирах крупных иностранных компаний, которые затем спускаются в филиалы ТНК, расположенные в странах региона [Глинкина, 2017, с. 22].

Под влиянием ТНК страны Вишеградской Европы специализируются на производстве сложных товаров длительного пользования, используя при этом квалифицированную и недорогую рабочую силу.

Другой слабой стороной социально-экономических моделей стран Вишеградской группы является наличие неформальных институтов, коррупции, nepотизма при назначении менеджеров и госслужащих на высокие должности в госсекторе и органах государственной администрации.

Несмотря на формальное перемещение в группу развитых государств, экономики этих стран сталкиваются с рядом проблем, среди которых необходимо отметить низкий уровень доходов, относительно высокий уровень безработицы, а также наличие диспропорций в структуре занятости по сравнению со «старыми странами ЕС» (ЕС-15).

Социально-экономическое развитие стран Вишеградской группы в 1991–2016 гг., несмотря на наличие общих черт с другими развитыми странами Европы, имеет целый ряд отличий, которые позволяют выделить их в отдельную группу.

Структура экономик стран Вишеградской группы отличается от показателей развитых стран. Доля сельского хозяйства в большинстве стран региона выше, чем в развитых

странах, и составляет около 3%, причем самый высокий показатель в Венгрии – 4,3%, а самый низкий в Чехии – 2,6%. Удельный вес сферы услуг в формировании ВВП также ниже, чем в странах ЕС-15, и составляет в среднем по данному региону 63%. Высокая доля промышленности (около 33%) свидетельствует о незавершенности перехода их экономик к постиндустриальному обществу [Габарта, 2015, с. 79].

Структура занятости в странах Вишеградской группы также отличается от стран ЕС-15. Средний показатель занятости в сельском хозяйстве среди стран региона составляет около 6% занятого населения, причем самый высокий показатель в Польше – 12,6%. В промышленности стран региона трудится около 34% населения данных стран, самый высокий показатель отмечен в Чехии – 38%. В сфере услуг занято 60%. Самый высокий показатель занятости в этой сфере у Венгрии – 65% [World Bank, 2017]. Диспропорции между вкладом отдельных отраслей экономики в создание ВВП и уровнем занятости в них говорят о недостаточной эффективности экономик стран Вишеградской группы.

Слабой стороной стран Вишеградской группы является относительно низкий уровень доходов населения, который почти в два раза меньше, чем средний показатель для стран ЕС-28. В 2004 г. ВВП на душу населения, рассчитанный по паритету покупательской способности, в странах региона составлял около 61% от общеевропейского показателя – около 16 тыс. долл. США. К 2016 г. странам Вишеградской группы удалось незначительно сократить разрыв. Подушевой ВВП стран региона составлял около 75% от общеевропейского показателя – более 30 тыс. долл. США [World Bank, 2017].

Страны Вишеграда занимают близкие места в международных рейтингах. В этих странах очень высок уровень человеческого развития (средний показатель ИЧР для региона составляет 0,85). Если проанализировать составные элементы данного индекса, то средняя ожидаемая продолжительность жизни в странах региона составляет 77 лет, совокупный показатель ожидаемой продолжительности обучения – 11,8

лет, средняя величина ВНД на душу населения по ППС – 25,1 тыс. долл. США. Из вышеупомянутых показателей у стран Вишеградской группы низок только последний – уровень доходов населения [UNDP, 2017]. Степень расслоения общества в странах Вишеградской группы не очень велика (средний коэффициент Джини составляет 0,3) [UNDP, 2017].

По легкости ведения бизнеса (рейтинг «Doing Business 2017» Всемирного банка) страны Вишеградской четверки расположились в первой половине рейтинга и, за исключением Венгрии, занимают достаточно высокие места: Польша – 24-е, Чехия – 27-е, Словакия – 33-е, Венгрия – 41-е. Такое положение дел свидетельствует о высокой степени зрелости и конкурентоспособности экономик стран региона [World Bank, 2017].

Согласно методологии, изложенной в докладе «Глобальная конкурентоспособность», публикуемом Всемирным экономическим форумом, страны Вишеградской группы находятся на этапе перехода от стадии экономики, движимой эффективностью, к стадии, движимой инновациями. Это означает, что для повышения конкурентоспособности национальных экономик странам региона уже недостаточно достигнутых ими высоких показателей в системе высшего образования, наличия эффективного товарного рынка, рынка труда, развитого финансового рынка. Дальнейший рост конкурентоспособности может быть достигнут только за счет развития инноваций и новых технологий и их внедрения в национальную экономику. В последние два десятилетия в большинстве стран региона основой экономического роста было промышленное производство. Приток иностранного капитала в реальный сектор экономики в сочетании с дешевой и квалифицированной рабочей силой способствовали росту эффективности и производительности промышленных производств. Однако в долгосрочной перспективе использование «ценовой конкуренции» в сочетании с низким налоговым бременем как фактора экономического роста невозможно. Страны Вишеградской группы уже достигли своего предельного уровня. Дальнейшее развитие экономики и ее рост представляется возможным

только при условии перехода к экономике, основанной на знаниях, роста доли наукоемких производств в структуре промышленности. Согласно докладу «Глобальная конкурентоспособность», только Чехии удалось перейти к стадии экономики, движимой инновациями [Польша..., 2016, с. 79].

В странах Вишеградской Европы сложилась очень своеобразная система участия в международном обмене знаниями. С одной стороны, приход ТНК в страны региона означает трансферт знаний, необходимый для запуска своих предприятий; с другой стороны, разработка новых, передовых технологий остается в странах своего базирования. Таким образом, доступ к новым технологиям ограничен. Их трансферт происходит только в рамках подразделений ТНК, не оказывая существенного воздействия на местные инновационные центры.

Небольшой объем расходов на НИОКР обуславливает низкий уровень инновационности экономик стран региона. Эти расходы в странах Вишеградской группы составляют около 1,1% ВВП [World Bank, 2017], что в два раза меньше, чем средний показатель по ЕС. По индексу экономики знаний (Knowledge Economy Index – KEI), который демонстрирует эффективность использования страной знаний в целях ее экономического и общественного развития, страны Вишеградской группы занимают 20-е и 30-е места, а значения их индексов варьируют от 7,1 до 8,1 [World Bank, 2017]. Слабая сторона стран Вишеградской группы – недостаточный уровень развития национальных инновационных систем, в рамках которых происходят восприятие и адаптация глобальных знаний для нужд национальных экономик, а также производство новых знаний и основанных на них новых технологий. Другой недостаток стран региона, снижающий их индекс экономики знаний, – не очень высокий уровень развития информационной и коммуникационной инфраструктуры, которая способствует эффективному распространению и переработке информации.

Особенностью социально-экономической модели стран Вишеградской Европы после 2004 г. стал экспорт квалифи-

цированной молодой рабочей силы. Основной причиной оттока рабочей силы стали диспропорции в социально-экономическом развитии этой группы стран по сравнению со «старыми» членами ЕС (ЕС-15), проявившиеся в уровне доходов населения. Другой важной причиной трудовой миграции стал высокий уровень безработицы [Воротников, Габарта, 2016, с. 126].

Отток рабочей силы оказал воздействие на рынок труда и занятость в странах региона [Габарта, 2016, с. 2, 3, 5]. Из-за отъезда квалифицированной молодой рабочей силы стал наблюдаться ее дефицит. Это негативно сказывается на модернизационном потенциале стран, ухудшает качество рабочей силы, а как следствие, замедляет темпы экономического роста.

В последнее время все более актуальным становится вопрос о завершенности формирования социально-экономических моделей на базе либеральной модели. Победа консервативно-популистских сил на выборах в странах Вишеградской Европы ставит это утверждение под сомнение.

Победа партий «Право и Справедливость» в Польше, «Фидес» в Венгрии и «Акции недовольных граждан» в Чехии свидетельствует о несогласии большей части общества с продолжением прежнего, неолиберального, курса в национальном хозяйстве. Вышеупомянутые политические силы ставят под сомнение экономические достижения последних 25 лет.

В период трансформации в странах Вишеградской группы сложилась социально-экономическая модель, в рамках которой индивидуализм превратился в инструмент идеологического оправдания экономической политики новой элиты власти, а устоявшиеся ценности, рассматриваемые политическими элитами как второстепенные, изжившие себя пережитки прошлого, вызывают в обществе отторжение.

В странах Вишеградской группы необходимо преодоление изъянов неолиберальной парадигмы, и прежде всего «космополитического капитализма», который оставил за бортом многие слои общества. Победившие в последнее время

консервативно-популистские силы декларируют желание избавиться от модели зависимого рыночного капитализма. Ставится цель переместить акцент в социально-экономическом развитии с внешних факторов на внутренние, а также покончить с зависимостью и подчиненным положением по отношению к транснациональному капиталу. Реализацию этих амбициозных целей планируется достичь через усиление отечественных, а зачастую государственных компаний в экономике стран региона. Предполагается повысить конкурентные преимущества отечественного капитала через повышение налогообложения иностранных банков и крупных розничных сетей. Консервативно-популистские партии очень настороженно относятся к брюссельской бюрократии и ее инициативам. С большим скептицизмом воспринимаются идеи дальнейшего углубления западноевропейской интеграции и передачи прав наднациональным органам в рамках европейского объединения.

Консервативно-популистские партии стремятся уделять большое внимание социальным аспектам развития общества. Для нивелирования социальных диспропорций, а также для поддержки семейной политики все большие средства перераспределяются посредством государственных бюджетов.

Чуть более 25 лет – это очень короткий промежуток времени для того, чтобы аргументировать, что в странах Вишеградской группы окончательно сформировалась своя уникальная социально-экономическая модель. Автор склонен утверждать, что процесс формирования все еще продолжается.

ЛИТЕРАТУРА

- Воротников В.В, Габарта А.А. (2016), Влияние трудовой миграции на социально-экономическое развитие Польши и стран Прибалтики // *Современная Европа*, № 6.
- Габарта А.А. (2013), Влияние участия стран Вишеградской группы в ЕС на структуру национального хозяйства/ А. Габарта // *Восточная Европа. Перспективы*. 2013. №1–2 (январь–июнь).

- Габарта А.А. (2015), Опыт региональной интеграции и сотрудничества в рамках Вишеградской группы // *Современная Европа*, № 6.
- Габарта А.А. (2016), Особенности внешнеторговой и инвестиционной политики Польши // *Современная Европа*, № 6.
- Габарта А.А. (2016), Особенности польской трудовой миграции // *Мировое и национальное хозяйство*, №1 (36), www.mirec.ru/upload/skeditor/files/mirec-2016-1-habarta.pdf, (дата обращения: 30.10.2017).
- Глинкина С.П. (2016), К вопросу о разнообразии моделей капитализма, или что мы построили в результате трансформации: Доклад. М.: Институт экономики РАН.
- Глинкина С.П., Куликова Н.В., Синицина И.С. (2014), Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2014.
- Дрыночкин А.В. (2015), Проблемы экономической оценки трансформационного развития Вишеградских стран // *Современная Европа*, № 6.
- Польша: политика, экономика, общество (2016) / Воротников В.В., Габарта А.А., Дымшиц Н.С., Лесная Г.М., Мальгин А.В. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2016. – 240 с.
- Постсоциалистический мир: итоги трансформации (2017) / под общ. ред. С.П. Глинкиной: в 3 т. СПб.: Алетейя, 2017. Т. 1. Центрально-Восточная Европа / Отв. ред. Н.В. Куликова.
- Переход стран Центрально-Восточной Европы от социализма к капитализму: особенности и результаты: Сборник статей (2016) // Под ред. С.П. Глинкиной, Н.В. Куликовой. М.: Институт экономики РАН.
- Центрально-Восточная Европа: развитие в новых геополитических реалиях: Монография (2016) / Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН.
- Шишелина Л.Н. (ред., 2010), Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии. М.: Изд-во «Весь мир».
- Шишелина Л.Н., Габарта А.А., Дрыночкин А.В. (2017) Вишеградская четверка в Европейском Союзе: дилеммы конвергенции, Институт Европы, Москва, Сер. № 342 Доклады Института Европы.
- The World Bank. Indicators. data.worldbank.org/indicator/, дата обращения: 30.10.2017.
- UNCTAD. UNCTADSTAT Data Center. unctadstat.unctad.org, дата обращения: 30.10.2017.
- UNDP. Human Development Index and its components. hdr.undp.org/en/content/table-1-human-development-index-and-its-components (дата обращения: 30.10.2017).

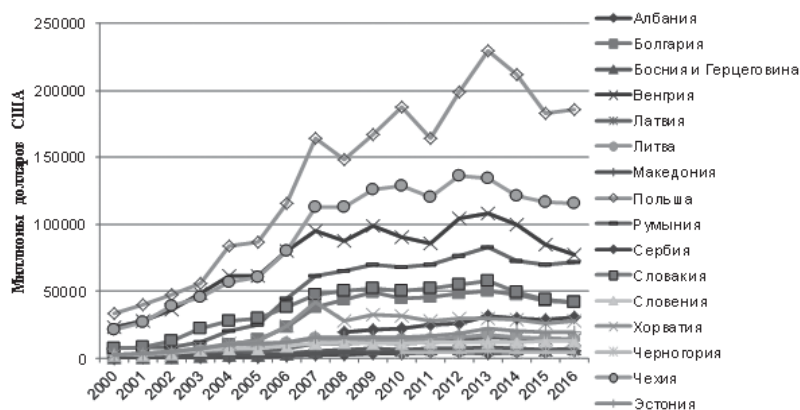
А.В. Голубкин, А.А. Яковлев

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
СТРАН ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
С КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ**

Новым этапом в развитии экономического взаимодействия между Китайской Народной Республикой и странами Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) стала принятая в 2012 г. в Польше китайская инициатива о создании платформы международного сотрудничества с шестнадцатью странами ЦВЕ – «стратегия 16+1». Страны ЦВЕ представляют для КНР стратегически важный регион, что во многом стало следствием проведенных в них трансформаций, направленных на интеграцию с Европейским союзом. Укрепление экономического сотрудничества со странами ЦВЕ за счет двусторонних инвестиционных соглашений и возможных зон свободной торговли поможет Китаю укрепить позиции на желанном для него европейском рынке [Глобализация..., 2017]. Также немаловажным фактором является весомый потенциал стран ЦВЕ в транспортной инфраструктуре (порты, автомобильные дороги, железнодорожные сети), что состыковывается с китайской инициативой «Один пояс – один путь», целью которой является объединение евразийского континента посредством инвестиций и развития торговых маршрутов [Глинкина, Тураева, Яковлев, 2016].

Голубкин Александр Викторович – старший лаборант Института экономики РАН. golubkinaalexander@gmail.com; *Яковлев Артем Александрович* – м. н. с. Института экономики РАН, ассистент (аспирант) МШЭ МГУ имени М.В. Ломоносова. yakovlev.a.a@campus.mse-msu.ru.

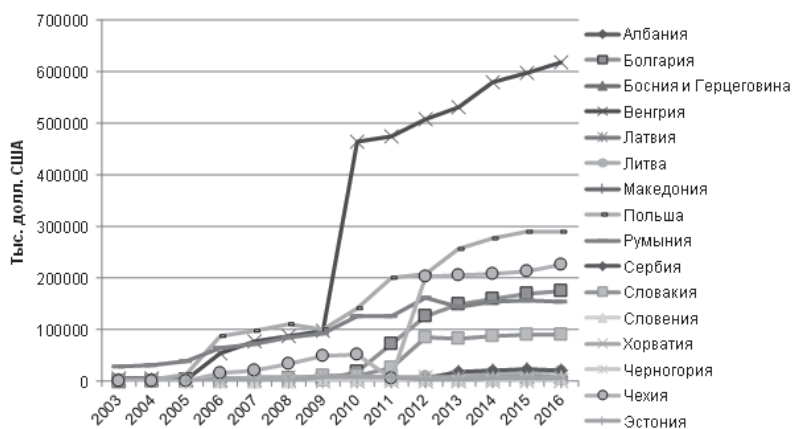

Источник: составлено по данным UNCTADstat. unctadstat.unctad.org
 Рис. 1. Динамика накопленных ПИИ в странах ЦВЕ в 2000—2016 гг.

Кроме того, Центрально-Восточная Европа, согласно оценкам Ernst & Young за 2012 г., занимает третье место в мире по привлекательности для иностранных инвестиций. В 1990-х годах в странах ЦВЕ проводилась либерализация инвестиционных режимов, постепенно снижающая ограничения, связанные с деятельностью иностранных инвесторов, в результате которой в странах ЦВЕ была построена модель зависимого капитализма [Глинкина, 2016], что позволило этим странам на протяжении более чем 20 лет считаться одним из наиболее привлекательных регионов для долгосрочных капиталовложений. Причинами этого стали системная трансформация и открытость экономик для иностранных инвесторов, относительная дешевая рабочая сила и выгодное европейское территориальное расположение, а также общая экономическая безопасность, связанная с членством в международных организациях и вступлением в 2004 г. в Европейский союз, которое еще сильнее повысило интерес у иностранных инвесторов (рис. 1).

Динамика накопленных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) за 2000—2016 гг. свидетельствует о том, насколько успешно были реализованы реформы и либерализация инвестиционных режимов в странах ЦВЕ, поскольку

объем привлеченных ПИИ сильно различается между странами. Некоторые исследователи полагают, что такой неравномерный характер распределения прямых иностранных инвестиций в странах ЦВЕ не может в полной мере быть объяснен традиционными факторами. Помимо традиционных факторов, влияющих на приток ПИИ, значительное влияние оказывают и трансформационные факторы. Очевидно, что после вступления в ЕС конкурентные преимущества новых стран-членов улучшились. Что касается отраслевой структуры распределения иностранного капитала, то большая его часть, около 50% всех инвестиций, поступивших в экономику, сосредоточена в обрабатывающей промышленности [Глинкина, Куликова, 2016]. Активные поступления китайских прямых инвестиций в страны ЦВЕ начались с момента окончания мирового финансового кризиса 2007–2009 гг., который привел к сильным экономическим дисбалансам в регионе (рис. 2).

Источник: данные UNCTADstat. unctadstat.unctad.org.

Рис. 2. Динамика накопленных прямых китайских инвестиций в странах ЦВЕ, 2000–2016 гг.

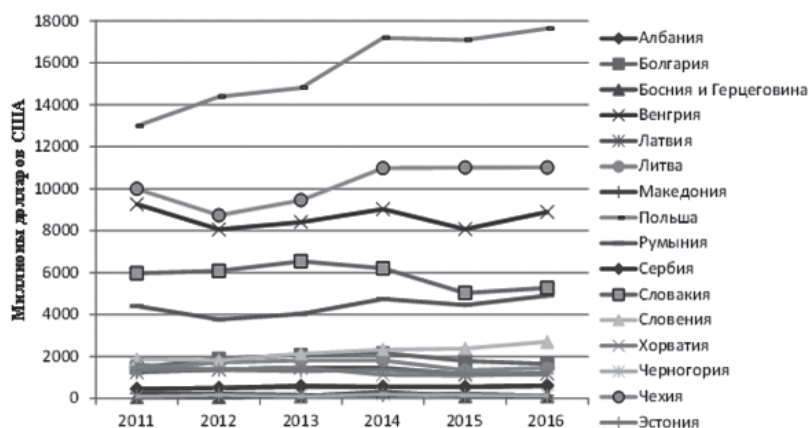
Несмотря на интенсивный рост накопленного китайского капитала в странах ЦВЕ, произошедший в последние годы, роль китайских ПИИ по сравнению со всем инвестированным в регион капиталом по-прежнему мала. Однако значитель-

ный приток китайских капиталовложений сыграл важную роль в восстановлении региона после финансового кризиса. Учитывая мотивацию китайских инвесторов, связанную с перспективами выхода на рынки Европейского союза, наиболее приоритетным направлением инвестиций является производственный сектор стран ЦВЕ, характеризующийся относительно низкими затратами на квалифицированную рабочую силу, с последующей продажей готовой продукции в ЕС. Рынок услуг стран ЦВЕ также с течением времени оказался востребованным у китайских инвесторов. Так, в Польше и Венгрии уже открыты филиалы китайских банков (Банк Китая и Промышленно-коммерческий банк Китая) и офисы крупнейших юридических компаний (Yingke и Dacheng). Что касается таких стран ЦВЕ, как Литва, Эстония и Латвия, то между ними существует конкуренция за привлечение китайского капитала. Однако уже сейчас лидером по накопленным прямым китайским инвестициям среди стран Балтии является Литва, на треть опережая Эстонию. Литва должна стать важной составляющей транзитного маршрута из Китая в Западную Европу в рамках инициативы «Один пояс – один путь».

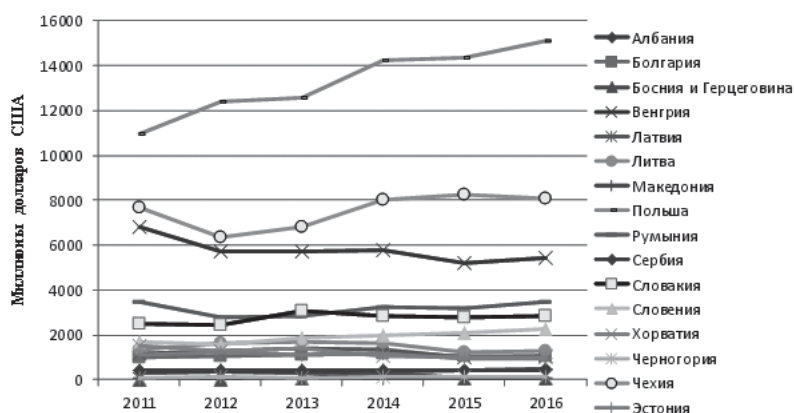
Что касается внешней торговли стран ЦВЕ, то, безусловно, Европейский союз является основным их торговым партнером. Однако в последние годы доля стран Азии в их торговле значительно возросла в основном за счет Китайской Народной Республики, поскольку товарооборот стран ЦВЕ с ней рос наиболее высокими темпами (рис. 3).

В настоящее время Китай стал одним из ключевых торговых партнеров стран ЦВЕ среди стран Азии, причем особенно большими объемами торговли с КНР выделяются страны Вышеградской группы. Положительная динамика роста прослеживается как в экспорте в КНР (рис. 4), так и в импорте (рис. 5) стран ЦВЕ из Китайской Народной Республики.

Что касается экспорта стран ЦВЕ в Китай, то он не является однородным по своей структуре и технологическому уровню экспортируемой продукции. Так, основными позициями экспорта в КНР в Словакии, Венгрии, Чехии стали

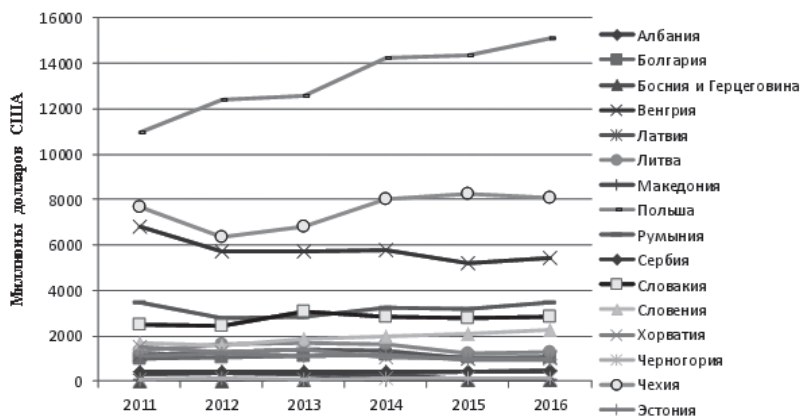
Источник: составлено по данным UN Comtrade. comtrade.un.org/data
 Рис. 3. Динамика товарооборота стран ЦВЕ с Китайской Народной Республикой, 2011–2016 гг.

Источник: составлено по данным UN Comtrade. comtrade.un.org/data
 Рис. 4. Динамика экспорта стран ЦВЕ в Китайскую Народную Республику, 2011–2016 гг.

высокотехнологичная продукция автомобильной и электронной промышленности, тогда как ключевыми экспортными статьями Польши, Болгарии и Румынии являются цветные металлы (медь и др.), а также дерево. Латвия, Литва и Эстония постепенно выходят на продовольственные рынки Китая в основном за счет молочной продукции.

Источник: составлено по данным UN Comtrade. comtrade.un.org/data.
Рис. 5. Динамика импорта стран ЦВЕ из Китайской Народной Республики, 2011–2016 гг.

Импорт стран ЦВЕ из Китая более однороден и в основном состоит из готовой продукции. Общей чертой торговли с Китаем для всех стран ЦВЕ является нарастающее отрицательное сальдо торгового баланса.

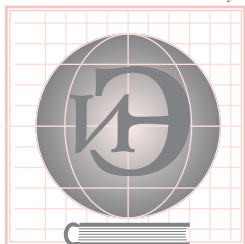
Китай намерен укреплять торговое сотрудничество со странами ЦВЕ и выходить через них на рынок Евросоюза, что подтверждается включением этих стран в инициативу «Один пояс — один путь». Новые транспортные коридоры сократят время на доставку грузов и будут способствовать увеличению товарооборота, в особенности китайского экспорта [Яковлев, 2017].

В целом развитие экономических отношений Китая со странами ЦВЕ в рамках стратегии «16+1» можно считать взаимовыгодным [Яковлев, Голубкин, 2017]. С одной стороны, укрепление экономических связей с КНР стимулирует приток в регион китайского капитала, необходимого для модернизации инфраструктуры этих стран, с другой — Китайская Народная Республика получит новые логистические маршруты для своей продукции и укрепит позиции на европейском рынке.

ЛИТЕРАТУРА

- Глобализация экономики Китая. Всеобъемлющее стратегическое партнерство Китая с Россией / Отв. ред. Л.А. Аносова. М: Эдитус, 2017.
- Глинкина С.П., Тураева М.О., Яковлев А.А. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза. М: Институт экономики РАН, 2016.
- Глинкина С.П. К вопросу о разнообразии моделей капитализма, или Что мы построили в результате трансформации: доклад. М: Институт экономики РАН, 2016.
- Глинкина С.П., Куликова Н.В. Трансформация в странах Центрально-Восточной Европы: ожидания и реалии // Научные труды Вольного экономического общества России. 2016. Т. 201. С. 605–624.
- Яковлев А.А. Перспективы торгового сотрудничества между странами постсоветского пространства и Китайской Народной Республикой (расчеты на основе гравитационной модели взаимодействия) // Инновации и инвестиции. 2017. №2. С. 57–60.
- Яковлев А.А., Голубкин А.В. К вопросу об экономическом сотрудничестве Китая со странами Центрально-Восточной Европы // Экономика и управление. 2017. №9(143). С. 13–19.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

www.inecon.ru

Россия и Польша перед лицом общих вызовов

Научное издание

Дизайн серии – Валериус В.Е., Ахмеджанова В.А.

Компьютерная верстка – Хацко Н.А.

Подписано в печать 09.10.2018.

Заказ № 36. Тираж 300 экз. Объем 18,5 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭРАН

ISBN 978-5-9940-0633-7

9 785994 006337